2024. Vol. 17. Is. 2

ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

Oriental Studies (Elista)

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ORIENTAL STUDIES • 2024 • 17 (2)

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2024. Т. 17. № 2

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:
история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение,
этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)
ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487
Выходит 6 раз в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина,
358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия)

Редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
Адрес редакции, издателя и типографии:
д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия
Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: https://kigiran.elpub.ru/jour

© КалмНЦ РАН, 2024
© Коллектив авторов, 2024

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The **mission** of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:
History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)
ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.
Registration record ПИ No. ФС77-76487
Published six times a year

Founding Institution: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilishkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:
8, Ilishkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: https://kigiran.elpub.ru/jour

© Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2024
© Authors, 2024

Главный редактор
канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:
чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Барея-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
канд. филол. наук *А. Т. Баянова* (Россия, г. Элиста);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор); д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Л. С. Дампилова*, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г.Улан-Удэ); проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин); чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *О. А. Мудрак*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *Ю. В. Норманская*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдиков*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
канд. филол. наук *Г. М. Ярмаркина*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

Редактор: *Р. Г. Саряева*
Переводчик: *С. В. Джагрунов*
Дизайн: *Д. В. Татнинов*
Компьютерная верстка: *А. Н. Когданов*
Ответственный секретарь: *С. В. Мирзаева*

Editor-in-Chief
Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief
Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board
Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
Cand. Sc. (Philol.) *A. Bayanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *O. A. Mudrak*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia;
Dr. Sc. (Philol.) *Yu. V. Normanskaya*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia); Dr. Sc. (Philol.) *G. Ts. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia); Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
Dr. Sc. (Philol.) *A. D. Tsendina*, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow);
Cand. Sc. (Philol.) *G. Yarmarkina*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *R. Saryaeva*
Translator: *S. Dzhagrunov*
Design: *Dz. Tatninov*
Page layout: *A. Kogdanov*
Executive Secretary: *S. Mirzaeva*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

Абдуманапов Р. А. Кипчаки в социально-административной системе империи Тимура и его политических наследников 244

Макеева С. Б. История регионально-демографического развития китайской северо-восточной провинции Цзилинь (1949–1979 гг.) . . . 259

Отечественная история

Тепкеев В. Т. Русско-калмыцкие переговоры и заключение шерти 1677 г. 270

Максимов К. Н. Калмыки-казаки в этнической политике в сфере образования администрации Войска Донского (XIX – начало XX в.) . . . 283

Кабульдинов З. Е., Черепанов К. В., Касымова Д. Б. Роль и место Д. А. Кунаева в истории советского Казахстана 298

Источниковедение

Бобров Л. А., Кушкумбаев А. К., Сабитов Ж. М., Мылтыкбайулы А. У. «Уложение Тимура» как источник по тактическому искусству чагатайских войск последней трети XIV – начала XV вв. 320

Саитбатталов И. Р. Тюркоязычный дневник Инша Аллах Хана Инша как литературный памятник 335

Курапов А. А. Рыбный промысел в Астраханской губернии в описаниях путешественников и участников экспедиций Петербургской академии наук XVIII в. 344

Археология

Ломан В. Г. Технология гончарства населения раннего железного века Казахского мелкосопочника (Сарыарки) 354

Бембеева Л. А. Половозрастная структура населения позднесарматского времени на территории Республики Калмыкия (по материалам археологических раскопок 1974–1982 гг.) 373

Этнология и антропология

Содномпилова М. М. Сакральное пространство этнической Бурятии: культ целебных родников 389

Титова Т. А., Козлов В. Е., Фролова Е. В. Особенности адаптации молодых мигрантов из Центральной Азии в Республике Татарстан (по материалам социо-антропологического исследования) 401

Языкознание

Куканова В. В., Чушкаева З. И. Дунсянский язык: некоторые вопросы системы вокализма 413

Сян Янань, Богданова-Бегларян Н. В. О китайских переводах прагматических маркеров-аппроксиматоров русской повседневной речи (на материале речи персонажей в художественных текстах) 426

Фольклористика

Николаева Н. Н., Нолев Е. В. К вопросу об отождествлении Гэсэра и Чингис-хана. Часть 1. Контаминация образов в фольклоре и исторической памяти народов Сибири и Внутренней Азии 440

CONTENTS

General History

Abdumanapov R. A. The Empire of Amir Timur and His Political Successors: Kipchaks in Social and Administrative Structures 244

Makeeva S. B. Jilin Province of China, 1949–1979: History of Regional and Demographic Development 259

National History

Tepkeev V. T. Russian-Kalmyk Negotiations and the *Shert'* of 1677 270

Maksimov K. N. Administrative Office of Don Host Oblast, Nineteenth to Early Twentieth Centuries: Kalmyk Cossacks in Education-Related Ethnic Policy 283

Kabuldinov Z. Y., Cherepanov K. V., Kassymova D. B. '*You Choose No Time to Live and Die*': Dinmukhamed A. Kunayev and His Time 298

Sources Studies

Bobrov L. A., Kushkumbayev A. K., Sabitov Zh. M., Myltykbayuly A. U. *Tuzūkāt-i Tīmūrī* as a Source on Chagatai Military Tactics, Late Fourteenth to Early Fifteenth Centuries 320

Saitbattalov I. R. *The Turki-Language Diary* of Insha Allah Khan Insha as a Literary Monument 335

Kurapov A. A. Fishing Industry in Eighteenth-Century Astrakhan Governorate: Eyewitness Accounts of Travelers and St. Petersburg Academy of Sciences Expeditionists 344

Archaeology

Loman V. G. Early Iron Age Pottery Technology of the Kazakh Uplands (Saryarqa) 354

Bembeeva L. A. Age-Sex Structure of Kalmykia's Late Sarmatian Population: Analyzing Materials of 1974–1982 Excavations 373

Ethnology & Anthropology

Sodnompilova M. M. Sacral Space of Ethnic Buryatia: The Cult of Healing Springs 389

Titova T. A., Kozlov V. E., Frolova E. V. Adaptation Practices of Young Central Asian Migrants in Tatarstan: A Socioanthropological Survey 401

Linguistics

Kukanova V. V., Chushkaeva Z. I. More on Dongxiang Vowel System 413

Xiang Yanan, Bogdanova-Beglarian N. V. On Chinese Translations of Colloquial Russian Pragmatic Approximator Markers: Analyzing Speech Patterns from Literary Fiction 426

Folklore Studies

Nikolaeva N. N., Nolev E. V. Identifying [between] Geser and Genghis Khan. Part 1: Contamination of Images in Folklore and Historical Memories of Central and Inner Asia 440

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 2, Pp. 244–258, 2024
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 94(100)»05/…» (=575+581)
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-244-258

Кипчаки в социально-административной системе империи Тимура и его политических наследников

Рустам Абдубаитович Абдуманапов[1]

[1] Национальный исследовательский Томский государственный университет (д. 36, пр. Ленина, 634050 Томск, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент
0000-0003-4628-622X. E-mail: manap[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024
© Абдуманапов Р. А., 2024

Аннотация. *Введение*. Исследование кипчакского этнического компонента в истории Центральной Азии является очень важным направлением, позволяющим реконструировать исторические процессы, происходившие на территориях обширного евразийского континента. Этот компонент изучался в рамках истории многих этносов и государственных образований Центральной Азии, однако за рамками внимания исследователей оказался вопрос участия кипчакских племен в истории государств эмира Тимура и его потомков. *Цель и задачи* исследования: на основе анализа различных источников определить место кипчакских племен в социально-административной системе государств эмира Тимура и его потомков. *Материалы и методы*. В статье проводится анализ таких источников, как «Сират ас-султан Джалал Ад-дин Манкбурны» («Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны») Шихаб ад-Дина Мухаммада ибн Ахмада ан-Насави, «Розномаи газовоти Хиндустон» («Дневник похода Тимура в Индию») Гийасаддина Али ибн Жамол ал-Ислама Йазди, «Матла’ ас-са’дайн ва маджма’ ал-бахрайн» («Восход двух благоприятных созвездий и слияние двух океанов») Абд ар-Раззака Самарканди, «Зафар-нама» («Книга побед») Низам ад-Дина Шами, «Зафар-нама» («Книга побед») Шараф ад-Дина Али Йазди, «Му’изз ал-ансаб» («Прославляющее генеалогии»), «Та’рих-и Рашиди» («Рашидова история») Мирзы Мухаммад Хайдара, «Бобур-нама» Захир ад-Дина Бабура, «Аджайиб ал-макдур фи тарихи Таймур» («Чудеса судьбы истории Тимура») Ибн Арабшаха, «Раузат ас-сафа фи сират ал-анбия ва-л-мулук ва-л-хулафа» («Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов») Мухаммед ибн Хонд-шах ибн Махмуда (Мирхонда), «Зубдат ал-Таварих» («Сливки летописей») Хафиз-и Абру и «Мин Ши лу» («Подлинные записи династии Мин»). На основе анализа различных источников впервые определяется степень участия кипчаков в политической и административной структуре государств эмира Тимура и его потомков. *Выводы*. Данные источников показывают, что представители кипчакских племен входили в самый близкий круг сподвижников эмира Тимура, занимали высокие должности — эмиров дивана, тувачи, эмиров туменов, хранителей печати и т. д. Выделяется несколько групп кипчаков — в составе улуса Ильчикдай, кипчаков, связанных с джалаирами, отдельных групп, находившихся под управлением различных эмиров. Во времена тимуридов были сформированы несколько семейных кланов кипчаков, которые входили в состав высшей управленческой элиты государств эмира Тимура и его потомков.

Ключевые слова: кипчаки, Тимур, тимуриды, улус Ильчикдай, джалаиры, Моголистан, чагатаи, Чагатайский улус, Аббас бахадур, Сары Буга бахадур, Шейх Нур ад-Дин

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН № BR18574101).
Для цитирования: Абдуманапов Р. А. Кипчаки в социально-административной системе империи Тимура и его политических наследников // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 2. С. 244–258. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-244-258

The Empire of Amir Timur and His Political Successors: Kipchaks in Social and Administrative Structures

Rustam A. Abdumanapov[1]

[1] National Research Tomsk State University (36, Lenin Ave., 634050 Tomsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
0000-0003-4628-622X. E-mail: manap[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024
© Abdumanapov R. A., 2024

Abstract. *Introduction*. Insights into the Kipchak ethnic component of Central Asian history are a very important field instrumental in reconstructing actual processes across the vast Eurasian territories. The component has been studied within diverse ethnic and national histories of the region but the impact of Kipchak tribes in the history of the Timurid Empire and its successor states remains as uninvestigated. *Goals*. The paper analyzes a variety of sources to delineate the place of Kipchak tribes in social and administrative structures of Amir Timur's empire and domains of his descendants. *Materials and methods*. The article examines *The Life of [Sultan] Jalal al-Din Mangburni* by Shihab al-Din Muhammad al-Nasawi, *The Chronicles of Amir Timur' Invasion of India* by Ghiyas-ud-din Ali, *The Rise of the Two Auspicious Constellations and the Confluence of the Two Oceans* by Abd-al-Razzāq Samarqandī, *The Book of Victories* by Nizam al-Din Shami, *The Book of Victories* by Sharaf ad-Din Ali Yazdi, *The Glorifier of Genealogies, Tarikh-i Rashidi* by Mirza Muhammad Haidar, *Babur-nama* by Zahiru'd-din Muhammad Babur, *Miracles of Fate in the History of Timur* by Ahmed ibn Arabshah, *Ming Shilu* (*Ming Veritable Records*), etc. Our analysis of such various sources based on the principle of historicism with the aid of special historical methods concludes as to the degree of Kipchaks' participation in political and administrative structures of the mentioned states. *Conclusions*. The considered sources attest to representatives of Kipchak tribes were close enough to associates of Amir Timur and would hold high positions, acting as *emirs* of *diwans*, *tuvachis*, *emirs* of *tumens*, seal keepers, etc. There were several groups of Kipchaks — ones in the Ilchikdai Ulus, Kipchaks associated with Jalairs, separate communities ruled by various emirs. The Timurid era witnessed the shaping and rise of several Kipchak clans that served as executives in the states of Amir Timur and his descendants.
Keywords: Kipchaks, Chagatai Ulus, Timur, Tamerlane, Timurids, Ilchikdai Ulus, Jalairs, Moghulistan, Chagatais, Abbas Bahadur, Sary Buga Bahadur, Sheikh Nur ad-Din
Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. ИРН BR18574101.
For citation: Abdumanapov R. A. The Empire of Amir Timur and His Political Successors: Kipchaks in Social and Administrative Structures. *Oriental Studies*. 2024; 17 (2): 244–258. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-244-258

1. Введение

Изучение кипчакского этнического компонента в истории Центральной Азии является важной частью исследования общей истории евразийского континента. Кипчакские племена, к XIII в. занявшие огромные территории от Алтайских до Балканских гор, сыграли большую роль в истории многих государств континента. Как этнический компонент они вошли в состав многих народов Евразии. И если в отношении большинства этих народов вопросы участия кипчакского компонента в этногенезе и этнической истории изучены достаточно хорошо[1], то в отношении многих государственных образований региона такие исследования не

[1] См.: [Шаниязов 1974; Этнический атлас 2002; Абдуманапов 2015; Муканов 1974].

проводились. За рамками специальных исследований оказались вопросы, связанные с участием кипчакских племен в истории империи Тимура и его политических наследников[1]. Настоящее исследование ставит целью определить место кипчакских племен в социально-административной системе государств эмира Тимура и его потомков. На основе анализа различных источников впервые определяется степень участия кипчаков в политической и административной структуре государств эмира Тимура и его потомков.

Проникновение кипчаков на территорию Мавераннахра относится к концу X в., когда после распада Кимакского каганата происходит постепенное их возвышение и экспансия по всем сторонам света. Эти процессы усиливаются в период образования державы хорезмшахов. Правители Хорезма из династии Ануштегинидов имели тесные брачные связи с кипчакскими ханами, что привело к переселению в Мавераннахр большого количества их соплеменников. Царевич Ала ад-Дин Текиш, управлявший пограничным с кипчаками городом Джендом, женился на Теркен-хатун, дочери одного из кипчакских ханов. Как сообщает ан-Насави, «кипчакские племена были связаны с этим домом (хорезмшахов) дружбой и любовью, так как и в давние времена, и ныне у них рождались дети только от матерей из числа посватанных и введенных в этот дом дочерей кипчакских владык» [ан-Насави 1996: 213]. В последовавшей после смерти хорезмшаха Иль-Арслана борьбе за престол Ала ад-Дин Текиш использовал кипчаков в борьбе со своим братом Султан-шахом [Буниятов 1986: 41]. После воцарения хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада в государстве значительно усилилось влияние его матери Теркен-хатун, а также ее кипчакских родственников. Летописец ан-Насави отмечает, что «…султан никогда не противоречил ее приказанию — ни в малых делах, ни в больших, ни в значительных, ни в незначительных — по двум причинам: во-первых, из-за родительской любви, которую она уделила ему, и, во-вторых, из-за того, что большинство эмиров государства были из ее рода и вместе с ними он боролся против хита'и и отнял у них власть» [ан-Насави 1996: 68]. Именно поэтому, когда на'иб Отрара кипчакский эмир Каир-хан конфисковал монгольский купеческий караван, что послужило поводом для войны с монголами, хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад отказался выдать его Чингис-хану. По сообщению ан-Насави, «он не мог отправить его к нему (Чингиз-хану. — *Р. А.*), потому что большая часть войск и эмиры высоких степеней были из родни Инал-хана. Они составляли узор его шитья и основу его узла и распоряжались в его государстве» [ан-Насави 1996: 75]. Все это говорит о большом количестве кипчаков, вошедших в административную структуру государства хорезмшахов.

Последующее завоевание Мавераннахра монголами во главе с Чингис-ханом привело к крушению державы хорезмшахов. Кипчаки, как основная военная сила хорезмшахов, уничтожались, частично уходили на запад, некоторые из них инкорпорировались в племенные объединения новых завоевателей. При формировании монгольских улусов Мавераннахр стал частью Чагатайского улуса. С этого времени и вплоть до формирования государства эмира Тимура кипчаки выпадают из поля зрения источников. В созданном эмиром Тимуром государстве кипчаки становятся частью чагатайских племен, что подтверждается фактами наличия топонимов Кипчак в районах расселения прямых потомков чагатайских племен — современных узбеков племенной группы тюрк и тюрк-ромити — в долине реки Яхсу севернее Куляба и на правобережье реки Ширкант, о чем пишет Б. Х. Кармышева. Она также уточняет, что участие кипчаков в формировании тюрков вполне вероятно, так как зафиксировано пребывание кипчаков в соседнем Хорасане еще в XI в. [Кармышева 1976: 162, 170].

2. Материалы и методы

Для достижения основной задачи исследования привлекаются сведения широкого круга источников, описывающих историю Центральной Азии, в том числе историю государства эмира Тимура, а также государственных образований, которыми правили его прямые потомки. Это такие источники, как:

– «Сират ас-султан Джалал Ад-дин Манкбурны» («Жизнеописание султа-

[1] Правление эмира Тимура датируется 1370–1405 гг., временные рамки государств тимуридов ограничиваются 1405–1507 гг.

на Джалал ад-Дина Манкбурны») Шихаб ад-Дина Мухаммада ибн Ахмада ан-Насави,

– «Розномаи газовоти Хиндустон» («Дневник похода Тимура в Индию») Гийасаддина Али ибн Жамол ал-Ислама Йазди,

– «Зафар-нама» («Книга побед») Низам ад-Дина Шами,

– «Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн» («Восход двух благоприятных созвездий и слияние двух океанов») Абд ар-Раззака Самарканди,

– «Зафар-нама» («Книга побед») Шараф ад-Дина Али Йазди,

– «Му'изз ал-ансаб» («Прославляющее генеалогии»),

– «Та'рих-и Рашиди» («Рашидова история») Мирзы Мухаммад Хайдара,

– «Бобур-нама» Захир ад-Дина Бабура,

– «Аджайиб ал-макдур фи тарихи Таймур» («Чудеса судьбы истории Тимура») Ибн Арабшаха,

– «Раузат ас-сафа фи сират ал-анбия ва-л-мулук ва-л-хулафа» («Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов)» Мухаммед ибн Хонд-шах ибн Махмуда (Мирхонда),

– «Зубдат ал-Таварих» («Сливки летописей») Хафиз-и Абру,

– «Мин Ши лу» («Подлинные записи династии Мин»).

Методологической основой исследования является принцип историзма в понимании диалектики этнокультурных процессов, который предусматривает изучение исследуемых явлений и процессов в их конкретно-исторической обусловленности и развитии, выяснение специфики исторических реалий с учетом пространственно-временных связей. В исследовании также используется методика компонентного анализа этнического состава, которая широко применяется при разработке этногенетической проблематики и позволяет широко применять данные по родоплеменному составу, лингвистические сведения и исторические материалы. Исследование племенных объединений государств эмира Тимура и его потомков позволяет воссоздать различные аспекты участия кипчакского компонента в истории народов Центральной Азии. Эта реконструкция основывается на понимании того, что изучение этногенетических процессов невозможно без анализа отдельных этнических компонентов. Взаимодействие этих элементов представляет собой постоянное и непрерывное наложение новых этнических компонентов на старые, которые в свою очередь являются продуктом смешения более ранних по времени компонентов [Селезнев 1994: 17–18].

3. Кипчакские племена в истории государств Тимура и его потомков

Проблема участия кипчакских племен в истории государств эмира Тимура и его потомков оказалась за рамками специальных исследований историков. Кипчакские племена лишь опосредованно упоминаются в трудах некоторых ученых, изучавших историю этих государств, их административный аппарат, племенную структуру и т. д. Одной из первых, кто затронул проблему вхождения кипчакских племен в состав чагатайских племен, была Б. Х. Кармышева, которая рассмотрела этот вопрос сквозь призму изучения истории узбекского и таджикского народов [Кармышева 1976: 323]. Кипчакские племена также упоминаются в трудах Беатрис Манз, которая подробно исследовала историю государств эмира Тимура и его потомков, рассмотрела генезис власти эмира Тимура, роль и значение племенных объединений в становлении его державы [Manz 1983; Manz 1989; Manz 2007]. Г. А. Федоров-Давыдов, рассмотревший этнические процессы Центральной Азии в XIII–XV вв., упоминает кипчаков в составе армии эмира Тимура, а также включает их в состав чагатаев [Федоров-Давыдов 1990: 76, 80]. Племенная аристократия государств эмира Тимура и его потомков на основе данных сочинения «Му'изз ал-ансаб» подробно изучена исследователем Широ Андо [Ando 1992]. Племенной состав чагатаев, а также вопрос о наличии племени кипчак в списке родов и племен кочевников Западного Туркестана рассматриваются Т. И. Султановым [Султанов 2017].

Восхождение к власти эмира Тимура происходило в период распада Чагатайского улуса на две части, обусловленного различиями между его западной и восточной областями, которые составляли два хозяйственно-культурных ареала, — Мавераннахра и Моголистана. Власть эмира Тимура была основана на военной мощи местных кочевых тюрко-монгольских племен — чагатаев, в составе которых фиксируются несколько

объединений кипчакских племен. Наиболее многочисленными были кипчакские племена улуса Ильчикдай, а также кипчаки, тесно связанные с племенами джалаиров, базировавшимися в регионе Ходжента. Кроме того, были также известны кипчакские племена Кандагара и Заминдевара, находившиеся под командованием эмира Зу-н-Нун Аргуна.

В 1370 г. после захвата крепости Балх и убийства своего соперника эмира Хусейна эмир Тимур созывает традиционный для кочевой знати курултай. По сообщению Шараф ад-Дина Али Йазди, «все беки Чагатаева улуса собрались там, как-то амир Шайх Мухаммад Баян Сулдуз, амир Кайхусрав Хутталани, Улджайту Апарди, Муаййид Арлат, Давуд Дуглат, Сары Буга Джалаир, Джаку Барлас, Зинда Чашм Апарди, Шах Мухаммад, шах Бадахшана, Хусайн Бахадур и другие беки с господами жизни, как Саййид Барака и хандзады Термеза, как Хандзада Абу Маали и его брат Хандзада Али Акбар — все они, единодушно согласившись, сочли государя достойным шахского трона, все ему подчинились и принесли присягу как государю и зачитали молитву» [Йазди 2008: 69]. Курултай официально закрепляет факт образования нового государства в западной части бывшего Чагатайского улуса. Создание этого государства произошло благодаря личным качествам и харизме эмира Тимура, сумевшего консолидировать вокруг себя кочевую и оседлую элиту Мавераннахра. В движении к власти эмиру Тимуру пришлось противостоять как интересам местной родоплеменной знати, так и попыткам покорения региона соседними могольскими ханами. Основной его опорой были воинские контингенты родного племени барлас, из числа которых в окружении эмира Тимура было известно множество эмиров — Джаку, Бурундук, Мубарак-шах, Йадгар, Мурад, Лал, Худайдад-Чини, Мирка, Аргун, Таваккул, Чин, Мухаммад-Дарвиш, Рустам Тагай-Буга, Шайх Мухаммад-Байан, Жахан-шах, Шах Малик, Бухлул, Исмаил и другие [Му'изз ал-ансаб 2006: 117–119].

Помимо барласов, в начальный период своего движения к власти эмир Тимур опирался на вождей многочисленных кочевых племен, которым даровал звания эмиров и тувачи[1]. Позднее из-за частых их измен и мятежей ему пришлось сформировать новую элиту уже из числа своих верных сподвижников [Manz 1989: 118–120]. Вокруг эмира Тимура сложилась большая группа приверженцев, которая именовалась термином «hāṣṣ wa bandagān wa hawādārān» — буквально «личные и благожелательные последователи» [Ando 1992: 65]. В эту группу, кроме барласов, входили представители других племен региона — дуглатов, найманов, дурбатов, каучинов, санжари-туркменов, джалаиров, нукузов, сулдузов, арлатов, ясавури, апарди, караунасов и кипчаков.

Стоит отметить, что эти эмиры из круга «личных и благожелательных последователей» в свою очередь опирались на воинские контингенты своих соплеменников, а также те подразделения, которые нередко отдавались под их власть в результате дробления тех или иных мятежных племен.

3.1. Кипчаки улуса Ильчикдай

По данным сочинения «Му'изз ал-ансаб», в государстве эмира Тимура самым многочисленным и влиятельным, после родного его племени барласов, был так называемый улус Ильчикдай. Это объединение состояло из четырех племенных групп — дурбатов, нукузов, найманов и кипчаков. По предположению Широ Андо, улус Ильчикдай был назван по имени чагатайского хана Ильчигидая, правившего Чагатайским улусом с 1327 г. по 1330 г. [Ando 1992: 88]. Он совершенно правильно уловил связь этого улуса с чагатайским ханом Ильчигидаем, однако не уточнил истоки возникновения этого племенного объединения. Известно, что во время своего правления чагатайский Ильчигидай-хан совершил поход на север против киргизов, после чего он продвинулся к Иртышу, где захватил в плен местных «лесных жителей» («бишенишинан)» и переселил их «в центральные районы своей „богохранимой страны“» [Султанов 2006: 159]. Есть веские основания предполагать, что эти переселенные в Мавераннахр «лесные» племена и сформировали отдельный улус Ильчикдай. Впоследствии именно племена улуса Ильчикдай вместе с барласами стали главной военной опорой эмира Тимура в противостоянии многочисленным племенным кланам, оспаривавшим его власть.

[1] Tuwāčī / тувачи / туваджи / тавачи — должностное лицо, ведавшее сбором, организацией и учетом войск, передававшее отрядам приказания.

Самым известным кипчакским эмиром улуса Ильчикдай был Аббас Бахадур, входивший в число самых ближайших сподвижников эмира Тимура [Му'изз ал-ансаб 2006: 117–119]. Он руководил мобилизацией войск в районе Кеша в 1363/1364 г. В знаменитой «грязевой битве» в 1365 г. он сражался в центре армии, впоследствии управлял племенем джалаир, вел переговоры от лица эмира Тимура с эмиром Хусейном [Ando 1992: 99]. В 1370 г. он был назначен «эмиром войска и тувачи» [Буриев 2002: 39–40]. По справедливому замечанию Широ Андо, Аббас Кипчак, наряду с Давудом Дуглатом, Джаку Барласом и Сайф ад-Дином Нукузом, стал одним из четырех эмиров, «которых Тимур вывел на высший уровень государственной или военной власти в 1370 г. [Ando 1992: 393]. В 1387 г. Аббас Бахадур принимал участие в Джулекской битве с ордынцами, был ранен стрелой, от которой впоследствии и умер [Шами 2006: 217].

Так сложилось, что Аббас Бахадур сформировал влиятельный семейный клан, служивший тимуридам вплоть до конца XV в.

Упоминается первый сын Аббаса Бахадура по имени Умар, умерший в Луристане в 1386 г. [Ando 1992: 101].

Другой его сын Усман Бахадур вплоть до середины 90-х гг. XIV в. оставался одним из ключевых военачальников армии Тимура. Именно под его управление эмир Тимур передал кипчакские племена [Manz 1989: 76]. По предположению Л. А. Боброва, в «кипчакский кошун» Усман Бахадура, помимо собственно кипчаков, входили также отряды кочевников из Дешт-и Кипчака из числа бывших подданных хана Тохтамыша [Бобров 2018: 31]. Усман Бахадур был удостоен должностей эмира дивана, эмира тумена и тувачи, он также был атабеком сына Шахруха — царевича Ибрагим-Султана. Впоследствии (в 1396 г.) в результате дворцовых интриг он был казнен Шахрухом [Ando 1992: 100]. Сын Усман Бахадура — эмир Сайиди Ахмад при дворе Шахруха занимал должность ахтачи — придворного конюха [Ando 1992: 163], затем был хранителем печати у царевича Ибрагим-Султана [Му'изз ал-ансаб 2006: 167]. Малик Мухаммад, сын Сайиди Ахмада, был эмиром двора Хусейна Байкары [Ando 1992: 210]. Другой сын — Султан Байазид был эмиром дивана при царевиче Ибрагим-Султане [Му'изз ал-ансаб 2006: 166]. В 1408 г. он принимал участие в мятеже эмира Джахан Мулька против Шахруха, был схвачен, но потом помилован в результате заступничества царевича Ибрагим-Султана, атабеком которого ранее был его отец Усман Бахадур. В походе армии Шахруха на Мавераннахр Султан Байазид находился на правом фланге под командованием Мухаммада Гияс Тархана [Ando 1992: 163].

Еще один сын Аббаса Бахадура — Шамс ад-дин был удостоен званий эмира тумена и тувачи. В 1390 г. он был удостоен звания «Великого тувачи» [Ando 1992: 91]. По данным Шараф ад-Дина Али Йазди, ему была отдана крепость Кемаха [Йазди 2008: 313]. Его дочь Пайанда Султан-Бигим была супругой царевича Умара, сына Миран-Шаха [Му'изз ал-ансаб 2006: 146]. Возможно, именно близость к семье Миран-Шаха отразилась на том, что он сыграл важную роль при воцарении Халил Султана — родного брата его зятя. В это время он находился в составе правого крыла под главенством именно Халил Султана. Зимой 1407/1408 г. Шамс ад-дин погиб в Андижане в сражении армии Халил-Султана с эмирами Худайдадом и Хусейном Барласом, после чего был похоронен в Самарканде [Ando 1992: 100].

Упоминаются также другие сыновья Аббаса Бахадура — эмир Хаджи Абдаллах, Хасан Жандар и Мухаммед. Первый, Хаджи Абдаллах, занимал пост губернатора Хорасана, когда его отца Аббаса Бахадура вызвали в Самарканд. Он называется также в числе эмиров левого крыла под командованием Умара, сына Миран-Шаха [Ando 1992: 101]. Его сын — эмир Сайф ал-Мулк был тувачи в администрации царевича Улугбека [Му'изз ал-ансаб 2006: 162]. Хасан Жандар при эмире Тимуре был «эмиром кошуна» [Му'изз ал-ансаб 2006: 118], затем в 1397 г. вошел в состав свиты царевича Шахруха. После смерти эмира Тимура он был в числе эмиров, присягнувших царевичу Шахруху, позднее он занимал должность эмира дивана, был тувачи и командовал туменом. В апреле 1408 г. он вместе со своими сыновьями принимал участие в уже упомянутом выше мятеже эмира Джахан Мулька. Вынужден был бежать в Исфахан к царевичу Мирзе Рустаму, сыну Умар-Шейха. После поражения Мирзы Рустама в битве с братьями Пир Мухаммадом и Искандером Хасан

Жандар уходит в Шираз к Пир Мухаммеду, затем прибивается к царевичу Искандеру, совершает паломничество в Мекку. Умирает в Фарсе между 1410 г. и 1414 г. [Ando 1992: 164]. В «Му'изз ал-ансаб» упоминается эмир Хасан Ака — «амир тумана, дивана, тувачи, который, взбунтовавшись, уехал для совершения паломничества к Ка'бы, на обратном пути умер, из племени Илчикдайа» [Му'изз ал-ансаб 2006: 153]. По справедливому замечанию Широ Андо, речь идет именно о Хасан Жандаре [Ando 1992: 164]. Один из его сыновей — Юсуф Жалил был удостоен звания тувачи при эмире Тимуре [Му'изз ал-ансаб 2006: 118]. Командовал туменом при левом крыле армии царевича Шахруха, осенью 1403 г. занимал должность даруги Йезда. В 1405 г. вместе с отцом присягнул на верность царевичу Шахруху. После мятежа эмира Джахан Мулька вместе с отцом бежал в Фарс [Manz 2007: 24]. Будучи эмиром царевича Искандера, в 1414 г. попал в плен во время защиты города Савы от войск Шахруха. Был помилован Шахрухом, после чего ему и его брату Шайх Хаджи были отданы под управление отдельные тумены. В 1441 г. был убит в битве с вторгнувшимися в Мазендеран узбеками. Сын Юсуф Жалила эмир Баба Хасан входил в свиту тимурида Абу ал-Касим Бабура [Ando 1992: 163].

Еще один сын Аббаса Бахадура — эмир Мухаммед — также командовал туменом при дворе царевича Шахруха [Ando 1992: 163].

Высокий статус имел брат Аббаса Бахадура — эмир Хитай Бахадур, который вместе с Шайх Али Бахадуром и Ак Тимуром Дурбетом входил в число «бузург ва калантар-и», т. е. «Великих магистров», кроме того, в списке бахадуров эмира Тимура он занимал первое место [Ando 1992: 102]. Хитай Бахадур отличался чрезвычайной храбростью и отвагой. Принимал участие во многих сражениях, отличился при осаде Кабула, проявил геройство при взятии Балха [Йазди 2008: 61, 67]. При формировании административного аппарата государства Тимура в 1370 г. Хитай Бахадур вошел в состав хиравулов, т. е. начальников арьергарда, вместе с Ак Тимуром он также был назначен старшим над бахадурами [Йазди 2008: 70]. О его бесстрашии повествует Йазди: в одной из битв с моголами он переплывает реку и в одиночку атакует врага, убивает многих воинов [Йазди 2008: 73]. В 1376 г. он отправляется в Кашгар в свите царевича Умар Шейха [Ando 1992: 102]; в начале 1377 г. погибает в битве с войсками джучида Урус-хана [Йазди 2008: 86]. В источниках также упоминаются его сыновья — Джаку, Мухаммед, Шайх Али и Худайдад. Эмир Джаку был удостоен должности тувачи при дворе эмира Тимура. Будучи эмиром армии Умара сына Миран-Шаха, в апреле 1407 г. в битве с армией Шахруха при Джаме эмир Джаку перешел на сторону последнего [Ando 1992: 103].

Следующий брат Аббаса Бахадура — эмир Севинчик Бахадур — был удостоен звания эмира тумена, стоял во главе армии, был эмиром дивана при дворе Пир-Мухаммада, сына Умар-Шейха [Ando 1992: 103]. В 1398 г. во время индийского похода он и его кошун отличились при штурме крепостей высокогорных племен [Йазди 2008: 218].

В сочинении Йазди упоминаются другие родственники Аббаса — Хубби Хаджи, Шамс ал-Дин и Али Бег Иса [Ando 1992: 101]. В сочинении «Му'изз ал-ансаб» также встречаются эмиры с нисбой 'Аббаси, по всей видимости, являвшиеся представителями этого семейного клана. В свите царевича Абу Саида упоминается эмир Шайх-Хаджи Аббаси [Му'изз ал-ансаб 2006: 179], в правление царевича Абу-л-Ази Султан-Хусейна упоминаются эмиры Севинч-бег Аббаси и Шайх Абдуллах Аббаси, ведавшие налогами, а также Искандар Аббаси-тувачи [Му'изз ал-ансаб 2006: 189].

Последний влиятельный представитель этого семейного клана — Мухаммад-Амин Аббаси был «амиром ал-умара» с полной юрисдикцией над государственными и финансовыми делами при царевиче Бади ал-Замане, сыне Хусейна Байкара [Ando 1992: 211].

В «Му'изз ал-ансаб» упоминаются также другие кипчаки из улуса Ильчикдай. У царевича Шахруха был эмиром дивана и командовал туменом Гийас ад-Дин [Му'изз ал-ансаб 2006: 153]. У царевича Улугбека эмиром дивана был Али Каучин Кипчак, должность тувачи занимал Абу-Лайс Кипчак Джули [Му'изз ал-ансаб 2006: 162], также в числе ясаулов упоминается некий Аббас Кипчак, тезка знаменитого сподвижника эмира Тимура [Му'изз ал-ансаб 2006: 163].

3.2. Кипчаки, управляемые эмирами племени джалаир

Другим влиятельным кланом, который был связан с кипчаками, был клан близкого сподвижника Тимура — эмира Сары Буга Бахадура. На курултае 1370 г. он был удостоен звания «бека дивана» [Йазди 2008: 70]. Данные о его происхождении противоречивы. В сочинениях Низам ад-Дина Шами и Шараф ад-Дина Али Йазди он именуется Сары Буга Джалаиром [Йазди 2008: 47, 69]. В сочинении «Му'изз ал-ансаб» с нисбой «джалаир» упоминается его сын Шейх Нур ад-Дин [Му'изз ал-ансаб 2006: 118]. Широ Андо предполагает, что между джалаирами и кипчаками существовала родственная связь, что «иль кипчаков» управлялся эмирами племени джалаир, которые базировались в Ходженте [Ando 1992: 98]. Схожего мнения о происхождении этого эмира из числа джалаиров придерживается и Беатрис Манц, которая именует его Сары Буга Джалаиром [Manz 1989: 61]. Эмир Сары Буга упоминается в сочинении XVI в. «Маджму ат-Таварих» Сайф ад-Дина Ахсикенди как сын некоего Баязита Джалаира [Акеров 2017: 75]. Д. А. Джумагалиев и К. Г. Аканов отождествляют его с известным джалаирским правителем Ходженда — эмиром Баязидом Джалаиром [Джумагалиев, Аканов 2023: 1049]. На наш взгляд, подобное отождествление проблематично, так как об этом не упоминает современник тех событий историк Низам ад-Дин Шами, который пишет о сыновьях Баязида Джалаира — эмирах Али Дервише и Мухаммед Дервише [Шомий 1996: 54]. Д. А. Джумагалиев и К. Г. Аканов также упоминают эмира Мусу как одного из сыновей Баязида Джалаира [Джумагалиев, Аканов 2023: 1049], однако в этом случае в переводе сочинения Йазди на русский язык, выполненном Ашрафом Ахмедовым, неправильно указана «лишняя запятая»: «Муса-бек, сын Баязид Джелаира, Али Дарвеш, брат его жены, и Фархад — все, сговорившись, вскрыли горло кувшина козней и, посоветовавшись с Орда Хатун, составили ложное письмо и отправили Хусайн-беку» [Йазди 2008: 42]. В английском переводе сочинения Шами с французского перевода Франсуа Пети де ла Круа читаем: «The Emir Moussa Ali Dervis, son of Bajazet Gelair, who was his wife's brother, and Ferhad...» [The history of Timur-Bec 1723: 68], т. е. «Эмир Муса Али Дервиш, сын Баязета Джалаира, который был братом его жены…». У Йазди есть подобное же перечисление эмиров в сюжете про захват Ходженда: «…on the Emir Mousa, and Ali Dervis the son of Bajazet, …» — «…эмир Муса и Али Дервиш, сын Баязета, …» [The history of Timur-Bec 1723: 70]. Эмир Муса действительно был женат на дочери Баязета Джалаира — Арзу Малик ага [Йазди 2008: 49]. Йазди также уточняет его происхождение из племени тайджиутов [Йазди 2008: 48; The history of Timur-Bec 1723: 80].

Эмир Сары Буга Бахадур командовал кипчакским отрядом в составе войска эмиров Тимура и Хусейна во время знаменитой «грязевой битвы» с моголами в 1365 г. Этот отряд был поставлен на передний ряд левого крыла прямо перед эмиром Тимуром [Хайдар 1996: 53]. По данным Шами, в июне 1376 г., во время своего третьего похода на Хорезм, эмир Тимур отправляет против могольского эмира Камар ад-Дина 30-тысячное войско во главе с эмирами Сары Бугой Бахадуром, Адил-шахом, Хитай Бахадуром Кипчаком и Ильчи Бугой. Эмиры Адил-шах и Сары Буга Бахадур поднимают мятеж, неудачно осаждают Самарканд, уходят к джучиду Урус-хану, а затем присоединяются к могольскому правителю Камар ад-Дину [Шомий 1996: 99; Перевод извлечений 1973: 104]. Эту информацию дополняет Йазди, который сообщает, что эмиры Сары Буга и Адил-шах, «со своими людьми, которые все были джалаирами и кипчаками», пошли на Самарканд [Йазди 2008: 81]. Если исходить из того, что Адил-шах был вождем джалаиров, то получается, что кипчаки находились под властью именно Сары Буга Бахадура. Г. А. Федоров-Давыдов пишет о том, что кипчакский отряд эмира Сары Буги был разбит армией эмира Тимура в Семиречье [Федоров-Давыдов 1990: 80]. Впоследствии эмир Сары Буга Бахадур вернулся к Тимуру, был им прощен и вновь поставлен во главе своего улуса [Йазди 2008: 84].

О происхождении Сары Буга Бахадура пишет Захир ид-Дин Бабур, мать которого Кутлуг-Нигар Ханим была второй дочерью могольского Юнус-хана. Бабур пишет, что матерью Юнус-хана была дочь или внучка близкого сподвижника эмира Тимура — туркестанского кипчака Шейх Нур ад-Дин Бека [The Babur-nama 1922: 19]. Мухаммед

Хайдар уточняет, что эмир Шейх Нур ад-Дин, сын эмира Сары Буга Кипчаки, был настолько близок с могольским Вейс-ханом, что отдал ему в жены свою дочь Даулат-Султан Сакандж [Хайдар 1996: 91]. Сведения о супруге Вейс-хана по имени Dau La Su Lu Tan, т. е. Даулат-Султан, встречается в китайском сочинении «Мин Ши лу» [Ando 1992: 112]. По данным «Зубдат ал-Таварих» Хафиза Абру, Шейх Нур ад-Дин выдал свою дочь за Шах Джахана, родного брата могулистанского Мухаммад-хана, которые были сыновьями Хизр Ходжа хана [Ando 1992: 112]. Как мы видим, Бабур именует Шайх Нур ад-Дина и его отца Сары Буга Бахадура туркестанскими кипчаками. Примечательна упоминаемая Мухаммад Хайдаром нисба эмира Сары Буги — «кипчаки».

Указанные источники не позволяют однозначно определить происхождение Сары Буга Бахадура. Уверенно выявляется тесная связь между племенами джалаиров и кипчаков, подразделениями которых управляли как джалаирские, так и кипчакские эмиры. В то же время стоит учитывать, что более ранние источники — Шами, Йазди, «Му'изз ан-ансаб» — относят его именно к джалаирам. Более поздние по времени сведения Мирзы Мухаммад Хайдара и Захир ад-Дина Бабура о принадлежности эмира Сары Буга Бахадура к кипчакам могут быть следствием уже полного слияния его клана с подвластными кипчаками.

Сыновья Сары Буга Бахадура были влиятельными эмирами. Эмир Берди-бег в 1391 г. командовал туменом на левом фланге армии Тимура в битве с Тохтамышем [Йазди 2008: 147]. После передачи покоренного Фарса царевичу Умар-Шайху Берди-бег со своим сыном Умар Муаййидом и другими эмирами был передан царевичу для формирования его дивана [Йазди 2008: 166]. С 1399 г. по 1404 г. он находился на востоке страны — на границе с моголами, затем обосновался в г. Отраре. Именно в доме Берди-бега в Отраре останавливался эмир Тимур во время своего похода на Китай [Йазди 2008: 341].

Наиболее влиятельным из числа сыновей Сары Буга Бахадура был эмир Шейх Нур ад-Дин Мухаммад. Обладал большой храбростью, заслужил звание «бахадура». По сообщению Шами, он отличился в битве с Тохтамышем на реке Терек 15 апреля 1395 г. [Шами 2006: 235]. После этой битвы Шейх Нур ад-Дин Мухаммад получил награду в 100 000 динаров «кепеки», одежду из золотой парчи и декорированный пояс [Ando 1992: 111]. Был назначен даругой Фарса, организовав сбор налогов, 23 августа 1398 г. прибыл в столицу с огромной добычей: «он доставил в этот юрт, в ставку [его величества], солидные подношения: охотничьи птицы, вереницы верблюдов, мулов и арабских коней, обитые золотом седла, дорогие конские уздечки, превосходные щиты и другое оружие, разные редкие вещи, [традиционные] девятки платьев и одеяний, драгоценные камни и золотые и серебряные приборы. Все это ошеломляло зрителя, пальцы же счетовода от подсчета [подношений] приходили в утомление» [Гийасаддин Али 1958: 70–71; Шами 2006: 244].

Шейх Нур ад-Дин Мухаммад принимал деятельное участие в индийском походе эмира Тимура. По приказу Тимура он подавлял мятеж индийского владетеля Шихабаддина в районе реки Джамд [Гийасаддин Али 1958: 82]. Будучи вместе с эмиром Аллахдадом во главе правого фланга, он обходным маневром решил исход сражения с Нусратом из Тамими в местности Джал [Гийасаддин Али 1958: 86–87]. При осаде хорошо укрепленной крепости Битнир, в которой обосновался раджа Дулджин, Шейх Нур ад-Дин вместе с эмирами Сулайманшахом и Аллахдадом также командовал армией правого фланга, был ранен [Гийасаддин Али 1958: 84]. В битве при Панипате 17 декабря 1398 г., а также в битве при горе Суалик в январе 1399 г. Шейх Нур ад-Дин командовал туменом и находился в авангарде войска [Гийасаддин Али 1958: 114–116, 154]. В этом походе Шейх Нур ад-Дин участвовал во многих битвах, был ранен и заслужил множество похвал. О его храбрости и бесстрашии говорит эпизод, когда во время охоты на тигра он первым настиг и единолично убил хищника. Гийасаддин Али красочно описывает это событие: «Среди эмиров храбрее всех оказался Шейх Нур ад-Дин, и со всею отвагою, быстрыми, как огонь, ударами он одолел этого тигра и сделал его своею добычей» [Гийасаддин Али 1958: 176]. Впоследствии Шейх Нур ад-Дин возглавлял тумен специального назначения «khānabachagān-i khāṣṣ» [Manz 1989: 76]. В 1403 г., во время военных действий на Сред-

нем Востоке, Шейх Нур ад-Дин провел быстрый и эффективный рейд против грузин, позволивший вывезти обильные запасы зерна и фуража [Chronological retrospect 1821: 429].

Во время похода на Китай эмир Шейх Нур ад-Дин вместе с эмиром Шах-Меликом был назначен начальником центрального корпуса войска, базировавшегося в районе Отрара. Испанский посол Руи де Гонсалес Клавихо упоминает Шейха Нур ад-Дина и называет его «Норадин Мирасса», т. е. «Нур ад-Дин Мирза» [де Клавихо 1881: 250].

В развернувшейся после смерти эмира Тимура борьбе за власть эмир Шейх Нур ад-Дин пытается посадить на престол своего ставленника, что говорит о его большом авторитете и военной силе. Помимо собственного влиятельного клана, его также поддерживали сваты — могольские ханы. К примеру, в 814 г. х. /1411–1412 г. по просьбе Шейх Нур ад-Дина могольский Мухаммед-хан посылает пятнадцать тысяч всадников против эмира Шах-Мелика, затем и сам выступает против этого эмира во главе могольского войска [Караев 1995: 70]. Шейху Нур ад-Дину приходится лавировать между сильнейшими претендентами на престол — царевичем Шахрухом, владевшим провинцией Хорасан, и царевичем Халиль-Султаном, захватившим столицу государства. Он принимает участие в мирных переговорах между этими царевичами, присоединяется к Шахруху, затем уходит к Халиль-Султану. По предположению Беатрис Манз, Шейх Нур ад-Дин имел тесные связи с семьей умершего царевича Мухаммед-Султана, имевшего своей базой северные территории государства [Manz 2007: 21]. После передачи Шахрухом царевичу Улугбеку города Самарканда и назначения главным эмиром Шах-Мелика Шейх Нур ад-Дин вместе с эмиром Худайдадом выступают против них. 17 апреля 1410 г. в битве вблизи Кызыл-Рабата к западу от Самарканда армия Шейх Нур ад-Дина наносит поражение войскам Улугбека, во главе которых стоял эмир Шах-Мелик [Manz 2007: 26]. После этого он пытается овладеть Самаркандом, однако проигрывает сражение подошедшей армии во главе с царевичем Шахрухом. Последующее противостояние с эмиром Шах-Меликом заканчивается вероломным убийством Шейха Нур ад-Дина под стенами Саурана. По описанию Абдураззака Самарканди, эмир Шах Мелик сговорился с одним из нукеров по имени Аргудак, который был старым другом Шейха Нур ад-Дина. В процессе переговоров, во время объятий старых друзей, этот нукер внезапно бросил Шейха Нур ад-Дина наземь и убил [Самарқандий 2008: 212–213]. Хафиз-и Абру повторяет эту историю, добавляя, что убийца Шейха Нур ад-Дина нукер Аргудак «был храбр как лев, и здоров, как слон» [Tamerlane or Timur 1936: 277–278]. 10 сентября 1410 г., когда царевич Шахрух вновь прибывает в Самарканд, эмир Шах-Мелик присылает ему голову Шейха Нур ад-Дина [Бартольд 1964: 95].

О могуществе клана Сары Буга Бахадура говорит тот факт, что после вероломного убийства Шейха Нур ад-Дина царевич Шахрух наказывает Аргудака палками и отзывает в Самарканд эмира Шах-Мелика. Все это, по мнению В. В. Бартольда, объясняется необходимостью переговоров с влиятельными родственниками убитого эмира Шейха Нур ад-Дина [Бартольд 1964: 95]. Как пишет Ш. Андо, после смерти «Шайха Нур ад-дина Джалаира его брат Шайх Хасан вместе со своими соплеменниками (иль ва-улус) заявил о своей покорности Шахруху», считая, что он опирался на джалаиров [Ando 1992: 214]. Однако более вероятно, что здесь речь идет об «иль ва-улусе» кипчаков, тем более что в дотимуридские времена они базировались в районе Сыгнака и Отрара, т. е. в регионе современного Южного Казахстана, а собственно джалаиры имели своей базой район Ходжента.

Гийасаддин Али упоминает двух внуков Шейха Нур ад-Дина — шейха Мунаввара и шейха Са'да, которые во время индийского похода в 1398 г. изменили эмиру Тимуру, «сбивши с правого пути и с честной дороги жителей этого города (Анджудана. — *P. A.*), побудили их покинуть его и сделали их своими последователями и спутниками. [Все они] бежали в Битнир, в один из городов Индии. Некоторые из них, сопутствуя зловещему шейху Мунаввару, отправились в Дели…» [Гийасаддин Али 1958: 91].

В «Му'изз ал-ансаб» также упоминается дядя Шейха Нур ад-Дина — эмир Урус-Буга, который находился при дворе царевича Миран-Шаха и был наместником Хорасана. Упоминаются также его сыновья — эмиры Таввакул и Баязид [Ando 1992: 113].

3.3. Кипчаки Хорасана и Афганистана

Во времена правления тимурида Султан-Махмуда происходит возвышение туркестанского кипчака эмира Хусрау-Шаха, который был удостоен звания визиря. В разгоревшейся после смерти Султан-Махмуда борьбе за власть ему удается сломить сопротивление сыновей умершего правителя и захватить власть в Гиссаре, Хуталляне, Кундузе и Бадахшане [Кисляков 1941: 57]. Хусрау-шах вместе с братьями Баки Чаганиани и эмиром Вали создает независимое владение с территориями от Аму-Дарьи до Гиндукуша [The Babur-nama 1922: 49]. Хусрау-Шах был организатором денежной реформы, которая создала благоприятные условия для денежной торговли региона и, по мнению Е. А. Давидович, «одновременно закрепила окончательно то разобщение с центральным Мавераннахром, которое сложилось еще в последнем десятилетии XV в.» [Давидович 1983: 202].

Некоторая часть кипчакских племен находилась во владениях тимуридов в юго-западной части современного Афганистана. Кипчаки упоминаются в составе армии тимурида Хусейна Байкары во главе с эмиром Зу-н-Нун Аргуном. С 884 г. х.[1] (1479–1480 гг. — *Р. А.*) эмир Зу-н-Нун Аргун в ожесточенной борьбе покоряет племена хазарейцев и никударийцев. После смерти Хусейна Байкары, во время правления его сына Бади ал-Замана, будучи его тестем, эмир Зу-н-нун Аргун достигает огромной власти, правит в областях Кандагара, Гура, Тулака и Замин-давера [Ando 1992: 206]. Впоследствии он погибает во время борьбы с осаждавшими Герат узбеками.

3.4. Кипчаки как часть административной элиты государств эмира Тимура и его потомков

Нет сомнений в том, что авторитет и могущество тех или иных эмиров во времена Тимура и его преемников опирались, прежде всего, на военную поддержку со стороны соплеменников. Это стало хорошо видно, когда после смерти эмира Тимура начали складываться и рассыпаться всевозможные коалиции эмиров вокруг тех или иных царевичей. Именно поэтому анализ племенной принадлежности административной элиты государств эмира Тимура и его потомков позволяет отобразить степень влиятельности, а значит и военной мощи тех или иных племен. Наиболее информативным источником, который рассказывает о племенной принадлежности тех или иных эмиров, является сочинение «Му'изз ал-ансаб», написанное в XV в. по заказу царевича Шахруха [Му'изз ал-ансаб 2006: 6].

Сравнение количества эмиров различных племен, удостоенных высших военных и административных должностей, по данным сочинения «Му'изз ал-ансаб», раскрывает особенности военно-административной системы, а также значение тех или иных племен в государстве эмира Тимура и его потомков.

Одним из высших званий для эмиров было вхождение в состав так называемого «дивана эмиров» — «amīr-i dīwān». В годы правления эмира Тимура звания «эмира дивана» удостоились 13 барласов, 6 найманов, 6 каучинов, 4 нукуза, 4 кипчака, по 2 джалаира и дуглата, а также представители других племен [Ando 1992: Tabelle 21]. При этом во внимание не берутся эмиры из клана эмира Сары Буга, которых Ш. Андо относит к джалаирам. Относительно большое количество эмиров из кипчаков в «диване эмиров» говорит о влиятельности племени кипчак в администрации Тимура. При преемниках эмира Тимура количество эмиров из числа кипчаков уменьшается: в правление царевича Шахруха эмирами дивана стали 4 барласа, 4 тархана, 4 чакана-барласа, 3 санжари-туркмена и по 2 нукуза и кипчака; во время правления царевича Абу Саида в составе эмиров дивана был 1 эмир из кипчаков — Шайх Хаджи ʾАббаси; в период правления царевича Хусейна Байкара — 2 кипчакских эмира — кушчи Малик Мухаммад Сайид Ахмад, эмир-и мал Севинч ʿАббаси [Ando 1992: 235].

Наряду со званием «эмира дивана» в административной иерархии тимуридов высокий статус имела должность тувачи. Как пишет Йазди, должность тувачи была чрезвычайно важной, уступавшей только званию государя [The Zafarnamah 1887: 216]. Хондемир дополняет эту информацию: «согласно ясы Чингис-хана и тюра Сахибкира-

[1] Г. х. — год Хиджры. Согласно лунному календарю, используемому мусульманами для определения дат религиозных праздников, летоисчисление ведется от Хиджры (16 июля 622 г. н. э.) — даты переселения пророка Мухаммеда и первых мусульман из Мекки в Медину.

на», наиболее высокое положение занимали эмиры «дивана тувачи» — «dīwān-i tuwāčī», затем следовали эмиры «дивана мал» — «dīwān-i māl», ведавшего налоговыми вопросами, затем следовали даруги провинций — «hukkām wa-dārūgagān» [Ando 1992: 223]. В правление эмира Тимура должности тувачи занимали: 5 барласов, 5 кипчаков, 4 дурбата, 2 сулдуза, 3 каучина, по одному нукузу, найману и хорезмийцу. В период правления царевича Шахруха было 5 тувачи из барласов, 2 тувачи из кипчаков, 2 тувачи из тарханов, по 1 тувачи из числа нукузов, дурбатов и каучинов [Ando 1992: Tabelle 20]. При Хусейне Байкара упоминаются кипчаки тувачи Шайх Абдаллах ʿАббаси и тувачи Искандар ʿАббаси [Ando 1992: 195, 199, 223].

Эти данные хорошо иллюстрируют значительный административный вес кипчакских эмиров в управленческом аппарате государства эмира Тимура и его потомков. Как мы увидели, эмир Аббас Кипчак, вместе с Давудом Дуглатом, Джаку Барласом и Сайф ад-Дином Нукузом, был одним из четырех эмиров, удостоившихся высшего уровня военно-административной власти. Количество кипчакских эмиров, удостоенных звания тувачи, равно количеству тувачи из числа барласов — родного племени эмира Тимура. Четверо эмиров из кипчаков входили в состав высшего административного органа государства «дивана эмиров» — «amīr-i dīwān». Кипчакские эмиры получали и другие должности — были губернаторами регионов, представителями налогового органа «dīwān-i māl», эмирами туменов, хранителями печати, бахадурами, ахтачи и т. д. Некоторые кипчакские эмиры были удостоены высоких званий атабеков, «великих магистров», «старших над бахадурами» и «эмиров ал-умара».

4. Заключение

Государство эмира Тимура занимало громадные территории от Иссык-Куля на западе до Ирака на востоке. Оно было создано благодаря военным и административным талантам его основателя. В образовании этого государства самое деятельное участие принимали и кипчакские племена, состоявшие в тот период из нескольких объединений. Наиболее многочисленными были кипчакские племена, входившие в улус Ильчикдай. Этот улус был создан на основе четырех племен — дурбат, нукуз, найман и кипчак — и был связан с деятельностью чагатайского хана Ильчигидая. Есть основания полагать, что этот улус был создан на основе племен, переселенных в Мавераннахр из Прииртышья Ильчигидай-ханом в первой трети XIV в. Другое влиятельное объединение кипчаков было связано с семейным кланом эмира Сары Буги, который был родом из джалаиров, однако возглавлял кипчакские племена, и его потомки именовались уже кипчаками. В источниках упоминаются и другие кипчакские группировки, к примеру, подданные аргунских эмиров юго-западного Афганистана. Анализ племенной принадлежности военно-административной элиты государства эмира Тимура и его потомков показывает очень высокий статус кипчакских эмиров. Они входили в состав высшего административного органа страны — «дивана эмиров», были удостоены званий тувачи, эмиров туменов, хранителей печати, бахадуров и ахтачи. Некоторые кипчаки вошли в круг самых близких к эмиру Тимуру эмиров. Образовались могущественные семейные кланы, представители которых вошли в состав военно-административной элиты государств эмира Тимура и его потомков.

Во времена упадка государств тимуридов и захвата Мавераннахра кочевыми узбеками Шейбани-хана, в южной части Чагатайского улуса в Северном Афганистане формируется владение туркестанского кипчакского эмира Хусрау-Шаха, который вместе с братьями эмиром Баки Чаганиани и эмиром Вали контролировал земли от Аму-Дарьи до Гиндукуша. Впоследствии это владение распалось в результате действий тимурида Захир ад-Дина Бабура, захватившего земли современного Афганистана [The Babur-nama 1922: 49–50]. Рассмотрение истории заселения кипчакскими племенами регионов Афганистана и последующего их вхождения в состав хазарейцев и аймаков выходит за рамки данной статьи.

Литература

Абдуманапов 2015 — *Абдуманапов Р. А.* Кипчаки в истории кыргызов. Бишкек: Из-Басма, 2015. 200 с.

Акеров 2017 — *Акеров Т. А.* «Маджму ат-Таварих» как исторический источник (полный перевод, анализ и комментарии). Бишкек: КНУ им. Ж. Баласагына, 2017. 348 с.

ан-Насави 1996 — *ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад.* Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны): критич. текст, пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указатели З. М. Буниятова. М.: Вост. лит., 1996. 798 с.

Бартольд 1964 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М.: Наука, 1964. 657 с.

Бобров 2018 — *Бобров Л. А.* Военачальники чагатайской армии амира Тимура в Кондурчинской битве 1391 г. // Тюркологические исследования. 2018. Т. 1. № 3. С. 23–62.

Буниятов 1986 — *Буниятов З. М.* Государство хорезмшахов Ануштегинидов. 1097–1231. М.: Наука, 1986. 251 с.

Буриев 2002 — *Буриев А.* О политико-административном положении Шахрисабза в XIV–XV веках // Общественные науки в Узбекистане. Вып. 6. Ташкент: Фан, 2002. С. 39–40.

Гийасаддин Али 1958 — *Гийасаддин Али.* Дневник похода Тимура в Индию / пер. с персидск., предисл. и прим. А. А. Семенова. М.: Вост. лит., 1958. 208 с.

Давидович 1983 — *Давидович Е. А.* История денежного обращения средневековой Средней Азии (медные монеты XV – первой четверти XVI в. в Мавераннахре) / отв. ред. Г. К. Широков. М.: Наука, 1983. 362 с.

де Клавихо 1881 — *де Клавихо Р. Г.* Дневник путешествия ко двору Тимура Самарканд в 1403–1406 гг. Подлинный текст с переводом и примечаниями, сост. под ред. И. И. Мрезневскаго. СПб.: Тип. Имп. Академии наук. 1881. 455 с.

Джумагалиев, Аканов 2023 — *Джумагалиев Д. А., Аканов К. Г.* «Маджму ат-таварих» как источник сведений об исторических деятелях улуса Чагатая и Моголистана // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1040–1054. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1040-1054

Йазди 2008 — *Йазди Шараф ад-Дин Али.* Зафар-Наме / пер. со староузб., предисл., коммент., указ. и карта А. Ахмедова. Ташкент: SAN'AT, 2008. 486 с.

Караев 1995 — *Караев О. К.* Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек: Кыргызстан, 1995. 160 с.

Кармышева 1976 — *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М: Наука, ГРВЛ, 1976. 323 с.

Кисляков 1941 — *Кисляков Н. А.* Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана. Сталинабад-Ленинград: Гос. изд-во Таджикской ССР, 1941. 232 с.

Му'изз ал-ансаб 2006 — Му'изз ал-ансаб (Прославляющее генеалогии). Т. III / отв. ред. А. К. Муминов. Пер. с перс., предисл., примеч., подг. факсимиле к изд. Ш. Х. Вохидова; сост. указателей У. А. Утепбергеновой. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 672 с.

Муканов 1974 — Муканов М. С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата: Наука, 1974. 200 с.

Перевод извлечений 1973 — Перевод извлечений из Зафар-Наме Низам ад-Дина Шами. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М.: Наука, 1973. С.102–111.

Самарқандий 2008 — *Самарқандий Абдуразоқ.* Матлаи Саъдайн ва Мажмаи Баҳрайн. II жилд, биринчи қисм. (1405–1429 йиллар воқеалари). Ташкент: O'zbekiston, 2008. 632 б.

Селезнев 1994 — *Селезнев А. Г.* Барабинские татары: истоки этноса и культуры. Новосибирск: Наука, 1994. 176 с.

Султанов 2006 — *Султанов Т. И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2006. 445 с.

Султанов 2017 — *Султанов Т. И.* К историографии этнополитической истории улусов Джучи и Чагатая // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 1. С. 74–92. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.74-92

Федоров-Давыдов 1990 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Этнические процессы в Средней Азии в XIII-XV вв. (этнос и феодальное государство) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. II: История и археология. М.: [б. и.], 1990. С. 74–84.

Хайдар 1996 — *Хайдар Мирза Мухаммад* . «Тарихи Рашиди» / введ., пер. с перс. А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой. Ташкент: Фан, 1996. 728 с.

Шами 2006 — *Шами Низам ад-дин 'Абд ал-Васи.* Зафар-наме // История Казахстана в персидских источниках. Т. IV. Сб. мат-в, относ. к истории Золотой Орды. Извлечения из персидск. Соч., собр. В. Г. Тизенгаузеном и обраб. А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. Изд. доп. и перераб. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. С. 205–248.

Шаниязов 1974 — *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа. Историко-этнографическое исследование на мате-

риалах кипчакского компонента. Ташкент: Фан, 1974. 342 с.

Шомий 1996 — *Шомий Низомиддин*. Зафарнома / Форс тилидан Ю. Ҳакимжонов таржимаси, таржимани қайта ишлаб нашрга тайёрловчи ва масъул муҳаррир А. Ўринбоев (= перевод с персидского Ю. Хакимжанова, обработка перевода, подготовка к изданию А. Уринбоева; отв. ред А. Уринбоев). Тошкент: Ўзбекистон, 1996. 528 б.

Этнический атлас 2002 — Этнический атлас Узбекистана. Ташкент: IOOFS, 2002. 451 с.

Ando 1992 — *Ando Sh.* Timuridishe Emire nach dem Mu'izz al-ansab. Untersuchung zur Stammesaristokratie Zentralasiens im 14. und 15. Jahrhundert. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 1992. 337 p. (Islamkundliche Untersuchungen, Band 153).

Manz 1983 — *Manz B. F.* The ulus Chaghatay before and after Temür's rise to power: The transformation from tribal confederation to army of conquest // Central Asiatic Journal. 1983. Vol. 27. No. 1/2. Pp. 79–100.

Manz 1989 — *Manz B. F.* The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. xi, 227 p.

Manz 2007 — *Manz B. F.* Power, Politics and Religion in Timurid Iran. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 336 p.

Chronological retrospect 1821 — *Price D.* Chronological retrospect, or, memoirs of the principal events of Mahommedan history: from the death of the Arabian legislator, to the accession of the emperor Akbar, and the establishment of the Moghul Empire in Hindustaun: from Original Persian Authorities. Vol. III. Part I. London: The East India company's service, 1821. 483 p.

Tamerlane or Timur 1936 — *Ahmed ibn Arabshah.* Tamerlane or Timur. The great amir. Translated by J. H. Sanders. From the arabic life by Ahmed ibn Arabshah. London: Luzac&Co. 1936, XVI-II + 341 p.

The Babur-nama 1922 — Zahiru'd-din Mubammad Babur Padshah Ghazi. The Babur-nama in English (Memoirs of Babur). Translated from the original turki text of Zahiru'd-din Mubammad Babur Padshah Ghazi by Annette Susannah Beveridge. Vol. I. London, 1922. 445 p.

The history of Timur-Bec 1723 — The history of Timur-Bec, known by the name of Tamerlain the Great, emperor of the Moguls and Tartars: being an historical journal of his conquests in Asia and Europe. In two volumes. Written in Persian by Cherefeddin Ali, native of Yezd, his contemporary. Translated into French by the late Monsieur Pétis de la Croix and faithfully render'd into English by John Darby. Vol. I. London: Printed for J. Darby, 1723. 542 p.

The Zafarnamah 1887 — Sharfuddin Ali of Yazd. The Zafarnamah by Maulana Sharfuddin 'Ali of Yazd. Edited for the Asiatic Society of Bengal by Maulawi Muhammad Ilahdad. Vol. I. Calcutta. Printed by J. W. Thomas, Baptist Mission Press, 1887. 813 p.

References

Abd-al-Razzāq Samarqandī. The Rise of the Two Auspicious Constellations and the Confluence of the Two Oceans (Matlai Sadayn and Majmai Bahrain). Vol. 2: 1405–1429. Tashkent: Uzbekistan, 2008. 632 p. (In Taj.)

Abdumanapov R. A. Kipchaks in Kyrgyz History. Bishkek: Iz-Basma, 2015. 200 p. (In Russ.)

Ahmed ibn Arabshah. Tamerlane or Timur the Great Amir. J. H. Sanders (transl.). From the Arabic Life by Ahmed ibn Arabshah. London: Luzac & Co., 1936. XVIII, 341 p. (In Eng.)

Akerov T. A. Majmu al-Tawarikh as a Historical Source: A Complete Translation, Analysis, and Comments. Bishkek: Balasagyn Kyrgyz National University, 2017. 348 p. (In Russ.)

Ando Sh. Das Corps der timuridischen Emire unter Šāhruh, Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1989. No. 139. Pp. 368–396. (In Germ.)

Ando Sh. Timuridishe Emire nach dem Mu'izz al-ansab. Untersuchung zur Stammesaristokratie Zentralasiens im 14. und 15. Jahrhundert. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 1992. 337 p. (Islamkundliche Untersuchungen 153). (In Germ.)

Bartold V. V. Writings. Moscow: Nauka, 1964. Vol. 2. Pt. 2. 657 p. (In Russ.)

Bobrov L. A. Commanders of the army of Amir Timur in the Battle of Condurchi (1391). *Turkological Studies*. 2018. Vol. 1. No. 3. Pp. 23–62. (In Russ.)

Buniyatov Z. M. The Anushtegin Dynasty of Khwarazm: 1097–1231. Moscow: Nauka, 1986. 251 p. (In Russ.)

Buriev A. Shahrisabz in the fourteenth and fifteenth centuries: Political and administrative conditions revisited. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*. 2002. No. 6. Pp. 39–40. (In Russ.)

Cherefeddin Ali. The History of Timur-Bec, Known by the Name of Tamerlain the Great, Emperor of the Moguls and Tartars: Being an Historical Journal of His Conquests in Asia and Europe. In 2 vols. P. de la Croix, J. Darby (transl.). Vol. 1. London: Printed for J. Darby, 1723. 542 p. (In French and Eng.)

Clavijo R. G. de. Embassy to Tamerlane, 1403–1406. I. Mreznevsky (ed.). St. Petersburg: Im-

perial Academy of Sciences, 1881. 455 p. (In Span. and Russ.)

Davidovich E. A. History of Currency in Medieval Central Asia: Copper Coins in Transoxiana, Fifteenth to Early Sixteenth Centuries. G. Shirokov (ed.). Moscow: Nauka, 1983. 362 p. (In Russ.)

Fedorov-Davydov G. A. Ethnic processes in Central Asia, thirteenth to fifteenth centuries: Ethnos and feudal state. In: Issues of Ethnogenesis and Ethnic History in Central Asia and Kazakhstan. Vol. 2: History and Archaeology. Moscow, 1990. Pp. 74–84. (In Russ.)

Ghiyas-ud-din Ali. Amir Timur and His Invasion of India: Chronicles. A. Semenov (transl., foreword, etc.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1958. 208 p. (In Russ.)

Ilkhamov A. (ed.) The Ethnic Atlas of Uzbekistan. Tashkent: IOOFS, 2002. 451 p. (In Russ.)

Jumagaliyev D. A., Akanov K. G. Majmu al-Tawarikh as a source on historical figures of the Chagatai Ulus and Moghulistan. Oriental Studies. 2023. Vol. 16. No. 5. Pp. 1040–1054. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1040-1054

Karaev O. K. Ulus of Chagatai. State of Kaidu. Moghulistan. And the Shaping of the Kyrgyz. Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. 160 p. (In Russ.)

Karmysheva B. Kh. Essays in the Ethnic History of Southern Tajikistan and Uzbekistan: Analyzing Ethnographic Data. Moscow: Nauka — GRVL, 1976. 323 p. (In Russ.)

Kislyakov N. A. Essays in the History of Karategin: Tajikistan and Its History. Stalinabad, Leningrad: Tajik SSR Publ. House, 1941. 232 p. (In Russ.)

Manz B. F. Power, Politics and Religion in Timurid Iran. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 336 p. (In Eng.)

Manz B. F. The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. XI, 227 p. (In Eng.)

Manz B. F. The Ulus Chaghatay before and after Temür's rise to power: The transformation from tribal confederation to army of conquest. *Central Asiatic Journal*. 1983. Vol. 27. No. 1/2. Pp. 79–100. (In Eng.)

Mirza Muhammad Haidar. Tarikh-i Rashidi. A. Urunbayev, R. Dzhalilova, L. Epifanova (foreword, transl.). Tashkent: Fan, 1996. 728 p. (In Russ.)

Mu'izz al-Ansab (The Glorifier of Genealogies). Vol. 3. A. Muminov (ed.). Sh. Vokhidov (transl., foreword, etc.), U. Utepbergenova (indices). Almaty: Daik-Press, 2006. 672 p. (In Russ.)

Mukanov M. S. Kazakhs of the Middle Jüz: Ethnic Groups and Their Habitats. Alma-Ata: Nauka, 1974. 200 p. (In Russ.)

Nizam al-Din Shami. Zafarnama. In: Tiesenhausen V. G. (comp.) History of Kazakhstan from Persian Sources. Vol. 4: Collected Materials in Golden Horde History. A. Romaskevich, S. Volin (eds.). Rev. and suppl. Almaty: Daik-Press, 2006. Pp. 205–248. (In Russ.)

Nizam al-Din Shami. Zafarnama. Yu. Khakimzhanov (transl.), A. Urunbayev (ed.). Tashkent: Uzbekistan, 1996. 528 p. (In Uzb.)

Nizam al-Din Shami. Zafarnama: Some Collections and Their Translations Dealing with the History of the Kyrgyz and Kyrgyzstan. Moscow: Nauka, 1973. Vol. 1. Pp. 102–111. (In Russ.)

Price D. Chronological Retrospect, or Memoirs of the Principal Events of Mahommedan History, From the Death of the Arabian Legislator, to the Accession of the Emperor Akbar, and the Establishment of the Moghul Empire in Hindustaun. From original Persian authorities. Vol. 3. Pt. 1. London: The East India Company, 1821. 483 p. (In Eng.)

Seleznev A. G. Baraba Tatars: Origins of Ethnos and Culture. Novosibirsk: Nauka, 1994. 176 p. (In Russ.)

Shaniyazov K. Sh. Approaching the Ethnic History of Uzbekistan: Historical and Ethnographic Studies of the Kipchak Component. Tashkent: Fan, 1974. 342 p. (In Russ.)

Sharaf ad-Din Ali Yazdi. Zafarnama ('Book of Victories [of Amir Timur]'). A. Akhmedov (foreword, transl., etc.). Tashkent: San'at, 2008. 486 p. (In Russ.)

Sharfuddin Ali of Yazd. The Zafarnamah by Maulana Sharfuddin Ali of Yazd. Maulawi Muhammad Ilahdad (ed.). Vol. 1. Calcutta: J. W. Thomas, Baptist Mission Press, 1887. 813 p. (In Eng.)

Shihab al-Din Muhammad al-Nasawi. The Life of Jalal al-Din Mangburni. Z. Buniyatov (text, transl., etc.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1996. 798 p. (In Russ.)

Sultanov T. I. Genghis Khan and Genghisids: Fate and Power. Moscow: AST, 2006. 445 p. (In Russ.)

Sultanov T. I. Historiography of the ethnic and political history of the Jochid and Chaghataid Uluses. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5. No. 1. Pp. 74–92. (In Russ.) DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.74-92

Zahiru'd-din Mubammad Babur Padshah Ghazi. The Babur-nama in English (Memoirs of Babur). From the original Turki text of Zahiru'd-din Mubammad Babur Padshah Ghazi. A. S. Beveridge (transl.). Vol. 1. London. 1922. 445 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 2, Pp. 259–269, 2024
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 94(510)(=091)+(045)
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-259-269

История регионально-демографического развития китайской северо-восточной провинции Цзилинь (1949–1979 гг.)

Светлана Борисовна Макеева[1]

[1] Институт демографических исследований — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (д. 6, ул. Фотиевой, 119333 Москва, Российская Федерация)
доктор исторических наук, доцент, заведующий отделом
0000-0003-2953-0411. E-mail: msbmag9581[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024
© Макеева С. Б., 2024

Аннотация. *Введение.* История регионально-демографического развития китайской северо-восточной провинции Цзилинь в период с 1949 г. по 1979 г. представляет собой совокупность социально-экономических, пространственно-урбанистических изменений демографического потенциала стратегически важной приграничной территории КНР. *Цели и задачи* исследования — рассмотреть особенности экономических процессов в эволюции провинции Цзилинь с 1949 г. до 1979 г.; выявить основные тенденции этнических, пространственно-урбанистических, миграционных процессов; установить причины и последствия высокой рождаемости, низкой смертности, преобладания молодого поколения в структуре населения провинции Цзилинь в рассматриваемый период. *Материалы и методы.* Статья написана на основе источников по исторической демографии КНР: переписей населения, статистических сборников, материалов пятилетних планов. В работе применялись синхронный и статистический методы исследования. *Результаты.* На протяжении трех десятилетий после основания КНР в 1949 г. наблюдается экономическое усиление приграничной, стратегически важной провинции Цзилинь. Формирование регионально-производственной инфраструктуры с преобладанием автомобилестроения, нефтехимической, топливно-энергетической, каменноугольной, металлургической промышленности благоприятно сказывалось на улучшении демографической ситуации в Цзилине. За тридцать лет население провинции увеличилось на 11 млн 761 тыс. человек, росло количество заключенных браков, в структуре населения преобладало молодое поколение. Пространственно-урбанистические изменения в провинции Цзилинь учитывали этнические особенности, промышленный потенциал, но не решали продовольственную проблему через сохранение пахотных земель. В результате роста населения в Цзилине с конца 1970-х гг. начинают создаваться условия для внедрения политики «одна семья — один ребенок» и решения продовольственной проблемы и сохранения обрабатываемых земель. *Выводы.* Регионально-демографическое развитие китайской северо-восточной провинции Цзилинь в период с 1949 г. по 1979 г. характеризовалось ростом рождаемости, снижением смертности, быстрыми темпами естественного прироста населения, увеличением числа городских районов, ускоренной урбанизацией, миграцией из других провинций в промышленные, лесные и сельские районы Цзилиня.

Ключевые слова: история КНР, провинция Цзилинь, историческая демография, региональное развитие, урбанизация, пятилетнее планирование, миграция, народное хозяйство, рождаемость, культурная революция
Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Система взаимодействия России и Северо-Восточного, Северо-Западного регионов Китая в условиях обострения мировых угроз в социально-демографической, эколого-экономической сферах» (№ 24-28-00276, https://rscf.ru/project/24-28-00276/).
Для цитирования: Макеева С. Б. История регионально-демографического развития китайской северо-восточной провинции Цзилинь (1949–1979 гг.) // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 2. С. 259–269. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-259-269

Jilin Province of China, 1949–1979: History of Regional and Demographic Development

Svetlana B. Makeeva[1]

[1] Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (6, Fotieva St., 119333 Moscow, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Associate Professor, Head of Department
0000-0003-2953-0411. E-mail: msbmag9581[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024
© Makeeva S. B., 2024

Abstract. *Introduction*. The history of regional and demographic development of Jilin Province in Northeast China from 1949 to 1979 comprises a number of socioeconomic and urban/spatial changes in the demographic potential of the strategically important border territory. *Goals*. The paper shall consider some peculiar features of economic processes in the evolution of Jilin Province from 1949 to 1979; identify key trends in ethnic, urban/spatial, and migration processes; determine the causes and consequences of high fertility, low mortality, and a younger age population structure in Jilin Province during the period under review. *Materials and methods*. The article employs quite a variety of sources on China's historical demography: population censuses, statistical collections, materials of five-year plans. The synchronous and statistical historical methods have proven most instrumental. *Results*. The thirty years following the founding of the People's Republic of China (1949) witnessed an economic strengthening of the strategically important border province. The shaping of its production infrastructure dominated by automotive, petrochemical, fuel and energy, coal, and metallurgical industries did have positive impacts on the demographic situation. Over the thirty years, its population increased by 11,761 thousand people, so did the number of marriages, and the population structure was characterized by a prevalence of the younger generation. The then spatial and urban changes in Jilin would take into account some ethnic characteristics and industrial potential — never to essentially solve the food problem (through preservation of arable lands). All these factors paved the path to the one-child policy. *Conclusions*. Jilin's regional and demographic development from 1949 to 1979 was characterized by increased birth and decreased mortality rates, rapid population growth and that of urban areas, accelerated urbanization, and migrations from other provinces to industrial, forest and rural territories of Jilin.
Keywords: history of the PRC, Jilin Province, historical demography, regional development, urbanization, five-year planning, migration, national economy, fertility, Cultural Revolution
Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 24-28-00276. Available at: https://rscf.ru/en/project/24-28-00276.
For citation: Makeeva S. B. Jilin Province of China, 1949–1979: History of Regional and Demographic Development. *Oriental Studies*. 2024; 17 (2): 259–269. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-259-269

1. Введение

На протяжении последних десятилетий наблюдается повышенный общественный и исследовательский интерес в России как к развитию Китайской Народной Республики в целом, так и осмыслению истории китайских регионов. Одной из современных актуальных проблем в развитии приграничного с Россией Северо-Восточного региона выступает проблема убыли населения сразу в трех провинциях — Хэйлунцзян, Ляонин и Цзилинь. Изучение динамики демографического развития приграничной китайской провинции Цзилинь позволяет проследить истоки современных проблем, связанных с миграцией китайского населения в восточные и юго-восточные провинции и сокращением рождаемости. История регионально-демографического развития северо-восточной провинции Цзилинь в период с 1949 г. по 1979 г. представляет собой совокупность социально-экономических, пространственно-урбанистических изменений демографического потенциала стратегически важной приграничной территории КНР. Цзилинь, расположенная в самом центре Северо-Восточной Азии, в рассматриваемое тридцатилетие переживала административно-территориальные преобразования, промышленно-хозяйственное освоение, строительство основ плановой социалистической экономики. Регионально-демографическое развитие провинции Цзилинь после основания КНР в 1949 г. и в годы первых пятилетних планов экономического строительства народного хозяйства Китая характеризовалось формированием пространственно-производственной инфраструктуры с преобладанием тяжелой промышленности, ростом урбанизации, высокой рождаемостью, низкой смертностью и быстрыми темпами естественного прироста населения.

В отечественной историографии вопросы исторической эволюции провинции Цзилинь находят отражение в работах Г. Б. Дудченко [Дудченко 2023] и Г. К. Казакова [Казаков 2019]. Тема регионально-демографического развития провинции Цзилинь в основном исследована в трудах китайских ученых, специалистов в области исторической демографии, экономической географии с опорой на китайские источники по социалистическому строительству в населенных пунктах Цзилинь, а также информации из китайских переписей населения. Исторические особенности эволюции провинции Цзилинь как административно-территориальной единицы КНР с 1949 г. по 1979 г. находят отражение в работах Фан Ли [Fang Li 2014], Сунь Дэчэна [Sun Decheng 1993]; в общих сборниках историко-культурного фонда провинции Цзилинь и комитета по составлению исторических хроник данной провинции [Jilin 2020], а также в произведениях по истории Коммунистической партии в провинции Цзилинь [Zhongguo 2023].

Экономические основы регионально-демографического развития провинции можно проследить в работах китайских авторов Цуй Сюцзя и Сю Цзя [Cui Xujia, Xu Jia 2017: 224], Чоу Фанъина и Юй Шисяна [Chou Fangying, Yu Shixiang 1989] по проблемам строительства китайской северо-восточной промышленной базы на территории провинции Цзилинь. Пространственно-урбанистические изменения в провинции Цзилинь представлены в работе Чэнь Юймэя, в которой последовательно охарактеризован путь урбанизации Северо-Восточного региона и дается характеристика росту городов в провинции Цзилинь [Chen Yumei 2008]. Взгляды данного ученого существенно дополняются позицией китайских исследователей Инь Сяофэна, Ван Ина, Чжан Цзина по вопросам регулирования быстрых темпов урбанизации в Цзилине [Yin Xiaofeng et. al. 2011].

История старых промышленных городов представлена в исследовании Ван Цзиньсуна [Wang Jinsong 2016], а исторические особенности основания новых городов и районов провинции Цзилинь находят отражение в работах Лю Шилиня, Лю Синьцзина, Шэн Му [Liu Shilin et. al. 2013: 74–81]. В китайской историографии присутствуют исследования Цзинь Жисюэ, Ли Чуньцзи по истории небольших поселений провинции Цзилинь [Jin Rixue, Li Chunji 2022]. Физико-географические условия демографических изменений в провинции Цзилинь представлены в работах Ван Хуэйцина и Ву Чжунъи [Wang Huiqing, Wu Zhongyi 1997].

Большинство исследований китайских

авторов посвящено анализу общих тенденций демографического развития рассматриваемой провинции [Li Ming et. al. 2012; Li Xiuling, Li Chenggu 2010; Wang Ping 1981]. Влияние экономических преобразований на структуру населения в исторической динамике подробно расссматривают исследователи Лю Жумэй, Лю Шуна, Лю Цинжуй Хао Дамин [Liu Rumei et. al. 2021], Хао Дамин [Hao Daming 2020].

Цель статьи — рассмотреть особенности экономических процессов в эволюции провинции Цзилинь с момента основания КНР в 1949 г. до начала политики «реформ и открытости» с конца 1970-х гг.; выявить основные тенденции этнических, пространственно-урбанистических, миграционных процессов; установить причины и последствия высокой рождаемости, низкой смертности, преобладания молодого поколения в структуре населения провинции Цзилинь в рассматриваемый период. Новизна работы заключается в попытке соотнести эволюцию региональных преобразований с динамикой демографических процессов в провинции Цзилинь в первые десятилетия существования КНР, что позволяет проследить демографические тенденции в истории китайского общества при построении основ социалистического государства, защите приграничных рубежей и промышленно-хозяйственном освоении территории страны на примере одной из северо-восточных провинций.

2. Материалы и методы

В статье использованы основные исторические источники, характеризующие регионально-демографическое развитие китайской северо-восточной провинции Цзилинь в период 1949–1979 гг.: материалы переписей населения КНР за 1953 г., 1964 г.; пятилетние планы народно-хозяйственного строительства (1953–1957, 1958–1962, 1966–1970, 1971–1975, 1976–1980); статистические сборники провинции Цзилинь; исторические хроники на основе архивных материалов данной провинции; сведения Исследовательского центра развития при Народном правительстве Цзилиня; собрания документов по истории Коммунистической партии в Цзилине за 1949–1978 гг. [Jilin 2020; Jilin 2009; Zhongguo 2023].

Основными методами исследования являются статистический метод, позволивший рассмотреть количественные признаки истории регионально-демографического развития провинции Цзилинь; синхронный метод, способствовавший изучению совокупности причин, оснований и последствий социально-экономических, пространственно-урбанистических преобразований в ходе эволюции регионально-демографического развития рассматриваемой провинции.

3. Экономические условия регионально-демографического развития провинции Цзилинь (1949–1979 гг.)

Регионально-демографическое развитие Китая в период после основания КНР (1949 г.) по первые годы реализации политики «реформ и открытости» (конец 1970-х гг.) было связано с построением плановой экономической системы и усилением промышленных баз. Первые годы существования КНР характеризовались экономическим упадком, социальной нестабильностью и острой необходимостью создания правовых основ деятельности нового государства. Единой концепции развития центральных, прибрежных восточных, приграничных северо-восточных и западных районов Китая не существовало [Макеева 2021: 436–438]. В условиях принятия и реализации стратегии выравнивающего и сбалансированного пространственного развития (区域均衡发展战略) в 1950-е гг. Северо-Восточный регион Китая, включавший провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, был ориентирован на использование природно-географических, геополитических, социально-демографических, промышленно-экономических преимуществ в целях усиления стратегически важной приграничной территории страны.

Ведущая роль в истории северо-восточных рубежей КНР отводилась провинции Цзилинь, которая географически расположена в самом центре Северо-Восточной Азии и граничила с Советским Союзом, Северной Кореей, а также имеет внутренние границы с провинциями Ляонин и Хэйлунцзян, автономным районом Внутренняя Монголия [Jilin 1959: 28]. История регионально-демографического развития северо-восточной провинции Цзилинь после основания КНР в 1949 г. была связана с административно-территориальными преобразованиями, промышленно-хозяйственным освоением, использованием природно-ресурсного по-

тенциала в деле строительства плановой экономики социалистического государства. За тридцать лет до начала политики «реформ и открытости» провинция Цзилинь пережила быстрое социально-экономическое развитие [Макеева 2020: 19–25]. Согласно данным Исследовательского центра по вопросам развития при правительстве провинции Цзилинь, период с 1949 г. по 1979 г. характеризовался как этап формирования регионально-производственной инфраструктуры, основу которой составляла тяжелая промышленность (以重化工业为主体的工业结构形成阶段) [Zhongguo 2023: 398; Sun Decheng 1993: 208].

В период «первой пятилетки» с 1953 г. по 1957 г. в Цзилинь возводились государственные промышленные предприятия. Реализовывались многочисленные государственные проекты по развитию региональной инфраструктуры, наблюдался рост урбанизации. В историю регионального развития провинции Цзилинь вошел документ, подписанный Мао Цзэдуном в 1953 г., — «Инструкции ЦК КПК о стремлении построить за три года автомобильный завод в г. Чанчунь провинции Цзилинь» (中共中央关于力争三年建设长春汽车厂的指示). Масштабы автомобильного производства страны росли ежегодно, что обеспечивало экономический рост провинции Цзилинь. Индустриальным центром провинции становится город Чанчунь, в строительство инфраструктуры которого ежегодно вкладывались значительные инвестиции. Были запущены такие заводы и предприятия общегосударственного значения, как Второй Чанчуньский завод по производству автомобилей и Чанчуньский завод автозапчастей. Эти предприятия внесли весомый вклад в экономический рост и городское строительство провинции Цзилинь. В 1950–1960-е гг. в провинции начали активно развивать военную промышленность. Цзилинь добилась больших успехов в автомобилестроении, нефтехимической, топливно-энергетической, каменноугольной, металлургической промышленности. Крупные государственные предприятия провинции Цзилинь обеспечивали страну большим количеством материалов и оборудованием.

В период «второй пятилетки» (1958–1962 гг.) и до начала «культурной революции» (1966–1976 гг.) социально-экономическое развитие провинции Цзилинь сопровождалось замедлением процесса урбанизации в результате реформирования системы регистрации китайских граждан по месту жительства. В годы «культурной революции» темпы регионального экономического роста провинции снизились. С 1970-х гг. в региональной экономике провинции Цзилинь наблюдался несбалансированный характер из-за дисбаланса в соотношении легкой и тяжелой промышленности [Liu Rumei et. al. 2021: 68]. Такие отрасли, как металлургия, машиностроение и химическая промышленность быстро развивались, а легкая промышленность отставала. Начало политики «реформ и открытости» с 1978 г. оказало положительное влияние на городское строительство провинции Цзилинь. Быстро развивались автомагистрали, метро, автобусные перевозки. Уделялось внимание защите окружающей среды и озеленению провинции, чтобы сделать территорию более пригодной для жизни китайских граждан.

4. Основные тенденции этнодемографического развития провинции Цзилинь (1949–1979 гг.)

В рассматриваемый период с 1949 г. по 1979 г. на территории приграничной северо-восточной провинции Цзилинь в основном проживали китайские граждане национальности хань, а также 48 этнических меньшинств. В состав провинции входило 3 национальных автономных района: Яньбань-Корейский автономный район, основанный 3 сентября 1952 г.; Цянь-Горлос-Монгольский автономный уезд, основанный 1 сентября 1956 г.; Чанбай-Корейский автономный уезд, основанный 15 сентября 1958 г. На территории провинции Цзилинь насчитывалось 23 поселка, в которых проживали этнические меньшинства: 6 корейских, 2 хуэйских, 4 маньчжурско-корейских, 10 монгольских и 1 корейско-маньчжурский. Корейцы в основном расселялись в Яньбань-Корейском автономном районе, городах Цзилинь, Тунхуа, Байшань. Маньчжуры и хуэйцы — в городах Чанчунь и Цзилинь. Монголы и представители народности сибо проживали в городах Байчэнь и Сунъюань на западе провинции Цзилинь [Fang Li 2014: 193].

В китайской исторической демографии период регионально-демографического развития с 1949 г. по 1979 г. характеризуется как период «высокой рождаемости, низкой

смертности, быстрых темпов естественного прироста населения» (高出生，低死亡，高增长) [Li Ming et. al. 2012: 88]. К 1949 г. общая численность населения провинции Цзилинь, включая национальность хань и этнические меньшинства, составляла 10 млн 85 тыс. человек [Hao Daming 2020: 31]. Улучшение социально-экономических условий жизни в провинции Цзилинь после 1949 г. сказалось на демографических показателях. К 1979 г. численность населения выросла до 21 млн 846 тыс. человек, при этом естественный прирост населения составил 11 млн 761 тыс. человек. Среднегодовой естественный прирост за 30 лет достиг показателя в 392 тыс. человек. Темп роста населения за 30 лет с 1949 г. по 1979 г. составил 2,6 %, превысив средний по стране темп роста в 2 %. Плотность населения также увеличилась с 53 человек на км^2 в 1949 г. до 117 человек в 1979 г., что было выше в среднем по стране [Li Xiuling, Li Chenggu 2010: 54]. Средняя продолжительность жизни увеличилась, а рождаемость оставалась на высоком уровне. Уровень смертности продолжал снижаться.

Характеризуя регионально-демографическое развитие провинции Цзилинь, отметим, что в годы высокой рождаемости наибольшее распространение получали традиционные китайские установки «Чем больше детей, тем счастливее жизнь» (多子多福), «Иметь большое потомство» (儿孙满堂), «Среди трех видов сыновнего непочтения к родителям самый тяжкий грех — отсутствие потомства» (不孝有三，无后为大), «Лелеять сыновей и пренебрегать дочерьми» (重男轻女) [Liu Rumei et. al. 2021: 63]. В 1950-е гг. на демографические установки китайского общества оказывали влияние принципы организации социалистического хозяйства Советского Союза. Наибольшее распространение получил принцип «Быстрый рост населения — закон социалистического общества» (人口迅速增长是社会主义社会人口规律) [Li Xiuling, Li Chenggu 2010: 53].

За тридцать лет с 1949 г. по 1979 г. в провинции Цзилинь было два пика рождаемости по годам. Первый пик пришелся на 1954 г., когда число рождений достигло 556 тыс. человек. Причиной данного явления стало улучшение условий жизни людей в результате восстановления народного хозяйства в послевоенное время. К 1954 г. общая численность населения провинции Цзилинь составляла 11 млн 647 тыс. человек. В середине 1950-х гг. на территории провинции Цзилинь увеличилось количество заключенных браков. Пик рождаемости в 1954 г. оказал положительное влияние на ситуацию с рождаемостью в последующий период с 1976 г. по 1979 г. [Jilin 2020: 84].

Рост рождаемости в провинции Цзилинь также наблюдался в течение 10 лет с 1962 г. по 1972 г. [Jilin 2009: 136]. К 1962 г. общая численность провинции Цзилинь достигла 14 млн 764 тыс. человек, а в 1963 г. — 15 млн 371 тыс. человек. На 1963 г. пришелся пик рождаемости, когда на свет появилось 708 тыс. человек. За эти 10 лет самой низкой рождаемостью характеризовался только 1969 г., когда родилось 564 тыс. человек. Причинами ежегодного роста числа рождений с 1962 г. по 1972 г. являлись: 1) восстановление народного хозяйства после «трех лет стихийных бедствий» с 1959 г. по 1961 г., когда поочередно наблюдалась засуха, сильные морозы и проливные дожди на всем северо-востоке Китая; 2) прекращение контроля над ростом населения в годы «культурной революции» (1966–1976 гг.). Десятилетие с 1962 г. по 1972 г., характеризовавшееся высокими показателями рождаемости, оказало положительное влияние на ситуацию с рождаемостью в последующий период с 1980 г. по 1990 г. [Chou Fangying, Yu Shixiang 1989: 55].

Демографическое развитие Цзилинь с 1949 г. по 1979 г. оказало влияние на все сферы жизни общества данной провинции. Быстрый рост населения в Цзилине был несопоставим с развитием сельскохозяйственного производства. Начиная с 1949 г. прирост населения превышал объемы производства зерна в данной провинции, что грозило возникновением проблем с продовольствием [Wang Huiqing, Wu Zhongyi 1997: 108]. В 1949 г. общий объем производства зерна в провинции Цзилинь составил 9 млрд 179 млн кг, а население — 10 млн 85 тыс. человек, следовательно, запасы зерна на душу населения составили 910 кг. К 1979 г. общий объем производства зерна составил 18 млрд 7 млн кг, увеличившись на 96,8 % по сравнению с 1949 г. Численность населения провинции достигла 21 млн 846 тыс. человек [Li Ming et. al. 2012: 89].

Следовательно, количество зерна на душу населения не увеличилось, а уменьшилось на 83 кг.

В рассматриваемый период площадь обрабатываемых земель на душу населения в провинции Цзилинь была выше, чем в среднем по стране, но из-за быстрого роста населения и увеличения городских и сельских районов площадь пахотных угодий уменьшалась из года в год. В 1949 г. в провинции Цзилинь насчитывалось 67 млн га обрабатываемых земель, а к 1979 г. этот показатель сократился до 60 млн га. По мнению китайского эксперта Ван Пина, быстрый рост населения оказал большое давление на трудовую занятость в провинции, на общее благосостояние людей и научно-культурный уровень [Wang Ping 1981: 3–7].

Статистические данные провинции Цзилинь показывают, что в составе населения за рассматриваемые тридцать лет преобладало молодое поколение. По итогам первой переписи населения 1953 г. доля населения в возрасте 65 лет и старше в провинции Цзилинь составила 3,1 %, а в 1964 г. достигла 3,2 %. К концу 1979 г. население провинции в возрасте до 30 лет достигло 14 млн 523 тыс. человек, что составляло 66,48 % от общей численности населения. Население в возрасте до 16 лет достигло 38,76 % [Jilin 2009: 142].

В условиях роста числа заключенных браков и увеличения числа рождений детей Народное правительство провинции Цзилинь начало подготовку к реализации общегосударственной политики «одна семья — один ребенок» (一胎政策). С 1949 г. по 1979 г. в данной провинции были заложены все необходимые условия для обеспечения работы по контролю над ростом населения. Еще во второй половине 1963 г., в соответствии с инструкциями Центрального комитета КПК и Государственного совета КНР о добросовестном содействии планированию семьи и общегосударственными задачами городского развития, в провинции была создана специализированная комиссия для проведения работ по планированию семьи. Мероприятия по ограничению рождаемости приостановила «культурная революция» в 1966 г. Второй этап работы начался в 1971 г. По предложению премьер-министра Чжоу Эньлая Госсовет КНР издал документ № 51, регламентирующий деятельность по ограничению рождаемости [Jilin 2020: 135]. С 1972 г. число рождений в провинции начало контролироваться, а естественный прирост населения постепенно снизился с 26 % в 1971 г. до 13,89 % в 1979 г. За восемь лет в провинции Цзилинь родилось на 1 млн 33 тыс. человек меньше [Jilin 2009: 147].

Таким образом за тридцать лет с 1949 г. по 1979 г. в демографическом развитии провинции Цзилинь можно выделить несколько этапов: 1) 1949–1959 гг. — период восстановления; 2) 1960–1973 гг. — период быстрого роста; 3) 1974–1979 — период стабильного роста.

5. Урбанизация и миграционные процессы в провинции Цзилинь (1949–1979 гг.)

Регионально-демографическое развитие провинции Цзилинь в рассматриваемое тридцатилетие было неразрывно связано с пространственно-урбанистическими изменениями и динамикой миграционных процессов. С 1949 г. в состав провинции входили такие города, как Чанчунь и Цзилинь, городские уезды и районы Юнцзи, Юйшу, Нунъань, Яньцзи, Дэхуэй, Шулань, Паньши, Шуанъян, Цзяохэ, Чанлин, Дуньхуа, Хуадянь, Ванцин, Мучунь, Цяньань и Аньту, а также особый район Фэнмань; специальный район Яньбань. Народное правительство провинции было расположено в городе Цзилинь. В январе 1950 г. районы Цюаньнун и Чуньян в городе Чанчунь были упразднены, а их территории были отнесены к округу Шуанъян. В декабре 1951 г. особый район Фэнмань, находившийся под прямой юрисдикцией провинции, был передан в структуру города Цзилинь. С 1952 г. провинцией Цзилинь руководил Северо-Восточный административный комитет. В августе 1952 г. был упразднен специальный район Яньбянь и создан Яньбань-Корейский автономный округ. В мае 1953 г. был основан город Яньцзи [Chen Yumei 2008: 125].

С 1953 г. пространственно-урбанистические изменения были связаны с реализацией первого пятилетнего плана (1953–1957 гг.). Провинция Цзилинь стала неотъемлемой частью базы тяжелой промышленности на северо-востоке Китая. На регионально-демографическое развитие провинции Цзилинь оказала влияние урбанизация, которая ускорилась в годы первой пятилетки. К 1953 г. в провинции

Цзилинь насчитывалось уже 5 городов общей площадью менее 200 км^2 с населением 10 млн 85 тыс. человек. С 1953 г. были запущены крупные инвестиционные индустриальные проекты в городах провинции, что привлекло туда в короткий срок рабочую силу из других провинций для участия в становлении промышленной базы на северо-востоке страны [Yin Xiaofeng et. al. 2011: 69].

В ходе строительства крупных индустриальных объектов региональная инфраструктура провинции Цзилинь начала меняться. Слабая промышленная база укреплялась при помощи высококвалифицированных специалистов из СССР и переноса некоторых предприятий легкой промышленности из Шанхая [Wang Jinsong 2016: 85]. Ведущее значение в формировании региональной промышленной инфраструктуры имел Первый автомобильный завод, основанный в Чанчуне 15 июля 1953 г. В Китае он носит название «колыбель автомобилестроения» (新中国汽车工业的摇篮). В рассматриваемый период были перенесены предприятия из Шанхая в северо-восточные провинции. Из восточных провинций рабочие переезжали в Цзилинь, что также оказало влияние на демографическое развитие данной провинции [Wang Ping 1981: 3]. Формирование северо-восточной промышленной базы на территории Цзилинь сопровождалось строительством производственных училищ и университетов для обеспечения высококвалифицированными кадрами новых предприятий провинции. С 1953 г. из Пекина и Шанхая были переведены преподаватели в средние и высшие учебные заведения Цзилинь, что также сказалось на росте внутренней миграции [Zhongguo 2023: 481].

В 1954 г. провинция Цзилинь перешла под прямое руководство центрального правительства КНР. В июне 1954 г. Народное правительство провинции Цзилинь было перенесено из города Цзилинь в город Чанчунь. В июле 1954 г. семь городских уездов Байчэн, Фэйнань, Аньгуан, Дацзи, Чжаньюй, Кайтун и Чжэньфэнь провинции Хэйлунцзян были переданы под юрисдикцию провинции Цзилинь [Liu Shilin et. al. 2013: 75]. В августе 1954 г. были созданы город Сыпин, городские уезды Шуанляо и Лишу. В подчинении провинции Цзилинь к 1955 г. находилось пять городов — Чанчунь, Цзилинь, Тунхуа, Сыпин и Ляоюань. В январе 1957 г. были созданы пригороды в городе Чанчунь, а в июле — в городе Цзилинь. В 1958 г. был основан город Байчэн [Cui Xujia, Xu Jia 2017: 132].

В 1950-е гг. ежегодно увеличивались в своих масштабах промышленные и горнодобывающие города Чанчунь, Цзилинь и Сыпин. Если в 1949 г. уровень урбанизации в провинции Цзилинь составил 17,9 %, то в 1957 г. уже достиг 29,3 %, что свидетельствовало о быстрых темпах роста городов. С 1958 г. в Китае началась реализация второй пятилетки (1958–1962 гг.), которая сопровождалась ускоренным городским строительством. Рабочая сила из сельской местности переезжала в города, что приводило к росту городского населения. Уровень урбанизации провинции Цзилинь увеличился с 29,3 % в 1957 г. до 39,3 % в 1960 г. В период «большого скачка» с 1958 г. по 1960 г. городское население значительно увеличилось [Zhongguo 2023: 493].

Рассматривая эволюцию гендерной структуры населения провинции Цзилинь, стоит отметить, что на момент первой переписи населения в 1953 г. соотношение полов населения провинции свидетельствовало о том, что на 100 женщин приходилось 113 мужчин. Это напрямую было связано с большим количеством мужчин, переехавших в провинцию Цзилинь в первые дни основания КНР для строительства старой промышленной базы на северо-востоке страны. С дальнейшим развитием третичного сектора экономики в годы второй (1958–1962 гг.) и третьей (1966–1970 гг.) пятилеток и дальнейшей миграцией членов семей рабочих мужчин в Цзилинь соотношение полов населения провинции изменилось [Hao Daming 2020: 31]. В переписи 1964 г. соотношение полов населения провинции Цзилинь составило 108,8 [Jin Rixue, Li Chunji 2022: 25]. Тенденция к снижению количества мужчин была очевидна, а масштабы и скорость снижения были выше, чем в среднем по стране.

1960 г. в регионально-демографической истории Китая характеризуется как сложный. По всей стране естественный прирост населения снизился, но в провинции Цзилинь прирост, наоборот, возрос. Чтобы преодолеть трудности жизни, большое количество жителей из китайских провинций Хэбэй и Шаньдун переезжало в лесные и сельские районы провинции Цзилинь, такие

как Тунхуа и Яньбянь, в поисках родственников и друзей, что привело к притоку мигрантов.

К концу 1961 г. уровень урбанизации провинции Цзилинь достиг 43,33 %. В годы реорганизации административной системы, а также приостановки большого количества строительных проектов часть городского населения мигрировала в сельские районы. Уровень урбанизации в 1964 г. достиг 35,31 %. В марте 1965 г. был основан город Тумэнь. В годы «культурной революции» работники из числа городской молодежи резко устремились в сельские и горные районы. Экономика в целом по стране и в частности в провинции Цзилинь находилась в состоянии стагнации, промышленное и сельскохозяйственное производство было приостановлено, а городское строительство было в состоянии разрухи. В феврале 1968 г. Народный комитет провинции Цзилинь был переименован в Революционный комитет провинции Цзилинь. За годы «культурной революции» городское население провинции Цзилинь увеличилось только на 1 млн 953 тыс. человек, а уровень урбанизации населения увеличился только на 0,7 %, достигнув 36,01 %. Количество городского населения в китайских провинциях, в том числе и в провинции Цзилинь, резко сократилось, а уровень урбанизации длительное время оставался равным 30 %. К 1978 г. в составе провинции Цзилинь насчитывалось 9 крупных городов и 36 уездов.

6. Заключение

В рассматриваемый исторический период развитие провинции Цзилинь определяли этнические тенденции, связанные с формированием таких национальных автономных административно-территориальных единиц, как Яньбянь-Корейский автономный район, Цянь-Горлос-Монгольский автономный уезд, Чанбай-Корейский автономный уезд и множество этнических поселков на территории провинции. Сложившиеся экономические условия в Цзилине с 1949 г. по 1979 г. оказывали влияние на формирование тенденций пространственно-урбанистических процессов, связанных с ростом городских районов, запуском крупных строительных объектов тяжелой промышленности, возведением производственных училищ и университетов. Экономические и пространственно-урбанистические изменения в Цзилине оказали воздействие на миграционную динамику в данной провинции. В целях усиления северо-восточной промышленной базы в 1950-е гг. в провинцию Цзилинь переезжали советские высококвалифицированные работники, китайские трудовые мигранты из восточных провинций. Ежегодно с 1949 г. по 1979 г. сельские жители Цзилиня переезжали в промышленные города Чанчунь, Сыпин и Цзилинь. Подводя итоги по изменениям в структуре населения провинции за рассматриваемые тридцать лет, стоит отметить, что причинами высокой рождаемости, низкой смертности и преобладания молодого поколения являлись улучшение социально-экономических условий жизни на северо-востоке Китая, рост количества заключенных браков и распространение традиционных китайских установок на многодетность. Последствиями высокой рождаемости, низкой смертности в провинции Цзилинь стали продовольственная проблема, нагрузка на рынок труда и переход к политике «одна семья — один ребенок» в начале 1980-х гг.

Литература

Дудченко 2023 — *Дудченко Г. Б.* Хозяйственная специализация и перспективы развития города Яньцзи (Яньбань-Корейский автономный округ провинции Цзилинь, КНР) // IX Невский чтения. Гуманитарное знание — конструктивная основа благополучия общества (г. Санкт-Петербург, 5–10 апреля 2023 г.). СПб.: Петрополис, 2023. С. 91–95.

Казаков 2019 — *Казаков Г. К.* Политическая система провинции Цзилинь: особенности кадровой ротации высшего звена провинциального руководства // Востоковедные исследования на Алтае. 2019. № 13. С. 90–96.

Макеева 2020 — *Макеева С. Б.* КНР: стратегия устойчивого развития регионов (1980-е – 2000-е гг.) // Азия и Африка сегодня. 2020. № 4. С. 19–25. DOI: 10.31857/S032150750009101-3

Макеева 2021 — *Макеева С. Б.* Региональная промышленность КНР в ходе реализации стратегии выравнивающего и сбалансированного пространственного развития в 1950–1970-е гг. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 436–448. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-436-448

Cui Xujia, Xu Jia 2017 — 崔徐嘉, 徐嘉. 城区老工业区搬迁改造研究：以吉林省为例. 北

京, 社会科学文献出版社 2017. [*Cui Xujia, Xu Jia*. Chengqu lao gongye qu banqian gaizao yanjiu: Yi jilin sheng wei li [= Исследования переноса и реконструкции старых промышленных зон в городских районах: на примере провинции Цзилинь]. Beijing: Shehui kexue wenxian chuban she, 2017. 224 p.]

Chen Yumei 2008 — 陈玉梅. 东北地区城镇化道路. 北京? 社会科学文献出版社, 2008 [*Chen Yumei*. Dongbei diqu chengzhen hua daolu [= Путь урбанизации Северо-Восточного региона]. Beijing: Shehui kexue wenxian chuban she, 2008. 252 p.]

Chou Fangying, Yu Shixiang 1989 — 仇方英, 于世祥. 当代吉林建设. 长春: 吉林大学出版社, 1989. [*Chou Fangying, Yu Shixiang*. Dangdai jilin jianshe [= Современное строительство Цзилиня]. Changchun: Jilin daxue chuban she, 1989. 283 p.]

Fang Li 2014 — 房俐. 吉林省历史文化资源. 长春. 吉林出版集团有限责任公司, 2014. [*Fang Li*. Jilin sheng lishi wenhua ziyuan [= Историко-культурный фонд провинции Цзилинь]. Changchun: Jilin chuban jituan youxian zeren gongsi, 2014. 468 p.]

Hao Daming 2020 — 郝大明. 中国经济增长中的劳动配置结构效应：1953–2018. 中国人口科学. 2020. Vol. 2. Pp. 30–43. [*Hao Daming*. Zhongguo jingji zengzhang zhong de laodong peizhi jiegou xiaoying: 1953–2018 [= Структурный эффект размещения рабочей силы в экономическом росте Китая: 1953–2018] // Zhongguo renkou kexue [= Китайская демографическая наука]. 2020. Vol. 2. Pp. 30–43].

Jilin 1959 — 吉林省地理. 吉林: 吉林人民出版社, 1959. [Jilin sheng dili [= География провинции Цзилинь]. Jilin: Jilin renmin chuban she, 1959. 34 p.]

Jilin 2009 — 吉林省统计局.吉林60年. 长春. 吉林大学出版社. [Jilin sheng tongji ju. Jilin 60 nian [= Статистическое управление Цзилинь. Цзилинь 1960 г.]. Changchun: Jilin daxue chuban she, 2009. 355 p.]

Jilin 2020 — 吉林省历史图志. 长春. [Jilin sheng lishi tu zhi [= Комитет по составлению исторических хроник провинции Цзилинь]. Changchun, 2020. 218 p.]

Jin Rixue, Li Chunji 2022 — 金日学, 李春姬. 吉林聚落. 北京: 中国建筑工业出版社, 2022. [*Jin Rixue, Li Chunji*. Jilin juluo [= Поселения в провинции Цзилинь]. Beijing: Zhongguo jianzhu gongye chuban she, 2022. 295 p.]

Li Ming et. al. 2012 — 李明, 吴正方, 张莲芝, 宗盛伟, 杜海波. 吉林省人口发展演变趋势的分形分析. 山西师范大学学报 (自然科学版. 2012. Vol. 3(26). Pp. 88–91. [*Li Ming, Wu Zhengfang, Zhang Lianzhi, Zong Shengwei, Du Haibo*. Jilin xing renkou fazhan yanbian qushi de fenxing fenxi [= Фрактальный анализ тенденций демографического развития провинции Цзилинь] // Shanxi shifan daxue xuebao (ziran kexue ban) [= Педагогический университет Шаньси (Издание по естественным наукам)]. 2012. Vol. 3(26). Pp. 88–91.

Liu Rumei et. al. 2021 — 柳如眉, 刘淑娜, 柳清瑞. 人口变动对东北地区经济增长的影响研究 // 中国人口科学. 2021. Vol. 5. Pp. 63–76. [*Liu Rumei, Liu Shuna, Liu Qingrui*. Renkou biandong dui dongbei diqu jingji zengzhang de yingxiang yanjiu [= Исследование влияния демографических изменений на экономический рост в Северо-Восточном Китае] // Zhongguo renkou kexue [= Китайская демографическая наука]. 2021. Vol. 5. Pp. 63–76].

Liu Shilin et. al. 2013 — 刘士林, 刘新静, 盛暮. 中国新城新区发展研究. // 江南大学学报. 2013. Vol. 7. Pp. 74–81. [*Liu Shilin, Liu Xinjing, Sheng Mu*. Zhongguo xincheng xinqu fazhan yanjiu [= Исследования по развитию новых городов и новых районов] // Jiangnan daxue xuebao (江南大学学报) [= Журнал Цзяннаньского университета]. 2013. Vol. 7. Pp. 74–81].

Li Xiuling, Li Chenggu 2010 — 李秀玲, 李诚固. 吉林省人口分形的理论解析 // 当代经济研究. 2010. Vol. 6. Pp. 53–55. [*Li Xiuling, Li Chenggu*. Jilin xing renkou fenxing de lilun jiexi [= Теоретический анализ фрактала населения провинции Цзилинь] // Dangdai jingji yanjiu (当代经济研究) [= Современные экономические исследования]. 2010. Vol. 6. Pp. 53–55].

Sun Decheng 1993 — 孙德成. 吉林省纺织品对外贸易志 1954–1990年. 长春: 吉林省纺织品进出口公司, 1993. [*Sun Decheng*. Jilin sheng fangzhipin duiwai maoyi zhi 1954–1990 nian [= Хроники внешней торговли текстильными изделиями в провинции Цзилинь за 1954–1990 гг.]. Changchun: Jilin sheng fangzhipin jin chukou gongsi, 1993. 370 p.].

Wang Huiqing, Wu Zhongyi 1997 — 王惠清, 吴忠义. 吉林省气候. 北京: 气象出版社, 1997. [*Wang Huiqing, Wu Zhongyi*. Jilin sheng qihou [= Климат провинции Цзилинь]. Beijing: Qixiang chuban she, 1997. 255 p.]

Wang Jinsong 2016 — 王劲松. 老工业基地城市的改造与发展：以吉林省四城市为例. 北京: 科学出版社, 2016. [*Wang Jinsong*. Lao gongye jidi chengshi de gaizao yu fazhan: Yi jilin sheng si chengshi wei li [= Реконструкция и развитие старых промышленных городов: на примере четырех городов провинции Цзилинь]. Beijing: Kexue chuban she, 2016. 212 p.].

Wang Ping 1981 — 王平. 吉林省人口发展状况与未来趋势 // 人口学刊. 1981. Vol. 3.

Pp. 3–7. [*Wang Ping*. Jilin xing renkou fazhan zhuangkuang yu weilai qushi [= Современное состояние и будущие тенденции демографического развития провинции Цзилинь] // Renkou xue kan [= Демография]. 1981. Vol. 3. Pp. 3–7].

Yin Xiaofeng et. al. 2011 — 殷晓峰，王颖，张靖. 吉林省城市化发展的路径及对策 // 经济纵横. 2011. Vol. 7. Pp. 67–70. [*Yin Xiaofeng, Wang Ying, Zhang Jing*. Jilin sheng chengshi hua fazhan de lujing ji duice [= Путь и корректирующие меры развития урбанизации в провинции Цзилинь] // Jingji zongheng [= Экономические перспективы]. 2011. Vol. 7. Pp. 67–70].

Zhongguo 2023 — 中国共产党吉林历史第二卷 (1949–1978) / 中共吉林省委党史研究室. 北京: 中共党史出版社, 2023. [Zhongguo gongchandang jilin lishi di er juan (1949–1978) [= Второй том истории Коммунистической партии Китая в Цзилине (1949–1978)]. Beijing: Zhonggong dang shi chuban she, 2023. 616 p.].

References

Chen Yumei. Path to the Urbanization of Northeast China. Beijing: Social Sciences Literature Press, 2008. 252 p. (In Chin.)

Chou Fangying, Yu Shixiang. Modern Construction in Jilin. Changchun: Jilin University Press, 1989. 283 p. (In Chin.)

Communist Party of China in Jilin: A History. Vol. 2: 1949–1978. Beijing: CPC History Publishing House, 2023. 616 p. (In Chin.)

Cui Xujia, Xu Jia. Relocation and Reconstruction of Ex-Industrial Zones into Urban Areas: The Case of Jilin Province. Beijing: Social Sciences Literature Press, 2017. 224 p. (In Chin.)

Dudchenko G. B. The city of Yanji (Yanbian Korean Autonomous Prefecture, Jilin Province, PRC): Economic specialization and development prospects. In: Eleventh Neva Readings. Humanities Knowledge — Basis for Social Welfare (St. Petersburg, 5–10 April 2023). St. Petersburg: Petropolis, 2023. Pp. 91–95. (In Russ.)

Fang Li. Historical and Cultural Foundations of Jilin Province. Changchun: Jilin Publishing Group Ltd., 2014. 468 p. (In Chin.)

Hao Daming. The structural effect of labor allocation in China's economic growth: 1953–2018. *Chinese Journal of Population Science*. 2020. No. 2. Pp. 30–43. (In Chin.)

Jilin Committee for Historical Chronicles. Changchun, 2020. 218 p. (In Chin.)

Jilin Province: Geography. Jilin: Jilin People's Publishing House, 1959. 34 p. (In Chin.)

Jilin Statistical Department: Celebrating the Sixtieth Anniversary. Changchun: Jilin University Press, 2009. 355 p. (In Chin.)

Jin Rixue, Li Chunji. Settlements of Jilin Province. Beijing: China Building Industry Press, 2022. 295 p. (In Chin.)

Kazakov G. K. The political system of Jilin Province: Features of personnel rotation of the highest level of the provincial leadership. *Vostokovednye issledovaniya na Altae*. 2019. Vol. 13. Pp. 90–96. (In Russ.)

Li Ming, Wu Zhengfang, Zhang Lianzhi, Zong Shengwei, Du Haibo. Demographic trends in Jilin Province: Fractal analysis. *Journal of Shaanxi Normal University (Natural Science Edition)*. 2012. No. 3(26). Pp. 88–91. (In Chin.)

Li Xiuling, Li Chenggu. Fractal population dynamics in Jilin Province: Theoretical analysis. *Contemporary Economic Research*. 2010. No. 6. Pp. 53–55. (In Chin.)

Liu Rumei, Liu Shuna, Liu Qingrui. Influence of demographic changes on economic growth in Northeast China. *Chinese Journal of Population Science*. 2021. No. 5. Pp. 63–76. (In Chin.)

Liu Shilin, Liu Xinjing, Sheng Mu. Research on the development of new cities and new districts. *Journal of Jiangnan University*. 2013. No. 7. Pp. 74–81. (In Chin.)

Makeeva S. B. China: Strategy of regions' sustainable development (1980–2000s). *Asia and Africa Today*. 2020. No. 4. Pp. 19–25. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750009101-3

Makeeva S. B. Regional industry of the PRC during the implementation of the strategy of equalizing and balanced spatial development in the 1950–1970s. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 3. Pp. 436–448. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-436-448

Sun Decheng. Jilin Province, 1954–1990: Chronicles of Foreign Trade in Textile Products. Changchun: Jilin Province Textiles Import & Export Company, 1993. 370 p. (In Chin.)

Wang Huiqing, Wu Zhongyi. Climate of Jilin Province. Beijing: China Meteorological Press, 1997. 255 p. (In Chin.)

Wang Jinsong. Reconstruction and Development of Old Industrial Cities: The Case of Four Cities in Jilin Province. Beijing: Science Press, 2016. 212 p. (In Chin.)

Wang Ping. Demography of Jilin Province: Current state and future trends. *Population*. 1981. No. 3. Pp. 3–7. (In Chin.)

Yin Xiaofeng, Wang Ying, Zhang Jing. Urbanization in Jilin Province: The mainstream and corrective measures. *Economic Review*. 2011. No. 7. Pp. 67–70. (In Chin.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 2, Pp. 270–282, 2024
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 94(47)
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-270-282

Русско-калмыцкие переговоры и заключение шерти 1677 г.

Владимир Толтаевич Тепкеев[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
0000-0002-4140-8358. E-mail: tvt75[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024
© Тепкеев В. Т., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются обстоятельства русско-калмыцких переговоров и заключения шерти 1677 г. *Целью* исследования также является введение в научный оборот новых источников по истории русско-калмыцких отношений XVII в. Основным *материалом* для данной работы послужила посольская книга № 5, хранящаяся в фонде 119 («Калмыцкие дела») Российского государственного архива древних актов. *Результаты.* Заключение договора 1677 г. происходило в атмосфере настороженности и недоверия с обеих сторон. Главными гарантами с калмыцкой стороны вместе с Аюкой выступали родной брат Ике-Замса и дербетский тайша Солом-Церен. *Выводы.* Шерть 1677 г. во многом повторяла основные принципы шерти 1673 г., но в нее были добавлены некоторые дополнительные статьи: во-первых, значительно ущемлялись внешнеполитические связи тайшей; во-вторых, всех захваченных в полон русских людей в 1675–1677 гг. тайши обязывались вернуть, а виновных наказать; в-третьих, более четко были сформулированы протокольные условия приема Аюкой царских посланников и письменных посланий.

Ключевые слова: исторические источники, русско-калмыцкие отношения, калмыки, шерть, Астрахань, К. О. Щербатов, Аюка-хан

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Тепкеев В. Т. Русско-калмыцкие переговоры и заключение шерти 1677 г. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 2. С. 270–282. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-270-282

Russian-Kalmyk Negotiations and the Shert' of 1677

Vladimir T. Tepkeev[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
0000-0002-41408358. E-mail: tvt75[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024
© Tepkeev V. T., 2024

Abstract. *Introduction*. The article discusses circumstances behind the Russian-Kalmyk negotiations and *Shert'* ('oath/treaty of allegiance') of 1677. *Goals*. The study seeks to introduce some newly discovered sources dealing with seventeenth-century Kalmyk-Russian relations. *Materials*. The work focuses on Ambassadorial Book 5 contained in Collection 119 ('Kalmyk Affairs') of the Russian State Archive of Ancient Acts. *Results*. The Treaty of 1677 and related preceding arrangements were characterized by mutual suspicion and mistrust. The main Kalmyk-party guarantors — besides Ayuka proper —were Noyon Yeke-Zamsa of Torghuts and Tayiji Solom-Tseren of Dorbets. *Conclusions*. The Shert' of 1677 would largely duplicate provisions of the 1673 one. However, it was supplemented with a few points, namely: 1) external political contacts of Kalmyk noblemen would be essentially limited, 2) all ethnic Russian captives of 1675–1677 were to be returned and offenders be punished, 3) diplomatic protocol and procedures to be henceforth followed by Ayuka with Russian Tsar's ambassadors and written messages were articulated in greater detail.
Keywords: historical sources, Russian-Kalmyk relations, Kalmyks, *shert'*, Astrakhan, K. Shcherbatov, Khan Ayuka
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.
For citation: Tepkeev V. T. Russian-Kalmyk Negotiations and the *Shert'* of 1677. *Oriental Studies*. 2024; 17 (2): 270–282. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-270-282

1. Введение

Данная статья является продолжением серии публикаций [Тепкеев 2010; Тепкеев 2011; Тепкеев 2013] об одном из важных этапов в истории русско-калмыцких отношений, а именно о заключении в XVII в. шертей, которые сыграли существенную роль в становлении Калмыцкого ханства и принятии калмыками российского подданства. Публикация таких материалов актуальна и востребована современным обществом, поскольку они содержат богатую историческую информацию об исследуемом периоде.

Во второй половине XVII в. продолжался процесс укрепления Московского государства как единого и централизованного; в его форме правления наметилась тенденция перехода от сословно-представительной монархии к абсолютной. В этих исторических условиях вносились и изменения в правовое положение национальных окраин и в их взаимоотношения с Москвой. По мнению К. Н. Максимова, если ранее договорные акты оформляли, уточняли, подтверждали принятие калмыками российского подданства, то шерть 1677 г. внесла изменения в правовое положение Калмыцкого ханства как находящегося в составе России [Максимов 2002: 98].

Формальным поводом заключения новой шерти стала смена власти в Москве. 29 января 1676 г. скончался второй русский царь из династии Романовых — Алексей Михайлович «Тишайший». На следующий день новым царем был объявлен его 15-летний сын — Федор (Феодор) Алексеевич (1661–1682 гг.), который с рождения был весьма слаб и болезнен. Однако к середине 1676 г. Федор Алексеевич сумел взять власть в свои руки, отстранив от дел и отправив в ссылку боярина Артамона Матвеева, фактически руководившего государством на первых порах после смерти Алексея Михайловича.

Смена власти привела и к тому, что в русско-калмыцких отношениях в очередной раз остро встал вопрос о «даче» новой шерти калмыцкими тайшами. Предыдущая шерть 1673 г., данная Аюкой на верность усопшему монарху, требовала обновления, но уже и перед молодым монархом.

Но была и другая причина. В этот период Москва готовилась к очередному этапу войны за Правобережную Украину с Турцией и Крымом, и привлечение калмыков в новую военную кампанию вновь стало актуальной темой в правительственных кругах. С назначением в 1676 г. воеводой в Астрахань боярина Константина Осиповича Щербатова связывались определенные надежды, в том числе в полной мере — и решение калмыцкого вопроса. Выбор этой кандидатуры, по всей видимости, был обусловлен тем, что К. О. Щербатов в свое время участвовал в подавлении восстания Степана Разина, по-

этому он неплохо знал положение в южном регионе и особенности «калмыцких дел».

К приведению Аюки к новой шерти подталкивали и поступавшие сведения о связях калмыцкого тайши с крымским ханом. Например, в 1676 г. в Москву об этом сообщал украинский гетман Самойлович: «понеже хан [крымский] имеет у них [калмыков] своего дружного человека, Юсуп мурзу, который давно зашел с несколькою тысяч своей орды в Калмыки, а там, с ними живучи, о всем к хану пишет и советами своими крепкими меж калмыки часто замыслы воинские отворачивает; и для того от хана великие к нему на всякой год доходят поминки» [Акты 1842: 506–507]. В Москве весьма заинтересовались этой информацией, и в Астрахань, и тайшам был отправлен запрос о некоем «Юсуп-мурзе» [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 634; Акты 1882: 555, 558]. Здесь, скорее всего, речь идет о ногайском мирзе Юсуфе Уракове, который, поссорившись с крымцами, вместе с братом Дивеем ушел в Кабарду. В 1672 г. в результате крымского вторжения в Кабарду они бежали под Астрахань и пристали к калмыкам [Акты 1842: 506–507].

Целью публикации является введение в научный оборот исторических сведений о русско-калмыцких переговорах, предшествовавших подписанию шерти 1677 г., а также текст самого документа.

2. Материалы и методы

Источниковой базой к статье послужили документы фонда 119 («Калмыцкие дела») Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Основным материалом стали сведения из посольской книги № 5, которая состоит из рукописи в двух частях и на 85 листах. Ее полное название следующее: «1676 (7184) авг. 18–20 генв. 1677. Книга, содержащая в себе: I. Статейный список астраханского воеводы, окольничего, князя Константина Щербатова с товарищи, бытности их на съезде с калмыцкими тайшами Аюкою, Соломсеренем и со всеми их родственниками под Астраханью для подкрепления нарушенных ими, калмыками, прежних договоров и для приведения их к присяге в верности царю Федору Алексеевичу; II. Шертная помянутых тайшей запись (от 15 генв. 1677 года) о их верности, подданстве и послушании к российским государям, и о нечинении обид, налогов и грабежу российским людям» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5]. В настоящее время этот документ полностью опубликован и введен в научный оборот [Посольские 2024: 182–224].

Впервые текст шерти или «шертной записи» был опубликован во втором томе «Полного собрания законов Российской империи» [ПСЗРИ 1830: 80–86]. В настоящей статье особый упор делается на описание событий, которые предшествовали подписанию шерти 1677 г., и анализу самого текста документа.

Достоверность представленных архивных сведений проверялась путем выявления его происхождения, сравнения и сопоставления с другими источниками, содержащими похожую информацию.

3. Начало переговорного процесса

В августе 1676 г. К. М. Черкасский прибыл с Терека в Астрахань и попросил воеводу К. О. Щербатова отправить посыльных к Аюке и договориться с ним о встрече, «чтоб им ехать великого государя на службу — на Крым и на крымские улусы» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 2].

В это время улус Аюки кочевал в районе Яика, где его и встретил отправленный к нему голова казанских стрельцов Микита Ступишин. При встрече Ступишин передал ему желание К. М. Черкасского лично встретиться и наказ астраханского воеводы К. О. Щербатова прибыть в район Астрахани: «чтоб он, Аюкай, и все тайши прежние договорные свои статьи подкрепили и великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, его царскому величеству вновь шерть учинили» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 3–3об.].

Однако Аюка не спешил на войну против Крыма, так как у него на восточном направлении возникла довольно серьезная угроза — появление на ближайших подступах к его кочевьям «черных калмыков» под началом некоего тайши Дорджи. Аюка планировал выехать на восток и лично с ним встретиться, чтобы обсудить условия мирного сосуществования. И только после этого обещал заключить новую шерть [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 3об.].

1 октября 1676 г. К. М. Черкасский выехал из Астрахани в калмыцкие улусы, где

пробыл до 13 ноября. Князь застал улус Аюки на Яике и призвал его вернуться на ближние к Астрахани кочевья, обещая от воевод полную безопасность. Вполне доверительные отношения между ними возымели свое действие, и калмыцкие владельцы стали постепенно перекочевывать к Волге. Прибывшие с К. М. Черкасским калмыцкие посланники Аюки, Акинь и Боян также получили от астраханских властей заверение в незыблемости к Аюке «государевой милости» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 5–5об.].

23 декабря 1676 г. в Астрахань из Посольского приказа пришла грамота государя Феодора Алексеевича с указом о приведении к шерти Аюки и всех калмыцких владельцев с их улусными людьми и представлении им государева жалованья. Это стало сигналом к тому, что К. М. Черкасский 27 декабря вновь выехал из Астрахани в калмыцкие улусы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 6об.–7об.].

3 января 1676 г. князь вернулся в Астрахань с сообщением о готовности Аюки в ближайшие дни дать шерть под Астраханью. В это время калмыцкий тайша кочевал на ближних кочевьях, в двух днях пути от Астрахани. 6 января сюда прибыли уже его представители — Чекула Биликтин с товарищами. Они сообщили о скором приезде Аюки под Астрахань [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 8об.–9об.].

9 января Аюка снова присылает в Астрахань сообщение о своем приближении к городу через своих представителей — Алдара Сухая с товарищами [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 10–10об.].

11 января князь К. М. Черкасский выезжает из Астрахани в калмыцкие улусы, чтобы встретиться с Аюкой и ускорить процесс его встречи с астраханскими воеводами [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 11–11об.].

13 января от К. М. Черкасского в Астрахань приезжает Афтамон Репьев, который сообщает, что Аюка находится в пяти верстах. Калмыцкий тайша предполагал быть на съезде практически со всеми калмыцкими владельцами, за исключением брата Ике-Замсы и тайши Батыра. Их он отправил с отрядами для охранения улусов на границу с Крымским ханством. Другого брата, Бага-Замсу, Аюка оставил на прежнем месте кочевания под Астраханью. Однако он просил воевод о том, чтобы на съезде были представители отсутствовавших владельцев, а также чтобы им выдали от государева жалованья — по сукну [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 11–12].

14 января в Астрахань прибыли новые представители Аюки — Эрке Батма с товарищами. Они поставили в известность воевод о том, что Аюка остановился в урочище Заповедник и готов к встрече [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 12–12об.].

Прибывший из калмыцких улусов князь К. М. Черкасский сообщил воеводам, что Аюка, прибыв к Астрахани, не спешит прибыть на съезд: «и к Астарахани не едет за тем, что де великого государя жалованье за шертованье дано ему будет бутто менши прежнего» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 12об.–13]. Взяв на себя ответственность, К. М. Черкасский заверил Аюку, что жалованье он получит не меньшее, какое он получил в 1673 г., заключив предыдущую шерть с воеводой Я. Н. Одоевским [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 12об.–13].

В день заключения шерти, 15 января, в Астрахань прибыли представители Аюки, Замсы, Солом-Церена и Батыря — Багын-Кашка с товарищами. Получив подарки, они вернулись к своим владельцам, чтобы окончательно их заверить в полной готовности астраханской стороны к проведению русско-калмыцкого съезда [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 13об.].

В это время астраханский воевода Константин Осипович Щербатов отдал указание построить из рогаток импровизированный городок на прежнем месте заключения договора, где Аюка в 1673 г. шертовал при воеводе Я. Н. Одоевском, — на Соляной протоке близ Астрахани. Командирам московских и казанских стрельцов Матвею Сипягину, Миките Мамонину и Миките Ступишину было приказано поставить своих стрельцов строем возле городка, в центре которого стоял шатер, где и предполагалась сама встреча [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 13об.–14].

Приказав усилить все подходы к Астрахани, К. О. Щербатов в сопровождении думного дворянина К. О. Хлопова, дьяков С. Румянцова и А. Симанова выехал на правый берег Волги к месту съезда, шатру, располагавшемуся у Соляной протоки. Пригласить Аюку прибыть на съезд, ничего не опасаясь, отправили астраханца Ивана Фе-

дотьева. Тайша остановился в семи верстах от Астрахани, в урочище Караузек [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 14–16об.].

В этот же день Аюка, Солом-Церен и другие владельцы в сопровождении К. М. Черкасского прибыли к месту съезда, остановившись в двух верстах от города. Однако в ходе обмена посланниками между сторонами тут же возникла заминка по поводу присутствия возле шатра большого количества астраханских ратных людей, что весьма смутило калмыков. Они выдвинули условие о сокращении численности астраханцев, «чтоб им самим о съезде договор учинить и словами своими уверитца» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 17–18об.]. В противном случае калмыцкие владельцы отказывались от встречи [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 17–18об.].

В итоге Аюка и Солом-Церен, подъехав к шатру, согласились в него войти, не беспокоясь за свою безопасность. Произошло это благодаря определенным гарантиям со стороны воеводы К. О. Щербатова и князя К. М. Черкасского, которые уверили калмыцких владельцев, что в шатре и вблизи него не будет никаких вооруженных людей. Тайши во главе с Аюкой вошли в шатер и начали переговоры [Батмаев 1993: 189].

Начало встречи ознаменовалось традиционной темой разговора для того времени, а именно: вопросами о здоровье царя Феодора Алексеевича и его малолетних братьев, Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 20об.–21об.].

После этого стороны перешли уже к обсуждению конкретных вопросов и проблем в русско-калмыцких отношениях, накопившихся за последние несколько лет. Переговоры проходили в шатре за столом в следующем порядке: по правую сторону сидели К. О. Щербатов, К. М. Черкасский, К. О. Хлопов, С. Румянцов и А. Симанов; по левую сторону стола располагались Аюка и Солом-Церен, позади них стояли «владетельные и родственные и лутчие их улусные люди» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 21об.–22].

4. Переговоры и заключение шерти

Астраханские воеводы напомнили Аюке и Солом-Церену, что в прошлые годы, при правлении государя Алексея Михайловича, «учинились в вечном подданстве» Дайчин, Мончак, Солом Церен и другие калмыцкие и ногайские владельцы, заключив шерти в урочище Берекети при князе и воеводе Григории Сунчалеевиче Черкасском. В 1673 г. Аюка также лично подтвердил прежние договоренности своего деда и отца в урочище Соляная протока, но уже при князе и воеводе Якове Никитиче Одоевском [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 22об.–23].

Напоминание астраханскими воеводами о ранних русско-калмыцких договоренностях стало предметом выдвижения российской стороной калмыкам целого ряда претензий, связанных с их нарушениями. Начались они, как отмечали сами воеводы, двумя годами ранее: «А со (7)183-го [1675] году той их прежней шерти и договорным статьям от улусных их людей учало быть нарушенье: под государские городы и остроги войною воровски приходили и людей до смерти побивали, и в полон имали, а иных грабили и конские табуны и животинные стада отгоняли, и учюги разоряли» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 23].

Воеводы настаивали на том, чтобы Аюка и Солом-Церен немедленно провели бы у себя в улусах розыск и «взятых людей и грабежное прислали в Астарахань» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 23]. Они подготовили «роспись» преступлений, совершенных их подвластными калмыками и ногайцами, которая состояла примерно из 22-х статей и была озвучена на съезде. Например, к наиболее серьезным преступлениям можно отнести нападение осенью 1676 г. неких «воровских калмыков» на город Усерд[1], который они захватили обманом, представившись участниками крымского похода К. М. Черкасского, и «многих руских людей порубили» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 23].

Тайши заверили воевод, что по всем выдвинутым обвинениям они обязательно проведут розыск в своих улусах: «и полонеников и грабежное и отгонное сыскав, в Астарахань пришлют, а вором за то учинят наказанье» [Посольские 2024: 207]. Со своей стороны они выдвинули обвинения в адрес донских казаков, которые «самовольством своим многих их калмыцких людей побили и конские и животинные стада поймали» [Посольские 2024: 207]. Тайши просили воевод, чтобы го-

[1] Ранее существовавший город-крепость на слиянии рек Тихая Сосна и Усерд в Белгородской черте, ныне — село Стрелецкое.

сударь отправил на Дон грамоты с запретом на подобные действия, на что получили заверение [Посольские 2024: 207].

Следующим вопросом, в котором стороны быстро пришли к общему консенсусу, был вопрос о продолжении участия калмыков в войне Москвы против Крымского ханства. Аюка и Солом-Церен подтвердили незыблемость ранних договоренностей Дайчина и Мончака с правительством по этому вопросу, напомнив, например, что калмыцкая конница уже успешно участвовала в крымском походе К. М. Черкасского в 1675 г. [Посольские 2024: 208–209].

«Ногайский вопрос» также не остался без внимания. Тайши заверили воевод, что будут «унимать» подвластных им ногайцев от набегов на российских подданных. Они согласились также не препятствовать тем ногайским мирзам, кто добровольно пожелает отойти от калмыков к Астрахани: «тех мурз и их людей в неволе держать и заказу им чинить и грабить их не станут» [Посольские 2024: 210].

Договоренности были достигнуты и по вопросу беглых людей из калмыцких улусов в русские города. В основном это касалось «некрещеных иноземцев», которых русская сторона обязалась выдавать обратно калмыкам или выкупать по 10 рублей за человека, что было серьезным сокращением стоимости по сравнению с предыдущими договоренностями (от 15 до 25 рублей). Калмыцкая сторона также обязывалась выдавать всех русских пленников, бежавших домой через калмыцкие кочевья [Посольские 2024: 210–211].

Не остался в стороне и «башкирский вопрос». Тайши отрицали тот факт, что в калмыцких улусах находятся башкирские люди. При этом они ставили в упрек властям непрекращавшиеся случаи набегов башкир и яицких казаков на калмыцкие владения. Аюка и Солом-Церен просили у воевод содействия в возможно более скором решении этой проблемы. По словам воевод, по всем низовым городам государства действует государев указ: «с их калмыцкими людми потому ж никаких ссор и задоров чинить не велено и учинен о том заказ крепкой под смертною казнью» [Посольские 2024: 212].

Стороны также договорились, что калмыцкая сторона будет посылать в Москву и Астрахань небольшие по численности делегации: «по человеку и по два, а с ними товарыщов по три и по четыре человека» [Посольские 2024: 212]. Тайши согласились и с процедурой приема царских посланников и получения грамот: «нам, тайшам, принимать с великою честию, встав и сняв шапку, и присланных от великого государя и из Астарахани и из иных городов, от бояр и воевод, бесчестья никакова не делать и держать их им у себя с кормами и с честию, и отпускать их без задержанья» [Посольские 2024: 213].

Обговорив все детали текста предстоящей шерти, воеводы приказали ее переписать и внести в шатер уже обновленный проект шерти, которая была зачтена через толмача при Аюке и Солом-Церене. Тайши, выслушав текст документа, взяли у присутствующего своего владетельного человека Алдар-зайсанга статуэтку бурхана, молитвенную книгу-бичик и четки и повторили все то, что было записано в шерти. Они подтвердили прежние свои обязательства и согласились с новыми дополненными статьями, включенными в документ. По просьбе астраханских воевод тайши собственноручно «к тому списку руки свои также подписали» [Посольские 2024: 215].

Обращает на себя тот факт, что в посольской книге приводится полный поименный список из 110-ти «родственных и владетельных лутчих улусных людей», также присутствовавших на съезде [Посольские 2024: 241–243]. При заключении шерти 1673 г. также приводился подобный поименный список, но он состоял из 152-х лиц.

После подписания шерти воевода К. О. Щербатов торжественно объявил о внесении в шатер для тайшей жалованья: «шубы и выдры, и сукна, и кожи, и государево жалованье годовое денежное» [Посольские 2024: 215]. Однако Аюка выступил против всеобщей демонстрации государева жалованья: «как улусные ево люди увидят, и ис того государева жалованья им, Аюкаю и Солом Сереню тайшам, достанетца малое что» [Посольские 2024: 215]. Он предложил забрать жалованье на следующий день. Воеводы угостили Аюку, Солом-Церена и других калмыцких владельцев «питьем довольно» [Посольские 2024: 216].

В ходе последующего застолья воеводы предложили тайшам следующую процедуру: «для крепости шерти своей саблю на го-

ловы свои положили и к горлам приложили против прежнего, как было в прошлом во (7)181-м [1673] году при боярине и воеводах, при князе Якове Никитиче Одоевском с товарыщи» [Посольские 2024: 216]. Однако тайши, ссылаясь на позднее время, предложили перенести эту процедуру на другой день и сделать это в улусах при большом количестве других калмыцких владельцев и улусных людей. На этом мероприятие, связанное с подписанием шерти, закончилось [Посольские 2024: 216].

Чтобы окончательно завершить все церемониальные процедуры, на следующий день, 16 января 1677 г., воеводы К. О. Щербатов и К. О. Хлопов отправили в калмыцкие улусы дьяка Семена Румянцова, подьячих Василия Кучюкова и Ивана Федорова, толмача Андрея Боброва, а для охраны сотню конных стрельцов под командой сотника Яна Калицкого. В присутствии их и К. М. Черкасского, при огромном стечении калмыцких и ногайских владельцев, в урочище Шертемире Аюка совершил завершающую процедуру: он вынул из ножен свою саблю и передал С. Румянцову. Дьяк, приняв из рук тайши саблю, повернул к нему острием и сказал: «он, Аюкай, в верной своей службе великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, его царскому величеству и его царского величества наследником учинил после шерти своей подкрепленье, взяв у него, Семена, ту свою саблю, положил на голову свою и к горлу своему приложил» [Посольские 2024: 221–222].

Аюка, взяв свою саблю у С. Румянцова, говорил: «Буде он, Аюкай, тайша, у великого государя, царя и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, у его царского величества и его царского величества у наследников, и улусные люди всех их владеней в послушанье быть не учнут, и прежнюю и нынешнюю свою шерть и договорные статьи, как в шертовальной их записи написано, и обещание свое в чем нибудь нарушат, и за те их неустойные и нарушенные статьи у него, Аюкая, и у братей, и у детей, и у племянников, и у внучат, и у ближних родственных, и владетельных, и улусных людей тою саблею, которую ныне он, Аюкай, на голову свою кладет и к горлу прикладывает, головы их от неприятелей отсечены б были» [Посольские 2024: 222]. После этого Аюка саблю острой частью приложил к голове и горлу, а затем вложил ее в ножны. По просьбе С. Румянцова эту же процедуру с саблей Аюки повторил и Солом-Церен [Посольские 2024: 222].

После этого Аюка и Солом-Церен обратились к присутствующим калмыцким и ногайским владельцам, напомнив, что они дали шерть не только за себя, но за всех своих людей: «и они б все, видя то, служили и добра хотели великому государю, его царскому величеству и его царского величества наследником верно, безо всякие шатости навеки неотступно» [Посольские 2024: 223].

5. Текст шерти 1677 г.

Яз, Аюкай тайша, да, яз, ево Аюкаев родной брат, Монцак Замса тайша[1], даем шерть за себя и за брата своево родного, Замсу тайшу Меньшова Мончакова, да яз, Солом Серень[2], за себя и все мы, тайши, за Батыря тайшу и за новоприезжих за Дояна, за Серея, за Дол, за Баушея, за Аюкая Шарапова тайшей, которые после договору (7)181-го [1673] году приехали вновь кочевать, и за братью, и за детей, и за племянников, и за внучат, и за нагайских, и за едисанских[3], и за енбулуцких[4], и за малибашских[5], и за

[1] Мончак (Пунцуг) – второй правитель в Калмыцком ханстве, отец хана Аюки.

[2] Солом-Церен (Солом Серень) — главный владелец Дербетского улуса в составе Калмыцкого ханства, глава всех волжских калмыков-дербетов. Младший сын дербетского тайши Далай-Батура (ум. в 1637 г.). Во время русско-польской войны 1654–1667 гг. вместе с отцом Аюки, тайшой Мончаком, участвовал в войне против Крымского ханства, что подтверждается союзным русско-калмыцким «шертным» договором от 8 июня 1661 г.

[3] Едисанские ногайцы присоединились к калмыкам в 1643 г., главой которых в этот период выступал мирза Сююнча Абдулов (Сууниш Абдула улы).

[4] Джемболукские ногайцы — ногайское родоплеменное объединение, ранее входившее в состав едисанских ногайцев, но затем обособившееся в отдельный улус со своими мирзами. Присоединились к калмыкам на рубеже 1620–1630-х гг.

[5] Малибаши — ногайское родоплеменное объединение, ранее входившее в состав едисанских ногайцев, но затем обособившееся в отдельный улус со своими мирзами, во главе которых в XVII в. стояли Аксак Кель-Мухаммед и

келечинских[1] мурз, и за их детей, и за племянников, и за внучат, и за улусных людей, за калмык и за татар, всех наших владеней, которые кочуют с нами, тайши, на вечное и верное подданство великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, и многих государств и земель восточных и западных и северных отчичю и дедичю, и наследнику, и государю, и обладателю, его царскому величеству и его царского величества наследником, на том: что мне, Аюкаю тайше, и нам, братьям ево, Монцаку Замсе тайше и Замсе тайше Мончаковым, и Солом Сереню, и Батырю тайшам, и новоприезжим выше писанным тайшам, и детем и племянником, и внучатом, и всем калмыцким родственным владетельным улусным нашим людем, и нагайским, и едисанским, и енбулуцким, и малибашским, и келечинским мурзам, и их детем, и братьям, и племянником, и внучатом, и всяким улусным людем всех наших владеней у него, великого государя, царя и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, у его царского величества, и его царского величества у наследников, быть под самодержавною их государскою высокою рукою в вечном подданстве навеки неотступным, и ему, великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, его царскому величеству и его царского величества наследником служити и во всем всякого добра хотети, и его государское повеление во всем исполняти, и договорные свои прежние статьи по шертовальной своей записи содержати нам так, как мы шертовали под Астараханью в прошлом во (7)181-м [1673] году при боярине и воеводах, при князе Якове Никитиче Одоевском с товарыщи, и как мы по той своей шерти служили и всякого добра хотели отцу его государеву, блаженные памяти великому государю, царю и великому князю Алексею Михалойвичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, так же и ныне мы, тайши, за себя и за всех вышеписанных тайшей и за братью свою, и за детей, и за племянников, и за внучат, и за всех улусных своих людей, всех своих владеней, тое свою прежнюю шерть и обещание подкрепляем. А на новых своих договорных статьях, которые статьи мы в нынешнем во (7)185-м [1677] году генваря в 15 день под Астараханью, за рекою Волгою, на прежнем месте по указу великого государя, царя и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, с окольничим и воеводы, со князем Костянтином Осиповичем Щербатово, да з думным дворянином с Кирилом Осиповичем Хлоповым, да з дьяки с Семеном Румянцовым, с Алексеем Симоновым договорились и шертуем по своей калмыцкой вере, и поклоняемся, и целуем бога своего бурхана и молитвенную свою книгу, бичик, и чотки, а саблю на головы свои кладем и к горлом прикладываем на съезде при окольничем и воеводах, при князе Костянтине Осиповиче Щербатово с товарыщи на том, что великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, его царскому величеству и его царского величества наследником, мне, Аюкаю, и нам всем тайшам самим и братьям и племянником и внучатом, и улусным нашим калмыцким людем, и мурзам, и их братьям, и племянником, и улусным их людем, всех наших владеней, служить верою и правдою и во всем великого добра хотети и искати, и его государское повеление во всем исполняти, и договорные статьи, прежние и нынешние, содержати нам безо всякие противности, и его государских на недругов и на непослушников, на кого его государское повеление будет, войною нам ходить, как он, великий государь, повелит. А под его ни под которые городы и никото-

его сын Султан-Ахмед (Султанаш). В 1640-е гг. малибашские мирзы присоединились к калмыкам, но вскоре с 5 тыс. кибиток откочевали на Терек, под Тарки и Эндери. В 1660 г. под давлением калмыцких тайшей они вынуждены были вернуться с Терека на Волгу. В 1669 г. малибаши вместе с двумя мятежными калмыцкими тайшами Дугаром и Боком откочевали под турецкий Азов. В дальнейшем ногайцы-малибаши неоднократно мигрировали между калмыцкими кочевьями и территорией Крымского ханства.

[1] Келечинские ногайцы — ногайское родоплеменное объединение, ранее входившее в состав едисанских ногайцев, но затем обособившееся в отдельный улус со своими отдельными мирзами. В начале 1660-х гг. находились в подчинение у калмыцкого тайши Манжи-Джалбо, старшего внука хана Аюки. Позже, как и все ногайские улусы, находились в подчинении у Чакдорджаба, старшего сына Аюки.

рых городов в уезды нам самим и улусным нашим никаким людем войною не ходить, и дурна никакова и задоров не чинить, и жить с его государскими людми в миру и в совете, и быть у великого государя, царя и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, его царского величества, и его царского величества у наследников под самодержавною их государскою высокою рукою мне, Аюкаю, и нам, Замсам и Солом Сереню, и Батырю, и новоприезжим тайшам, и мурзам, и братьям, и племянником, и всем нашим калмыцким людем и татаром в вечном подданстве и в послушанье навеки неотступным, и ему, великому государю, его царскому величеству, и его царского величества наследником всякого добра хотети и никогда нам от него, великого государя, от его царского величества, и его царского величества наследников отступным не быть и служить нам ему, великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, его царскому величеству, и его царского величества наследником во всем в правду безо всякие шатости и хитрости, и с его государскими непослушники и с ызменники ни с кем ни о чем не ссылатца и за них не стоять.

А буде ис Крыму или из ыных ис которых государств к нам, тайшам, будут присланы послы и посланники, и посланные или листы чрез каких нибудь людей для каких ни есть дел, и нам о тех присланных писать и те присланные письма посылать к великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, к его царскому величеству к Москве или в Астарахань, к боярам и воеводам, безо всякого мотчанья, и тех послов и посланников и присланных в государстве их без указу великого государя, хто откуды приедет, не отпускать, и против тех присланных листов не писать; а отпускать их и листы писать с его государского повеления, как он, великий государь, укажет. А есть ли указ великого государя его царского величества к нам будет о присылке тех послов и посланников и посланных к Москве, к нему, великому государю, или в Астарахань к боярам и воеводам, и нам его великого государя указ исполнять, к Москве или в Астарахань тех послов и посланников и присланных посылать с своими посланными.

А к его великого государя отчине, к Астарахани, и под его государские ни под которые городы и уезды и на проезжих людей и которые бывают в посылках и на рыбных ловлях, и на звериных, и на иных всяких промыслах, войною нам, тайшам, и всем улусным нашим людем и мурзам, и их детем и племянником, и внучатом, и улусным людем не ходить, также и на нагайские, и на едисанские, и на юртовские[1], и на енбулуцкие улусы, которые служат великому государю, его царскому величеству, не ходить и их конские и животинные атары не отгонять, и никово не посылать, и городов и сел и деревень и учюгов не жечь, и никакова разоренья не чинить, и людей не побивать, и в полон не имать, и не грабить, и никакова зла не делать и не мыслить никоторыми делы, по прежней и по сей нынешней нашей шерти и обещанию, так же как в прошлых годех отцу ево государеву, блаженные памяти, великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, служил наш Аюкаив и Замс тайшей отец, Мончак тайша, во всем его царского величества повеление исполнял безо всякие шатости.

А что в прошлых во (7)183-м [1675] и во (7)184-м [1676] и в нынешнем во (7)185-м [1677] годех наши калмыцкие улусные люди и нагайские, и едисанские, и енбулуцкие татаровя прежнюю нашу шерть нарушали великого государя его царского величества разных чинов людем убийство и грабежи чинили, и в полон имали, и учуги[2] разоряли, и про то про все нам, тайшам, в улусех своих розыскать по росписи, какову мы, тайши, ныне на договорех роспись тому разоренью приняли; и, сыскав полонеников и грабежное, прислать в Астарахань, а вором за то учинить наказанье.

А где великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, его цар-

[1] Юртовские татары — этническая группа в составе астраханских татар и одновременно близкая к ногайцам. В XVII в. под этим этнонимом обозначали служилое тюркское население Астраханского края, куда входили также и ногайцы.

[2] Учуги — деревяные перегородки, устанавливавшиеся по ломанной линии поперек реки на поверхности воды. Служили средством ловли крупной рыбы, идущей вверх по Волге на нерест.

ское величество, укажет быть нам, калмыцким тайшам и мурзам, и улусным нашим людем, калмыком и татаром на своей великого государя службе однем или с своими великого государя ратными людми вместе и нам, тайшам, и улусным нашим калмыцким людем и мурзам и их улусным людем великого государя с ызменники и с непослушники на боех битца до смерти, не щедя голов своих; а ему, великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, его царскому величеству и его царского величества наследником, не изменить и его государских ратных людей на боех не подать и хитрости над ними никакие не учинить, и стоять з государскими людми за одно, и с турским салтаном и с крымским ханом и с азовским беем, и с темрюки[1], и с табаны[2], и с бесленейцы[3], и с кумыки и иных разных вер с ыноземцы, которые ему, великому государю, непослушны, нам, тайшам, и братьям, и детем, и племянником, и внучатом, и улусным нашим калмыцким людем, и мурзам, и их детем, и племянником, и улусным людем в ссылке и в соединенье и в миру не быть, и ружьем и лошадми их не ссужать, и людей в помочь не давать. А буде калмыцкие люди наши улусные люди и нагайские и едисанские, и енбулуцкие мурзы и их улусные люди, которые кочуют у нас, тайшей, в улусех, учнут, тайно отъезжая, воровать и его государских людей побивать и в полон имать, и нам, тайшам, их от воровства унимать и за те вины разорить их безо всяких отговоров.

А которые нагайские и едисанские и енбулуцкие мурзы и татаровя в прошлых годех изменили великим государем, блаженные памяти, деду его государеву, великому государю, царю и великому князю Михайлу Федоровичю, всеа Росии самодержцу, и отцу его государеву, блаженные ж памяти, великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, ис под отчины их великих государей, Астарахани, отошли к нам, тайшам, в калмыцкие улусы, а похотят ныне впредь быть у великого государя, царя и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, у его царского величества и его царского величества у наследников, под самодержавною их государскою высокою рукою в вечном холопстве по прежнему и кочевать под Астараханью. И мне, Аюкаю, и всем нам, тайшам и мурзам, в неволю их у себя не держать и не грабить, и отпустить их в Астарахань, и впредь к себе в улусы вечных великого государя холопей, нагайских и едисанских и келечинских и юртовских и енбулуцких мурз и татар от Астарахани и от иных великого государя городов не призывать, и собою хто придет, нам не принимать и отсылать их в Астарахань. А которые руские люди, и грузинцы, и белорусцы, и волохи, и мултяны[4] православные христианские веры учнут из улусов наших уходить в городы царского величества, и ис тех людей за сысканых полоняников, православные христианские веры хто сыскан будет, мне, Аюкаю, и всем тайшам и мурзам и улусным нашим людем по

[1] Темрюк — турецкая крепость на Кубани, которая была заложена в 1515–1516 гг. во время правления султана Селима I Страшного (1512–1520), но завершена в правление его сына Сулеймана I Великолепного (1520–1566). Темрюк представлял собой четырехугольную крепость, с четырьмя башнями на каждом углу. Располагался на низкой и песчаной местности. Внутри крепости были построены дома, крытые землей. В ней размещался постоянный гарнизон турецких янычар и числилось несколько тысяч жителей. На рубеже XVI–XVII вв. в крепости имелось 70–80 пушек, 2 мечети, 12–15 торговых лавок. Население крепости составляли черкесы, турки, греки, евреи, армяне.

[2] Табан — под этим названием местности, скорее всего, подразумевается полуостров Тамань, на адыгском (черкесском) звучит «Темэн», что в переводе означает — «болото, плавни, топь». Здесь проживали таманские черкесы из племени хетук (адыг. *хытыку*), самоназвание которых переводится как «морской угол, место». Крымские татары называли их «адале», что в переводе означает «островитяне». В XVII–XVIII вв. на Тамани находились османская крепость Хункала, затем — Таман. Таманские черкесы были часто вынуждены принимать участие в военных мероприятиях османов и крымцев, поэтому для Московского государства они входили в число «неприятелей», с которыми калмыки не должны были иметь контактов.

[3] Бесленейцы, бесленеевцы — субэтническая группа адыгов, исторически занимавшее промежуточное положение между западными адыгами и восточными кабардинцами. Ныне проживают в Карачаево-Черкесии, Адыгее и Краснодарском крае.

[4] Мутвяны (мунтяне) — жители восточной части Валахии, Мунтении (Muntenia; от рум. munteni ‘горцы’, munte ‘гора’).

росписям окуп принимать по указу великого государя, его царского величества и по нынешнему нашему новому договору, как мы ныне договорились и в статьях положили; а которые полоненики по росписям не сыщутца, и за тех окупу нам не спрашивать.

А буде которые калмыки по своим желательством в православную христианскую веру крестятца, и тех для православные христианские веры нам, тайшам, и улусным нашим людем не просить и об них великому государю не бить челом. А некрещеных калмыков и татар наших улусов, которые учнут уходить в городы царского величества, и тех беглецов некрещеных отдавать нам назад.

Также и мне, Аюкаю, и всем тайшам полоняников царского величества городов православные христианские веры и иноверцов, которые учнут уходить из Бухар и из Юргенч и ис Хивы и из иных владеней на наши калмыцкие улусы, а из наших бы улусов пройти им в городы великого государя его царского величества и тех полоняников мне, Аюкаю, и всем тайшам и братьям, и детем, и племянником, и внучатом, и улусным их людем, и мурзам и их детем, и племянником, и внучатом и улусным всех наших владеней не задерживать и отпускать их в городы царского величества. И в улусех заказ о том учинить накрепкой: которые полоненики городов великого государя, его царского величества руские люди и иноверцы и ныне сыщутца в калмыцких улусех, и тех отослать в городы ж царского величества; а будет обьявятца у нас в улусех башкирцы, и нам, тайшам, их отпустить потому ж в городы царского величества.

А которые посыльщики по указу великого государя, его царского величества присланы будут с Москвы ко мне, Аюкаю тайше, з грамоты от него, великого государя, и мне, Аюкаю тайше, те ево великого государя грамоты принимать, встав и сняв шапку, с великою честию; также которые присланы будут о делех великого государя с листами из Астарахани и из иных городов, от бояр и воевод, и мне, Аюкаю, и всем тайшам и улусным нашим людем, калмыком, и мурзам и татаром, которые с нами кочуют, тем присланным бещестья никакова не делать и не грабить, и тесноты им у себя не чинить, и держать их с кормами и с честью, и отпускать их безо всякого задержанья. А как нам, тайшам, прилучитца послать своих людей к великому государю, к Москве, с какими делы или бить челом ему, великому государю, его царскому величеству, и нам посылать немногих людей; а в Астарахань к бояром и воеводам о всяких своих делах посылати потому ж немногих людей.

А с рускими людми и с ыноземцы под Астараханью нам торговать, против прежнего великого государя указу, безо всяких ссор и задоров; а к Москве в ардабазарных[1] станицах для продажи посылать нам, тайшам, с улусными своими людми, перед прошлыми годами, многие лошади прежнею дорогою на Танбов, на Касимов, на Володимер.

А буде великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, его царское величество, нам, Аюкаю и Замсам, и Солом Сереню, и Батырю, и новоприезжим тайшам и братьям, и племянником, и улусным нашим людем, и мурзам, и улусным их людем укажит идти на свою великого государя службу на Крым и на крымские улусы или куды его государское повеление будет, и нам всем тайшам и улусным нашим людем и мурзам и их улусным людем на Крым и на крымские улусы и на иных его царского величества непослушников ходити безо всякого мотчанья, и поиски и промыслы чинить, сколько милосердый господь бог помощи подаст.

А великого государя годовое денежное жалованье имать мне, Аюкаю, и всем тайшам, против прежнего великого государя указу, по пятисот по девяносту рублев на год; а есть ли приедут служить великому государю, его царскому величеству, а к нам, тайшам, в улусы откуды вновь тайши ж с улусными людми кочевать, и им быть с нами в том же окладе, в государеве жалованье, в пятистах в девяносте рублех.

А буде я, Аюкай, и все тайши и ближние наши родственные и владетельные улусные калмыцкие люди и мурзы, и их братья, и дети, и племянники и улусные люди великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, его царскому величеству и его царского величества наследником, служити и радети и прямити и добра хотети не учнем или сверх годового жалованья вышеписанного числа учнем

[1] Ордабазарные станицы — конские табуны, регулярно пригонявшиеся калмыками или ногайцами на продажу в Москву.

о прибавке великому государю бить челом или в чем нибудь как в сей шертовальной записи написано не устоим или с турским салтаном и с кизылбашским шахом, и с крымским ханом, и с азовским беем, и с кумыки, и с темрюки, и с табаны, и з бесленейцы, и с ыными иноземцы разных вер, с его великого государя непослушники, учнем ссылатца и быть в соединенье, или ружьем или лошадми учнем их ссужать и людей в помочь давать, или у него, великого государя, царя и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, к его царского величества и его царского величества у наследников, в послушанье быть не учнем и прежнюю и нынешнюю свою шерть и договорные статьи, как в сей записи написаны, и обещание свое в чем нибудь нарушим: и за те наши неустойные и нарушеные статьи на мне, Аюкае, и на нас на всех тайшах и на братьях, и на детех, и на племянниках, и на внучатах, и на ближных родственных и на владетельных и улусных людех всех наших владеней буди божий гнев и огненный меч, и тое саблею, которою ныне я, Аюкай, и Замса и Солом Серень тайши, выняв из ножен, на головы свои кладем и к горлом прикладываем, голов наши от неприятелей наших отсечены б были и будем прокляты по своей калмыцкой вере в сем веце и в будущем [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 1–1об.; ПСЗРИ 1830: 80–81; Посольские 2024: 232–241].

6. Выводы

Из материалов мы видим, что заключение договора в 1677 г., как и в 1673 г., происходило в атмосфере настороженности и недоверия с обеих сторон. Тайши неоднократно требовали от воеводы К. О. Щербатова сократить караул и отдалить его от шатра, где предполагалось проведение переговоров.

Если в шерти 1673 г. главными гарантами с калмыцкой стороны вместе с Аюкой выступали его двоюродные братья Назар-Мамут и Мелеш, то в начальной формулировке шерти 1677 г., помимо Аюки, значатся его родной брат Ике-Замса и дербетский тайша Солом-Церен. По мнению В. И. Колесника, это означало стабилизацию политической ситуации в улусах, хотя в какой-то степени верховную власть Аюке пришлось делить с братьями [Колесник 2003: 104]. Кроме того, становятся известны имена тех тайшей, кто присоединился к волжским калмыкам уже после 1673 г.

Как видно из текста, шерть 1677 г. во многом повторяла основные принципы шерти 1673 г. В. М. Бакунин в своей работе одним из первых отметил отличия шертей 1673 и 1677 гг. [Бакунин 1995: 25–26]. Поэтому здесь стоит обратить внимание на те моменты, которые впервые встречаются в документе 1677 г.: во-первых, значительно ущемлялись внешнеполитические связи тайшей, которые обязывались передавать в царскую администрацию все письма, присылаемые им из других государств, а иностранных послов задерживать и отправлять в Москву или Астрахань; во-вторых, всех захваченных в полон русских людей в 1675–1677 гг. тайши обязывались вернуть, а виновных наказывать; в-третьих, более четко были сформулированы протокольные условия приема Аюкой царских посланников и письменных посланий.

Источники

Посольские 2024 — Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1675–1677, 1683–1684 гг. Сб. док. / сост., авт. предисл. В. Т. Тепкеев. Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. 372 с.

ПСЗРИ 1830 — Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 2. СПб.: тип. II отд. Собств. Е. И. В. канц., 1830. 974 с.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Sources

Complete Collection of Laws of the Russian Empire: From the Year1649. Vol. 2. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancellery (Second Section), 1830. 974. (In Russ.)

Russian State Archive of Ancient Acts.

Tepkeev V. T. (comp.) Russia and Kalmyk Khanate, 1675–1677, 1683–1684: Ambassadorial Books. Collected documents. V. Tepkeev (foreword). Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2024. 372 p. (In Russ.)

Литература

Акты 1842 — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. 1645–1676. Т. 4. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1842. 604 с.

Акты 1882 — Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 12. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1882. 480 с.

Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 2-е изд. 158 с.

Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт: в 2-х книгах. Элиста: Калмкнигоиздат, 1993. 381 с.

Колесник 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках М.: Вост. лит., 2003. 286 с.

Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.

Тепкеев 2010 — *Тепкеев В. Т.* Русско-калмыцкие переговоры и шерть 1673 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 45–51.

Тепкеев 2011 — *Тепкеев В. Т.* Первые контакты калмыков с органами управления и населением Астрахани в начале 30-х годов XVII века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 11–16.

Тепкеев 2013 — *Тепкеев В. Т.* Русско-калмыцкие переговоры и шерть 1657 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 5–9.

References

Acts Dealing with the History of Southern and Western Russia Collected and Published by the Archaeographic Commission. Vol. 12. St. Petersburg: Panteleev Brothers, 1882. 480 p. (In Russ.)

Acts of History Collected and Published by the Archaeographic Commission: 1645–1676. Vol. 4. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancellery (Second Section), 1842. 604 p. (In Russ.)

Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords. Second edition. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 158 p. (In Russ.)

Batmaev M. M. Kalmyks in the Seventeenth and Eighteenth Centuries: Events, Personalities, Everyday Life. In 2 vols. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)

Kolesnik V. I. The Last Great Migration: Resettlement of Kalmyks from Central Asia to East Europe and Backwards in the Seventeenth and Eighteenth Centuries Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 286 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System: Seventeenth to Twentieth Centuries. Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Russ.)

Tepkeev V. T. First contacts of Kalmyks with public authorities and population of Astrakhan in the beginning of the 30-s of XVII century. *Oriental Studies*. 2011. Vol. 4. No. 2. Pp. 11–16. (In Russ.)

Tepkeev V. T. Russian-Kalmyk negotiations and the «Shert» of 1657. *Oriental Studies*. 2013. Vol. 6. No. 4. Pp. 5–9. (In Russ.)

Tepkeev V. T. Russian-Kalmyk negotiations and the shert' of 1673. *Oriental Studies*. 2010. Vol. 3. No. 1. Pp. 45–51. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 2, Pp. 283–297, 2024
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 94(47)
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-283-297

Калмыки-казаки в этнической политике в сфере образования администрации Войска Донского (XIX – начало XX в.)

Константин Николаевич Максимов[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
0000-0002-9475-6137. E-mail: tsagadam[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024
© Максимов К. Н., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу этнической политики в сфере образования, которую царское правительство и администрация Войска Донского проводила по отношению к калмыкам-казакам с конца 1830-х гг. и до начала Великой Российской революции. *Цель* статьи — исследовать поэтапно этническую образовательную политику царской и донской администрации, процессы развития сети образовательных учреждений в Калмыцком и Сальском округах Области Войска Донского. *Материалы и методы.* В основу изучения вопроса образовательной политики, деятельности администрации Дона по повышению грамотности калмыцкого населения положены принципы объективности, историзма с использованием методики компаративного анализа. Материалами для работы послужили архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот, и сведения, извлеченные из ежегодных «Памятных книжек Области Войска Донского» за 1885–1915 гг. *Результаты.* В ходе исследования была рассмотрена история системы образования в калмыцких станицах, начиная с открытия Калмыцкого приходского училища в 1839 г. и до начала XX в., когда в Сальском округе действовала уже целая сеть учебных заведений (включая женские), открытых практически во всех калмыцких станицах и большинстве хуторов. Помимо того, калмыцкие дети обучались в других учебных заведениях Области Войска Донского, в том числе в военно-ремесленной школе, железнодорожном и реальных училищах, гимназиях, в которых содержались на средства общественного капитала. Особое внимание в статье уделено учительскому составу и оценке грамотности детей калмыков-казаков. *Выводы.* Администрация Дона с активным участием буддийского духовенства при поддержке Военного министерства и Министерства народного просвещения провела значительную работу по развитию сети образовательных учреждений в калмыцких станицах, повышению грамотности калмыков-казаков. Это стало одним из ключевых факторов для успешной адаптации калмыков-казаков в социум Войска Донского.

Ключевые слова: император, министерство, область Войска Донского, наказный атаман, Калмыцкий округ, Сальский округ, станицы, нормативные акты, окружное, станичное, хуторское приходское, женское, реальное училище, почетный блюститель, заведующий, гелюнг, учитель, грамотность

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 1220227001 34-6). Автор выражает благодарность

директору Государственного архива Ростовской области Н. А. Трапшу за содействие в выявлении, сборе документальных материалов по истории донских калмыков и их переводе в электронный формат, а также научным сотрудникам КалмНЦ РАН М. Д. Каруевой и В. Н. Воробьевой, осуществившим оцифровку выявленных документальных источников.
Для цитирования: Максимов К. Н. Калмыки-казаки в этнической политике в сфере образования администрации Войска Донского (XIX – начало XX в.) // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 2. С. 283–297. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-283-297

Administrative Office of Don Host Oblast, Nineteenth to Early Twentieth Centuries: Kalmyk Cossacks in Education-Related Ethnic Policy

Konstantin N. Maksimov[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate
0000-0002-9475-6137. E-mail: tsagadam[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024
© Maksimov K. N., 2024

Abstract. *Introduction.* The article analyzes ethnic-specific educational policy adopted by the Tsarist Government and administrative bodies of Don Host Oblast towards Kalmyks Cossacks from the 1830s to the October Revolution. *Goals.* The paper shall step by step investigate the mentioned policy of imperial and Don Host agencies, describe how the network of educational institutions would unfold in Kalmyk and Salsky districts throughout the identified period. *Materials and methods.* The study rests on the principles of objectivity and historicism, employs tools of comparative analysis. It focuses on a variety of newly introduced archival materials and collections from Reference Books of Don Host Oblast for the years 1885–1915. *Results.* The work provides a historical review of the educational system across Kalmyk-inhabited stanitsas: the year 1839 was marked by the opening of Kalmyk Congregational School, and by the early twentieth century there were a number of institutions (including female ones) in virtually all stanitsas and most *khutors* of Salsky District. Furthermore, Kalmyk children would attend other public-funded educational organizations of Don Host Oblast, such as Military and Vocational School, railroad and non-classical colleges, gymnasiums. The paper pays particular attention to the teaching staff and literacy evaluations among children of Kalmyk Cossacks. *Conclusions.* The Don Host administrative office did join efforts with Buddhist clerics, Ministry of War, and Ministry of Public Education to develop a network of educational institutions in Kalmyk settlements and enhance literacy among Kalmyk Cossacks. This served a key adaptation factor for ethnic Kalmyks within the Don Host and its community.
Keywords: Emperor, ministry, Don Host Oblast, Appointed Host Ataman, Kalmyk District, Salsky District, villages, regulations, district-level, stanitsa-level, khutor-level, congregational, women's, real school, honorary overseer, head, *dge slong*, teacher, literacy
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'. The author extends gratitude to N. Trapsh, Director of the State Archive of Rostov Oblast, for his heartiest assistance in identifying, compiling, and digitizing archival materials dealing with Don Kalmyks. Special thanks are expressed to M. Karueva and V. Vorobyova, research associates of KalmSC RAS, for their months-long digitization efforts.
For citation: Maksimov K. N. Administrative Office of Don Host Oblast, Nineteenth to Early Twentieth Centuries: Kalmyk Cossacks in Education-Related Ethnic Policy. *Oriental Studies.* 2024; 17 (2): 283–297. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-283-297

1. Введение

В 1830-х гг. на Дону была проведена крупная реформа административно-территориального устройства и управления. Этой реформе подверглось и Калмыцкое кочевье с целью упорядочения землепользования

и унификации, введения в единую систему донского управления. В 1835 г. в соответствии с «Положением об управлении Войском Донским», утвержденным 26 мая 1835 г. императором Николаем I, Калмыцкое кочевье было преобразовано в седьмой округ Земли Войска Донского — Калмыцкий округ со своим органом управления (Калмыцкое правление), определенной территорией с четко обозначенными границами. Положение унифицировало управление в калмыцких улусах с общей системой централизованной власти Войска Донского, законодательно закрепило положение о калмыках-казаках «употреблять их на службу наравне с казаками» [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 67 (3). Л. 7]. Тем самым они полностью влились в военно-служилое сословие с наделением земельного пая, обязанностями несения военной службы и земских повинностей. В 1834 г. в 13 сотнях численность калмыцкого населения составляла 16 503 человека (7 838 мужчин и 8 665 женщин), в том числе малолеток от 1 года до 18 лет — 4 414 (26,7 %) [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 83. Л. 3].

2. Материалы исследования

Источниковой базой исследования послужили архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот, и сведения, извлеченные из периодического ежегодного издания областного Войска Донского статистического комитета «Памятная книжка области Войска Донского» 1885–1915 гг. Архивные документы выявлены из фондов № 309 «Калмыцкое правление» и № 353 «Статистический комитет области Войска Донского» Государственного архива Ростовской области. В них содержатся сведения об образовании приходских училищ различных категорий, других учебных заведений в области Войске Донском, Калмыцком и Сальском округах, о личном составе руководителей и педагогическом коллективе, преподаваемых дисциплинах. В статье использованы нормативные документы, доклады, справки, отчеты министерств военного и народного просвещения, наказного атамана Войска Донского, судьи (руководителя) Калмыцкого правления.

Исследуемая тема в историографии еще не получала свое освещение. В известных трудах, посвященных истории донских калмыков [Пальмов 2007; Шовунов 1992; Максимов 2016], этой проблеме не уделено внимания.

В основу изучения вопроса образовательной политики, деятельности администрации Дона по повышению грамотности калмыцкого населения положены принципы объективности, историзма с использованием методики компаративного анализа.

3. Развитие образования в Калмыцком округе в 1840-х гг.

Администрация Войска Донского, уделяя внимание подъему экономики Калмыцкого округа, переводу его населения к стационарному хозяйствованию, немалую заботу проявляла к развитию образования, сохранению национальной культуры, традиций. Процесс инкорпорации калмыков в донской социум вызвал объективную необходимость поднятия их образовательного уровня, совершенствования социальной инфраструктуры, повышени военной подготовки. Поэтому не случайно в Положении от 26 мая 1835 г. указывалось, что «калмыкам Донского войска для умственного образования детей доступны общие учебные заведения, как в Войске Донском, так и в прочих местах Российской империи» [Маслаковец 1872: 26].

По высочайшему повелению императора Николая I от 16 декабря 1838 г. для обучения детей донских калмыков в июне 1839 г. было открыто в слободе Орловке, находившейся поближе ко всем улусам до реформы 1835 г., Калмыцкое приходское училище. Затем после реформы в 1841 г. Калмыцкое правление и училище были переведены в слободу Мартыновку [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 924. Л. 2–3].

Главная задача приходского училища состояла в обучении калмыцких детей русскому языку и математике, обеспечении их начальным образованием с целью подготовки к гражданской и военной службе. Одним из первых калмыцких преподавателей училища являлся Сарник Тепкин, помощник учителя русского и калмыцкого языков. 10 октября 1841 г. распоряжением наказного атамана Войска Донского он был произведен в урядники с формулировкой «об отлично-усердной службе и хорошем поведении» [ПСЗРИ 1839: 409; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1007. Л. 3].

Следующим важным этапом в системе обучения детей донских калмыков яви-

лось разрешение императора Николая I с 1843/44 учебного года принимать детей калмыцких чиновников и казаков на обучение не только в приходские училища, но и в гимназии, освободив их от воинской повинности на время учебы [РГИА. Ф.753. Оп. 50. Д. 311. Л. 9–10]. Войсковой наказный атаман М. Г. Власов письмом от 20 ноября 1842 г. о решении императора уведомил Калмыцкое правление. Родители, желающие направить детей на учебу в гимназии, должны были подать к 1 январю 1843 г. заявку в земские учреждения [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1313. Л. 1–1об.]. С этого времени калмыцким детям стали доступны войсковые школы на общих основаниях со всеми казачьими детьми. В 1853 г. при Новочеркасской гимназии открылось отделение восточных языков [Труды 1867: 120].

13 июня 1844 г. император Николай I, находясь в пути в поезде между Брауншвейгом и Магдебургом, нашел возможность уделить внимание вопросу образования детей донских калмыков. В этот же день он подписал указ, высочайше повелевавший открыть два высших класса окружного училища при Калмыцком приходском училище Войска Донского. Отделение по иррегулярным войскам департамента военных поселений Министерства военного сообщило об этом министру народного просвещения России С. С. Уварову письмом № 1921 от 14 июня 1844 г. [РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 311. Л. 1 –3].

В высочайшем повелении императора указывалось: «1) При Калмыцком приходском училище, в Войске Донском, открыть два высших класса окружного училища. 2) В классах этих преподавать все те предметы, которые положены в первых двух классах окружных училищ Войска Донского; сверх того дети калмыков должны быть обучаемы правилам их языка и веры, упражняться в переводах с калмыцкого на русский язык, и обратно. 3) В классы сии, по окончании учения в приходском училище, дозволить поступать для обучения детям не только калмыков, но и казаков и крестьян из ближайших станиц и селений. 4) Курс полного учения в оных определить три года, полагая на каждый класс по полтора года, с тем, чтобы в течение двух с половиной лет были пройдены все предметы, положенные в первых двух классах окружного училища и правила калмыцкой грамматики, по последнее полугодие назначить для повторения всех сих предметов и для упражнения калмыцких детей в переводах и в письме под диктовку на языках русском и калмыцком. 5) Для преподавания наук в двух классах окружного училища назначить трех учителей: а) арифметики и географии; б) русского языка и чистописания; в) калмыцкого языка и веры, с жалованием из войсковых сумм, наравне с учителями Новочеркасского училища по 143 рубля серебром в год. <...> Преподавание закона Божия для казачьих и крестьянских детей возложить на учителя арифметики или русского языка, с добавлением за сей труд к получаемому им окладу по 28 руб. 57 коп. серебром в год. 6) Исправление должности штатского смотрителя Калмыцкого училища возложить на одного из русских учителей, с добавлением за сей труд, к получаемому окладу по 28 руб. 57 коп. серебром ежегодно. 7) Кроме того, применяясь к главным потребностям и штатам войсковых окружных училищ, назначить для сих классов ежегодно: на библиотеку и приобретение учебников, пособий — 28 руб. 57 коп. серебром; на награду учеников — 14 руб. 28,5 коп.; на наем дома — 100 руб.; на содержание училищного дома, как-то отопление, освещение, канцелярские расходы — 128 руб. 57 коп. <...> Сверх того, для поощрения недостаточных родителей отдавать охотно детей своих в Калмыцкое училище и содержать их в оном до окончания полного курса учения, на основании 46 и 50 пунктов приложения к 159 статьи 2 п. Свода гражданских законов, назначить ежегодно пособие 8-м ученикам из детей калмыков бедного состояния, полагая на каждого, как определено для учеников Новочеркасского окружного училища, по 13 руб. 80 коп., а на 8 учеников 110 руб. 40 коп. 8) Из числа суммы 867 руб. 96,5 коп. серебром, потребной на содержание Калмыцкого училища, причитающиеся на жалование учителям, на библиотеку, в награду ученикам и на наем дома до постройки здания для училища — всего 628 руб. 99,5 коп. серебром, отнести на войсковые суммы Войска Донского; потребные на содержание дома (имелось в виду общежитие) и другие расходы 128 руб. 57 коп. серебром производить из экономического училищного капитала, хранящегося в войсковом приказе общественного призрения, а следующие в пособие 8 ученикам бюджет-

ного состояния 110 руб. 40 коп., по примеру прочих окружных училищ, отпускать из сумм войскового приказа» [РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 311. Л. 1–3].

Это императорское повеление было направлено военным министром А. И. Чернышевым министру народного просвещения С. С. Уварову. Последний уже 19 июня 1844 г. направил письма аналогичного содержания управляющему учебным округом и наказному атаману Войска Донского с резолюцией «Для исполнения». 6 июля 1844 г. управляющий учебным округом, ректор Харьковского университета, доложил министру народного просвещения о ходе выполнения императорского повеления. Затем 25 января 1845 г. управляющий учебным округом подробно доложил министру народного просвещения о том, что 9 декабря 1844 г. состоялось торжественное открытие в слободе Орловка Калмыцкого окружного училища, на котором присутствовали 42 человека (наказный атаман М. Г. Власов, бакша донских калмыков Джембя Ганджинов, директор училищ Войска Донского полковник И. Я. Золотарев, судья (начальник Калмыцкого правления) войсковой старшина М. М. Марков и депутаты Калмыцкого правления, представители от всех сотен улусов). Все участники торжественного открытия внесли в подарок Калмыцкому окружному училищу 285 рублей серебром [РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 311. Л. 8–14].

В 1845 г. в Калмыцком окружном училище учились 12 калмыцких детей и в приходском училище — 22. В годовом отчете Войскового правления войска Донского за 1845 г. отмечалось: «Калмыки охотно отдают детей своих в учрежденное нарочито для них окружное училище, и дети делают замечательные успехи в науках и отмечают себя хорошею нравственностью» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 521. Л. 91об.].

Расходы на обучение и содержание учащихся в обоих училищах в основном полагались за счет вносимых пожертвований. В отчете Калмыцкого приходского училища о внесенных пожертвованиях за 1839–1845 гг. значилось:

– 1839 г. — 1 473 руб. 65 коп.,
– 1840 г. — 114 руб. 85 коп.,
– 1841 г. — 77 руб. 58,5 коп.,
– 1842 г. — 281 руб. 40 коп.,
– 1843 г. — 415 руб. 42,5 коп.,
– 1844 г. — 819 руб. 90 коп.,
– 1845 г. — 356 руб. 57,5 коп.

Всего — 3 539 руб. 58,5 коп. [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1754. Л. 2–3].

По книге учета Калмыцкого окружного училища были внесены пожертвования:

– 1844 г. — 1 009 руб. 72,5 коп.,
– 1845 г. — 327 руб. 35 коп.,
– 1846 г. — 413 руб. 21,5 коп.

Всего — 1 800 руб. 21,5 коп.

В 1847 г. в фонд обоих училищ внесли пожертвования 156 руб. 15 коп., в том числе 20 руб. — наказный атаман М. Г. Власов, 15 руб. — бакша донских калмыков Джембя Ганджинов, 53 руб.75 коп. — хурулы, 55 руб. 76 коп. — сотенные общества, 3 руб. — директор училища полковник И. Я. Золотарев, 3 руб. — заседатель сотник Бондарев[1] и 5 руб. 15 коп. — секретарь Калмыцкого правления есаул Марушенко[2] [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1869. Л. 3]. Однако после перераспределения по Положению 1835 г. территории кочевий и перехода значительной части калмыцкого населения на левый берег реки Сала Задонской степи, вверх до Джурак-Сала, от балки Большой Куберля, слобода Орловка, где находились Калмыцкое правление, окружное и приходское училища, оказались удаленными от центра новых кочевий на 200 верст [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1842. Л. 3–4]. В связи с этим вновь возникла проблема не только с выбором места размещения правления и училищ, но и с доставкой, обеспечением родителями продуктами питания учащихся училищ.

Директор калмыцких приходского и окружного училищ, полковник И. Я. Золотарев 15 июня 1849 г. письменно обратился к судье Калмыцкого правления подполковнику С. А. Жирову с предложением оказать помощь 15 бедствующим ученикам по прилагаемому списку. В нем указывались:

– ученики Калмыцкого окружного училища:
– Люла Куберлинов и Купру Даванов (оба из 1-й сотни Среднего улуса),
– Нама Манжиков и Ерме Игнатов (2 и 4-я сотни Верхнего улуса),
– Нохашка Абушинов (Нижне-Таранниковская сотня);
– ученики приходского училища:
– Мамолька Меньков, Талттун Бакгуров

[1] Инициалы не известны.
[2] Инициалы не известны.

и Балык Манжиков (5-я Беляевская сотня),

– Санже Дакинов, Нимгир Урусов, Орда Учуров и Бадьма Зодбинов (четырех сотен Нижнего улуса),

– Хулхаче Манжиков и Цеден Манжиков (Верхне-Таранниковская сотня),

– Иван Чулькинов (Верхний улус 4-я сотня).

Кроме того, он отмечал, что из-за бедственного положения семьи не явились на учебу ученики окружного училища Дуван Джамбинов (Средний улус 3-я сотня) и Колнер Кальдинов (Средний улус 2-я сотня).

В связи с этим судья Калмыцкого правления подполковник С. А. Жиров в июне 1849 г. повторно обратился в канцелярию наказного атамана Войска Донского с предложением перевести его администрацию и учебные заведения Калмыцкого округа из Орловки в слободу Ильинку, ближайшую к центру территории кочевий [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1842. Л. 6–6об.; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1955. Л. 21]. Калмыцкое правление, получив разрешение наказного атамана Войска Донского М. Г. Хомутова на перемещение, вместе с училищами уже в ноябре того же года разместилось в нанятых помещениях в Ильинке. Преподавателем калмыцкого языка и буддийской веры в Калмыцком приходском училище служил гелюнг Шарапов[1]. В 1854 г. его сменил гелюнг Джембо Ишинов. Они назначались по рекомендации бакши донских калмыков Калмыцким правлением по согласованию с наказным атаманом Войска Донского [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1968. Л. 1, 2; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1337. Л. 1–3; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2455. Л. 1].

4. Предложения министра народного просвещения России

Неплохое экономическое состояние калмыцких семей, заинтересованность их в грамотности детей, а также активная позиция донских властей в отношении развития образования калмыков имели следствием то, что охват учебой детей постепенно увеличивался. Особенно усилилось внимание к обучению грамоте калмыцких детей в пореформенный период России и с введением принципов всесословности в деятельности органов просвещения. К тому же этому делу дало толчок, видимо, и мнение министра народного просвещения России, обер-прокурора Синода графа Д. А. Толстого. В 1867 г. в Калмыцком окружном училище (где смотрителем и учителем арифметики и географии был коллежский секретарь А. Т. Юдин) обучались 58 калмыцких детей (1 ребенок чиновника, 57 детей нижних чинов), и столько же обучались в приходском училище [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 920. Л. 4, 8об.]. Почетным блюстителем Калмыцкого приходского училища в 1865 г. был избран населением и утвержден наказным атаманом Войска Донского П. Х. Граббе урядник 3-й сотни Среднего улуса Александр Джевалдыков [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Ф. 309. Оп. 1. Д. 3971. Л. 1]. В 1869 г. наказный атаман М. И. Чертков утвердил в этой должности казака Цебека Сармадинова из 3-й сотни Верхнего улуса [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 3971. Л. 43].

Министр народного просвещения России Д. А. Толстой в письме от 27 ноября 1867 г. Войсковому наказному атаману писал, что во исполнение высочайшего повеления, осмотрев нынешней осенью некоторые учебные заведения на юге России, он познакомился и с состоянием учебной части в Войске Донском. Отметив успехи в развитии образования на Дону, охват учебой детей всех сословий и народов Дона, министр отмечал, что Новочеркасская гимназия есть одна из лучших гимназий Харьковского учебного округа, как по своему направлению, так и по успехам учеников [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 863. Л. 1–1об.].

«Имея счастье довести до сведения Его Императорского Величества во всеподданнейшем отчете о моей поездке, я изъяснил однако, что не смотря[2] на такое удовлетворительное состояние училищного дела в Войске Донском, желательно и возможно, по моему мнению, еще его подвинуть устройством технического училища в Грушевке и Пансиона при Новочеркасской гимназии для калмыков» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 863. Л. 1об.]. Далее министр продолжал: «Существующие для калмыков приходское и уездное училища в Ильинском, как отдаленные от надзора Вашего Войскового и училищного начальства, не приносят надлежащей пользы… Между тем, в прошлом году, я лично удостоверился в Астрахани, что племя это способно к принятию образования, и мне кажется, что началом для сего могло

[1] Инициалы не известны.

[2] Здесь и далее в цитатах сохранена орфография источника.

бы послужить устройство для них пансиона при Новочеркасской гимназии, где они могли бы приучиться к Русскому языку, не забывая своего наречия, и с такой подготовкой продолжить гимназический курс.

Передавая эти мысли мои о пользе учреждения технического училища в Грушевке и Пансиона при Новочеркасской гимназии для калмыков на просвещенное усмотрение Вашего превосходительства, я имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, поставить меня сообщением по сему предмету Вашего заключения». Подписал министр народного просвещения граф Д. А. Толстой [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 863. Л. 1об.–2].

Копию письма графа наказный атаман 14 декабря того же года направил директору Новочеркасской гимназии и училищ с предложением дать заключения по поставленным министром вопросам. Директор училищ Войска Донского Харьковского учебного округа 6 января 1868 г. доложил Войсковому наказному атаману, что предложение по учреждению технического училища и пансиона при Новочеркасской гимназии для калмыков «вполне совпадает с теми мероприятиями, которые приняты Вашим Превосходительством в общей системе развития края и вырабатываются в настоящее время Горным управлением и Комитетом, учрежденным Вашим Превосходительством, для пересмотра Положения о Донских Калмыках» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 863. Л. 7–7об.].

Обосновав необходимость технического училища и изложив мероприятия по развитию горного дела, директор отметил, что у Комитета положительное мнение об открытии пансиона при гимназии. При этом директор высказал и свое мнение о том, что при гимназии можно выделить 10 стипендий для калмыцких учеников и обеспечить их жильем. Здесь же он добавлял, что желание министра о привлечении для получения образования в гимназию калмыков отчасти осуществляется: в настоящее время в Новочеркасской гимназии обучаются два калмыцких мальчика, из которых один помещен директором в Александровскую образцовую общую квартиру (имелось в виду общежитие), а другой живет у чиновника по особым поручениям при наказном атамане войскового старшины А. Ф. Полякова [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 863. Л. 8об.].

5. Денежные средства на обучение калмыцких детей

В августе 1872 г. область Войска Донского посетил император Александр II. В подготовке его визита деятельное участие принял Калмыцкий округ. В Новочеркасске был поставлен кибиточный хурул, туда же прибыли калмыки-казаки для участия в строевом смотре. Население собрало значительную сумму денег в фонд этого мероприятия [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2458. Л. 1–1об.].

Накануне визита Александра II на Дон, 25 июля 1872 г. судья Калмыцкого правления генерал-майор Иван Григорьевич Редичкин докладывал наказному атаману Войска Донского М. И. Черткову о том, что «Общества тринадцати сотен Калмыцкого кочевья … изъявили усердное желание участвовать вместе с другими сословиями войска в приеме Его Императорского Величества, и посему просят принять назначенные три тысячи триста семдесят руб сереб.[ом]. Донося о сем Вашему превосходительству, честь имею представить сведения, какие сотни и сколько именно назначили денег» (Верхний улус — 1 100 руб., Средний — 1 220 руб. и Нижний — 1 050 руб., всего 3 370 руб.) [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2918. Л. 2–3]. Наказным атаманом М. И. Чертковым и директором Новочеркасской гимназии и училищ С. С. Рабушиным было принято решение эти деньги «обратить на дело просвещения калмыцких детей», «положив их на проценты» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2458. Л. 1; ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2918. Л. 13].

Директором еще предлагалось из этой суммы учредить две стипендии для учащихся Калмыцкого окружного училища. Первым стипендиатом стал учащийся Санчиров. За ним эта стипендия была сохранена и при переходе в гимназию [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2458. Л. 1]. Кроме этого, наказный атаман и директор приняли решение передать указаные две стипендии учащимся при открытии в Новочеркасске реального училища [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2458. Л. 1–1об.; ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2918. Л. 2–5].

6. Сведения о грамотности калмыцких детей

По переписи 1873 г., грамотность у донских калмыков, несмотря на функционирование новых приходских училищ в слободах Большая Мартыновка и Ильинка, была

заметно ниже, чем у остального населения Дона. В Калмыцком округе грамотных детей от 7 до 16 лет имелось: мальчиков — 94 человека (общий показатель 4 % (в Верхнем улусе — 6,2 %, Среднем — 6,3 %, Нижнем — 1,1 %), по области — 10 %); девочек — 27 человек (общий показатель 1,2 % (в Верхнем улусе—1,2 %, Среднем — 2,6 %, Нижнем — 0 %), по области — 3 %). В Калмыцком округе грамотность в возрастной группе жителей от 16 до 100 лет характеризовалась следующими данными: мужчин — 353 чел. (6 % (в Верхнем улусе — 6,5 %, Среднем — 6,2 %, Нижнем — 5,5 %), по области — 21 %); женщин — 87 чел. (1,5 % (Верхнем улусе — 2,67 %, Среднем — 2,4 %, Нижнем — 0,08 %, по области — 3,2 %) [Область Войска Донского 1879: 42, 46, 50].

При подготовке создания на Дону нового округа — Сальского, учитывая еще низкую грамотность калмыцкого населения, одновременно Военный совет принял Положение «Об устройстве калмыцкого населения на Дону» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 212–213], «Высочайше утвержденным 23 мая 1877 г. положением Военного Совета» поручалось войсковому наказному атаману Войска Донского: «…в) войти в Военное министерство с особым представлением о мерах к устройству в калмыцких станицах начальных школ и к развитию между калмыками начального образования» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 232об.].

В ходе реализации данного указа Военный совет подготовил еще проект Положения об административных изменениях Калмыцкого округа и о развитии среди калмыков начального образования, утвержденный 2 июля 1877 г. императором Александром II [Сборник 1877: 370].

Калмыцкий округ активно благоустраивался, зарождалась социальная инфраструктура. В 4-й сотне Нижнего улуса (Намровской) с 1875 г. действовало сотенное приходское училище в деревянном здании. В нем обучались в 1876 г. 48 калмыцких детей. Почетным блюстителем училища являлся бакша донских калмыков Аркад Чубанов. В том же году в 4-й сотне Верхнего улуса (Эркетинская) при сотенном хуруле открылась частная школа. В ней калмыцких детей русской и калмыцкой грамоте обучали гелюнги. В отчете Калмыцкого правления за 1876 г. указывалось, что в округе действуют одно окружное училище (29 учащихся), два приходских (77 учащихся) училища и одна частная школа (8 учеников). Выпускники Калмыцкого окружного училища в основном поступали на гражданскую службу. В 1876 г. они успешно выдержали вступительные экзамены, и несколько выпускников поступили в Новочеркасское юнкерское училище [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1347. Л. 121–121об.].

7. Новочеркасское реальное училище

В связи с особым вниманием к развитию технического и профессионального образования в России при ученом совете Министерства народного просвещения в 1884 г. создали одноименное отделение. В том же году состоялось открытие Новочеркасского реального училища. С его открытием было реализовано внесенное еще в 1872 г. предложение об учреждении стипендий учащимся калмыкам реального училища. Примечательным событием стало принятие «Положения о калмыцкой стипендии имени императора Александра II при Новочеркасском реальном училище» (утверждено 17 июня 1884 г. министром народного просвещения графом И. Д. Деляновым) [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2918. Л. 29–30].

В первом пункте Положения отмечалось, что с высочайшего соизволения, последовавшего 12 июня 1884 г., учреждается при Новочеркасском реальном училище одна стипендия имени императора Александра II за счет процентов с капитала 3 500 руб., пожертвованного обществом 13 сотен Калмыцкого кочевья области Войска Донского, в память посещения императором Александром II Донского края в 1872 г. [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2918. Л. 29].

Стипендия предназначалась для детей бедных родителей калмыков. Кандидат на получение стипендии представлялся Калмыцким правлением по рекомендации сотенного правления. Учащийся из этой стипендии должен был платить за учебу и общежитие. Стипендия сохранялась на весь период обучения в училище при условии хорошей успеваемости. Первым стипендиатом стал учащийся реального училища Шарапов[1] [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2918. Л. 29об.–30].

[1] Инициалы не известны.

8. Калмыцкие приходские училища в 1880-х гг.

В Калмыцком приходском училище в Ильинке служили: почетным блюстителем — гелюнг 1-й сотни Среднего улуса Бадьма Якупов; учителем закона Божия — В. Тростянский, учителем — Василий Малинин, его помощником — Хоче Бембинов [ГА РО. Ф. 301. Оп. 8. Д. 1215. Л. 227–229; Памятная 1885: 65, 101]. Калмыцкое приходское училище в связи с образованием Сальского округа в составе 7 калмыцких станиц из слободы Ильинки в 1885 г. было переведено в станицу Великокняжескую и объединено с местным приходским училищем. На базе их было образовано окружное приходское училище [ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 356. Л. 40].

Смотрителем Калмыцкого окружного училища накануне образования округа являлся коллежский секретарь К. И. Яковлев, учителями: закона Божия — студент В. Тростянский, арифметики и географии — В. М. Хитайлов, калмыцкого языка и ламайской веры — казак Шавальдин Чанчиков [Памятная книжка 1885: 65, 101].

Новый Сальский окружной начальник войсковой старшина А. В. Мишарев, присвоив чин коллежского регистратора, перевел переводчика калмыцкого языка своей администрации Дамбо Пальтенкиновича Ремилёва заседателем крупного 5-го заседательского участка округа. Смотрителем объединенных двух приходских училищ сохранил уже в звании титулярного советника К. И. Яковлева, преподавателя русского языка и истории; учителями являлись: закона Божия – священник И. Иванов, арифметики и географии — В. А. Хитайлов, калмыцкого языка, ламайской веры и чистописания — гелюнг Менко Чупатинов [Памятная книжка 1892: 111].

К этому времени в Сальском округе работали Калмыцкое окружное училище (новый смотритель — К. Е. Банов, учитель русского языка и истории, введена новая дисциплина — гимнастика) и окружное приходское училище. Кроме них, действовали в округе 6 одноклассных приходских училищ, в том числе четыре в калмыцких станицах (см. табл. 1). В Денисовской станице почетным блюстителем приходского училища являлся гелюнг Менько Борманжинов, учителем — И. Матешов, помощником учителя — Бембе Гадлуков; в приходском училище Иловайской станицы: почетным блюстителем — гелюнг Бороманта, учителем — В. И. Малинин, помощником учителя — Бембе Адучинов; в приходском училище Кутейниковской станицы: почетным блюстителем — гелюнг Менько Батыров, учителем — М. И. Котельников, помощником учителя — Халыш Хактанов; в приходском училище Платовской станицы: почетным блюстителем — бакша донских калмыков Аркад Чубанов, учителем — А. П. Хоперский, помощником учителя — Абуша Сарсинов [Памятная книжка 1893–1894: 130, 179; Памятная книжка 1895: 124].

В годовом отчете области Войска Донского в Управление казачьих войск Военного министерства отмечалось: «В отчетном 1895 году открыто 23 новых училища: 20 в казачьих станицах и хуторах, 2 в Ростове-на-Дону и одно на руднике. В деле открытия новых училищ обращает на себя внимание сравнительно значительное число вновь открытых женских училищ (13) и открытие училищ калмыцких (3 училища, из которых два женских). … Усиленное стремление к народному образованию среди калмыков стало замечаться в последнее время. Еще не совершился окончательный переход калмыков к оседлой жизни, а между тем калмыцкие школы открываются одна за другою, и для открытия их калмыки не

Таблица 1. Калмыцкие станичные одноклассные приходские училища
Источник: [Памятная книжка 1900: 148, 203–204]
[*Table 1.* Kalmyk stanitsa-level single-class congregational schools]

Училища	Почетные блюстители	Учителя и помощники
Власовское	гелюнг Д. Микулинов	Н. П. Колыбельский, Э. Цуглинов
Денисовское	гелюнг М. Борманжинов	И. М. Матешов, Б. Гадлуков
Граббевское	гелюнг М. Батыров	С. И. Кузнецов, М. Григорьев
Иловайское	казак С. Чурюмов	Т. И. Панфилов, Л. Куберлинов
Кутейниковское	гелюнг М. Батырев	С. Е. Ефимов, Ц. Лялин
Платовское	гелюнг Б. Кулюшов	А. П. Хоперский, Б. Адучинов

останавливаются ни пред какими жертвами. Совершенно новое явление представляет открытие в отчетном году двух первых женских калмыцких училищ, одно из них, первое по времени, открыто по инициативе бакши донских калмыков» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3222. Л. 73]. Инициатива открытия первого женского училища, по всей вероятности, принадлежала бакше Джимбе Микулинову, назначенному на эту высокую духовную должность, в первой половине 1894 г. и прослужившему до апреля-мая 1897 г. В станице Иловайской было открыто мужское приходское училище.

Однако первая всеобщая перепись населения России 1897 г. показала, что по уровню грамотности калмыцкое население еще заметно отставало от других жителей Дона. Среди калмыцких мужчин грамотных имелось всего 1 632 человека (9,8 %, в среднем на Дону — 34,8 %), среди калмычек — 70 человек (0,45 %, в среднем на Дону — 9,75 %). Поэтому, видимо, не случайно уже накануне переписи в 1896 г. открыли одноклассные приходские училища в Граббевской станице (почетный блюститель — гелюнг Менько Батырев) и Власовской станице (место оставалось вакантным), а также в хуторе Батлаевском (почетный блюститель — гелюнг Шургуче Нимгиров).

Кроме них, в том же году появились два женских училища 3-го разряда — в Денисовской (надзирательница Ольга Матешова, учитель Алексеев) и Платовской (надзирательница Татьяна Уразовская, учитель Абуша Сарсинов) станицах [Памятная книжка 1896: 192]. Образование женских учебных заведений в калмыцких станицах было связано с общей тенденцией развития женского образования в стране. В 1900 г. в министерстве народного просвещения был создан департамент по женскому профессиональному образованию [Первая всеобщая перепись 1905: 77, 81, 165; ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3167. Л. 87].

Вскоре, в 1898–1899 гг., в 8 калмыцких станицах были открыты трехклассные приходские училища, занятия в которых проводились по общей программе приходских начальных школ Российской империи. В них в первом же году сели за парты около 300 калмыцких детей. Следующими ступенями в получении образования являлись высшее 2-х классное окружное Калмыцкое училище, открытое в 1890 г. и преобразованное в 1899 г. трехклассное училище — Сальское окружное училище, а также реальные училища и гимназии.

9. Калмыцкие приходские училища в 1890-х гг.

В 1900 г. в Калмыцком окружном училище почетным смотрителем являлся коллежский секретарь И. К. Козорезов, штатным смотрителем — титулярный советник Г. П. Морозов, учителями законоучения служил священник Н. Ф. Павлов, математики и географии — А. И. Титаренков, калмыцкого языка и чистописания — коллежский секретарь Менко Чупатинов.

В этих же станицах были открыты женские училища 3-го разряда, попечителями которых являлись жены богатых калмыков-казаков (Ульяна Калтаканова, Надежда Балтыкова, Екатерина Шургучиева, Намга Уланова, Кукля Николаева, в Граббевском имелась вакансия на эту должность). Одновременно в калмыцких хуторах Батлаевском (почетный блюститель — гелюнг Шургуча Нимгиров), Хурульном (почетный блюститель — гелюнг С. Захаров) открылись одноклассные приходские училища. Во всех указанных учебных заведениях калмыцких станиц выпускники Калмыцкого окружного училища и других служили помощниками учителей, учителями [Памятная книжка 1900: 148, 203–204].

К концу XIX в. 26 калмыков-казаков, получивших соответствующее образование, были вовлечены в новые сферы деятельности — правовую, учебную, сферу искусства, а также в торговлю (9 человек). Некоторые калмыки начали осваивать специальности портных, слесарей, плотников. В это время в Сальском округе вели подготовку по рабочим специальностям в 17 ремесленных училищах, в том числе в одном калмыцком, где курсанты обучались слесарно-кузнечному и столярному ремеслам.

По-прежнему значительное внимание уделялось развитию образования в калмыцких станицах, активную позицию в этом деле занимало калмыцкое духовенство. В Сальском окружном училище преподавали арифметику, геометрию, физику, историю,

естествоведение, законоучение, русский язык, калмыцкий язык и ламайское вероучение (учитель Б. Г. Нембирков, по всей вероятности, распространенная фамилия Нембриков), чистописание, черчение, рисование, пение [Памятная книжка 1907: 131].

В 9 калмыцких станицах (Батлаевской, Власовской, Денисовской, Граббевской, Иловайской, Кутейниковской, Ново-Алексеевской, Платовской и Потаповской) продолжали работать одноклассные приходские училища (см. табл. 2). В них занятия вели 18 учителей, в том числе 9 калмыков. В калмыцких хуторах были открыты 13 одноклассных приходских училищ, и в них занятия вели калмыцкие учителя (см. табл. 3).

В калмыцких станицах число женских училищ 3-го разряда увеличилось с 2 до 6, наряду с общими дисциплинами учениц в них обучали рукоделию. Во Власовском женском училище попечителем являлся Цеден Альчинович Ласкутов; в Граббевском — Савелий Цакирович Муманжинов; Денисовском — Санчир Павлович Пуков; Иловайском — Екатерина Ивановна Теврюкова; Кутейниковсом — жена есаула Намга Дертыновна Уланова; Платовском — урядник Лавга Сахинович Николаев [Памятная книжка 1907: 209–211].

В 1908 г. в Великокняжеской станице состоялся первый прием курсантов в военно-ремесленную школу (начальник — войсковой старшина А. В. Чувильдеев, помощник — подъесаул А. П. Дербенцев) для обучения по специальностям седельного, шорного, портняжно-шапочного, кузнечно-ковачного дела. Как и во всех учебных заведениях, вводилось изучение закона Божия. Через год в Атаман-

Таблица 2. Станичные калмыцкие одноклассные приходские училища
Источники: [Памятная книжка 1910: 218–220; Памятная книжка 1912: 141–144]
[*Table 2*. Kalmyk stanitsa-level single-class congregational schools]

Училища	Почетные блюстители	Заведующие	Помощники учителя
Власовское	казак А. Б. Ушанов	И. М. Матешов	Л. М. Куберлинов
Граббевское	Х. Б. Цуглинов	Ф. А. Комар	С. Т. Цеденов
Денисовское	М. Б. Борманжинов	М. П. Секретев	Санжа Саранов
Иловайское	С. Б.Чурюмов	Т. И. Панфилов	Заря Сафонов
Кутейниковское	Р. Аксенов	С.Е. Ефимов	М. П. Бетешов
Н-Алексеевское	Л. М. Мухлынов	А. П. Хоперский	Ниме Урусов
Платовское	Д. Бадашкинов	М. К. Дюжев	Б. Г. Нембирков
Потаповское	Э. Д. Джамбинов	С. И. Кузнецов	Бембе Цебеков
Чунусовское	Санжа Чурюмов	П. И. Беркутов	Даржа Аршинов

Таблица 3. Одноклассные приходские училища
Источники: [Памятная книжка 1910: 218–220; Памятная книжка 1912: 141–144]
[*Table 3*. Single-class congregational schools]

Станичные	Почетные блюстители	Заведующие	Учителя
Батлаевское	Лиджа Какушкин	А.М. Овчинников	Д. Уланов, Я. А. Саргинов
Беляевское	Иван Китанов	Е. М. Егоров	Б. С. Зартынов, С. Джеджульдинов
Бурульское	З. Мозунов	Г. П. Пупков	Д. Зольванов, М. Плетнев
Власовское	С. И. Мутянов	И. М. Матешов	Д. Б. Аршинов, А. М. Павлов
Граббевское	Б. С. Алексеев	Ф. А. Комар	А. А. Алексеев, Э. П. Цеденов
Денисовское	М. Б. Борманжинов	М. П. Секретев	Д. Шарманжинов, Ш. Самтонов
Иловайское	А. Теврюков	Т. И. Панфилов	М. Н. Дельдинов, Б. Чапинов
Кутейниковское	У. Акленов	С. Ефимов	А. Ф. Сайгак, Д. И. Ремилёв
Н-Алексеевское	С. Захаров	А. П. Хоперский	Б. Лялин, Б. Абушинов
Платовское	М. Ч. Буринов	Т. Г. Фролов	У. Мухлынов, Б. Пельдишев
Потаповское	Д. П. Ремилёв	С. И. Кузнецов	Б. Бурбеджаков
Чонусовское	Б. Манжиков	И. М. Овчинников	С. Пудинов, М. М. Павлов
Эркетинское	С. Бадьминов	С. С. Фролов	Т. Зольванов

ской станице открылось железнодорожное училище (заведующий — инженер Н. А. Захваев) [Памятная книжка 1909: 128, Отдел II: 7; Памятная книжка 1910: 7–8]. Во все эти учебные заведения калмыцкие дети принимались без ограничения.

В связи с особым вниманием к развитию образования в округе предпринимались меры по расширению сети учебных заведений и укреплению их в материально-техническом отношении. Сальское (Великокняжеское) окружное училище было переведено в четырехклассное с преподаванием дисциплин: бухгалтерский учет, немецкий и французский языки, география, история, арифметика, геометрия, естествоведение, физика, законоучение, калмыцкий язык и буддийское вероучение (учитель Санжа Бранкович Чурюмов), чистописание, черчение, рисование, пение, гимнастика, рукоделие. При нем открыли приготовительный класс, врачебный пункт со своим врачом [Памятная книжка 1910: 124–125].

Сеть учебных заведений округа пополнили Великокняжеское женское четырехклассное училище (попечительница жена капитана 2-го ранга М. В. Остелецкая, заведующий Н. И. Задорожный) и два двухклассных училища в станицах Великокняжеской и Атаманской, где продолжалось и обучение детей в двух одноклассных приходских училищах.

В шести калмыцких станицах продолжали работать женские училища 3-го разряда и 14 хуторах — одноклассные приходские училища. К тому же появилась возможность калмычкам поступать в Великокняжеское женское четыреххклассное училище [ГА РО. Ф. 493. Оп. 1. Д. 241. Л. 39–40; Памятная книжка 1910: 218–220; Памятная книжка 1912: 141–144].

10. Великокняжеское реальное училище и учебные заведения Калмыцкого округа в начале XX в.

В 1912 г. в Великокняжеской станице благодаря усилиям общественности было открыто реальное училище (почетный попечитель И. А. Супрунов, директор В. М. Афанасьев). Активное участие в организации училища приняли бакша донских калмыков М. Борманжинов, гелюнг Б. А. Киреев, атаман станицы Великокняжеской А. А. Алимов. В первые два года занятия велись в нанятых помещениях, и лишь в 1914 г. к началу учебного года училище получило новое собственное каменное здание, построенное на пожертвования обществ станиц округа, в том числе и калмыцких [Отчет 1914]. Наряду с предметами, предусмотренными программой реальных училищ, — русский язык, законоучение, немецкий и французский языки, история, естественная история, география, чистописание, черчение, рисование, музыка, гимнастика, в нем преподавали калмыцкий язык и ламайское (буддийское) вероучение. Эти занятия вел по поручению бакши один из гелюнгов (в течение 1912–1916 гг. калмыцкий язык преподавал Бадьма Павлович Танушев и вероучение — гелюнг Василий Басанович Лялин), которые получали содержание из средств калмыцких обществ. К сожалению, в 1918 г. обучавшихся 58 учащихся училища не окончили полный курс учебы. Они вступили в ряды вооруженной дружины против большевиков и ушли в Сальские степи — «Степной поход» генерала П. Х. Попова [ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 674. Л. 81, 163, 226; ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 712. Л. 126].

В 1914–1916 гг. во всех 13 калмыцких станицах функционировали одноклассные приходские училища [Памятная книжка 1915: 289].

В 6 станицах по-прежнему работали женские училища 3-го разряда — в станицах:

– Власовской (учителя О. Г. Матешова, П. Н. Занданов),

– Граббевской (учителя М. Д. Зуева, Б. Кущлынов),

– Денисовской (учителя З. Г. Алимова, А. А. Секретева),

– Иловайской (учителя М. Д. Тростянская, Б. У. Иванов),

– Кутейниковской (М. В. Ефимова, Ц. У. Лялин),

– Платовской (Л. В. Благовешенская, С. Б. Дельдинов).

В 18 калмыцких хуторах детей обучали в одноклассных приходских училищах. В этих учебных заведениях, которые содержались за счет средств обществ калмыцких станиц, обучалось до 900 учащихся. В них учителями работали калмыки, окончившие курсы в Великокняжеском 4-классном городском училище, в старших отделениях преподавали русские учителя.

В Новочеркасском реальном училище, гимназии учились дети состоятельных калмыцких семей, поскольку обучение являлось платным. Приобретших различные специальности мастеровых в калмыцких станицах в 1913 г. числилось 337 человек. В результате предпринятых мер к началу 1915 г. грамотность в Сальском округе существенно повысилась: у мужского населения составляла 65,7 % (на Дону — 62,9 %), женщин — 34,3 % (на Дону — 37,4 %) [Памятная книжка 1914: 308–309; Памятная книжка 1915: 40].

В 1906 г. впервые донской калмыцкий юноша Бадьма Уланов поступил на юридический факультет Петербургского университета, а на высшие Бестужевские курсы в Петербурге — Данара Уланова, которая затем училась на историческом отделении историко-филологического факультета Донского университета. В Новочеркасской частной женской гимназии учились Маруза Курашева (продолжила обучение в Харьковском медицинском институте, медсестра, расстреляна в годы Гражданской войны), Бусла Акугинова, впоследствии ставшая активным работником партийных и советских органов Ростовской области и Калмыцкой автономной области, и другие калмычки [Отчет 1914: 2–5, 8, 62; Памятная книжка 1915: 167–168; Вольное казачество 1933: 14; Ковыльные волны 1932: 27].

11. Заключение

В сооответствии со временем и целями выдвигались задачи на Дону по совершенствованию гражданского управления, боевой подготовке военного казачьего сословия. К концу XIX в. калмыцкие семьи, расселившись по многим станицам, хуторам, селам Сальского округа и приобщившись к производственной деятельности, характерной местным условиям и особенностям, успешно адаптировались к новым видам трудовой деятельности, в донскую социокультурную среду, при этом сохранив свою культурную идентичность. Окончательно завершился переход калмыцкого населения на оседлый образ жизни, приведший к стационарному ведению хозяйства, освоению новых отраслей экономики. В этом процессе определяющее значение имела не только адаптирующая активность калмыков-казаков. Важную роль сыграли внешние факторы — благоприятная атмосфера в новом социуме, гибкая, целенаправленная политика властей Войска Донского по введению калмыцкого населения в общее донское жизненное пространство.

Одним из важнейших средств в этом общем процессе администрация Войска Донского определила развитие образования калмыцкого населения. С 30-х гг. XIX в. до великих потрясений начала XX в. эта политика целенаправленно проводилась в жизнь. В деле развития образования калмыков-казаков огромная заслуга принадлежит буддийскому духовенству. Немаловажное значение имело стремление родителей дать детям образование. В результате значительно повысилась грамотность у донского калмыцкого населения военного сословия, активизировалась его общественно-политическая деятельность.

Источники

Вольное казачество 1933 — Вольное казачество. № 130. 10 июня 1933.

ГА РО — Государственный архив Ростовской области.

Ковыльные волны 1932 — Ковыльные волны (Цаган овсни дольган) = Kovilny volny. Joinville-le-Pont: [б. и.], 932. № 45. 26 с.

Область Войска Донского 1879 — Область Войска Донского по переписи 1873 года. Вып. 1. Новочеркасск: Обл. В. Д. тип., 1879. 836 с.; Вып. 2. Кн. 3. Новочеркасск: Обл. В. Д. тип., 1879. 758 с.

Отчет 1914 — Отчет войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1914 г. (Ч. II — гражданская). Новочеркасск: Обл. В. Д. тип., 1914. [1], 56, [23] с.

Памятная книжка 1885 — Памятная книжка области Войска Донского на 1885 год. Новочеркасск: Обл. В. Д. тип., 1885. 471 с.

Памятная книжка 1892 — Памятная книжка области Войска Донского на 1892 год. Новочеркасск: Обл. В. Д. тип., 1892. 407 с.

Памятная книжка 1893–1894 — Памятная книжка области Войска Донского на 1893–1894 годы. Новочеркасск: Обл. В. Д. стат. ком., 1894. 547 с.

Памятная книжка 1895 — Памятная книжка области Войска Донского на 1905 год. Новочеркасск: Обл. В. Д. стат. ком., 1905. 613 с.

Памятная книжка 1896 — Памятная книжка области Войска Донского на 1896 год. Ново-

черкасск: Обл. В. Д. стат. ком., 1896. 396 с.
Памятная книжка 1900 — Памятная книжка области Войска Донского на 1900 год Новочеркасск: Обл. В. Д. стат. ком., 1900. 847 с.
Памятная книжка 1907 – Памятная книжка области Войска Донского на 1907 год. Новочеркасск: Обл. В. Д. стат. ком., 1907. 619 с.
Памятная книжка 1909 — Памятная книжка области Войска Донского на 1909 год. Новочеркасск: Обл. В. Д. стат. ком., 1909. 630 с.
Памятная книжка 1910 — Памятная книжка области Войска Донского на 1910 год. Новочеркасск: Обл. В. Д. стат. ком., 1910. 620 с.
Памятная книжка 1912 — Памятная книжка области Войска Донского на1912 год. Новочеркасск: Обл. В. Д. стат. ком., 1912. 726 ч.
Памятная книжка 1914 — Памятная книжка области Войска Донскогона1914 год. Новочеркасск: Обл. В. Д. стат. ком., 1914. 810 с.
Памятная книжка 1915 — Памятная книжка области Войска Донского на 1915 год. Новочеркасск: Обл. В. Д. стат. ком., 1915. 780 с.
Первая всеобщая перепись 1905 — Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XII. Область Войска Донского. СПб.: [б. и.], 1905. 255 с.
ПСЗРИ 1839 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Отделение первое. 1838. Т. 13. От 10855 до 11376. СПб.: В Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1839. 1067 с.
РГИА — Российский государственный исторический архив.
Сборник 1877 — Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. XIII. Ч. 2. СПб.: Глав. упр. иррегулярных войск, 1877. x, 367–557 с.
Труды 1867 — Труды областного Войска Донского Статистического комитета. Вып. 1. Новочеркасск: Дон. войсковой стат. ком., 1867. 117 с.

Sources

Russian State Historical Archive.
State Archive of Rostov Oblast.
Census of 1873. Don Host Oblast. Vol. 1. Novocherkassk, 1879. 836 p.; Vol. 2. Book 3. Novocherkassk, 1879. 758 p. (In Russ.)
Collected Governmental Prescriptions on Cossack Hosts. Vol. 13. Pt 2. St. Petersburg: Chief Directorate of Irregular Troops, 1877. x, 367–557 p. (In Russ.)
Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. One. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancellery (Second Section), 1839. Vol. 13. 1067 p. (In Russ.)
First General Census of the Russian Empire (1897). Vol. 12: Don Host Oblast. St. Petersburg, 1905. 255 p. (In Russ.)
Proceedings of Don Host Oblast Committee for Statistics. Vol. 1. Novocherkassk, 1867. 117 p. (In Russ.)
Reference Book of Don Host Oblast for the Year 1885. Novocherkassk, 1885. 471 p. (In Russ.)
Reference Book of Don Host Oblast for the Year 1896. Novocherkassk: Don Host Oblast Committee for Statistics, 1896. 396 p. (In Russ.)
Reference Book of Don Host Oblast for the Year 1892. Novocherkassk, 1892. 407 p. (In Russ.)
Reference Book of Don Host Oblast for the Year 1900. Novocherkassk: Don Host Oblast Committee for Statistics, 1900. 847 p. (In Russ.)
Reference Book of Don Host Oblast for the Year 1905. Novocherkassk: Don Host Oblast Committee for Statistics, 1905. 613 p. (In Russ.)
Reference Book of Don Host Oblast for the Year 1907. Novocherkassk: Don Host Oblast Committee for Statistics, 1907. 619 p. (In Russ.)
Reference Book of Don Host Oblast for the Year 1909. Novocherkassk: Don Host Oblast Committee for Statistics, 1909. 630 p. (In Russ.)
Reference Book of Don Host Oblast for the Year 1910. Novocherkassk: Don Host Oblast Committee for Statistics, 1910. 620 p. (In Russ.)
Reference Book of Don Host Oblast for the Year 1912. Novocherkassk: Don Host Oblast Committee for Statistics, 1912. 726 p. (In Russ.)
Reference Book of Don Host Oblast for the Year 1914. Novocherkassk: Don Host Oblast Committee for Statistics, 1914. 810 p. (In Russ.)
Reference Book of Don Host Oblast for the Year 1915. Novocherkassk: Don Host Oblast Committee for Statistics, 1915.780 p. (In Russ.)
Reference Book of Don Host Oblast for the Years 1893–1894. Novocherkassk: Don Host Oblast Committee for Statistics, 1894. 547 p. (In Russ.)
Report of the Appointed Host Ataman on Conditions across Don Host Oblast in the Year 1914. Pt. 2: Civil Affairs. Novocherkassk, 1914.[1], 56, [23] p. (In Russ.)
Kovyl'nye volny (*Tsagan ovsni dol'gan*) = *Kovilny volny*. 1932. No. 4–5. 26 p. (In Russ.)
Vol'noe kazachestvo. 1933, June 10. No. 130. (In Russ.)

Литература

История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 т. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. 838 с.

Максимов 2016 — Максимов К. Н. Калмыки в составе Донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2016. 584 с.

Маслаковец 1872 — *Маслаковец Н. А.* Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков. Новочеркасск: Обл. Войска Донского тип., 1872. 114 с.

Пальмов 2007 — *Пальмов Н. Н.* Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 462 с.

Шовунов 1992 — *Шовунов К. П.* Калмыки в составе Российского казачества. Элиста: КИОН РАН, 1992. 317 с.

References

Maksimov K. N. Kalmyks in the Don Host: 17th – Mid-20th Centuries. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center (RAS), 2016. 576 p. (In Russ.)

Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. 838 p. (In Russ.)

Maslakovets N. A. Lands of the Don Kalmyks: Physical and Statistical Accounts. Novocherkassk: Publishing House of Don Host Oblast, 1872. 114 p. (In Russ.)

Palmov N. N. Kalmyks within Russia's Borders: Historical Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 462 p. (In Russ.)

Shovunov K. P. Kalmyks in Cossack Hosts of Russia: Mid-Seventeenth to Nineteenth Centuries. Elista: Kalmyk Institute of Social Sciences, 1992. 317 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 2, Pp. 298–319, 2024
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 94 (41/99)
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-298-319

«Времена не выбирают, в них живут и умирают». Д. А. Кунаев и его время

Зиябек Ермуханович Кабульдинов[1, 2], *Константин Владимирович Черепанов*[3], *Дидар Бейсенгалиевна Касымова*[4]

[1] Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
доктор исторических наук, профессор, директор
[2] Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)
доктор исторических наук, профессор
0000-0002-9625-0535. E-mail: kabulzia[at]rambler.ru

[3] Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан
кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
0000-0002-0736-9383. E-mail: k.v.cherepanov[at]mail.ru

[4] Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
0000-0001-8521-9818. E-mail: didarkassymova87[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2024
© Кабульдинов З. Е., Черепанов К. В., Касымова Д. Б., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья является попыткой оценить вклад Д. А. Кунаева — крупного советского и партийного деятеля, долгое время руководившего республиканской партийной организацией советского Казахстана — в социально-экономическое и политическое развитие Казахской ССР и всего Советского Союза в 1942–1986 гг. *Цель* данного исследования, определяющая и соответствующие задачи, состоит в том, чтобы, используя объективные свидетельства и материалы, касающиеся жизни и деятельности Д. А. Кунаева, раскрыть его роль в экономическом, научном и политическом развитии советской республики, подчеркнуть его вклад в развитие и сохранение союзного государства и определить значение его деятельности уже для независимого Казахстана (и прежде всего в вопросе сохранения территориальной целостности республики). *Материалы и методы.* Источниковая база исследования включает воспоминания и размышления самого Д. А. Кунаева, воспоминания о нем его соратников и современников, материалы и документы, хранящиеся в отечественных и зарубежных архивах (Архив Президента Республики Казахстан, Центральный государственный архив Республики Казахстан, Государственный архив Восточно-Казахстанской области, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив новейшей истории). В работе

применялись историко-генетический, историко-сравнительный методы, концепция биографического подхода и теория этнической мобилизации, сочетающие в себе и элементы реконструкции биографии Д. А. Кунаева на фоне исторического развития республики с учетом ее национально-этнического мобилизирующего компонента. Многое в отношениях руководителя советского Казахстана с представителями союзного центра объясняется теорией «клиентелизма». В ходе исследования также использовались методы социологии: дискурс-анализ текстов и речевых практик руководителей СССР и Казахской ССР, документов личного характера — воспоминаний, мемуаров, интервью Д. А. Кунаева и его современников. *Выводы.* В ходе проведенного исследования показано, что Д. А. Кунаев сыграл выдающуюся роль в развитии всех областей и сфер существования советского Казахстана, в сохранении его территориальной целостности, а также внес значительный вклад в развитие СССР, объективно заложив при этом основы для существования и успешного развития суверенного Казахстана.

Ключевые слова: Д. А. Кунаев, Алма-Ата, Балхаш, Риддер, Казахская ССР, председатель Совета Министров Казахской ССР, первый секретарь ЦК КП Казахстана, целина, Байконур, Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, М. С. Горбачев

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Министерства науки и образования Республики Казахстан в рамках реализации проекта ИРН AP 14872044 «Вклад Д. А. Кунаева в социально-экономическое развитие Казахстана и сохранение территориальной целостности республики».

Для цитирования: Кабульдинов З. Е., Черепанов К. В., Касымова Д. Б. Роль и место Д. А. Кунаева в истории советского Казахстана // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 2. С. 298–319. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-298-319

'*You Choose No Time to Live and Die*': Dinmukhamed A. Kunayev and His Time

Ziyabek Y. Kabuldinov[1],[2], *Konstantin V. Cherepanov*[3], *Didar B. Kassymova*[4]

[1] Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Dr. Sc. (History), Professor, Director
[2] Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Professor
0000-0002-9625-0535. E-mail: kabulzia[at]rambler.ru

[3] Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Cand. Sc. (History), Associate Professor, Leading Research Associate
0000-0002-0736-9383. E-mail: k.v.cherepanov[at]mail.ru

[4] Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Cand. Sc. (History), Leading Research Associate
0000-0001-8521-9818. E-mail:didarkassymova87[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024
© Kabuldinov Z. Y., Cherepanov K. V., Kassymova D. B., 2024

Abstract. *Introduction*. The article deals with the life and endeavors of Dinmukhamed A. Kunayev — a prominent Soviet statesman and party activist, who was long in charge of the Kazakh SSR Party Organization and greatly contributed to socioeconomic development of the Republic (and the whole Soviet Union) in 1942–1986. *Goals*. The article shall examine documentary sources pertaining to D. Kynayev's life path to highlight his role in the Republic's economic, scientific, and political development, emphasize his contribution to the preservation and successes of the Soviet state at large, and appreciate his significance to the birth of sovereign Kazakhstan (and its territorial integrity). *Materials and methods*. The study covers a variety of sources, including personal memories of D. Kunayev, recollections of his contemporaries and co-workers, materials and documents from Kazakhstan-based and foreign archives (Archive of the President of the Republic of Kazakhstan, Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, etc.). The article employs the historical-genetic and historical-com-

parative methods, addresses the concept of biographic approach and theory of ethnic mobilization to reconstruct some episodes of D. Kunayev's biography in certain historical contexts with due regard of related national/ethnic mobilizing components. Much in Kunayev–Moscow relations can be explained by provisions of *clientilism* theory. Such methods of sociological research as discourse analysis of texts and speech patterns of Soviet Union and Kazakhstan's executives have proven as instrumental. *Conclusions*. The paper shows D. Kunayev played a remarkable role in the development of all spheres of Soviet Kazakhstan, and either did he for the development of the whole Soviets, which also provided certain grounds for subsequent successful development of independent Kazakhstan.
Keywords: D. Kunayev, Kazakh SSR, First Secretary of Kazakh SSR Communist Party, Chairman of Kazakh SSR Council of Ministers, virgin lands, L. Brezhnev, A. Kosygin, M. Gorbachev, Baikonur
Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. ИРН AP 14872044 'Kazakhstan, Its Socioeconomic Development, and Territorial Integrity: Dinmukhamed A. Kunayev and His Contribution'.
For citation: Kabuldinov Z. Y., Cherepanov K. V., Kassymova D. B. '*You Choose No Time to Live and Die*': Dinmukhamed A. Kunayev and His Time. *Oriental Studies*. 2024; 17 (2): 298–319. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-298-319

1. Введение

Динмухамед Ахмедович Кунаев (1912–1993) занимает особое место в истории Казахстана по ряду причин. Он был первым секретарем Коммунистической партии Казахстана в 1960–1962, 1964–1986 гг. и стал первым представителем из числа руководителей советских среднеазиатских республик, который вошел в состав Политбюро Центрального комитета КПСС — фактически высшего руководящего органа СССР. Д. А. Кунаев дважды (1955–1960, 1962–1964 гг.) занимал должность председателя Совета министров Казахской ССР (главы правительства). До этого он работал заместителем председателя Совета Народных Комиссаров Казахской ССР (1942–1952 гг.), президентом Академии наук Казахской ССР (1952–1955 гг.). Д. А. Кунаев более 20 лет являлся членом Политбюро ЦК КПСС и в течение 25 лет был депутатом Верховного совета Казахской ССР (далее — КазССР). Он был трижды Героем социалистического труда и награжден восемью орденами Ленина.

Жизнь и деятельность Д. А. Кунаева была наполнена многими значительными событиями, отражавшими как яркие эпизоды из биографии этого государственного и политического деятеля СССР, так и важнейшие моменты из жизни всего советского Казахстана. Родившийся еще во время существования царской империи, в 1912 г., Динмухамед Ахмедович Кунаев всю свою долгую жизнь был связан с Казахстаном и как никто другой из соотечественников оказал влияние на развитие своей родины.

Он был, воистину, человеком XX в., со всеми его социальными, политическими и военными потрясениями, революциями, войнами, массовыми репрессиями и одновременно гигантскими преобразованиями. Он родился в период царской России, которая уже в ближайшие годы закончила свое существование. Но на обломках ее зародилось, сформировалось и укрепилось новое государство — СССР, служению которому Д. А. Кунаев отдал всю свою сознательную жизнь, и крах, разрушение которого вынужден был наблюдать в последние годы своей долгой и насыщенной жизни. Умер Д. А. Кунаев уже в суверенном казахском государстве, для появления и успешного выживания которого он, возможно, сам того не ведая, сделал так много.

В рамках данного исследования выдвигаем гипотезу о том, что при всей своей теснейшей связи со своей родиной — Казахстаном, — при всей любви к казахскому народу, его языку, культуре и обычаям Д. А. Кунаев был, прежде всего, советским человеком, одним из многих строителей социалистической Отчизны, видным советским политическим и государственным деятелем, интересы и влияние которого распространялись далеко за пределы руководимого им советского Казахстана. В связи с этим необходимо рассмотреть и проанализировать деятельность Д. А. Кунаева не только на уровне возглавляемой им республики, которую он воспринимал как неотъемлемую часть СССР, но и в масштабах всего великого союзного государства. Цель статьи — ис-

пользуя объективные свидетельства и материалы, касающиеся жизни и деятельности Д. А. Кунаева, раскрыть его роль в экономическом, научном и политическом развитии советской республики, подчеркнуть его вклад в развитие и сохранение союзного государства и определить значение его деятельности уже для независимого Казахстана (и прежде всего в вопросе сохранения территориальной целостности республики).

2. Материалы и методы

В работе при анализе основных характеристик личности Д. А. Кунаева, этапов его жизненного пути и государственно-политической деятельности использованы материалы Государственного архива Восточно-Казахстанской области (далее — ГАВКО), Архива Президента Республики Казахстан (далее — АП РК), Центрального государственного архива республики Казахстан (далее — ЦГА РК), Государственного архива Российской Федерации (далее — ГА РФ), Российского государственного архива новейшей истории (далее — РГАНИ). Многие документы, относящиеся к жизни и деятельности Д. А. Кунаева, впервые вводятся в научный оборот.

Достаточно короткий, но очень важный период в жизни и становлении профессиональной и партийно-государственной карьеры, связанный с пребыванием казахского государственного деятеля в г. Усть-Каменогорске и г. Риддере (Лениногорске), иллюстрируется значительным корпусом документальных свидетельств, хранящихся в ГАВКО в фонде 1П «Восточно-Казахстанский областной комитет Коммунистической партии (большевиков) Казахстана. г. Усть-Каменогорск Восточно-Казахстанской области», фонда 2102П «Партком Лениногорского полиметаллического комбината. 1939–1942 гг.» и фонде 130П «Лениногорский горком КП(б) Казахстана. 1941–1942 гг.». Собранная в этих фондах документальная база позволяет высоко оценить профессиональные, деловые, организаторские и личные качества Д. А. Кунаева как горного инженера высокой квалификации, способного и талантливого руководителя производством и партийной организацией, работавшего директором Риддерского рудника и директором Риддерского (Лениногорского) рудоуправления.

Наибольший массив документальных свидетельств деятельности Д. А. Кунаева в качестве партийного и государственного деятеля советского Казахстана содержится в Архиве Президента Республики Казахстан в фонде 708 «Центральный Комитет Коммунистической партии Казахстана». Крайне информативными и содержательными в этом плане являются единицы хранения под рубриками: «Переписка с Центральным Комитетом Коммунистической партии СССР, Советом министров СССР и Президиумом Верховного совета СССР по важнейшим вопросам государственного, хозяйственного и культурного строительства», «Переписка с Министерствами, ведомствами, органами Союза ССР по важнейшим вопросам государственного, хозяйственного и культурного строительства», «Постановления Центрального Комитета Компартии Казахстана и Совета министров Казахской ССР», стенограммы различных съездов Коммунистической партии Казахстана и пленумов Центрального Комитета Компартии Казахстана, протоколы заседаний бюро Центрального Комитета Компартии Казахстана. Документы, извлеченные из этих архивных единиц хранения, имеют отношение к самым разным вопросам партийного, государственного, военно-стратегического, идейно-политического, хозяйственно-экономического и научно-культурного характера, в разной степени характеризующих роль, участие и позицию Д. А. Кунаева в их постановке и решении.

Определенная информация, касающаяся атмосферы, в которой принимались те или иные решения, роли и значений отдельных органов в структуре советской власти в КазССР, вопросов, находящихся на обсуждении в различного рода управленческих советских инстанциях, к которым имел отношение Д. А. Кунаев в качестве главы советского республиканского правительства (председатель Совета министров) в 1955–1960 и 1962–1964 гг., получена при изучении фондов ЦГА РК: фонд Р-196 «Постоянное представительство Совета министров КазССР при Совете министров СССР», фонд Р-1734 «Казахский Совет народного хозяйства», фонд Р-2096 «Юридическая комиссия при Совете министров Казахской ССР».

Фонды крупнейших государственных архивов Российской Федерации содержат в

себе значительное количество материалов, отражающих иной уровень политической деятельности руководителя советского Казахстана. Найденные и использованные в исследовательской деятельности документы ведущих архивов Российской Федерации позволяют оценить место Д. А. Кунаева в структуре советской власти в партийной и управленческой ипостасях на общегосударственном, общесоюзном уровне.

В ГА РФ выявлены и использованы документы из дел фонда 5446 «Совет министров СССР», отражающие деятельность Д. А. Кунаева на посту председателя Совета министров КазССР с 1955 г. по 1964 г. Дела из фондов РГАНИ: фонд 3 «Политбюро ЦК КПСС (1952–1991 гг.)», фонд 5 «Аппарат ЦК КПСС» и фонд 20 «Среднеазиатское бюро ЦК КПСС» проливают свет на деятельность Д. А. Кунаева в качестве члена Политбюро ЦК КПСС — фактически высшего руководящего органа Советского Союза и содержат важные подробности о его карьерном росте и в целом о перестановках в руководстве КазССР.

В процессе исследования активно применялись историко-генетический и историко-сравнительный методы. Историко-генетический метод применялся при выявлении факторов и причин изменения отношений между кремлевским руководством и руководством Компартии КазССР в период с назначения Д. А. Кунаева на высшие государственные посты в КазССР и до его смещения, а также в установлении природы противостояния внутри казахстанского руководства и определении того, в каких областях это противостояние было особенно глубоким и к каким последствиям оно привело. Использование историко-сравнительного метода позволило определить общее и выделить особенное в стиле руководства Д. А. Кунаевым республикой за период его нахождения во главе Компартии КазССР. Применение данного метода помогло выявить уровни взаимодействия казахстанского и союзного руководства, ступени повышения статуса республики в рамках союзной экономики и роли в военно-стратегических планах советской страны.

В работе использована теория этнической мобилизации, согласно которой представитель этнической группы на высоких управленческих постах играл существенную роль в этнической мобилизации населения. С одной стороны, это был способ достижения принципа этнического представительства и репрезентации советской политики национальностей в действии, с другой, он стимулировал сотрудничество с властью. Население (этническая группа) имело возможность апеллировать к своему представителю, даже символически, для разрешения тех или иных вопросов. Многое из взаимоотношений Д. А. Кунаева и союзного центра описывается основными положениями теории клиентелизма. В ходе исследования также использовались социологические методы: дискурс-анализ текстов и речевых практик руководителей СССР и КазССР, документов личного характера — воспоминаний, мемуаров, интервью Д. А. Кунаева и его современников. Для реконструкции личности Д. А. Кунаева и оценки ее влияния на происходившее на фоне исторических событий применена концепция биографического подхода [Колесник 2018]. Этот метод, взятый в арсенал исторических исследований, предполагает реконструкцию значимых для личности событий и выборов, выстраивание их причинно-следственной последовательности и выявление их влияния на дальнейшее течение жизни самого исследуемого субъекта и окружающей его реальности в силу существующих у него возможностей.

3. История вопроса

Работа опирается на опыт предшествующих исследований. В российской академической литературе наработан значительный пласт исследований о партийной номенклатуре [Головинова 2011]. Имеются работы общего характера, раскрывающие природу политических процессов в СССР, приведших к его распаду [Филиппов 2021; Чешко 2000], и особенности региональных управленческих процессов [Кищенков и др. 2021]. Среди исследований казахстанских ученых следует выделить работы по эволюции и преемственности политического руководства М. С. Ашимбаева [Ашимбаев 2001], Н. А. Абуевой [Абуева 2007], Ж. Мурзалина [Мурзалин 2001], Д. Р. Ашимбаева и В. Н. Хлюпина [Ашимбаев, Хлюпин 2008]. Из наиболее полных и содержательных исследований, посвященных личности Д. А. Кунаева и результатам его деятельности, следу-

ет выделить монографию Б. А. Тулепбаева и К. У. Тулепбаевой «Д. А. Кунаев — выдающийся государственный и политический деятель» [Тулепбаев, Тулепбаева 2006]. Монографии З. Г. Сактагановой [Сактаганова 2017] и Ж. Б. Абылхожина [Абылхожин 2019], помимо серьезного статистически-экономического материала, содержат глубокие выводы и оценки как характера и результатов экономического и политического развития советского Казахстана, так и роли и значения деятельности Д. А. Кунаева на посту руководителя крупнейшей союзной, советской республики.

Многолетняя карьера Д. А. Кунаева в качестве одного из руководителей советского государства является, по мнению исследователей, прекрасным примером сохранения (возрождения) национальной идентичности в увязке с интернациональным характером советской системы [Dave 2007]. Феномен формирования, укрепления и институализации национальных элит в национальных республиках Советского Союза не остался без внимания со стороны иностранных исследователей. Интерес к национальному строительству советского государства демонстрировали в разное время Дж. Ходнетт [Hodnett 1975; Hodnett 1978], У. Клири [Cleary 1967] и особенно Т. Ригби в серии публикаций [Rigby 1968; Rigby 1970–1971; Rigby 1980; Rigby 1983; Rigby 1988]. Суждения, высказанные этими исследователями, при всей их неоднозначности вносят свой вклад в понимание самого феномена «партийно-государственного лидера национальной советской республики», так и в понимание личности казахстанского лидера и в оценку масштабов его деятельности. Из последних работ зарубежных авторов стоит упомянуть работы Ш. Келлер [Keller 2020] и А. Халида [Khalid 2021].

Опираясь на работы предшественников, отдавая должное приведенным в них фактам, документальным свидетельствам и сделанным на их основе выводам, данным исследованием мы постараемся доказать, что именно активная, созидательная и конструктивная деятельность таких руководителей советских республик и национальных окраин СССР, каким был Д. А. Кунаев, являлась залогом существования, развития и побед многонационального государства. И, вместе с тем, кажется еще более необходимым, и с точки зрения исторической науки, и с точки зрения формирования национальной традиции коммеморативных практик показать, что многолетняя, масштабная и созидательно-конструктивная деятельность Д. А. Кунаева на руководящих государственных и партийных позициях в советский период сформировала фундамент и прочные основания для последующего независимого существования уже суверенного Казахстана.

4. Д. А. Кунаев и его время

4.1. В начале славных дел

Жизнь и деятельность Д. А. Кунаева доказывает, лишний раз, истину, облеченную в поэтическую форму замечательным советским поэтом А. Кушнером: «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Обращаясь к жизненному пути видного строителя казахстанской промышленности, политика, руководителя и государственного деятеля общесоюзного масштаба, исследователи обнаруживают в нем, прежде всего, пример искреннего и во многом бескорыстного служения своему делу, призванию, народу и Родине.

Становление Д. А. Кунаева как профессионального горного инженера и государственного деятеля приходилось на сложные годы, когда во главе СССР стоял И. В. Сталин, а пика своей карьеры политика он достиг уже при Н. С. Хрущеве и Л. И. Брежневе, был отправлен же в отставку «архитектором советской перестройки» М. С. Горбачевым. Каждый этап транзита власти сопровождался реализацией новых проектов по модернизации страны и республики, кадровыми перестановками, усилением военно-политического направления во внутренней и внешней политике советской державы и политико-административными изменениями. Под руководством Д. А. Кунаева в условиях жесткой советской командно-административной системы Казахстан в социально-экономическом плане прошел сложный путь социалистических преобразований и стал составной частью мировой экономики в составе СССР.

В ряды первых руководителей государства Д. А. Кунаев пришел из когорты инженерно-технических работников, пройдя все ступени роста в профессиональном и политическом плане — от бурильщика до Президента Академии наук КазССР и выс-

шего руководителя союзной республики. Д. А. Кунаев был одним из немногих руководителей в советском политическом истеблишменте, который сформировался как ученый именно в академической среде; он защитил кандидатскую диссертацию в 1948 г. [Кунаев 1948: 32] и стал академиком еще до своего назначения на пост первого секретаря Центрального комитета компартии союзной республики. Самые сложные и трагичные страницы истории Казахстана XX в. в составе СССР стали и частью биографии Д. А. Кунаева. Он понимал, что внутренняя политика во многом зависит от личности главы государства, его интеллектуального потенциала и прагматизма, умения учиться у прошлого, способности ставить цели и претворять их в жизнь.

Динмухамед Ахмедович Кунаев родился в 1912 г. в городе Верном (ныне — г. Алматы) в многодетной семье Менлиахмеда (Ахмета) и Зауре Кунаевых, был третьим ребенком и первым сыном, и это накладывало особую ответственность на него [Кунаев 2022: 9]. Глава семьи работал у купца Исхака Габдулвалиева. В семье было 11 детей, семья была дружная, и Динмухамед Кунаев тесно общался со своими родными до конца жизни. Именно семья была для Д. А. Кунаева средоточием нравственных ценностей, которые питали его духовно, эмоционально и стали мерилом его последующей деятельности.

К моменту окончания им школьного обучения молодая советская республика нуждалась в профессионалах разного рода, особенно в инженерно-технических работниках. Д. А. Кунаев в своих воспоминаниях писал, что на его решение получить образование инженера оказал пример первого казахского инженера Мухамеджана Тынышпаева [Кунаев 1994: 18]. В 1936 г. Кунаев с отличием завершил учебу в Московском институте цветных металлов и золота и получил квалификацию горного инженера по эксплуатации рудных месторождений. По распределению его направили на Коунрад-Балхашскую стройку, и он стал свидетелем и участником индустриальных преобразований Казахстана, сопряженных с огромными человеческими и материальными затратами, техническими трудностями [Кунаев 2022: 21]. Поскольку стройка нуждалась в квалифицированных технических работниках, Д. А. Кунаеву была предложена должность старшего инженера, но он, сославшись на недостаток опыта, стал работать бурильщиком-машинистом, а через год стал старшим буровым мастером.

В апреле 1937 г. Д. А. Кунаева назначили начальником буро-взрывного цеха. 24 ноября 1938 г. была выплавлена первая балхашская медь. За это достижение Президиум Верховного совета СССР наградил большую группу рабочих и инженерно-технических работников орденами и медалями. Среди них был и Д. А. Кунаев, который получил свою первую награду — медаль «За трудовое отличие». Проработав в должности начальника цеха буро-взрывных работ более года, Д. А. Кунаев в возрасте 26 лет стал главным инженером Коунрадского рудника, а затем исполняющим обязанности директора. В этой должности он проработал на руднике до сентября 1939 г. В этот период он вступил в ряды партии [ГАВКО. Ф. 1П. Оп. 1. Д. 1727. Л. 3].

Еще будучи директором Коунрадского рудника, он познакомился с руководителями Центрального комитета компартии (далее — ЦК КП) Казахстана [Кунаев 1994: 52–55]. В сентябре 1939 г. Д. А. Кунаев был вызван в г. Алма-Ату для встречи с первым секретарем ЦК КП Казахстана Николаем Александровичем Скворцовым.

Это была не первая их встреча. Знакомство с первым партийным руководителем республики состоялось еще в предыдущем году в Москве, когда в качестве исполняющего обязанности директора Коунрадского рудоуправления Д. А. Кунаев принимал участие в совещании, проводимом заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР Н. А. Булганиным. Участие в этом совещании принимал и Н. А. Скворцов, недавно сменивший на этом посту попавшего в опалу Л. И. Мирзояна [Кунаев 2022: 37].

Тогда же, на следующий день после совещания в здании постпредства КазССР, и состоялась первая личная встреча с главой партийной организации республики. Молодой горный инженер был восхищен эрудицией, дальновидностью и тактом партийного руководителя Казахстана. Д. А. Кунаев признавал в своих воспоминаниях впоследствии, что им было «очень много сделано для развития республики, особенно в период войны. Важ-

на его роль в воспитании и росте национальных кадров» [Кунаев 2022: 37].

Н. А. Скворцов был явно не простым человеком, что видно уже и из приведенной характеристики, и из его роли в конфликте центра с Л. И. Мирзояном, в кульминации и разрешении которого он сыграл далеко не последнюю роль, заменив его в итоге на посту партийного руководителя республики [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 155. Л. 120–127, 130–139]. Дальнейшая партийная и государственная карьера Н. А. Скворцова в качестве министра технических культур СССР, министра совхозов СССР, заместителя начальника Главного управления по поставкам сырья для пищевой промышленности при Госплане СССР позволяла сохранять тесный контакт с руководством КазССР и продолжать сотрудничество [Государственная власть СССР 1999: 526]. В этой связи отметим, что умение налаживать и сохранять теплые и выгодные для республики отношения с более высокими по рангу руководителями и представителями союзного центра являлось важнейшей чертой Д. А. Кунаева как политика, государственного деятеля.

Итогом же встречи в сентябре 1939 г. стало решение отправить Д. А. Кунаева на восток республики, в г. Риддер. Вызов Д. А. Кунаева в столицу республики пришелся на начало мировой войны, ставшей судьбоносной для СССР, всего советского народа и лично для Д. А. Кунаева. Во время второй личной встречи Н. А. Скворцов признал, что «рудники Риддерского полиметаллического комбината находятся в глубоком прорыве» [Кунаев 2022: 41]. «Планы трещат по всем швам, и это очень беспокоит ЦК», — поделился информацией новый руководитель казахстанских коммунистов [Кунаев 2022: 41]. В таких условиях сделанное Н. А. Скворцовым предложение возглавить работу Риддерского рудоуправления выглядело и многообещающим авансом, и признанием профессиональных и организаторских способностей молодого, но уже амбициозного инженера.

Через несколько месяцев работы на комбинате 27-летний Д. А. Кунаев был назначен директором Риддерского рудника. Риддерский (Лениногорский) период деятельности Д. А. Кунаева завершился весной 1942 г. на должности директора уже всего Риддерского (Лениногорского) рудоуправления. Доверие, оказанное ему органами власти, окупилось сторицей. Продукция предприятий, находившихся в подчинении рудоуправления, — свинец, цинк и другие редкие металлы — сыграла огромную роль в победе советского народа в Великой Отечественной войне [Кунаев 2022: 65].

4.2. В системе государственной власти

В апреле 1942 г. Д. А. Кунаев, полностью оправдав оказанное ему доверие, по рекомендации второго секретаря ЦК КП Казахстана Ж. Ш. Шаяхметова получил назначение на пост заместителя председателя Совета народных комиссаров КазССР [Кабульдинов и др. 2022: 138–139, 150]. Это стало началом государственной и партийной деятельности Д. А. Кунаева: в данной должности он проработал около 10 лет, курировал всю промышленность республики: предприятия цветной металлургии, угольной и нефтяной промышленности, электростанции, железные дороги, транспорт и автотранспорт, оборонные заводы [Кунаев 1994: 65]. Д. А. Кунаев являлся самым молодым руководителем высшего звена республики в те годы. Работа была очень ответственная и требовала большого напряжения, но это были годы становления Д. А. Кунаева как государственного деятеля, и он накопил ценный опыт руководства и общения с людьми разного ранга [Кунаев 1994: 74–75].

После увольнения К. И. Сатпаева с поста Президента Академии наук КазССР на этот пост был назначен Д. А. Кунаев. Как Президент Академии наук КазССР он решал задачи по повышению эффективности ее деятельности и оптимизации структурных подразделений, что осуществлялось в рамках проводившегося в стране жесткого административного контроля. Д. А. Кунаеву пришлось принимать участие и в идеологических кампаниях начала 1950-х гг., которые изменили судьбы ряда видных историков и писателей Казахстана. Сам он оправдывал свою позицию и свое поведение тем, что «как и многие другие верил Сталину, верил в его гениальность и находился все это время в состоянии раздвоенности» [Кунаев 2022: 78]. Известно, что Д. А. Кунаев, когда нависла угроза над М. О. Ауэзовым, лично полетел в Москву, чтобы, используя свои контакты в отделе науки ЦК КПСС, оградить его от печальной участи, постигшей историков

Е. Б. Бекмаханова, Б. С. Сулейменова и ученых-филологов Е. С. Исмаилова и К. М. Мухаметханова. Подтверждением его роли в деле спасения М. О. Ауэзова от преследований стало выступление на съезде писателей Казахстана П. К. Пономаренко, сменившего в феврале 1954 г. на посту первого секретаря ЦК КП Казахстана Ж. Ш. Шаяхметова [Кунаев 2022: 81].

Первый секретарь ЦК КП Казахстана в 1946–1954 гг. Ж. Ш. Шаяхметов пострадал при попытке отстоять неприкосновенность степных угодий Казахстана, являвшихся, по его мнению, основным богатством республики и залогом выживания всего казахского этноса [Кабульдинов и др. 2022: 306–307]. Отставка его с поста партийного руководителя республики и отправка в Южно-Казахстанскую область в качестве партийного работника местного, областного уровня должна была стать уроком для всех других казахских руководителей, предотвращая в будущем любые попытки перечить центру с их стороны.

По информации от 9 февраля 1954 г. инспектора ЦК П. Ф. Пигалева, принимавшего непосредственное участие в работе Пленума ЦК КП Казахстана, «большинство выступающих на пленуме подвергли резкой критике бюро, секретарей ЦК КП Казахстана т.т. Шаяхметова и Афонова за канцелярско-бюрократический метод руководства, особенно сельским хозяйством, отрыв от низовых партийных организаций, незнание положения дел на местах, отсутствие коллегиальности и критики в работе бюро, допущение серьезных ошибок в подборе и воспитании кадров, а также за отсутствие инициативы в решении перспективных вопросов развития народного хозяйства республики» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 150. Л. 93]. Уже из этих слов ответственного партийного работника, представлявшего центральное союзное руководство, ясно, чем стало неугодно центру прежнее республиканское партийное руководство.

В марте следующего 1955 г. наступил черед оказаться неугодным центру и другому авторитетному и уважаемому многолетнему руководителю республиканского правительства, занимавшему этот пост с 1938 г. по 1951 г., Нуртасу Дандыбаевичу Ундасынову. На сессии Верховного совета КазССР (31 марта 1955 г.) он не был допущен к выборам председателя Президиума Верховного совета КазССР «в связи с тем, что он, находясь, длительное время на посту председателя Совета министров республики, занимал неправильную позицию в области развития сельского хозяйства, был сторонником полукочевого отгонного животноводства, что нанесло серьезный ущерб хозяйству республики, не ставил вопросов и не поддерживал предложения о всемерном использовании ресурсов Казахстана» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 150. Л. 120].

Приходило время новых руководителей, готовых и способных реализовать масштабные планы и задумки нового советского руководителя — Н. С. Хрущева. По итогам этой же сессии Верховного совета КазССР Динмухамед Кунаев, которому на тот момент было всего 43 года, был назначен председателем Совета министров КазССР, а Жумабек Ташенев, 40 лет, был избран председателем Президиума Верховного совета КазССР [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 150. Л. 120].

Многие страницы воспоминаний Д. А. Кунаева о его деятельности на посту главы правительства КазССР в 1955–1960 гг. и в 1962–1964 гг. имеют прямое отношение к личности Н. С. Хрущева и его деятельности на посту высшего партийного руководителя союзного государства. Отдавая должное заслугам этого противоречивого деятеля, Д. А. Кунаев обращал внимание и на его ошибки, расплачиваться за которые приходилось всему советскому народу [Кунаев 2022: 163–165].

На посту председателя Совета министров КазССР Д. А. Кунаев провел кадровую реорганизацию и сформировал несколько структурных подразделений для более эффективной работы правительства [Кунаев 1994: 95–96]. Во время работы главой правительства республики в 1955–1960 гг., развивая и углубляя полученные в предыдущие годы работы в правительстве навыки, практики, контакты и личные связи, он окончательно выработал свой стиль руководства с опорой на профессионалов и целеустремленных, грамотных руководителей, подобных Симакову Каюму Мухамеджановичу, работавшему с Д. А. Кунаевым еще в Лениногорске главным инженером, а потом и директором местного свинцового завода. К. М. Симаков занимал посты заместителя министра цветной металлургии

КазССР, заместителя председателя Совета министров КазССР, председателя Государственного планового комитета КазССР и по совместительству заместителя председателя Государственного планового комитета СССР [Кунаев 2022: 219].

Пожалуй, наиболее ценными в последующей партийно-государственной карьере Д. А. Кунаева оказались его теплые и деловые отношения с будущими первыми руководителями союзного государства А. Н. Косыгиным и Л. И. Брежневым. С первым он находился в тесном контакте еще в годы войны, когда А. Н. Косыгин фактически возглавлял Совет по эвакуации при СНК СССР, а затем работал заместителем председателя СНК СССР. Сам казахстанский руководитель отмечал, что и «…в дальнейшем у меня были очень хорошие деловые связи и полный контакт в работе с Косыгиным» [Кунаев 2022: 158].

Уже работая на посту председателя Совета министров КазССР, Д. А. Кунаев находился в самом тесном контакте с Л. И. Брежневым, занимавшим с февраля 1954 г. по август 1955 г. пост второго секретаря, а с августа 1955 г. по март 1956 г. пост первого секретаря ЦК КП Казахстана. Именно Л. И. Брежнев и Д. А. Кунаев руководили масштабными мероприятиями по подъему целинных земель Северного Казахстана и закладывали основу советского космического проекта — легендарный космодром Байконур. Пожалуй, уместным будет здесь привести характеристику отношений между этими двумя государственными и партийными советскими руководителями, данную самим Д. А. Кунаевым: «С первых же дней работы с Брежневым <…> у нас сложились хорошие деловые отношения. С ним работать было легко, Леонид Ильич обладал особой целеустремленностью и большими организаторскими способностями. Будучи по специальности техником-землеустроителем, инженером-металлургом, он детально разбирался в промышленном производстве и строительных делах. Прекрасно ориентировался и в сельском хозяйстве. У него был ровный, спокойный характер, он по-доброму относился к товарищам. Я всегда работал с ним в полном контакте» [Кунаев 2022: 95]. Эта слова, на наш взгляд, не только отражают личные и деловые качества Л. И. Брежнева, но и характеризуют самого их автора, выделяя те качества и достоинства, которые ценились им, прежде всего, и были присущи самому Д. А. Кунаеву.

Свидетельством успешного сотрудничества между двумя высшими руководителями КазССР может являться документ, хранящийся в фонде 5446 «Совет министров СССР», представляющий собой совместное обращение Л. И. Брежнева и Д. А. Кунаева в ЦК КПСС и Совет министров СССР по вопросу создания союзно-республиканского Министерства геологии и охраны недр КазССР от 27 июня 1955 г. В документе обосновывалась необходимость создания единой республиканской геологоразведочной и недроохранной структуры, исходя, прежде всего, из интересов КазССР [ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 90. Д. 109. Л. 24–25]. Уже в феврале 1956 г. вопрос был решен положительно на самом высшем административном уровне указом Президиума Верховного совета СССР и Постановлением Совета министров СССР об образовании союзно-республиканского Министерства геологии и охраны недр КазССР [ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 90. Д. 109. Л. 30, 52].

По сути, к началу 1960-х гг. Д. А. Кунаеву не было равных в республике среди коллег по весу, способностям, опыту административной, хозяйственной и политической работы. В качестве главы правительства республики с апреля 1955 г. он «пережил» четырех высших секретарей — руководителей республиканской партийной организации, оставаясь все это время залогом стабильности и порядка, превосходя каждого из них своими способностями и личностными качествами [Государственная власть СССР 1999: 33].

7 января 1960 г. Президиум ЦК КПСС рассмотрел вопрос о состоянии дел в Казахстане и признал необходимым, учитывая выявившиеся недостатки в руководстве ЦК КП Казахстана, обсудить эти вопросы на пленуме ЦК КП Казахстана. Л. И. Брежневу было поручено принять участие в работе XVII пленума ЦК КП Казахстана [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 151. Л. 42]. Именно тогда, в начале 1960-х гг., Л. И. Брежнев впервые оказал прямое влияние на судьбу Д. А. Кунаева, при этом публичная критика Н. И. Беляева, похоже, входила и в планы самого Леонида Ильича, набиравшего силу как партийный и

государственный руководитель общесоюзного уровня [Сушков 2007: 239–247].

Анализируя первоначальный текст выступления Д. А. Кунаева и произведенные им лично правки в стенограмме пленума (о чем свидетельствует личный автограф республиканского партийного руководителя на страницах анализируемого документа), можно прийти к нескольким и очень важным выводам и заключениям. Прежде всего, Д. А. Кунаев предстает уже как полностью сформировавшийся государственный деятель, со своими устойчивыми принципами и воззрениями, знающий, чего он хочет от себя, от возглавляемой им организации и руководимой им республики.

Стенограмма, в принципе, должна быть более или менее точным фиксированием всего произнесенного во время мероприятия, но здесь, похоже, имела место иная практика. Так называемая «стенограмма» появилась не во время события, а до него, и внесенные в этот документ важные содержательные правки указывают на вдумчивую и систематическую умственную деятельность и позволяют исследователям производить текстологический анализ, составлять вполне полное и сформированное представление о взглядах Д. А. Кунаева на вопросы партийно-государственного строительства, на взаимоотношения республики и центра, на роль республиканской партийной организации и руководимых ею народов советского Казахстана.

Вызывает уважение и одновременно является характерной деталью частая замена в тексте термина «республика» словом «Казахстан». В первом случае речь шла об одной из частей единого союзного государства, а во втором уже подчеркивалась самобытная, национальная сторона общественно-политического и социально-экономического существования [АП РК. Ф. 708. Оп. 33. Д. 32. Л. 11, 16]. Здесь же в текст выступления были внесены характерные авторские коррективы в отношении национального вопроса в республике, в целом в СССР. «Партийные, советские и общественные организации Казахстана должны повседневно заниматься дальнейшим укреплением морально-политического единства нашего народа» [АП РК. Ф. 708. Оп. 33. Д. 32. Л. 16]. При этом в первоначальном варианте вместо слова «народ» стояло слово «партия». И далее, важное утверждение в отношении национальной политики: «Мы должны как зеницу ока беречь (первоначальный вариант „дружбу народов Союза ССР“. — *З. К., К. Ч., Д. К.*) такое важнейшее завоевание нашей ленинской политики, какой является братская дружба народов Советского Союза» [АП РК. Ф. 708. Оп. 33. Д. 32. Л. 16].

Следующие слова, сказанные под занавес выступления, на наш взгляд, передавали самые искренние и неизменные чувства и мысли Д. А. Кунаева по вопросу так называемого «национализма». «Нам нельзя забывать, что успехи, достигнутые казахским народом во всех областях экономики и культуры, являются ярким свидетельством торжества ленинской национальной политики нашей партии. Они стали возможными только в результате великодушной братской помощи великого русского народа и других народов Советского Союза (первоначально: „только при помощи русского народа…“ — *З. К., К. Ч., Д. К.*)» [АП РК. Ф. 708. Оп. 33. Д. 32. Л. 16].

Здесь не можем не отметить два, очень важных, на наш взгляд, обстоятельства. Во-первых, подчеркивалась важность и правильность для всей огромной страны соблюдения именно ленинской национальной политики, т. е. существования ее именно в виде союза советских социалистических республик; и, во-вторых, при упоминании «великодушной братской помощи великого русского народа» (здесь Д. А. Кунаев был вполне искренним) указывалось на роль и значение и «других народов Советского Союза». Д. А. Кунаев понимал, что дружба между народами СССР — не только залог успешного и динамичного развития многонациональной страны, но и хорошая прививка против политики с хрестоматийным девизом управления: «разделяй и властвуй». Именно поэтому он всегда оставался приверженцем политики и идеологии интернационализма, которые в его представлении и в практике осуществления в КазССР ничуть не препятствовали существованию и развитию здорового национализма и советского патриотизма.

19 января 1960 г. первого секретаря ЦК КП КазССР Николая Ильича Беляева освободили от должности. Новым первым секретарем ЦК КП был назначен Д. А. Кунаев

[АП РК. Ф. 708. Оп. 33. Д. 34. Л. 9; Государственная власть СССР 1999: 379]. Первое время Н. С. Хрущев доверял Д. А. Кунаеву в решении казахстанских проблем, связанных как с реализацией целинной кампании, развитием транспортной инфраструктуры, так и подъемом животноводства. Огромную, но до сих пор не до конца раскрытую, роль Д. А. Кунаев в качестве главы правительства КазССР сыграл в реализации гигантских советских военно-стратегических проектов, самыми грандиозными их которых являлись космодром Байконур и Семипалатинский испытательный ядерный полигон (СИЯП) [Кунаев 2022: 277–278].

Но амбициозные планы Н. С. Хрущева простирались за пределы Казахстана — границы союзных республик должны были быть стерты ради воплощения хлопковых и нефтяных проектов. Особое внимание в этих планах уделялось Н. С. Хрущевым северным областям КазССР. Из пяти областей северного Казахстана, где шло интенсивное освоение целинных и залежных земель, постановлением ЦК КПСС от 26 декабря 1960 г. был образован Целинный край [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 161. Л. 122–123]. Формально Целинный край определялся как партийная и административно-территориальная единица двойного подчинения: и республике, и центру. Но существовали очень серьезные опасения насчет сначала хозяйственного, а потом и административного отрыва края от Казахстана. В начале мая 1962 г. Н. С. Хрущев распорядился создать еще два края на территории республики. Но на этот раз Д. А. Кунаев оказался готов «держать удар». Подготовленное Д. А. Кунаевым и председателем Совета министров КазССР С. Д. Дауленовым обращение в ЦК КПСС и Совет министров СССР об образовании Западно-Казахстанского и Южно-Казахстанского краев КазССР обосновывало образование новых крупных хозяйственных и административных единиц, формально равнозначных созданному ранее по инициативе Москвы Целинному краю. Вопреки замыслу Н. С. Хрущева, это обстоятельство во многом, наоборот, компенсировало угрозу территориальной целостности КазССР, исходящую от Целинного края [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 161. Л. 153–157].

Еще более опасными были намерения первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР в отношении ряда регионов Южного Казахстана, предполагавшихся к отторжению от территории КазССР в пользу Узбекской ССР. В январе 1956 г. Бостандыкский район и часть земель Южно-Казахстанской области уже были включены в состав соседней братской республики [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 764. Л. 32], и останавливаться на этом союзные власти не собирались.

Огромная территория Казахстана казалась верховному советскому руководителю бескрайним ресурсом, которым он собирался расплачиваться с соседними с республикой народами, ожидая от них усиления лояльности и демонстрации успехов в деле коммунистического строительства.

К концу 1962 г. возникла новая угроза целостности советского Казахстана. В начале декабря И. А. Юсупов (в то время первый секретарь Южно-Казахстанского крайкома партии) направил в адрес Н. С. Хрущева записку, в которой излагал аргументы о целесообразности передачи хлопкосеющих районов Чимкентской области в состав Узбекской ССР. Предложение И. А. Юсупова получило одобрение Н. С. Хрущева [Черепанов 2023: 20–28].

Три района Чимкентской области КазССР: Пахта-Аральский, Кировский и Кзыл-Кумский — были переданы Узбекистану [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 764. Л. 91]. Несогласие Д. А. Кунаева с этим решением привело к тому, что 25 декабря 1962 г. он был смещен с должности первого секретаря ЦК КП Казахстана на IV Пленуме ЦК КП Казахстана, специально созванном для демонстративной смены партийного руководства [АП РК. Ф. 708. Оп. 35. Д. 14. Л. 260]. На этом же Пленуме публичному шельмованию с навешиванием ярлыка националиста был подвергнут член ЦК КП Казахстана, бывший председатель Совета министров КазССР (с января 1961 г. по сентябрь 1962 г.) Салькен Дауленович Дауленов, входивший в «команду» Д. А. Кунаева [АП РК. Ф. 708. Оп. 35. Д. 14. Л. 284].

Решительные возражения Д. А. Кунаева, высказанные им в декабре 1962 г., ни к чему не привели. Н. С. Хрущев был к ним, похоже, готов заранее, сделав ставку теперь на послушного и близкого к нему по духу и тем-

пераменту И. А. Юсупова. Хлопок как стратегическое сырье для пороха и взрывчатки был куда важнее, к тому же И. А. Юсупов подыгрывал Н. С. Хрущеву в этой опасной игре. «Игра с огнем, нежелательные последствия, ссора народов соседних республик», — такие аргументы, приводимые Д. А. Кунаевым, в расчет советским лидером не принимались [Кунаев 2022: 150].

Однако даже военно-стратегические интересы советского руководства, связанные с развитием хлопководства, не могли заставить Д. А. Кунаева смириться с потерей территории в пользу, пусть и братского, Узбекистана. Борьба за сохранение территорий в составе республики была одной из постоянных и важнейших задач, которую всегда ставил перед собой и добивался ее решения Д. А. Кунаев.

Как вспоминал сам Д. А. Кунаев, он намеревался тогда уйти из политики и просил направить его на работу в Институт горного дела [Кунаев 2022: 152]. Но у центра на Д. А. Кунаева были свои планы. С учетом его организаторских и управленческих способностей, о которых было известно, «с подачи» члена Президиума ЦК КПСС Фрола Романовича Козлова он был вновь назначен на пост председателя Совета министров республики [Кунаев 2022: 153]. Первым секретарем ЦК КП Казахстана по настоянию Н. С. Хрущева стал Исмаил Абдурасулович Юсупов [Кунаев 2022: 153].

Второе назначение Д. А. Кунаева на пост первого секретаря ЦК КП КазССР произошло уже на фоне смены руководства Советского Союза после кремлевского переворота — Н. С. Хрущева сместили со всех партийных и государственных постов из-за неудачных внешнеполитических инициатив и развала экономики, сельского хозяйства, прежде всего, с лаконичной формулировкой: волюнтаризм вместо коллегиального руководства [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 16. Л. 3–4]. Первым секретарем ЦК КПСС стал Л. И. Брежнев, который настоял на смене, в свою очередь, руководителя Казахстана. Д. А. Кунаев был одним из ключевых республиканских руководителей, на которого новый «первый» мог без сомнения положиться. 7 декабря 1964 г. на XI пленуме ЦК КП республики Д. А. Кунаев был вновь избран первым секретарем ЦК КП КазССР [Кунаев 2022: 183].

В одном из прозвучавших в кулуарах этого пленума выступлений — выступлении советского и партийного работника Андрея Михайловича Бородина — на тот момент секретаря Кустанайского сельского обкома Коммунистической партии КазССР — содержались следующие слова: «Тогда были разговоры в адрес тов. Кунаева, что он националист, а Юсупов интернациональный человек, мы этого не можем подтвердить и считаем, что Юсупов стал интернационалистом только потому, что он внес предложение о передаче ряда районов Казахской ССР — Узбекской ССР, а тов. Кунаев возражал против этого, мы считаем, что он правильно возражал» [АП РК. Ф. 708. Оп. 37. Д. 18. Л. 143].

4.3. Создание промышленного комплекса

В рабочих записях Л. И. Брежнева отмечено, что заменить И. А. Юсупова на Д. А. Кунаева он планировал еще в октябре 1964 г. [Брежнев 2016: 39]. Д. А. Кунаев на посту председателя Совета министров КазССР продвигал проекты по индустриальному развитию Казахстана, настаивал в переговорах с Л. И. Брежневым на решении проблем энергетического развития республики, ратовал за развитие производства химических удобрений, что не могло не импонировать новому верховному руководителю советской страны.

Находясь на посту главы республиканского правительства в 1962–1964 гг., Д. А. Кунаев имел прямое отношение к работе Юридической комиссии при Совете министров КазССР. Сотрудники этого подведомственного правительству республики органа ставили вопросы совершенствования республиканского и союзного законодательства в рамках процесса разработки новой конституции союзного государства. В документе от 14 марта 1964 г., хранящемся в фондах ЦГА РК, обнаруживаем любопытное свидетельство, представляющее собой замечания и предложения работников упомянутой комиссии по поводу проекта новой Конституции СССР в адрес Совета министров КазССР [ЦГА РК. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 57. Л. 28–31]. Особо выделено в этом документе мнение члена юридической комиссии Р. С. Тазутдинова, предлагавшего в новой конституции «более определенно подчеркнуть равенство, суверенность

каждой союзной республики»: «Согласно статье 18 действующей Конституции территория союзных республик не может быть изменена без их согласия. Это положение следовало бы изложить в более категорической форме, подчеркнув, что территория союзной республики может быть изменена только ею самою» [ЦГА РК. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 57. Л. 30]. Слишком свежи еще были, видимо, травмы, нанесенные отторжением от республики ряда территорий в пользу УзССР и в то же время данный документ свидетельствует о том, что внутри самих управленческих структур республиканского уровня шла напряженная работа в направлении развития основ законодательства и подведения более прочного и надежного фундамента под союзное государство.

Возглавив партийную организацию республики вторично, Д. А. Кунаев приложил максимум усилий для развития промышленности КазССР. По абсолютному объему валовой продукции промышленности Казахстан уже в конце 1960-х гг. вышел на 3-е место среди союзных республик. На начало 1970-х гг. 63 % ВВП республики приходилось на долю промышленности и строительства и 25 % — на сельское хозяйство. Темпы промышленного развития республики были выше, чем по СССР в целом. По объему капитальных вложений КазССР занимала 3-е место среди союзных республик и 1-е при расчете на душу населения. Казахстан стал и одним из центров производства технических культур (сахарной свеклы, хлопка, табака), виноградарства и садоводства [Сактаганова 2017: 321; Тулепбаев, Тулепбаева 2006: 92].

В русле административно-территориальных изменений по всему СССР — создания территориально-промышленных комплексов согласно реформам А. Н. Косыгина — Д. А. Кунаев впервые попытался провести в Москве решение об образовании в Казахстане новой — Тургайской области. При этом его позиция была продиктована, прежде всего, интересами республики и ее основного населения — казахов. Придание этой территории статуса областного центра должно было «стимулировать приток вложений из центра, способствовать развитию животноводства и строительству новых промышленных предприятий» [АП РК. Ф. 708. Оп. 37. Д. 184. Л. 234–236]. При этом был окончательно решен в интересах Казахстана вопрос о ликвидации опасной «занозы» — Целинного края. 5 октября 1965 г. Президиум ЦК КПСС по представлению Д. А. Кунаева и председателя Совета министров КазССР М. Б. Бейсебаева принял постановление, упразднившее Целинный край и все его партийные, советские и хозяйственные структуры [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 161. Л. 166]. В ноябре 1964 г. по представлению еще И. А. Юсупова в качестве первого руководителя республики и Д. А. Кунаева — председателя Совета министров КазССР Президиум ЦК КПСС упразднил образованные в 1962 г. Западно-Казахстанский и Южно-Казахстанский края [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 161. Л. 164]. 28 июня 1971 г. Указом Президиума Верховного совета СССР «О частичном изменении границы между Узбекской ССР и Казахской ССР» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 764. Л. 162] в состав республики были возвращены ранее утраченные территории, причем с подачи самих руководителей братских союзных республик — Д. А. Кунаева и Ш. Р. Рашидова: «Просим ЦК КПСС дать согласие на передачу в состав Казахской ССР Кировского, Пахтааральского, Джетисайского районов Сырдарьинской области в их существующих границах» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 764. Л. 161].

Уже в 1960-е гг. при активном содействии Д. А. Кунаева в Казахстане было создано нескольких крупных промышленных районов:

- Карагандинско–Темиртауский (черная металлургия),
- Павлодар–Экибастузский (топливно-промышленный комплекс),
- Каратау-Джамбулский (металлургия ферросплавов и фосфоритов),
- Кустанайско-Лисаковский (горнорудная промышленность),
- Мангышлакский (разработка нефти и газа),
- Восточно-Казахстанский (горно-металлургическая, машиностроительная промышленность).

За период 1970–1985 гг., когда власть Д. А. Кунаева не подвергалась сомнению ни в республике, ни в центре, в три раза вырос объем машиностроения и химической промышленности. По всей республике было введено около 1 000 предприятий и

цехов, такого объема строительных работ не было ни до, ни после в Казахстане. Только в 1970–1985 гг. среднегодовой прирост промышленности составил 8,4 %, а в отдельные годы был выше 10 %. Казахстан стал одним из центров современной химической и нефтеперерабатывающей промышленности. На западе республики были открыты месторождения нефти и газа и создана инфраструктура по добыче и переработке нефти. Д. А. Кунаев лично курировал вопросы развития нефтедобывающего комплекса на полуострове Мангышлак, требуя от военных перестать чинить препятствия в геологоразведочных и промысловых работах [АП РК. Ф. 708. Оп. 42. Д. 203. Л. 5]. Были построены и крупные нефтеперерабатывающие заводы: Павлодарский (1978 г.) и Чимкентский (1985 г.).

Значителен вклад Д. А. Кунаева в развитие и функционирование предприятий оборонного комплекса. Мы не можем составить об этом полное и комплексное представление, исходя из доступных нам материалов. Исследуя дела из описи 83/1 за 1979–1990 гг. из фонда 708 Архива Президента Республики Казахстан, мы можем ознакомиться с планами выпуска, поставок и распределения военной техники, и утверждением «Общих требований по повышению устойчивости функционирования народного хозяйства страны в военное время», и мерами по повышению мобилизационной готовности народного хозяйства КазССР, и «дополнительными мерами по дальнейшему совершенствованию подготовки органов и учреждений здравоохранения к работе в военное время». Любопытно, что в качестве отдельного делопроизводства эта тема оборонно-мобилизационного характера появляется в 1979 г., в год обострения международной обстановки, причем связанного с обострением советско-китайских отношений на фоне китайско-вьетнамского противостояния, запущенного вторжением вьетнамских войск в полпотовскую Кампучию.

В период конфликта в Афганистане, в том числе после ввода советских войск на территорию этой страны в декабре 1979 г., внешнеполическим вопросам в регионе уделялось особое внимание. Первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаев постановлением ЦК КПСС от 30 июля 1981 г. был утвержден председателем Совета обороны КазССР [АП РК. Ф. 708. Оп. 83/1. Д. 4. Л. 49]. Информативными материалами для понимания специфики ситуации в Казахстане в это время являются Постановление Бюро ЦК КП Казахстана от 1 апреля 1983 г. «О ходе строительства в республике предприятий спецотраслей» [АП РК. Ф. 708. Оп. 83/1. Д. 6. Л. 29–31] и приложения к постановлению с перечнем объектов с литерами «СМ» и «М», включенных в план строительства на 1983 г. [АП РК. Ф. 708. Оп. 83/1. Д. 6. Л. 32–34].

Уделяя большое внимание вышеуказанным проблемам, Д. А. Кунаев придавал большое значение развитию и улучшению социально-культурной инфраструктуры в республике. Только в Алма-Ате были сооружены: здание Национальной библиотеки, Дом политического просвещения, новые корпуса Казахского государственного университета им. С. М. Кирова (получившего неофициально название КазГУград), Центральный республиканский музей, здание «Казтелецентра», телебашня «Коктобе», Дом дружбы, Монумент Славы в парке 28 гвардейцев-панфиловцев, гостиницы «Казахстан», «Отырар», «Алма-Ата», «Алатау», санаторий «Алатау», «Казахстан», микрорайоны «Самал», «Аксай», «Алмагуль», «Айнабулак» и многие другие культурные и жилые объекты. Важным объектом международного значения стал высокогорный спортивный комплекс «Медео» [Черепанов 2022: 294–308].

Скачок в развитии домостроительной отрасли городского хозяйства повлекло за собой столь же стремительное развитие строительной промышленности в масштабах всей республики. К концу существования Советского Союза республика под руководством Д. А. Кунаева находилась на передовых рубежах в вопросах капитального и жилищного строительства, многие граждане республики были обеспечены комфортабельным жильем, был заложен прочный фундамент для дальнейшего индустриального развития Казахстана, который далее получил развитие в статусе независимого государства.

«До тебя были и выполнялись планы и после тебя будут. А вот построить уникальный объект, дворец, театр, гостиницу, выстроить проспект, поставить памятник, организовать музей, сдать школу, детсад, мага-

зин — все это останется людям и о себе на долгие годы оставишь память», — пишет в воспоминаниях о встречах с Д. А. Кунаевым Г. И. Толмачев [Толмачев 1997: 137]. Именно такими принципами в отношении деятельности и наследия, остающегося как результат этой деятельности, и руководствовался в своей жизни Д. А. Кунаев. Что же касается представлений руководителя советского Казахстана о чертах и качествах руководителя, государственного деятеля, то, по словам его близкого друга и соратника Геннадия Ивановича Толмачева, Д. А. Кунаев не раз говаривал, что «неосведомленность, неграмотность, некомпетентность – это три острых ножа для любого политика» [Толмачев 1997: 125]. И вместе с тем материальным фондом, который остался от его длительного периода руководства республикой, эти острые и хлесткие определения негативных характеристик политика и руководителя стали важнейшим наследием для последующих поколений руководителей.

4.4. Лицо советского Востока

Значима была роль, которую Д. А. Кунаев играл в качестве официального лица Советского Союза, представляя его национальную, «восточную» составляющую. В 1954 г. в составе делегации советских работников науки и культуры Д. А. Кунаев побывал в Китайской Народной Республике и по впечатлениям от поездки написал книгу «Тридцать дней в народном Китае. Путевые заметки» [Кунаев 1955: 8].

Казахстан с началом проведения целинной кампании стали посещать иностранные делегации, главным образом, из развивавшихся стран. Первым визитом такого рода был приезд премьер-министра Индии Джавахарлала Неру [Кунаев 1994: 102–103]. Вскоре Алма-Ату посетила делегация из Бирмы [Кунаев 1994: 103].

В 1956 г. Д. А. Кунаев в составе парламентской делегации посетил Великобританию, а второе его посещение этой страны произошло 11–18 ноября 1977 г., когда Д. А. Кунаев возглавлял делегацию ЦК КПСС на XXXV съезде Коммунистической партии Великобритании. В 1959 г. Казахстан посетила делегация во главе с лидером Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мином. В конце января 1960 г. по указанию Н. С. Хрущева Д. А. Кунаева включили в состав делегации советских государственных деятелей для поездки в США. В составе делегации были председатели Советов министров РСФСР, Украины, Казахстана, Грузии, Азербайджана, председатели исполкомов ряда областных Советов депутатов трудящихся [Кунаев 1994: 127–129]. Миссия делегации состояла в создании позитивного имиджа СССР для налаживания диалога и благоприятных условий для сотрудничества с США.

В период 1966–1970 гг. Д. А. Кунаев во главе советских государственных делегаций посетил Алжир, Иран, Египет. В начале 1968 г. Д. А. Кунаев возглавил парламентскую делегацию СССР в Иран. В январе 1970 г. Д. А. Кунаев во главе парламентской делегации СССР посетил уже Объединенную Арабскую Республику (Египет). Д. А. Кунаев, будучи избранным в 1971 г. членом Политбюро ЦК КПСС, высшего руководящего органа СССР, к этому времени стал политиком уже всесоюзного масштаба. В таком качестве он принимал участие в принятии решений в масштабах всей страны, лоббировал интересы республики, активно способствуя интеграции с другими союзными республиками и играя роль своеобразного «моста» между европейской частью СССР и среднеазиатскими республиками и даже зарубежным Востоком.

В разгар советско-китайского противостояния, пришедшего на смену периоду дружбы и сотрудничества 1950-х гг., большое значение придавалось развитию отношений с Северной Кореей (КНДР), являвшейся своеобразным буфером между двумя враждебными великими социалистическими государствами. Во время визита в КНДР в январе 1978 г. Д. А. Кунаев провел переговоры с Ким Ир Сеном и вручил ему орден Ленина в связи с 60-летним юбилеем северокорейского лидера. Мы можем только догадываться сейчас, о чем были те переговоры, но тот визит оказал серьезное влияние на формирование стратегии архитектурного развития столицы советского Казахстана.

Осенью 1984 г. Д. А. Кунаев возглавил парламентскую делегацию в Японию, посетил крупнейшие промышленные центры страны и встретился с руководителями японского государства и представителями общественности. Выполняя поручения ЦК КПСС, Верховного совета СССР, Д. А. Ку-

наев кроме перечисленных выше стран за период с 1965 г. по 1986 г. побывал также в Уругвае, Италии, Индии и других странах.

В годы руководства Казахстана Д. А. Кунаевым республику посетили руководители Германии, Польши, Чехословакии, Болгарии, Монголии, Эфиопии, и ряда других стран.

М. И. Исиналиев, известный политический и государственный деятель советского периода, близкий соратник Д. А. Кунаева, занимавший с 1981 г. по 1989 г. пост министра иностранных дел КазССР, отмечал: «У Д. А. Кунаева, в отличие от многих коллег по партийной работе, не только в Казахстане, но и в Союзе, среди членов Политбюро ЦК КПСС была своя особенность, он не был заражен психологией партийного функционера и идеологической ортодоксальностью. Широко известным не только в Союзе, но и за его пределами, как крупнейший государственный и общественный деятель, Д. А. Кунаев стал благодаря своим практическим делам по масштабному развитию экономики и культуры Казахстана в 60–80-е годы, заметному улучшению жизненных условий основной массы трудящихся республики и относительно здоровому морально-психологическому климату в многонациональном обществе» [Исиналиев 2023: 24].

4.5. Отлучение от власти

После смерти Л. И. Брежнева Советский Союз вступил в новую, последнюю стадию своего существования. Новый генеральный секретарь Ю. В. Андропов начал проводить кадровые замены в центральном аппарате ЦК КПСС и республиканских структурах, а также в ключевых ведомствах страны — Комитете государственной безопасности, Министерстве внутренних дел. С периодом руководства М. С. Горбачева началась серия реформ по демократизации общества и внедрению рыночных реформ под общим названием «перестройка».

Если Ю. В. Андропов проводил смену республиканских и центральных руководителей в антикоррупционном русле, то для М. С. Горбачева были необходимы более радикальные изменения, благодаря которым он мог бы предотвратить сопротивление своим реформам. Эти реформы рассматривались многими руководителями как отход от социалистических принципов именно в сторону капитализма.

Фигуры, подобные Д. А. Кунаеву, становились явно лишними. Антикоррупционные дела, начатые еще при Ю. В. Андропове, и направленные против руководства «хлопкового царства» — Узбекской ССР, были продолжены новым руководством, и теперь уже в Казахстане были инициированы расследования, связанные с коррупцией, которая, как полагали сверху, разъедала республиканский партийно-государственный аппарат. Как считает Д. Б. Касымова, Д. А. Кунаев понимал, что команда М. С. Горбачева занята поисками кандидата для его замены на посту первого руководителя Казахстана, и эти процессы активизировались и в аппарате ЦК КП Казахстана; многие руководители ЦК зачастили с поездками в Кремль и налаживали нужные связи с московскими кураторами. Д. А. Кунаев был готов к тому, что его место могут занять либо Закаш Камалиденов (секретарь ЦК КП Казахстана, долгое время занимавший пост председателя Комитета государственной безопасности КазССР), либо Еркин Ауельбеков (первый секретарь Кзыл-Ординского обкома партии) или Нурсултан Назарбаев (председатель Совета министров Казахской ССР). Однако свое мнение он не предлагал в процессе переговоров с центром. Поэтому М. С. Горбачев решил воспользоваться неопределенностью в вопросе преемника в руководстве Казахской ССР и принял опережающие решения. Это могло привести к расколу в руководстве Казахстана, вызвать на некоторое время расстройство в рядах сторонников Д. А. Кунаева и его преемников [Касымова 2022: 158].

Смену руководства КазССР М. С. Горбачев начал с назначения на пост руководителя республиканского КГБ Виктора Михайловича Мирошника в январе 1986 г. Далее была апробирована легитимная смена руководства КазССР силами самих коммунистов республики в феврале 1986 г. на XVI съезде КП Казахстана. На нем по заранее согласованному сценарию с критикой стиля руководства и результатов деятельности на посту первого секретаря ЦК КП Казахской ССР Д. А. Кунаева выступил председатель Совета министров Казахской ССР Нурсултан Абишевич Назарбаев, поставив вопрос о доверии Д. А. Кунаеву. В своих воспоминаниях Д. А. Кунаев приводил доказатель-

ства того, что именно он в свое время стоял за выдвижением Н. А. Назарбаева, молодого, амбициозного коммуниста [Кунаев 1994: 276–277].

Но на съезде именно Н. А. Назарбаев выступил с резкой критикой Д. А. Кунаева и привел факты, которые должны были свидетельствовать о «некомпетентности, бесхозяйственности, растратах, хищениях и очковтирательстве в ряде ключевых секторов экономики» [Касымова 2022: 159]. Кроме Н. А. Назарбаева на съезде против Д. А. Кунаева ожидаемо выступили и З. К. Камалиденов, и Е. Н Ауельбеков. По сути, была предпринята попытка повторить в общих чертах сценарий четвертьвековой давности с приходом к власти самого Д. А. Кунаева. Однако на этот раз демарш своей цели не достиг, и Д. А. Кунаев все же был переизбран первым секретарем ЦК КП Казахстана.

Интерпретации этих и дальнейших событий у М. С. Горбачева [Горбачев 1995: 497–499] и Д. А. Кунаева [Кунаев 2022: 316–327] разнятся, что объясняется нежеланием брать на себя ответственность за трагические последствия такого формата принятия решения о смене руководства Казахской ССР. 16 декабря 1986 г. на пленуме ЦК КП Казахстана, который продолжался 18 минут, вместо отправленного на пенсию Д. А. Кунаева был избран Геннадий Васильевич Колбин [Кунаев 2022: 327–329].

События декабря 1986 г. в истории Казахстана, вызванные недовольством части населения республики сменой руководства Компартии и назначением первым секретарем ЦК КП Казахстана партийного деятеля, не имевшего опыта руководства в республике, привели к трагическим последствиям для многих их участников [Кунаев 2022: 327–329]. По своей природе они были проявлением системного и структурного кризиса советского аппарата. Он не выдержал давления комплекса внутренних противоречий, поскольку руководство страны (СССР), провозгласив необходимость проведения демократических реформ, было не в состоянии их последовательно претворять в жизнь. Д. А. Кунаев не имел прямого и очевидного отношения к этому первому за долгие годы существования Советского Союза эпизоду масштабного и осмысленного протеста, прокатившегося по столице национальной республики, но за долгие годы руководства им республикой сформировалось поколение людей, способных критически мыслить и открыто выражать свой протест, и это было одним из важнейших и ценнейших последствий его длительного правления.

В январе 1987 г. Д. А. Кунаев был выведен из состава Политбюро ЦК КПСС, а в июне 1987 г. — из состава ЦК КПСС [Кунаев 2022: 319]. Были инициированы уголовные преследования против ближайшего окружения Д. А. Кунаева из числа работников ЦК. В центральных московских и республиканских средствах массовой информации были опубликованы «разоблачающие» материалы о Д. А. Кунаеве, стиле руководства республикой и его окружении [Толмачев 1997: 101].

Многие советские руководители считали, что назначение Г. В. Колбина первым секретарем ЦК КП Казахстана было неверным решением М. С. Горбачева, что и привело к трагическим последствиям [Абдрахманов 2010; Байбаков 1998: 277–279]. Но вкупе с другими эпизодами раскола страны по национальному признаку эти события привели к развалу СССР в декабре 1991 г.

5. Выводы

В условиях жесткого формата советской административной системы в рамках данных ему полномочий Д. А. Кунаев стремился придерживаться академического стиля руководства — в отношении к государственным делам, подчиненным и населению. Ему удалось поднять статус Казахстана в рамках СССР, сохранить его территориальную целостность и сформировать такие условия, что после распада Советского Союза республика сумела избежать серьезных конфликтов на этнической и региональной почве. Для нескольких поколений казахстанцев Д. А. Кунаев стал олицетворением стабильности. Под его руководством были заложены основы будущей самостоятельности и независимости.

Форма многонационального советского государства содержала в себе рациональные основы. Именно многонациональность этого государства и его федеративный (даже если признать его частично формальный) характер придавали ему устойчивость и являлись причиной его относительно успешного существования и развития. Такие люди, политики и государ-

ственные деятели, как Д. А. Кунаев, являлись и олицетворением многонационального характера советского государства, и причиной его триумфов. Одновременно национальные, республиканские лидеры, подобные Д. А. Кунаеву, формировали слой политической элиты, создавали предпосылки независимости и подготавливали почву для будущего суверенного развития бывших советских республик. При этом присущий Д. А. Кунаеву интернационализм, лежащий в основе всех его взглядов и реальной политики, также достался в наследство постсоветскому руководству суверенного Казахстана, бережно сохраняющему межнациональный мир в многонациональном обществе, русский язык — как средство межнациональной и международной коммуникации и единое информационное, научное, культурное и экономическое пространство.

Источники

АП РК — Архив президента Республики Казахстан.

ГАВКО — Государственный архив Восточно-Казахстанской области.

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории.

ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Sources

Archive of the President of the Republic of Kazakhstan.

Central State Archive of the Republic of Kazakhstan.

Russian State Archive of Contemporary History.

State Archive of East Kazakhstan Region.

State Archive of the Russian Federation.

Литература

Абдрахманов 2010 — *Абдрахманов С.* Эдуард Шеварнадзе. Вы не дрогнули в пору испытаний // Казахстанская правда. 22.05.2010 [электронный ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30714397&pos=4;-98#pos=4;-98 (дата обращения: 13.05.2024).

Абуева 2007 — *Абуева Н. А.* Становление казахстанской элитологии. М.: ИНИОН РАН, 2007. 51 с.

Абылхожин 2019 — *Абылхожин Ж. Б.* Постсталинский период в истории Советского Казахстана: череда обреченных реформ и несостоявшихся деклараций (1953–1991). Алматы: КБТУ, 2019. 465 с.

Ашимбаев 2001 — *Ашимбаев М. С.* Политический транзит в Казахстане: содержание процесса и его особенности. Алматы: КИСИ, Ақыл кітабы, 2001. 56 с.

Ашимбаев, Хлюпин 2008 — *Ашимбаев Д. Р., Хлюпин В. Н.* Казахстан: история власти. Опыт реконструкции. Алматы: Credos, 2008. 920 с.

Байбаков 1998 — Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина. М.: ГазОил Пресс, 1998. 351 с.

Брежнев 2016 — *Брежнев Л. И.* Рабочие и дневниковые записи: в 3 тт. Т. 1: 1964–1982 гг. М.: Историческая литература, 2016. 1264 с.

Головинова 2011 — *Головинова Ю. В.* Партийно-административная элита СССР в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. // Известия Алтайского государственно университета. 2011. № 4-2. С. 74–76.

Горбачев 1995 — *Горбачев М. С.* Жизнь и реформа. В 2 кн. Кн. 1. М.: Новости, 1995. 600 с.

Государственная власть в СССР 1999 — Государственная власть в СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991 гг. Историко-биографический справочник / сост. В. И. Ивкин. М.: РОССПЭН, 1999. 639 с.

Исиналиев 2023 — *Исиналиев М. И.* Димике // Вклад Д. А. Кунаева в социально-экономическое развитие Казахстана и сохранение территориальной целостности республики (на основе редких архивных источников и воспоминаний современников): Мат-лы Респ. науч.-практ. конф. Алматы: Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, ТОО «Литера-М», 2023. С. 25–29.

Кабульдинов и др. 2022 — *Кабульдинов З. Е., Касымова Д. Б., Аминов Т. А., Гривенная Л. А., Смагулов Б. К., Капаева А. Т., Калыбекова М. Ш., Кудайбергенулы Б., Талгатбеков А., Асанова С. А., Закарья Р., Косанбаев С.* Неизвестные страницы из жизни и деятельности видного государственного деятеля Жумабая Шаяхметова (1902–1966 гг.). Алматы: Литера-М, 2022. 392 с.

Касымова 2022 — *Касымова Д. Б.* Как «ухо-

дили» со своих постов Ж. Шаяхметов и Д. А. Кунаев: общее и особенное // edu.e-history.kz. Электрондық ғылыми журналы (электронный научный журнал). 2022. № 3(31). С. 151–162. DOI: 10.51943/2710-3994_2022_31_3_151-162

Кищенков и др. 2021 — *Кищенков М. С., Никифоров Ю. С., Тумаков Д. В.* Бюрократические практики ярославской региональной элиты в работе с письмами граждан в СССР 1960-х годов // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 1. С. 134–148. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.109

Колесник 2018 — *Колесник Н. В.* (Авто)биография как объект социологического анализа // Мат-лы X чтений памяти В. Б. Голофаста. 3–5 апреля 2018 г. / под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Норма, 2018. С. 135–146.

Кунаев 1948 — *Кунаев Д. А.* Буровзрывные работы на Коунрадском руднике. Алма-Ата: Известия Академии наук Казахской ССР, 1948. 32 с.

Кунаев 1955 — *Кунаев Д. А.* Тридцать дней в народном Китае. Путевые заметки. Алма-Ата: Казахск. гос. изд-во, 1955. 160 с.

Кунаев 1994 — *Кунаев Д. А.* От Сталина до Горбачева. Алматы: Санат, 1994. 352 с.

Кунаев 2022 — *Кунаев Д. А.* О моем времени. От Сталина до Горбачева. Алматы: MELOMAN Publishing, 2022. 378 с.

Мурзалин 2001 — *Мурзалин Ж.* Модернизация политических институтов Казахстана: от традиции к современности // *Нысанбаев А., Машан М., Мурзалин Ж., Тулегулов А.* Эволюция политической системы Казахстана: в 2-х тт. Т. 1. Алматы: Казак Энциклопедиясы, 2001. С. 150–263.

Сактаганова 2017 — *Сактаганова З. Г.* Экономическая модернизация Казахстана. 1946–1970 гг. Караганда: КарГУ, 2017. 365 с.

Сушков 2007 — *Сушков А. В.* Первая интрига Л. И. Брежнева в высшем руководстве СССР: смещение Н. И. Беляева с поста первого секретаря ЦК компартии Казахстана в 1960 г. // Роль исторического образования в формировании исторического сознания общества. XI международные историко-педагогические чтения: сб. науч. ст. Ч. I. Екатеринбург: УрГПУ, 2007. С. 239–247.

Толмачев 1997 — *Толмачев Г. И.* 50 встреч с Д. А. Кунаевым: Воспоминания. Алматы: Кітап, 1997. 160 с.

Тулепбаев, Тулепбаева 2006 — *Тулепбаев Б. А., Тулепбаева К. У.* Д. А. Кунаев — выдающийся государственный и политический деятель. Алматы: Нурлы Алем, 2006. 270 с.

Черепанов 2022 — *Черепанов К. В.* Роль Д. А. Кунаева в формировании столичного облика Алматы // edu.e-history.kz. Электрондық ғылыми журналы (электронный научный журнал). 2022. № 3. С. 294–308. DOI: 10.51943/2710-3994_2022_31_3_314-328

Черепанов 2023 — *Черепанов К. В.* Д. А. Кунаев в 1955–1962 гг. На пути к вершинам власти // The scientific heritage. 2023. No. 116. Pp. 20–29. DOI: 10.5281/zenodo.8129054

Чешко 2000 — *Чешко С. В.* Распад СССР: этнополитический анализ. М.: ИЭА РАН, 2000. 395 с.

Филиппов 2021 — *Филиппов С. И.* Феномен «бегства» советских элит в ряды оппозиции в конце 1980-х – начале 1990-х гг: макросоциологический анализ // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 2. Ч. 1. С. 92–109. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13-2.1-92-109

Dave 2007 — *Dave Bh.* Kazakhstan: Ethnicity. Language and Power. London; New York: Routledge, 2007. 242 p.

Cleary 1967 — *Cleary W.* Politics and Administration in Soviet Kazakhstan. 1955–1964. Ph. D. diss. / Australian National University. Canberra, 1967. 454 p.

Hodnett 1975 — *Hodnet G.* Succession Contingencies in the Soviet Union // Problems of Communism. 1975. Vol. 24. No. 2. Pp. 1–21.

Hodnett 1978 — *Hodnett G.* Leadership in the Soviet National Republics: A Quantitative Study of Recruitment Policy. Oakville, Ontario: Mosaic Press, 1978. 410 p.

Keller 2020 — *Keller Sh.* Russia and Central Asia: Coexistence, Conquest, Convergence. Toronto: University of Toronto Press, 2020.346 p.

Khalid 2021 — *Khalid A.* Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton: Princeton University Press, 2021. 556 p.

Rigby 1968 — *Rigby T. H.* Communist Party Membership in the USSR, 1917–1967. Princeton: Princeton University Press, 1968. 600 p.

Rigby 1970–1971 — *Rigby T. H.* The Soviet Leadership: Towards a Self-Oligarchy? // Soviet Studies (1970–1971). XXII. Pp. 167–191

Rigby 1980 — *Rigby T. H.* A Conceptual Approach to Authority, Power and Policy in the Soviet Union // Authority, Power and Policy in the USSR: Essays dedicate to Leonardo Shapiro / ed. by T. H. Rigby. London: Palgrave Macmillan, 1980. Pp. 9–31.

Rigby 1983 — *Rigby T. H., Brown A., Reddaway P., Schapiro L.* Authority, Power and Policy in the USSR: Essays Dedicated to Leonard Schapiro. London: Macmillan, 1983. 221p.

Rigby 1988 — *Rigby T. H.* Staffing USSR Incorporated: The Origins of the Nomenklatura System // Soviet Studies. 1988. Vol. 40. No. 4. Pp. 523–537.

References

Abdrakhmanov S. Shevarnadze E. A. You were never startled with miseries. *Kazakhstanskaya Pravda*. 2010, May 22. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30714397&pos=4;-98#pos=4;-98 (accessed: 19 January 2024). (In Russ.)

Abueva N. A. The Shaping of Elite Studies in Kazakhstan. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences (RAS), 2007. 51 p. (In Russ.)

Abylkhozhin Zh. B. Soviet Kazakhstan in the Post-Stalinist Era: The Chain of Ill-Fated Reforms and Unfulfilled Declarations, 1953–1991. Almaty: Kazakh-British Technical University, 2019. 465 p. (In Russ.)

Ashimbayev D. R., Khlyupin V.N. Kazakhstan: History of Power Reconstructed. Almaty, 2008. 920 p. (In Russ.)

Ashimbayev M. S. Political Transition in Kazakhstan: Its Essentials and Peculiarities. Almaty: Kazakhstan Institute for Strategic Studies, Akyl Kitaby, 2001. 56 p. (In Russ.)

Baibakov N. K. From Stalin to Yeltsin. Moscow: GazOil Press, 1998. 351 p. (In Russ.)

Brezhnev L. I. Working and Diary Notes. In 3 vols. Vol. 1: 1964–1982. Moscow: Istoricheskaya Literatura, 2016. 1264 p. (In Russ.)

Cherepanov K. V. D. Kunaev in 1955–1962. On the way to the heights of power. *The Scientific Heritage*. 2023. No. 116. Pp. 20–29. (In Russ.) DOI: 10.5281/zenodo.8129054

Cherepanov K. V. The role of D. A. Kunaev in shaping the capital image of Almaty. *Edu.e-history.kz*. 2022. No. 3(31). Pp. 314–328. (In Russ.) DOI: 10.51943/2710-3994_2022_31_3_314-328

Cheshko S. V. Dissolution of the Soviet Union: An Ethnopolitical Analysis. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2000. 395 p. (In Russ.)

Cleary W. Politics and Administration in Soviet Kazakhstan, 1955–1964. Ph.D. thesis. Canberra: Australian National University, 1967. 454 p. (In Eng.)

Dave Bh. Kazakhstan: Ethnicity, Language and Power. London, New York: Routledge, 2007. 242 p. (In Eng.)

Filippov S. I. The "flight" of Soviet elites to opposition in the late 1980s – early 1990s: Macro-sociological analysis. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*. 2021. Vol. 13. No. 2. Pt. 1. Pp. 92–109. (In Russ.) DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13-2.1-92-109

Golovinova Yu. V. Party-administrative elite of the USSR in the domestic historiography on boundaries of XX–XXI centuries. Izvestiya of Altai State University. 2011. No. 4–2. Pp. 74–76. (In Russ.)

Gorbachev M. S. Life and Reforms. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Novosti, 1995. 600 p. (In Russ.)

Hodnett G. Leadership in the Soviet National Republics: A Quantitative Study of Recruitment Policy. Oakville, Ontario: Mosaic Press, 1978. 410 p. (In Eng)

Hodnett G. Succession Contingencies in the Soviet Union. Problems of Communism. 1975. Vol. 24. No. 2. Pp. 1–21. (In Eng.)

Isinaliyev M. I. Dimike. In: D. Kunaev's Contribution to the Socioeconomic Development of Kazakhstan and Preservation of Its Territorial Integrity (Collected Archival Materials and Memoirs). Conference proceedings. Almaty: Valikhanov Institute of History and Ethnology, Litera-M, 2023. Pp. 25–29. (In Russ.)

Ivkin V. I. (comp.) The Soviet Political Power: Government Agencies and Executives, 1923–1991. Biographical guide. Moscow: ROSSPEN, 1999. 639 p. (In Russ.)

Kabuldinov Z. E., Kasymova D. B., Aminov T. A. et al. Zhumabay Shayakhmetov, 1902–1966: Revealing Some Unknown Experiences and Deeds of the Prominent Statesman. Almaty: Litera-M, 2022. 392 p. (In Russ.)

Kasymova D. B. How Z. Shayakhmetov and D. Kunayev left their posts: Common and particular. Edu.e-history.kz. 2022. No. 3 (31). Pp. 151–162. (In Russ.) DOI: 10.51943/2710-3994_2022_31_3_151-162

Keller Sh. Russia and Central Asia: Coexistence, Conquest, Convergence. Toronto: University of Toronto Press, 2020. 346 p. (In Eng.)

Khalid A. Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton: Princeton University Press, 2021. 556 p. (In Eng.)

Kishchenkov M. S., Nikiforov Yu. S., Tumakov D. V. Yaroslavl regional elite bureaucratic practices in working with citizens' letters in the USSR of the 1960s. *Modern History of Russia*. 2021. Vol. 11. No. 1. Pp.134–148. (In Russ.) DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.109

Kolesnik N. V. (Auto)biography as a unit of sociological analysis. In: Bozhkov O. B. (ed.) In Memoriam Valery B. Golofast. Conference proceedings (3–5 April 2018). St. Petersburg: Norma, 2018. Pp. 135–146. (In Russ.)

Kunayev D. A. Drilling-and-Blasting Works at the Kounrad Mine. Alma-Ata: Izvestiya of Kazakh SSR Academy of Sciences, 1948. 32 p. (In Russ.)

Kunayev D. A. From Stalin to Gorbachev. Almaty: Sanat, 1994. 352 p. (In Russ.)

Kunayev D. A. The Time of My Life: From Stalin

to Gorbachev. Almaty: Meloman Publishing, 2022. 378 p. (In Russ.)

Kunayev D. A. Thirty Days in the People's China: Travel Notes. Alma-Ata: Kazakh State Publ. House, 1955. 160 p. (In Russ.)

Murzalin Zh. Modernization of Kazakhstan's political institutions: From past to present. In: Nysanbayev A., Mashan M., Murzalin Zh., Tulegulov A. The Evolution of Kazakhstan's Political System. In 2 vols. Almaty: Kazak Entsiklopediyasy, 2001. Vol. 1. Pp. 150-263. (In Russ.)

Rigby T. H. A conceptual approach to authority, power and policy in the Soviet Union. In: Rigby T. H. et al. (eds.) Authority, Power and Policy in the USSR. London: Palgrave Macmillan, 1980. Pp. 9–31. (In Eng.)

Rigby T. H. Communist Party Membership in the USSR, 1917–1967. Princeton: Princeton University Press, 1968. 600 p. (In Eng.)

Rigby T. H. Staffing USSR incorporated: The origins of the nomenklatura system. *Soviet Studies*. 1988. Vol. 40. No. 4. Pp. 523–537. (In Eng.)

Rigby T. H. The Soviet leadership: Towards a self-oligarchy? *Soviet Studies* (1970–1971). Vol. 22. Pp. 167–191. (In Eng.)

Rigby T. H., Brown A., Reddaway P., Schapiro L. Authority, Power and Policy in the USSR: Essays Dedicated to Leonard Schapiro. London: Macmillan, 1983. 221 p. (In Eng.)

Saktaganova Z. G. Economic Modernization of Kazakhstan: 1946–1970. Karaganda: Karaganda State University, 2017. 365 p. (In Russ.)

Sushkov A. V. Leonid Brezhnev's first intrigue inside the Soviet establishment: The 1960 removal of Nikolai Belyaev from office. In: The Role of Historical Education in the Shaping of Historical Consciosness. Collected scholarly papers. Pt. 1. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2007. Pp. 239–247. (In Russ.)

Tolmachev G. I. The Fifty Conversations with Dinmukhamed A. Kunayev: Memoirs. Almaty: Kitap, 1997. 160 p. (In Russ.)

Tolmachev G. The Tale of Olzhas: A Documentary Novel. Almaty: Kitap, 1996. 168 p. (In Russ.)

Tulepbayev B. A., Tulepbayeva K. U. Dinmukhamed A. Kunayev — Prominent Statesman and Politician. Almaty: Nurly Alem, 2006. 270 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 2, Pp. 320–334, 2024
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 903.222
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-320-334

«Уложение Тимура» как источник по тактическому искусству чагатайских войск последней трети XIV – начала XV вв.

Леонид Александрович Бобров[1], *Айболат Кайрслямович Кушкумбаев*[2], *Жаксылык Муратович Сабитов*[3], *Агатай Уткирбай Мылтыкбайулы*[4]

[1] Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml[at]mail.ru

[2] Научный институт изучения Улуса Джучи (д. 2, блок 1, оф. 8, ул. Туркестан, 010016 Астана, Республика Казахстан)
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
0000-0002-7276-4849. E-mail: aibolat7[at]mail.ru

[3] Атырауский государственный университет имени Х. Досмухамедова (д. 1, пр. Студенческий, 060000 Атырау, Республика Казахстан)
PhD, исследователь
0000-0001-7186-156X. E-mail: zh.sabitov[at]gmail.com

[4] Научный институт изучения Улуса Джучи (д. 2, блок 1, оф. 8, ул. Туркестан, 010016 Астана, Республика Казахстан)
докторант (археология и этнология), научный сотрудник
0000-0002-8840-010X. E-mail: agatayotkirbay[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2024
© Бобров Л. А., Кушкумбаев А. К., Сабитов Ж. М., Мылтыкбайулы А. У., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрены обстоятельства и история создания произведения, известного как «Уложение Тимура» («Tuzūkāt-i Tīmūrī» — «Тузукат-и Тимури»). *Цель* статьи — выявить место «Уложения Тимура» в комплексе письменных источников по тактическому искусству армии Амира Тимура последней трети XIV – начала XV вв. *Результаты.* В ходе исследования установлено, что «Уложение» представляет собой сложносоставное произведение, скомпилированное из текста, якобы обнаруженного в первой трети XVII в. в Аравии Абу Талибом Турбати, вставок переводчика и переписчика XVII в., фрагментов тимуридских сочинений первой четверти XV в., а также правок, сделанных могульским историком Мухаммедом Ашрафом Бухари. Работа над финальным вариантом «Уложения Тимура» была закончена не ранее второй четверти XVII в. Разделы, посвященные тактике чагатайских войск Амира Тимура, по всей видимости, представляют собой комбинацию сведений, почерпнутых составителя-

ми «Уложения Тимура» из тимуридских письменных источников XV в., а также их интерпретаций с учетом сефевидской и, возможно, могольской боевой практики более позднего времени. Содержащиеся в «Уложении» описания боевых построений и тактических приемов не могут быть автоматически экстраполированы на военные реалии эпохи Амира Тимура. Вместе с тем «Уложение Тимура» позволяет уточнить некоторые особенности тактики чагатайских войск, которые упомянуты в тимуридских «Зафар-наме». Некоторые из этих описаний не до конца понятны современным исследователям, но были очевидны для авторов XVII в. Таким образом, «Уложение Тимура» может помочь в «дешифровке» некоторых сложных или спорных описаний тактики, содержащихся в тимуридских источниках конца XIV – первой четверти XV вв. *Выводы.* Вычленение данных о тактике армии Амира Тимура последней трети XIV – начала XV вв. из общего массива сведений «Уложения» возможно на основе сличения его текста с «Зафар-наме» первой четверти XV вв. и другими произведениями тимуридского цикла.

Ключевые слова: «Уложение Тимура», «Тузукат-и Тимури» («Tuzūkāt-i Tīmūrī»), Чагатайский улус, Амир Тимур, Тимуриды, могулы, тактика ведения боя, тактика армии Амира Тимура, тактика тимуридских войск

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН № BR18574101).

Для цитирования: Бобров Л. А., Кушкумбаев А. К., Сабитов Ж. М., Мылтыкбайулы А. У. «Уложение Тимура» как источник по тактическому искусству чагатайских войск последней трети XIV – начала XV вв. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 2. С. 320–334. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-320-334

Tuzūkāt-i Tīmūrī as a Source on Chagatai Military Tactics, Late Fourteenth to Early Fifteenth Centuries

Leonid A. Bobrov[1], *Aibolat K. Kushkumbayev*[2], *Zhaksylyk M. Sabitov*[3], *Agatay U. Myltykbayuly*[4]

[1] Novosibirsk State University (1, Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Leading Research Associate
0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml[at]mail.ru

[2] Institute for the Study of Jochi Ulus (2/1, Office 8, Turkestan St., 010016 Astana, Republic of Kazakhstan)
Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate
0000-0002-7276-4849. E-mail: aibolat7[at]mail.ru

[3] Dosmukhamedov Atyrau University (1, Studenchesky Ave., 060000 Atyrau, Republic of Kazakhstan)
PhD, Reseacher
0000-0001-7186-156X. E-mail: zh.sabitov[at]gmail.com

[4] Institute for the Study of Jochi Ulus (2/1, Office 8, Turkestan St., 010016 Astana, Republic of Kazakhstan)
PhD Student (Archaeology and Ethnology), Research Associate
0000-0002-8840-010X. E-mail: agatayotkirbay[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024
© Bobrov L. A., Kushkumbayev A. K., Sabitov Zh. M., Myltykbayuly A. U., 2024

Abstract. *Introduction.* The article examines some historical and other related circumstances behind the creation of *Tuzūkāt-i Tīmūrī* (The Code of [Amir] Timur). *Goals.* The paper seeks to identify the narrative's place in a variety of written sources on Chagatai military tactics of the late fourteenth to early fifteenth centuries. *Results.* The study discovers The Code is a composite work compiled from a text allegedly found in Arabia by Abu TalibTurbati in the early seventeenth century, subsequent comments of a translator and a copyist, some fragments of Timurid writings dated from the early fifteenth century, and corrections introduced by the Mughal historian Muhammad Ashraf Bukhari. The final version of *Tuzūkāt-i Tīmūrī* was completed between the mid-1620s and 1650s at the earliest. The sections about tactics of Amir Timur's Chagatai army are very likely a combination of messages borrowed by the compilers from fifteenth-century Timurid written sources — and their own interpretations of Safavid (and possibly Mughal) combat practices of later times. Descriptions of combat formations and tactical techniques contained in *Tuzūkāt-i Tīmūrī* cannot be merely extrapolated to

military realities of Amir Timur' era. However, the narrative does clarify some specifics of Chagatai combat tactics mentioned in the Timurid *Zafarnamas* (ones by Nizam al-Din Shami and Sharaf ad-Din Ali Yazdi). Some of the descriptions are not that clear to contemporary researchers while those were obvious enough to the seventeenth-century authors. For this reason, The Code can be most instrumental in 'deciphering' some complicated or controversial patterns of tactics contained in Timurid sources of the late fourteenth and early fifteenth centuries. *Conclusions*. It is possible to highlight data pertaining to Chagatai combat tactics of the designated period through comparing the text of *Tuzūkāt-i Tīmūrī* to those of early fifteenth-century *Zafarnamas* and other works of the Timurid era.
Keywords: *Tuzūkāt-i Tīmūrī*, Chagatai Ulus, Amir Timur, Timurids, Moghuls, combat tactics, tactics of Amir Timur's army, tactics of Timurid armies
Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. ИРН BR18574101.
For citation: Bobrov L. A., Kushkumbayev A. K., Sabitov Zh. M., Myltykbayuly A. U. *Tuzūkāt-i Tīmūrī* as a Source on Chagatai Military Tactics, Late Fourteenth to Early Fifteenth Centuries. *Oriental Studies*. 2024; 17 (2): 320–334. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-320-334

1. Введение

По мнению многих отечественных и зарубежных исследователей, военное искусство Амира Тимура (1336–1405 гг.) является высшей стадией развития традиционного военного дела Мусульманского Востока[1]. Оно вобрало в себя наиболее эффективные элементы боевой практики тюрко-монгольских номадов Великой степи, а также оседлого населения Мавераннахра и сопредельных территорий.

Военно-культурное наследие великого завоевателя Востока вот уже более столетия привлекает внимание военных историков и оружиеведов многих стран мира. Актуальность подобных научных исследований наглядно отображают работы российских, узбекских, казахстанских, турецких, французских, британских, венгерских, американских ученых конца XX – начала XXI вв. [Бобров 2003: 76–80; Бобров 2011: 21–24, 33–34, 42, 44; Бобров 2016; Бобров 2018; Бобров 2021; Бобров 2023: 464–480; Бобров, Хайдаков 2019: 126–144; Бобров, Худяков 2002: 110–113, 143–147, 150; Ибятов 2003: 2–300; Йазди 2008: 3–10; Костюков 2010: 174–182; Миргалеев 2003: 4–86; Миргалеев 2007: 3–108; Миргалеев 2011: 173–180; Шомий 1996: 3–10; Andican 2019: 39–116; Csiky 2006: 439–491; Gorelik 1979: 39–51, 60–63; Kadoi 2010: 143–162; Manz 1989: 66–106, 173–175; Manz 1997: 43–56; Nicolle 1990: 5–62; Roux 1991: 84–290].

В то же время следует отметить, что далеко не все составляющие военно-культурного наследия некоронованного владыки Турана изучаются с одинаковой степенью интенсивности. Традиционно наибольший интерес специалистов вызывают различные аспекты военной истории Амира Тимура (конкретные войны, военные кампании, походы, сражения и т. д.). В то время как элементы военного дела этого выдающегося полководца (комплекс вооружения чагатайских войск, их организация и структура, осадное искусство, фортификация, военная стратегия и др.) изучены еще в недостаточной степени. Особый интерес в данной связи представляет тактическое искусство Тимура, во многом предопределившее его доминирование на полях евразийских сражений конца XIV – начала XV вв.

Поскольку принципы организации современной военной науки несколько отличаются от средневековой военной практи-

[1] Несколько позднее высокий уровень развития военного искусства также продемонстрируют вооруженные силы Османской империи. Однако эталонная боевая практика турок-османов развивалась уже в эпоху «Пороховой революции» и в значительной степени была обусловлена эффективным применением ручного огнестрельного оружия и артиллерии. Таким образом, в исторической перспективе военное дело турок-османов середины XV–XVI в. можно рассматривать как инновационный элемент в военном искусстве народов Мусульманского Востока. Столкновение же традиционной османской армии с чагатайскими войсками в начале XV в. завершилось военным триумфом Амира Тимура.

ки, считаем необходимым пояснить, что под тактикой (тактическим искусством) в настоящей работе подразумевается одна из составных частей военного дела, которая включает теоретические и практические аспекты ведения боя. Среди базовых элементов средневековой тактики следует отметить боевой строй, а также тактические приемы ведения сражения. В числе дополнительных элементов можно упомянуть вопросы подготовки боя, развертывания войсковых частей и соединений, организацию и ведение тактической разведки, организацию отступления или преследования и некоторые другие вопросы [Бобров 2021: 19, 20].

Всестороннее изучение тактического искусства чагатайской армии времен Амира Тимура возможно на основе комплексного анализа различных видов источников: в первую очередь, письменных, изобразительных и вещественных материалов второй половины XIV – первой четверти XV вв.

Ключевую роль в реконструкции тактических приемов чагатайских армий рассматриваемого периода играют произведения тимуридских авторов конца XIV – первой четверти XV вв.: «Дневник похода Тимура в Индию», принадлежащий перу Гийас ад-Дина Али, а также две «Книги Побед» («Зафар-наме»), подготовленные тимуридскими историографами Низам ад-Дином Шами и Шараф ад-Дином Али Йазди соответственно. Первая из указанных книг была завершена в 1404 г., а вторая — в 1424–1425 гг.

Указанные произведения содержат подробные описания военных кампаний Амира Тимура. Важное значение имеет тот факт, что обе «Книги Побед» основаны на документах времен Амира Тимура и сообщениях его современников, в том числе непосредственных участников описываемых событий [Шомий 1996: 5–10; Золотая Орда 2003: 307, 367; Йазди 2008: 3–5][1].

Еще одним письменным источником, который достаточно широко привлекался (и привлекается) исследователями для характеристики тактического искусства чагатайских и золотоордынских армий последней четверти XIV–XV вв., является так называемое «Уложение Тимура», известное также под названиями «Воспоминания Сахибкирана» («Ваки ат-и Сахи-Кирани»)[2] и «Изречения Тимура» («Малфузат-и Тимури»)[3]. Однако отношение к данному источнику в научной среде весьма неоднозначное [Бартольд 1964: 201; Горелик 2002: 31; Csiky 2006][4].

Цель настоящей работы — уточнить место «Уложения Тимура» в источниковой базе по тактическому искусству чагатайских войск последней трети XIV – начала XV вв. Ранее данный вопрос еще не становился объектом отдельного научного исследования.

2. Общая характеристика источника

Широко распространенной является точка зрения, согласно которой текст «Уложения Тимура» был составлен как наставление потомкам по указанию Амира Тимура или даже самим великим завоевателем[5]. Текст памятника состоит из биографии Тимура с 1342 г. по 1381/1382 г. и так называемого «Тузуката» («Tuzūkāt-i Tīmūrī»)[6],

[1] С 1415 г. по 1435 г. Шараф ад-Дин Али Йазди состоял на службе у Ибрахима Султана — сына Шахруха и внука Амира Тимура. Считается, что именно Ибрахим Султан являлся главным инициатором создания нового варианта «Зафар-наме». В 1419–1420 гг. (т. е. примерно через 15 лет после кончины великого завоевателя) он приказал собрать все имеющиеся в наличии тюркские и персидские документы об Амире Тимуре и передал их Йазди для работы над произведением. Некоторые источники специально зачитывались в присутствии участников событий, которые либо корректировали, либо подтверждали их содержание [Csiky 2006: 445].

[2] Согласно сообщениям могольских историков Казвини и Лахури, именно «Ваки ат-и Сахи-Кирани» являлось первым вариантом названия произведения [Csiky 2006: 488].

[3] Под названиями «Малфузат-и Тимури» и «Тузукат-и Тимури» рассматриваемое произведение получило широкую известность в Империи Великих Моголов.

[4] О переводах «Уложения Тимура» на европейские и другие языки см.: [Уложение Темура 1999: 4–6; Csiky 2006: 440, 441].

[5] Об исследователях последней трети XVIII–XX вв. разделяющих подобную позицию см.: [Уложение Темура 1999: 7, 8; Csiky 2006: 440–442].

[6] Персидское слово tuzūk (*тузук*) происходит от тюркского tüzük, которое в свою очередь является производным от глагола tüz, означающего ‘устраивать, приводить в порядок’. Первоначальным значением тюркского tüzük был ‘боевой порядок’, а с XVII в. оно стало использоваться в значении ‘автобиография’ [Csiky 2006: 440, 460, 461].

посвященного принципам управления государством, а также армией в походе и сражении [Уложение Темура 1999: 9]. Иногда «Тузукатом» называют все рассматриваемое «Уложение», включающее автобиографию и наставления, приписываемые Амиру Тимуру. В настоящей работе термины «Уложение» и «Тузукат» будут использоваться как синонимы.

Рассматриваемое произведение включает 28 указов, из которых 13 имеют отношение к армии и военному делу. В их число входят указы о выплате жалования, награждении, продвижении по службе, вооружении и снаряжении воинов различных категорий, боевом порядке армии, тактических приемах ведения сражения и др.[1]

Именно последний раздел «Уложения», в котором детально описаны различные варианты построения войск перед битвой, а также порядок вступления отрядов в схватку, традиционно привлекает внимание исследователей. На основании этих описаний боевые порядки чагатайской армии были реконструированы в работах М. И. Иванина [Иванин 1875: 236–240], Е. А. Разина [Разин 2000: 234], Э. Хара-Давана и других российских, а также английских и французских авторов XIX–XX вв.. Некоторые современные российские и зарубежные исследователи также используют сведения «Уложения» как основной источник по изучению тактики чагатайских и даже золотоордынских войск[2]. При этом не берется во внимание специфика данного источника, уже неоднократно отмеченная как историками и востоковедами, так и специалистами по военному делу средневековых народов.

3. Критика «Уложения» в трудах исследователей XX – начала XXI вв.

Первые сомнения в авторстве и датировке текста были высказаны еще академиком В. В. Бартольдом, который, критикуя сочинения некоторых зарубежных и российских авторов, отмечал, что «…в монографии Никитского без всякого основания присоединено поддельное „Уложение“ Тимура, сочиненное в Индии в XVII в. и нисколько не характерное для Ирана XV в.» [Бартольд 1964: 201].

Схожей точки зрения придерживался и известный английский востоковед Э. Г. Браун [Browne 1951: 183–184], а также многие другие историки XX в.[3].

Советский и российский исследователь М. В. Горелик полагал, что «Военное установление» являлось документом XVII в., скомпилированным в Индии и приписываемым Тамерлану [Горелик 2002: 31].

Венгерский историк и лингвист Гергей Чики, тщательно изучивший текст «Уложения», пришел к выводу, что «Есть две возможные гипотезы относительно происхождения этой работы: Абу Талиб действительно нашел тюркскую рукопись, он переработал и перевел ее на персидский язык, создав труд под названием „Ваки'ат-и Сахиб-Кирани“ (*Vāqi'āt-i Ṣāḥib-Qirānī*), который под названиями „Малфузат“ (*Malfūẓāt*) или „Тузукат“ (*Tuzūkāt*) пользовался большой популярностью в Могольской Индии. Другая, более вероятная гипотеза заключается в том, что никакого тюркского оригинала никогда не существовало, поскольку анализ текста не может окончательно подтвердить его существование. В данном случае Абу Талиб просто составил свою работу, используя тимуридские источники и свои личные знания о современном Сефевидском Иране и Могольской Индии» [Csiky 2006: 439].

Несколько лет тому назад резкую оценку «Уложению» дал турецкий исследователь А. Ахат Андижан, который подробно проанализировал его в монографии, посвященной Амиру Тимуру [Andican 2019: 35–98]. По мнению А. Андижана, реальным авто-

[1] Структурно данные указы относятся к особому разделу работы — «Kangāšhā u tadbīrāt», т. е. «Обсуждения и планы» [Csiky 2006: 469, 470].

[2] Априори предполагается, что войска Улуса Джучи применяли те же построения и тактические приемы, что и армия Амира Тимура. Не исключено, что эмир Едигей, Тимур-Кутлуг, Кунче-оглан и другие золотоордынские полководцы, воевавшие под началом Амира Тимура, могли заимствовать некоторые его тактические наработки, однако автоматический перенос боевой практики чагатайских войск конца XIV – начала XV в. на армию Мамая времен Куликовской битвы представляется серьезной методологической ошибкой. Даже если в основе «Уложения» действительно лежат наставления Тимура начала XV в., это совершенно не означает, что аналогичные тактические приемы мог применять беклярбек Мамай за четверть века до составления «Тузуката».

[3] Подробней о критике источника в трудах западных исследователей середины – второй половины XX в. см.: [Csiky 2006: 441, 442].

ром произведения, скорее всего, был Абу Талиб, который якобы обнаружил «Уложение» в XVII в. и перевел его на фарси. Ученый полагает, что текст «Уложения» написан с использованием источников времен Сефевидов и Великих Моголов и не может привлекаться для изучения исторических реалий эпохи Амира Тимура [Andican 2019: 98].

Постараемся разобраться в данном вопросе более подробно и оценить значение «Уложения» для реконструкции тактического искусства чагатайских войск эпохи Амира Тимура.

4. Обстоятельства и история создания «Уложения Тимура»

В первую очередь необходимо уточнить возможное время появления данного произведения. В тексте «Уложения», помимо прочего, сообщается об успешной военной кампании Тимура против «Румского султана» и «Рума», т. е. Османской империи. Данная компания была завершена в 1403 г., а весной 1404 г. Тимур вернулся в Самарканд [Ру 2004: 278]. Таким образом, «Уложение» теоретически могло быть составлено в промежуток с весны 1404 г. до середины января 1405 г. (19 января 1405 г. Амир Тимур скончался в г. Отрар во время похода на Китай). Примерно в тот же период тимуридский историограф Низам ад-Дин Шами закончил написание «Зафар-наме» (лето 1404 г.). Однако в «Книге побед» не содержится информации ни о самом «Уложении», ни о начале работы над ним [Шомий 1996: 11–404]. Не менее показателен тот факт, что ничего не сказано об «Уложении» и в «Зафар-наме» Шараф ад-Дина, который завершил свое произведение в 1424–1425 гг. [Йазди 2008: 4]. При подготовке текста историк пользовался материалами, предоставленными тимуридскими властями (в том числе летописями, отчетами, военной документацией и т. д.). Однако среди всего массива источников ссылка на «Уложение» или хотя бы упоминание о нем не встречаются ни разу. Данные факты позволяют предположить, что главным тимуридским историографам (и современникам великого завоевателя) Низам ад-Дину Шами и Шараф ад-Дину Али Йазди не было известно о составлении и даже существовании «Тузуката».

Может быть, текст «Уложения» был секретным и предназначался исключительно для его непосредственных адресатов — потомков Тимура? Однако и такое предположение представляется маловероятным. В документах Тимуридов (вплоть до XVII в.) отсутствуют упоминания и ссылки на текст «Уложения». Нет их и в знаменитом сочинении «Бабур-наме», созданном потомком Тимура завоевателем Индии Захир ад-Дином Мухаммадом Бабуром (1483–1530) [Бабур-наме 1993]. Когда правителю Империи Великих Моголов Шах-Джахану (годы правления: 1628–1657) был впервые преподнесен текст «Уложения», выяснилось, что данное сочинение было ему ранее неизвестно [Уложение Темура 1999: 4].

По мнению могольских историков Казвини и Абд ал-Хамида Лахори (?–1654 гг.)[1], «Уложение» было составлено по приказу Амира Тимура на тюркском языке как наставление его внуку — Пир Мухаммеду [Csiky 2006: 443, 444]. Однако подобная точка зрения была высказана уже после чудесного «обретения» текста «Уложения» в первой половине XVII в. для обоснования подлинности произведения. Ни в одном синхронном тимуридском источнике ничего об «Уложении» не сообщается. Учитывая тот пиетет, который испытывали потомки Тимура перед своим великим предком, кажется удивительным, что никто из них так никогда и не упомянул хотя бы о факте существования «Тузуката».

Весьма показательна и сама история «обретения» текста «Уложения». Данное сочинение было «обнаружено» хорасанцем Мир Абу Талибом ал-Хусайни ат-Турбати во время поездки по Аравии (которая, к слову, никогда не входила в состав державы Тимура и не являлась объектом его военно-политических притязаний) в библиотеке османского правителя Йемена Джафар-паши. По данным автора находки, произведение было, якобы, написано на чагатайском (среднеазиатском) тюрки, а Абу Талиб перевел его на фарси [Уложение Темура 1999: 3, 4; Csiky 2006: 443, 445][2].

[1] Авторы таких произведений, как «Vāqi‘āt-i Ṣāḥib-Qirānī» и «Vāqi‘āt-i Ḥaḍrat-i Ṣāḥib-Qirānī», соответственно.

[2] Аутентичный тюркский текст «Уложения» так и не был обнаружен. Учитывая тот факт, что правители Империи Великих Моголов говорили и читали по-тюркски, не очень понятно, зачем вообще Абу Талибу потребовалось переводить произведение на персидский язык. Изучение

Став обладателем столь важного исторического сочинения, переводчик отправился к потомкам Тимура — Бабуридам, правившим Империй Великих Моголов. Абу Талиб поступил на службу к Шах-Джахану и во время аудиенции при Могольском дворе в Агре 10 октября 1637 г. передал императору перевод текста «Уложения» [Уложение Темура 1999: 4; Csiky 2006: 444].

Интересно, что произведение вызвало у могольского правителя смешанные чувства. Так, в частности он, «…обнаружив в переводе ряд неточностей», отправил этот текст знаменитому могольскому ученому Мухаммаду Ашрафу Бухари (?–1652 гг.)[1] и приказал тому «…самым тщательным образом сличить перевод Мир Абу Талиба ал-Хусайни с известным трудом Шарафуддина Али Йазди „Зафар-наме“ и другими историческими сочинениями эпохи Темура и Темуридов, устранить ошибки и неточности, изъять вставки от переводчика и переписчика. Словом, перевод Мир Абу Талиба ал-Хусайни ат-Турбати был *исправлен и тщательно отредактирован* (здесь и далее курсив наш. — *Л. Б., А. К., Zh. S., A. M.*)» [Уложение Темура 1999: 3, 4].

Кроме того, могольскому историку вменялось в обязанность расширить текст произведения, дополнив его вставками из «Зафар-наме». Итогом работы ученого стало произведение «Малфузат-и Тимури», которое представляет собой расширенную версию первоначального текста, переведенного Абу Талибом на фарси и привезенного в Индию.

Точная дата завершения работ над произведением в настоящее время не установлена. Учитывая тот факт, что Мухаммед Ашраф Бухари умер в 1652 г., работа над «Уложением» могла продолжаться вплоть до 40-х гг. XVII в.[2]

5. Тюркская, монгольская и персидская военная терминология в «Уложении Тимура»

Согласно данным венгерского исследователя Гергея Чики, в «Tuzūkāt-i Tīmūrī» насчитывается 75 тюркских и монгольских слов, не считая личных имен и названий племен [Csiky 2006: 446]. При этом 51 слово (т. е. 67,57 %) встречается в упомянутом выше тимуридском «Зафар-наме» первой четверти XV в. Восемь слов (onbašï, yüzbašï, miŋbašï, qulčï, qulluqčï, qonalġa, šilän и tiyūl) из оставшихся 32,43 % известны только из сефевидских источников. Четыре других слова (šiqāul, yatïš, otaġa, tüzük) встречаются в Бабур-наме, что означает, что они, вероятно, были известны в тимуридской Центральной Азии начала XV в. Слова qonalġa и šilän применялись как термины налогообложения в ильханидском Иране и сохранились также в период Сефевидов. Это позволяет предположить, что они использовались и во времена правления Амира Тимура и Тимуридов. Слова kütel и čārīlčār / čārplčār / čārwplčār вызвали наибольшие сомнения венгерского лингвиста, а значение последнего слова достоверно не установлено. В то же время значения терминов в «Уложении» в целом — те же, что и в период Тимуридов, но есть несколько исключений [Csiky 2006: 468].

Многочисленность тюркских слов как будто бы свидетельствует в пользу существования протографа «Уложения» на тюрки, однако следует помнить, что эти термины могли быть заимствованы составителями сочинения как из тимуридских произведений первой четверти XV в., так и из тюркских языков XVII в. Необходимо также учитывать, что, будучи уроженцем пограничной провинции Хорасан, Абу Талиб, по всей видимости, прекрасно владел, как тюрки, так и фарси[3]. Кроме того, и в Сефевидском Иране и Могольской Индии власть находилась в руках элит преимущественно тюркского происхождения, что обусловило широкое использование тюркских слов и

текста «Уложения» позволило некоторым исследователям предположить, что протографа на тюрки, возможно, никогда не существовало [Csiky 2006: 439, 445].

[1] Мухаммад Ашраф (Афдаль) Бухари — ученый и писатель, верховный казий (судья) провинции Декан.

[2] Узбекский исследователь Б. Ахмедов, отмечает, что самый ранний известный ему список «Уложения» датируется 1661 г. [Уложение Темура 1999: 5, 6].

[3] Напомним, что Абу Талиб настаивал на том, что он лично перевел текст «Уложения» с тюрки на фарси. Даже если предположить, что хорасанец изначально составил текст на персидском языке, крайне маловероятно, что он рискнул бы явиться ко двору могольского императора в качестве переводчика с тюрки, не владея чагатайским языком в достаточной для этого степени.

выражений как в документации, так и разговорной речи населения империй Сефевидов и Бабуридов.

Проанализировав военную терминологию «Уложения», Г. Чики пришел к выводу, что большинство слов имеют тюркское происхождение, также встречаются термины монгольского[1] и «исламско-персидского» происхождения [Csiky 2006: 470]. При этом аутентичная тимуридская военная лексика конца XIV – начала XV вв. соседствует с терминами из более поздних исторических эпох: «…в работе выделяются три слоя. Первый слой, несомненно, восходит к периоду Тимуридов: составитель знал „Зафар-наме“ Шараф ад-Дина Али Йазди и в значительной степени опирался на нее. Второй слой работы относится к Сефевидскому Ирану. Абу Талиб Турбати, составитель этого труда, происходил из Хорасана и, возможно, был под большим впечатлением от реформ шаха Аббаса I (1588–1629), нововведения которого могли стать для него стимулом при составлении своего труда. Третий слой представлен Могольской Индией» [Csiky 2006: 439].

Некоторые тюркские военные термины, которые фиксируются в «Уложении», не встречаются в тимуридских источниках конца XIV – первой четверти XV в., но присутствуют в сефевидской военной лексике XVII в. К таким терминам относятся, например, воинские звания: *онбаши* (onbašï) — ‘десятник’[2], *юзбаши* (yüzbašï) — ‘сотник’[3], *минбаши* (miŋbašï) — ‘тысячник’[4], слово *окчи* (oqčï) — ‘лучник, стрелок’ и некоторые другие [Csiky 2006: 446, 447, 456, 470]. Само по себе отсутствие данных терминов в текстах тимуридских «Зафар-наме» еще не означает, что они не использовались в войсках времен Амира Тимура и его наследников. Но, как справедливо отметил Г. Чики, «Хотя тюркская этимология вышеупомянутых названий, очевидно, указывает на тюркский язык как на язык оригинала, вопрос, поднятый ранее, все еще остается без ответа: являются ли вышеупомянутые формы не переведенными деталями тюркского текста или переводчик преобразовал их в военную терминологию своего времени?» [Csiky 2006: 447].

Если в перечисленных выше случаях возможность бытования указанных слов в тимуридской военной лексике представляется весьма вероятной, то некоторые другие термины характерны именно для эпохи Сефевидов, но при этом совершенно нетипичны для второй половины XIV – начала XV в. Так, например, во времена Амира Тимура телохранители обозначались традиционным для Монгольской эпохи термином *кауčин* (qaučin), в то время как в «Уложении» для их обозначения используются слова *кулчи* (qulčï) и *кулукчи* (qulluqčï). Последний вариант особенно часто встречается в сефевидских источниках XVI–XVII вв. [Csiky 2006: 455, 478, 479].

Говоря о сефевидском «наследии» в тексте «Тузуката», нельзя не отметить, что оно проявляется далеко не только в отдельных словах и выражениях. По замечанию Г. Чики, описанная в «Уложении» система землевладения полностью соответствует персидскому аналогу XVII в. [Csiky 2006: 470, 474], а сословная система, организация гвардии, диванов, названия и функции административных чинов «…указывает на Сефевидский Иран, на реформы шаха Аббаса I (1588–1629)» [Csiky 2006: 487]. Эти сведения входят в противоречие с материалами тимуридских источников по профильной проблематике [Csiky 2006: 470, 471].

В тексте «Уложения» встречаются также монгольские слова и выражения, которые вошли в тюркские языки в период существования Монгольской империи, а также ее политических наследников, и сохранились у местного населения вплоть до Нового времени. Например, как в тимуридских источниках, так и в тексте «Уложения» фиксируется слово jüldü, которое традиционно переводится исследователями как «награда за достойный поступок» или «подарок, вознаграждение, благосклонность» [Csiky 2006: 459, 460][5]. Однако указанный термин

[1] Barāngār ‘правое крыло’, javāngār ‘левое крыло’ и др. (см. ниже).

[2] Досл. «десятка (*он*) командир (*баши*)».

[3] Данный термин неизвестен в персидских источниках тимуридского периода, а для передачи данного воинского звания используется термин amīr-i ṣada, т. е. «эмир сотни» [Csiky 2006: 470].

[4] Персидским эквивалентом данного воинского звания в «Зафар-наме» является термин amīr-i hazāra, т. е. «эмир тысячи» [Csiky 2006: 447, 470].

[5] Так, например, jüldü полагалось вручать в

имеет и более узкое значение. Весьма вероятно, что он восходит к монгольскому слову hildü, варианты — üldü, yüldü, мн. число yüldüt [Кушкумбаев 2013: 287]. Долгое время считалось, что оно переводится как «меч». Однако недавние исследования показали, что еще в середине XVIII в. термином *илду* (ildü) обозначались слабоизогнутые сабли с гардой в виде перекрестья [Бобров, Пастухов 2021: 775, 776]. Весьма вероятно, что данное название использовалось для обозначения подобного оружия и в более ранние исторические периоды. Тем более что сабли с перекрестьем (т. е. крестообразной и удлиненно-ромбической гардой) являлись доминирующей разновидностью длинноклинкового оружия воинов Чагатайского улуса, империи Амира Тимура и его наследников [Бобров, Хайдаков 2019: 126–140]. С учетом данного контекста термин jüldü в тимуридских хрониках и «Уложении» следует переводить не как абстрактную награду, а как награду или подарок в виде сабли.

6. Вооружение и тактика чагатайских войск Амира Тимура в «Уложении» и тимуридских источниках первой четверти XV в.

Комплекс вооружения, подробно перечисленный в «Уложении», в целом совпадает с оружием и доспехами чагатайских и тимуридских воинов последней трети XIV –XV вв., которые известны по синхронным письменным, изобразительным и вещественным источникам [Gorelik 1979: 40–51, 60–63; Nicolle 1990: 6–9, 12–14, 16, 18–22, 34–40; Бобров, Худяков 2002: 110–113, 143–147, 150; Бобров 2003: 75–80; Бобров 2011: 21–24, 33, 34, 42, 44; Бобров 2016: 254, 255; Бобров, Хайдаков 2019: 125–145; Бобров 2021: 30, 32–35; Бобров 2023: 464–480].

Однако некоторые сведения «Тузуката» вызывают вопросы. Так, например, согласно «Уложению» копья (nayza) полагались только тысячникам, в то время как среди вооружения рядовых воинов, «бахадуров», десятников и сотников колющее длиннодревковое оружие вообще не упомянуто. Вместе с тем письменные и изобразительные источники свидетельствуют, что панцирники Амира Тимура и его наследников достаточно активно применяли копья в ходе боевых столкновений [Nicolle 1990: 18, 34, 36, 39, 40; Бобров 2018: 43, 44, 52; Бобров 2023: 470; илл. 2: 1].

Ничего не сообщает автор «Уложения» и о чагатайских щитах, в то время как воины Амира Тимура и его преемников весьма активно применяли как малые (ручные) щиты-калкан, так и большие станковые щиты (чапар, тура). Более того, в отдельных военных кампаниях (например, накануне вторжения на территорию Улуса Джучи в 1391 г.) великий завоеватель, согласно сообщению Абд-ар-Раззака Самарканди (1413–1482 гг.), требовал поголовного (!) оснащения щитами своих конных и пеших воинов [Золотая Орда 2003: 374]. Щиты неоднократно упомянуты на вооружении бойцов Амира Тимура и в текстах обеих «Зафар-наме» [Йазди 2008: 147, 148; Бобров 2018: 37, 41, 50; Бобров 2021: 27, 32–34].

Ранее одним из авторов настоящей статьи были проанализированы особенности тактики Амира Тимура на примере боевого порядка и тактических приемов среднеазиатских войск в сражении у р. Кондурча и других битвах конца XIV – начала XV вв. [Бобров 2018: 24–56; Бобров 2021: 22–35]. Сопоставление данных «Зафар-наме», а также иных произведений тимуридского цикла с описаниями «Уложения» показало, что между ними имеются некоторые отличия.

Рекомендуемое «Тузукатом» минимальное деление армии на девять частей-фавдж (favj)[1] с выделением, соответственно, центра (qol), правого (baranġār) и левого (javanġār) крыла (каждое из трех частей), разведки (qaravul) и авангарда (hirävül) не совсем точно отражает боевой порядок чагатайских войск времен Амира Тимура, описанный в обоих «Зафар-наме» [Йазди 2008; Бобров 2018; Бобров 2021: 20–35].

Так, например, совершенно не упомянут резерв-чагдавул (čaġdawul), который играл значительную роль в тактическом искусстве Амира Тимура [Бобров 2018: 26, 50; Бобров 2021: 28, 30].

В тексте «Уложения» никак не обозначен такой важнейший элемент боевого порядка чагатайских войск, как канбул (фланговое охранение и, одновременно фланговый авангард). Возможно, он подразумевается под одной из трех частей, составляющих

качестве компенсации раненым воинам [Csiky 2006: 474].

[1] Для сражения с противником, численность которого не превышает 12 тыс. чел.

крыло боевого построения, но даже если это так, то не понятно, почему это не оговорено особо. Во всех крупных сражениях канбул был организационно и тактически отделен от основного флангового корпуса. Он формировал отдельный корпус (кул) на самом краю боевого порядка и имел своего командира (или командиров). В оборонительном бою канбулы должны были не допустить охвата фланга чагатайской армии противником, а в наступательном, наоборот, атаковать и окружить крыло вражеской армии, зайти ей в тыл. Таким образом, активное и весьма гибкое применение мощных канбулов являлось одной из важных особенностей тактического искусства великого завоевателя [Бобров 2018: 24, 25, 27, 28, 29, 33, 35, 39–47]. Победы войск Амира Тимура в битвах у р. Кондурча, на р. Терек, сражениях у Дели и Анкары были в значительной степени обусловлены успешными действиями канбулов чагатайских войск. Тем большее удивление вызывает тот факт, что сам термин канбул, многократно повторенный авторами «Зафар-наме», даже не упомянут в тексте «Уложения», а его тактические задачи практически никак не выделены в общем рисунке боя.

Определенные вопросы вызывает и упоминание в «Тузукате» передовых подразделений (разведки-каравул и авангарда-хиравул) в качестве самостоятельных частей армии. В составе реального боевого порядка чагатайских войск (например, в сражении у р. Кондурча) хиравул не являлся самостоятельным кулом, а, по всей видимости, входил в состав авангардного корпуса (манглай) [Бобров 2018: 25]. Численность же каравула (аналога русского «сторожевого полка») традиционно была небольшой, а его функции обычно ограничивались ведением тактической разведки. Естественно, что отдельный корпус (кул) он также не составлял.

Все это побуждает с известной осторожностью отнестись к описанию боевого порядка и тактических приемов, приведенных в «Тузукате».

К схожему выводу на основе анализа текста «Уложения» пришел и Г. Чики. По его данным, в произведении отсутствуют некоторые войсковые и тактические термины, которые активно применялись в эпоху Амира Тимура. Так, например, автор «Уложения» совершенно не использует термин монгольского происхождения *манглай* (manglay), т. е. «авангард» армии. Вместо него в том же значении используется термин *хиравул* (hirevül, hirāvul), последний также встречается в тимуридских текстах XV в., но значительно реже, чем *манглай* [Csiky 2006: 450].

Схожая история наблюдается и с резервом / арьергардом. В «Тузукате» он упоминается крайне редко и обозначается словом ʿaqab[1], в то время как в тимуридских источниках он обычно фигурирует под монгольским названием čaġdavul [Csiky 2006: 479, 484, 486]. Всего восемь раз в «Уложении» упоминается исключительно популярный в «Зафар-наме» организационно-тактический термин *кошун* (qošun) обозначающий отдельный отряд переменной численности [Csiky 2006: 453; Кушкумбаев 2014: 267–268; Бобров 2016: 26].

С другой стороны, в «Уложении» применяются термины, которые не встречаются в произведениях тимуридского круга: *чапавул* (čapāvul) — в значении «авангард правого крыла» и *шикавул* (šïqāvul) — «авангард левого крыла». Проанализировав данные термины, Г. Чики особо отметил, что у него «…возникают большие сомнения в том, что *чапавул* и *шикавул* когда-либо функционировали, как военные подразделения» [Csiky 2006: 450–453, 479].

Наконец, стоит также отметить, что в «Уложении» присутствуют и весьма характерные фактологические ошибки. Так, например, автор «Тузуката» путает трех отдельных исторических деятелей, имевших имя Бахрам (Šēr Bahrām — эмир Хатталана, Bahrām Kayak — командир разведчиков Амира Тимура, Bahrām Jalāyir — вождь племени джалаиров) и представляет их как одного человека [Csiky 2006: 475, 476, 480, 482, 483]. Крайне маловероятно, что подобную ошибку мог совершить современник этих людей, лично знакомый с ними. Зато подобная неточность вполне объяснима в том случае, если автор выстраивал свое по-

[1] Согласно Г. Чики, «племена, не имевшие *tamġa*, составляли арьергард ʿ*aqab*» [Csiky 2006: 462]. В «Тузукате» термин ʿaqab может обозначать тыл вообще: favjī dar pīš-i ordū u favjī dar ʿaqab taʿyīn namāyand ʿЯ (приказал) назначить подразделение впереди армии и одно в тылу' [Csiky 2006: 465].

вествование на основе работ предшественников из числа тимуридских историков.

7. Заключение

«Уложение» представляет собой сложное (по содержанию и структуре) составное произведение. Оно скомпилировано из следующих элементов:

1) текст, якобы обнаруженный в первой трети XVII в. в библиотеке Джафар-паши османского правителя Йемена (Южная Аравия) Абу Талибом, который перевел его на фарси[1];

2) текстовые вставки, добавленные в «Уложение» самим Абу Талибом[2];

3) информация из тимуридских произведений, включенных в «Уложение» с целью «устранения ошибок и неточностей»;

4) редакторские правки Мухаммеда Ашрафа Бухари, сделанные в конце 30–40-х гг. XVII в.

Выявление в «Уложении» аутентичных сведений и позднейших добавлений является важной, но весьма трудоемкой научной задачей. При этом очевидно, что некритичное автоматическое перенесение сведений «Уложения» на военные реалии Чагатайского ханства и, тем более, Золотой Орды конца XIV – начала XV вв. является серьезной методологической ошибкой.

Означает ли это, что «Уложение» совершенно бесполезно для реконструкции тактического искусства чагатайской армии эпохи Амира Тимура? На наш взгляд, нет. Даже если предположить, что весь текст «Уложения» был написан авторами XVII в., основой для него послужили документы конца XIV–XV вв. Некоторые описания, а также отдельные фразы и речевые обороты в «Зафар-наме», характеризующие боевые построения и тактические приемы армии Амира Тимура, его соратников и противников, иногда остаются непонятыми современными переводчиками и исследователями. Зато они очевидны и логичны для авторов позднего Средневековья. В данной связи материалы «Уложения» могут привлекаться для «дешифровки» сложных тактических приемов и построений, упомянутых в текстах «Зафар-наме». Однако привлечение данных из «Уложения» для реконструкции чагатайской тактики конца XIV–XV вв. может быть признано оправданным только в тех случаях, когда сведения «Уложения» не противоречат надежно датированным сообщениям тимуридских источников.

Таким образом, актуальной научной задачей является сличение описаний боевых порядков и тактических приемов чагатайских войск, упомянутых в «Зафар-наме», и соответствующих описаний в тексте ««Тузукат-и Темури». После проведения подобной работы профильная информация «Уложения» может привлекаться в качестве дополнительного источника по изучению тактического искусства Амира Тимура и его полководцев.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Судя по упоминанию в тексте «Уложения» успешной военной кампании чагатайских войск против Османской империи, произведение теоретически могло быть составлено с весны 1404 г. до середины января 1405 г. как наставление Амира Тимура его наследнику — Пир Мухаммеду (1376–1407 гг.). Предполагается, что автором «Тузуката» мог быть либо сам великий завоеватель, либо кто-то из его доверенных лиц.

Однако в крупнейших тимуридских исторических сочинениях, посвященных Амиру Тимуру: книге «Зафар-наме» Низам ад-Дин Шами (1404 г.) и одноименном труде историка Шараф ад-Дина Али Йазди (1424–1425 гг.) информация об «Уложении» и даже просто упоминания о нем отсутствуют. Ничего не знали о «Тузукате» наследники и потомки Амира Тимура, в том числе Захир ад-Дин Мухаммад Бабур, Шах-Джахан и др. Вплоть до XVII в. нет никаких свидетельств, подтверждающих факт существования данного произведения.

Написанное на среднеазиатском тюрки «Уложение» было якобы обнаружено в библиотеке османского Джафар-паши в Йемене (Южная Аравия) хорасанским путешественником Мир Абу Талибом ал-Хусайни ат-Турбати. По его словам, он перевел произведение на фарси (судьба оригинального текста на тюрки неизвестна), а затем отправился в Индию, где 10 октября 1637 г.

[1] Весьма вероятно, что указанный текст был составлен самим Абу Талибом или каким-то другим автором на основе компиляции различных источников и никогда не имел единого протографа на тюрки.

[2] Согласно требованию Шах-Джахана, они должны были быть удалены из «Уложения», однако насколько полно была решена данная задача, неизвестно.

преподнес свой перевод дальнему потомку Амира Тимура — правителю Империи Великих Моголов Шах-Джахану, который взял его на службу. При прочтении могольским императором текста в нем были обнаружены ошибки и неточности, исправить которые было поручено могольскому ученому Мухаммеду Ашрафу Бухари.

Собранные и проанализированные в настоящей работе материалы позволяют выдвинуть две основные версии истории создания «Уложения». Согласно первой, в основе произведения действительно лежит некий протограф на тюрки начала XV в. или более позднего времени, который был переведен на фарси Абу Талибом, а впоследствии существенно доработан и переоформлен Мухаммедом Ашрафом Бухари.

Однако более вероятно, что первоначального текста на тюрки никогда не существовало. Само произведение было составлено Абу Талибом или каким-то иным автором на основе компиляции тимуридских источников конца XIV – первой четверти XV вв., а также более поздних (в том числе сефевидских) материалов. Данный текст был обработан и переделан могольскими историками.

В любом случае свой окончательный вид «Уложение» обрело не ранее второй четверти XVII в. Проведенный зарубежными и отечественными исследователями анализ текста «Тузуката» показал, что он состоит из трех ключевых элементов: пересказа и интерпретации тимуридских материалов (и в первую очередь «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди), сефевидских и, возможно, могольских реалий XVII вв., а также сведений, не встречающихся в других известных мусульманских источниках XV–XVII вв. (последние могут являться, в том числе, результатом неверного истолкования оригинальных тимуридских произведений).

Применительно к теме настоящего исследования стоит отметить, что описания вооружения и тактики чагатайских войск в «Уложении» не всегда совпадают с реалиями эпохи Амира Тимура и его ближайших преемников.

Тем не менее «Уложение» представляет определенный интерес для изучения военно-культурного наследия Амира Тимура в целом и его тактического искусства в частности. Тщательное сличение и комплексный анализ текста «Уложения» с тимуридскими материалами конца XIV – первой четверти XV вв. может помочь уточнить некоторые важные нюансы, связанные с боевыми построениями и тактическими приемами чагатайских войск, которые остаются не до конца понятными для современных ученых, но были вполне очевидными для авторов XVII в. При этом необходимо отделять собственно тимуридскую боевую практику от позднейших нововведений сефевидского и могольского времени, привнесенных в текст произведения в момент его составления. В случае успешного решения данной научной задачи материалы «Уложения» займут важное место в составе источниковой базы по военному искусству народов мусульманского Востока эпохи Средневековья и раннего Нового времени.

Наиболее перспективными направлениями подобных исследований, на наш взгляд, являются разделы «Уложения», связанные с особенностями боевого построения (в том числе структурными элементами отдельных корпусов-кулов), очередностью вступления в бой войсковых частей и подразделений, составом и тактическими задачами хиравула во время битвы и некоторые другие.

Литература

Бабур-наме 1993 — *Бабур-наме*: Записки Бабура / пер. М. А. Салье. Изд. 2-е, дораб.. Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1993. 464 с.

Бартольд 1964 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М.: Наука, 1964. 661 с.

Бобров 2003 — *Бобров Л. А.* Железные ястребы Мавераннахра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV–XVII в.) (начало) // Para-Bellum. 2003. № 17. С. 71–102.

Бобров 2011 — *Бобров Л. А.* Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX вв.: автореф. дисс. … д-ра ист. наук. Барнаул, 2011. 54 с.

Бобров 2016 — *Бобров Л. А.* Джеханшах-бек — великий «бахадур» на службе Амира Тимура (к вопросу о высшем командном составе среднеазиатского завоевателя) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. I. СПб: ВИМАИВиВС, 2016. С. 247–263.

Бобров 2018 — *Бобров Л. А.* Военачальники чагатайской армии Амира Тимура в Кондурчинской битве 1391 г. // Тюркологические исследования. 2018. Т. 1. № 3. С. 23–62.

Бобров 2021 — *Бобров Л. А.* «Выбрав из войска храбрецов и бойцов, прорывающих ряды…». К вопросу о некоторых особенностях тактического искусства Амира Тимура // Universum Humanitarium. 2021. № 1. С. 17–40. DOI: 10.25205/2499-9997-2021-1-17-40

Бобров 2023 — *Бобров Л. А.* Чагатайские и тимуридские панцирные нарукавья последней трети XIV – начала XVI в. и их дериваты // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 3. С. 464–482. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-464-482

Бобров, Пастухов 2021 — *Бобров Л. А., Пастухов А. М.* Вооружение и знамена ойратов Джунгарии середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуанъюй Сиюй тучжи» // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 4. С. 770–796. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-770-796

Бобров, Хайдаков 2019 — *Бобров Л. А., Хайдаков К. С.* «Тимуридская» сабля из Самарканда // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, Филология. 2019. Т. 18. № 5: Археология и этнография. С. 125–145. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-5-125-145

Бобров, Худяков 2002 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего Средневековья // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии: сб. ст. / под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 106–168.

Горелик 2002 — *Горелик М. В.* Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Восточный Горизонт, 2002. 84 с.

Золотая Орда 2003 — Золотая Орда в источниках. Ч. 1. Извлечения из сочинений арабских. Ч. 2. Извлечения из сочинений персидских / сост., ввод. ст. и комм. Р. П. Храпачевского. М. Центр по изучению военной и общей истории, 2003. 448 с.

Ибятов 2003 — *Ибятов Ф. М.* Тохтамыш и Тимур. Значение булгаро-татарского фактора в крупнейшей военной эпопее XIV века. Казань: Искусство России, 2003. 400 с.

Иванин 1875 — *Иванин М. И.* Состояние военного искусства у среднеазиатских народов // О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. СПб.: Общественная польза, 1875. С. 129–231.

Йазди 2008 — Йазди Шараф ад-Дин Али. Зафар-наме. Ташкент: SANAT, 2008. 486 с.

Костюков 2010 — *Костюков В. П.* Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. / под ред. И. М. Миргалеева. Казань: Фэн, 2010. 200 с.

Кушкумбаев 2013 — *Кушкумбаев А. К.* Оригинальные названия предметов вооружения золотоордынских воинов как исторический источник // Кыпчаки Евразии: история, язык и письменные памятники: Междунар. науч. конф. (г. Астана, 29–30 мая 2013 г.). Астана, 2013. С. 283–292.

Кушкумбаев 2014 — *Кушкумбаев А. К.* Тактическое построение войск в монгольскую эпоху // Золотоордынская цивилизация. 2014. № 7. С. 252–279.

Миргалеев 2003 — *Миргалеев И. М.* Войны Тохтамыш-хана с Аксаком Тимуром. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. 88 с.

Миргалеев 2007 — *Миргалеев И. М.* Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 108 с.

Миргалеев 2011 — *Миргалеев И. М.* Битвы Тохтамыш-хана с Аксак Тимуром // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань: Фолиант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 170–182.

Разин 2000 — *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. 2: [VI в. – XVI в.]. СПб.: Полигон, 2000. 653 с.

Ру Ж.-П. 2004 — *Ру Ж.-П.* Тамерлан. М.: Мол. гвардия, 2004. 296 с.

Уложение Темура 1999 — Уложение Темура. Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Гафура Гуляма, 1999. 148 с.

Шомий 1996 — *Шомий Н.* Зафарнома. Тошкент: Узбекистон, 1996. 528 б.

Andican 2019 — *Andican A. Ahat.* Emir Timur. Tarih, Siyaset, Miras. Istanbul: Selenge Yayinlari, 2019. 926 s.

Browne 1951 — *Browne E.G.* A Literary History of Persia. Vol. III. The Tartar Domination (1265–1502). Cambridge: Cambridge University Press, 1951. vii-xi, 586 p.

Csiky 2006 — *Csiky G.* The Tuzūkāt-i Tīmūrī as a Source for Military History // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2006. Vol. 59(4). Pp. 439–491.

Gorelik 1979 — *Gorelik M.* Oriental Armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in Works of Art // Islamic Arms and Armour / ed. by R. Elgood. London: Scolar Press, 1979. Pp. 30–63.

Kadoi 2010 — *Kadoi Y.* On the Timurid Flag // Beitrage zur Islamischen Kunst und Archaologie. Band 2. Wisbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2010. Pp. 143–162.

Manz 1989 — *Manz B. F.* The rise and rule of Tamerlane. Cambridge: Cambridge University Press. 1989. xi, 227 p.

Manz 1997 — *Manz B. F.* Military Manpower in Late Mongol and Timurid Iran // L'Héritage timouride, Iran-Asie centrale-Inde XVe–XVIIIe siècles, Cahiers d'Asie centrale 3–4. Pp. 43–55.

Nicolle 1990 — *Nicolle D.* The Age of Tamerlane

/ A. McBride (ill.). Oxford: Osprey Publishing Ltd., Bloomsbury Publishing, 1990. 63 p.

Roux 1991 — *Roux J.-P.* Tamerlan. Paris: Fayard, 1991. 304 p.

References

Andican A. Amir Timur: History, Politics, Heritage. Istanbul: Selenge, 2019. 926 p. (In Turk.)

Babur. Bāburnāma. M. Salye (transl.). Second edition, rev. Tashkent: Chief Directorate of Encyclopedias, 1993. 464 p. (In Russ.)

Bartold V. V. Writings. Vol. 2. Pt. 2. Moscow: Nauka, 1964. 661 p. (In Russ.)

Bobrov L. A. "Among the troops he chose brave warriors, who were battling through ranks...". On some peculiar aspects of Amir Timur's tactical art. *Universum Humanitarium*. 2021. No. 1. Pp. 17–40. (In Russ.) DOI: 10.25205/2499-9997-2021-1-17-40

Bobrov L. A. Chagatai and Timurid plated armguards of the late 14th to early 16th centuries and their derivatives. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 3. Pp. 464–482. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-464-482

Bobrov L. A. Commanders of the army of Amir Timur in the Battle of Condurchi (1391). *Turkological Studies (Tyurkologicheskie issledovaniya)*. 2018. Vol. 1. No. 3. Pp. 23–62. (In Russ.)

Bobrov L. A. Dzhekhanshakh-Bek — prominent 'Bahadur' in the service of Amir Timur: Approaching the issue of senior officers in Tamerlane's army. In: Yefimov S. V. (ed.) War and Weapon: New Studies and Materials. Conference proceedings (St. Petersburg, 18–20 May 2016). Pt. 1. St. Petersburg: Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps, 2016. Pp. 247–263. (In Russ.)

Bobrov L. A. Iron hawks of Transoxiana: Personal armor of Central Asia and adjacent regions, late fifteenth to seventeenth centuries. Introduction. *Para-Bellum*. 2003. No. 17. Pp. 71–102. (In Russ.)

Bobrov L. A. Personal Armor of Central and Mainland East Asia, Mid-Fourteenth to Nineteenth Centuries: Key Evolution Trends. Dr. Sc. (history) thesis abstract. Barnaul, 2011. 54 p. (In Russ.)

Bobrov L. A., Khaidakov K. S. A "Timurid" Saber from Samarkand. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2019. Vol. 18. No. 5: Archaeology and Ethnography. Pp. 125–145. (In Russ.) DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-5-125-145

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Personal armor of late medieval Central Asian warriors. In: Khudyakov Yu. S., Skobelev S. G. (eds.) Military Science of North and Central Asian Nomads. Collected papers. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2002. Pp. 106–168. (In Russ.)

Bobrov L. A., Pastukhov A. M. Weapons and banners of Dzungaria's Oirats, mid-18th century: A case study of Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 4. Pp. 770–796. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-770-796

Browne E. G. A Literary History of Persia. Vol. 3: The Tartar Domination (1265–1502). Cambridge: Cambridge University Press, 1951. VII–XI, 586 p. (In Eng.)

Csiky G. The Tuzūkāt-i Tīmūrī as a source for military history. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2006. Vol. 59(4). Pp. 439–491. (In Eng.)

Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art. In: Elgood R. (ed.) Islamic Arms and Armour. London: Scolar Press, 1979. Pp. 30–63. (In Eng.)

Gorelik M. V. Mongol-Tatar Armies, Tenth to Fourteenth Centuries: Military Science, Armor, Weaponry. Moscow: Vostochnyi Gorizont, 2002. 84 p. (In Russ.)

Ibyatov F. M. Tokhtamysh and Timur: Significance of the Bulgar-Tatar Factor in the Largest Military Campaign of the Fourteenth Century. Kazan: Iskusstvo Rossii, 2003. 400 p. (In Russ.)

Ivanin M. I. Military skills of Central Asian peoples. In: More on Military Science and Mongol-Tatar Invasions under Genghis Khan and Tamerlane. St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza, 1875. Pp. 129–231. (In Russ.)

Kadoi Y. On the Timurid flag. In: Beitrage zur Islamischen Kunst und Archaologie. Vol. 2. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2010. Pp. 143–162. (In Eng.)

Khrapachevsky R. P. (comp.) Golden Horde in Written Sources. Pt. 1: Collections from Arabic Sources. Pt. 2: Collections from Persian Sources. Moscow: Center for the Study of Military and General History, 2003. 448 p. (In Russ.)

Kostyukov V. P. Golden Horde: Ulus of Shiban, Thirteenth–Fourteenth Centuries. I. Mirgaleev (ed.). Kazan: Fen, 2010. 200 p. (In Russ.)

Kushkumbaev A. K. Original weapon names of the Golden Horde as a historical source. In: The Kipchaks of Eurasia. History, Language, and Written Records. Conference proceedings (Astana, 29–30 May 2013). Astana, 2013. Pp. 283–292. (In Russ.)

Kushkumbaev A. K. The tactical formation of troops in the Mongol period. *Golden Horde Civilization*. 2014. No. 7. Pp. 252–279. (In Russ.)

Manz B. F. Military manpower in Late Mongol and Timurid Iran. In: Szuppe M. (ed.) L'héritage timouride : Iran – Asie centrale – Inde, XVe-

XVIIIe siècles (Cahiers d'Asie centrale 3–4). Pp. 43–55. (In Eng.)
Manz B. F. The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge: Cambridge University Press. 1989. XI, 227 p. (In Eng.)
Mirgaleev I. M. Tokhtamysh-Timur Wars. Kazan: Institute of History (Tatarstan Academy of Sciences), 2003. 88 p. (In Russ.)
Mirgaleev I. M. Toktamish-chan's battle with Aksak Timur. In: Mirgaleev I. M. (comp., ed.) Military Science of the Golden Horde: Problems and Prospects of Studying. Kazan: Foliant, Märcani Institute of History (Tatarstan Academy of Sciences), 2011. Pp. 170–182. (In Russ.)
Mirgaleev I. M. Wars between the Golden Horde and Tamerlane's Empire: Historical Materials. Kazan: Institute of History (Tatarstan Academy of Sciences), 2007. 108 p. (In Russ.)
Nicolle D. The Age of Tamerlane. A. McBride (ill.). Oxford: Osprey Publishing Ltd., Bloomsbury Publishing, 1990.63 p. (In Eng.)
Nizam al-Din Shami. Zafarnama. Yu. Khakimzhanov (transl.), A. Urunbayev (ed.). Tashkent: Uzbekistan, 1996. 528 p. (In Uzb.)
Razin E. A. History of Military Science. Vol. 2: Sixth to Sixteenth Centuries. St. Petersburg: Poligon, 2000. 653 p. (In Russ.)
Roux J.-P. Tamerlane. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2004. 296 p. (In Russ.)
Roux J.-P. Tamerlane. Paris: Fayard, 1991. 304 p. (In Fr.)
Sharaf ad-Din Ali Yazdi. Zafarnama. Tashkent: San'at, 2008. 486 p. (In Russ.)
Tamerlane. The Code of [Amir] Timur. Tashkent: Gulom Literature and Arts Press, 1999. 148 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 2, Pp. 335–343, 2024
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 821.214.22
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-335-343

Тюркоязычный дневник Инша Аллах Хана Инша как литературный памятник

Искандер Расулевич Саитбатталов[1]

[1] Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. З. Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, ведущий специалист
0000-0002-5948-4666. E-mail: saitbattalovir[at]uust.ru

© КалмНЦ РАН, 2024
© Саитбатталов И. Р., 2024

Аннотация. *Введение*. Инша Аллах Хан Инша — один из ключевых авторов литературы урду рубежа XVIII–XIX вв. Его творчество было полилингвальным, а среди языков, которыми он пользовался, был местный вариант литературного языка тюрки. Крупнейшее тюркоязычное произведение поэта, «Дневник на тюркском языке», сохранилось в единственной рукописи. Этот автограф принадлежит Библиотеке Раза (г. Рампур, Индия) и ранее не подвергался специальному тюркологическому исследованию. Цель исследования — комплексное описание этого произведения как письменного памятника. *Результаты.* В статье дано археографическое описание, установлены крайние даты описанных в рукописи событий, определено количественное соотношение разных языков Индии в тексте, осуществлена привязка фрагментов на разных языках к тематическим блокам. С использованием комплекса литературоведческих методов устанавливается структура ежедневных заметок, их композиционные особенности, выделяются ключевые содержательные и тематические блоки. Хотя рукопись включает преимущественно записи бытового содержания и конспекты бесед с разными лицами, она содержит фрагменты услышанных поэтом и составленных им самим стихотворений. Их анализ позволяет определить круг чтения людей из окружения Инша, а также уточнить текстологию его собственных произведений, включенных в полное собрание его стихотворений. Идентификация упомянутых в рукописи лиц позволяет определить круг общения поэта, а также характер его взаимоотношений с покровителем. Обилие прямой речи в тексте позволяет реконструировать восприятие Инша современников и близких людей, а также отчасти — стиль их повседневного общения и круг постоянных интересов. Рукопись, ее содержание и форма существенно расширяют представления как о самом Инша Аллах Хане Инша, так и о бытовании тюркских языков в Индии в последние десятилетия Империи Великих Моголов.

Ключевые слова: археография Индии, Инша Аллах Хан Инша, литература Империи Великих Моголов, литературный дневник, межлитературные связи, тюркский язык в Индии, чагатайский язык, эго-документы

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Тюркоязычная поэзия Империи Великих Моголов: текстология, перевод, междисциплинарный анализ» (№ 23-78-01061, https://rscf.ru/project/23-78-01061/). Автор выражает искреннюю благодарность Библиотеке Раза (г. Рампур, Индия) за возможность ознакомиться с рукописью и лично доктору Абу Саду Ислахи за содействие в ее описании.

Для цитирования: Саитбатталов И. Р. Тюркоязычный дневник Инша Аллах Хана Инша как литературный памятник // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 2. С. 335–343. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-335-343

The Turki-Language Diary of Insha Allah Khan Insha as a Literary Monument

Iskander R.Saitbattalov[1]

[1] Ufa University of Science and Technology (32, Z. Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Leading Specialist
0000-0002-5948-4666. E-mail: saitbattalovir@uust.ru

© KalmSC RAS, 2024
© Saitbattalov I. R., 2024

Abstract. *Introduction*. Insha Allah Khan Insha was a key author of Urdu literature at the turn of the nineteenth centuries. His works were multilingual, and the languages he used comprised a local version of literary Turki. Nowadays there is only one surviving manuscript of the poet's largest Turkic-language work — *The Turki-Language Diary* — housed at the Rampur Raza Library (Rampur, India) and never subjected to any special Turkological research. *Goals*. So, the paper attempts a comprehensive description of the narrative as a written and literary monument. *Results*. The article provides a detailed archaeographic description of the manuscript, clarifies somewhat exact dates of the mentioned events, determines a quantitative ratio of India's languages in the text, and links fragments in different languages to certain thematic blocks. A variety of literary methods proves instrumental in identifying the structure of daily notes, their compositional features, and key content/thematic blocks. Although the manuscript primarily focuses on everyday life and describes conversations with various people, it does contain fragments of poems once heard by the author and those composed by him. The latter's analysis makes it possible to delineate the reading range of individuals from Insha's circle, and to clarify some textual aspects of his own works that would be included in his *Complete Works* (poems). Identifications of the individuals mentioned in the manuscript are as instrumental in determining the poet's social circle, cast light on his relationship with the patron. The abundance of direct speech patterns helps reconstruct Insha's perceptions of his contemporaries and close ones, and, to a certain extent, styles of their everyday communication and ranges of their constant interests. The manuscript — its content and form — significantly expands our understanding of both Insha Allah Khan Insha proper, and of Turkic-language practices in India throughout the last decades of the Mughal Empire.

Keywords: archaeography of India, Insha Allah Khan Insha, literature of the Mughal Empire, literary diary, cross-literary connections, Turki in India, Chagatai Turkic, ego-documents

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-78-01061. Available at: https://rscf.ru/project/23-78-01061. The author expresses heartiest gratitude to the Rampur Raza Library (Rampur, India) for the opportunity to review the manuscript and personally to Dr. Abu Sad Islahi for assistance in its description.

For citation: Saitbattalov I. R. *The Turki-Language Diary* of Insha Allah Khan Insha as a Literary Monument. *Oriental Studies*. 2024; 17 (2): 335–343. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-335-343

1. Введение

Саид Инша Аллах Хан Инша[1] (1752–1817) — один из ключевых авторов литературы урду второй половины XVIII в., автор (совместно с Мухаммадом Хасаном Катилом) первой его грамматики, основоположник художественной прозы на этом языке. Хотя основными языками его творчества были урду и персидский, занимавший в Империи Великих Моголов позиции языка

[1] Здесь и далее антропонимы и топонимы записываются в нами в общепринятой русскоязычной форме без диакритики и специальных знаков. Термины-заимствования в русском тексте и объемных переводных фрагментах выделяются курсивом. При необходимости транскрипция приводится в скобках. Фрагменты на персидском и арабском языках транслитерированы в соответствии с правилами транслитерации Encyclopaedia Iranica для согласных [Transliteration 2024] и Библиотеки Конгресса для гласных [Romanization 2024]. Фрагменты на тюрки транскрибированы по правилам «Энциклопедии Ислама», издаваемой Турецким религиозным фондом [Durmuş 2012].

высокой культуры и придворного этикета, заметное место в его наследии занимают тексты на других языках и диалектах современной поэту Индии: панджаби, маратхи, кашмири, пушту и т. д. Первый историк литературы урду, просветитель Мухаммад Хусайн Азад характеризовал полилингвальность творчества Инша следующим образом: «Языки Индии подобны его служанкам. Вот он останавливается в Пенджабе, вот он сидит и ведет беседу на Востоке. Вот он житель страны Брадж, а вот — маратха, кашмирец, афганец. И на всех этих языках он что-то сочинил», — и связывал ее с «неудержимым темпераментом» поэта [Āzād 2007].

Одним из языков, представленных в *кулли́йате* (перс. kulliyāt), полном собрании стихов, Инша Аллах Хана Инша, является тюркский[1] (перс. turkī). Общий объем текстов на нем крайне невелик — 10,5 двустиший (перс. bayt), а также порядка двадцати отдельных слов, включенных в двуязычные (персидский и тюркский) загадки и пятиязычные (арабский, пенджаби, персидский, тюркский, урду) пятистишия (перс. muḫammas) [Insha 1876: 79, 226, 255, 350, 415, 420–421]. Знакомство с ними позволяет сделать лишь самые осторожные и предварительные выводы о том, насколько Инша Аллах Хан Инша владел тюркским языком и какую роль стихи на нем играли в его творчестве.

Вместе с тем известен еще один текст, написанный Инша на тюркском языке, — его дневник (перс. rūznāmča) на 24 листах, хранящийся в Библиотеке Раза в индийском г. Рампур (англ. Rampur Raza Library, Rampur, India). Этот документ привлекал внимание тюркологов [Péri 2020: 814], но не подвергался специальному тюркологическому исследованию. Его комплексное описание как письменного памятника и является целью настоящей статьи.

2. Материалы и методы

Основным объектом исследования является рукопись, хранящаяся в собрании Библиотеки Раза в г. Рампур под шифром Turki-155 [RRL]. Она представляет собой автограф дневника, который поэт Инша Аллах Хан Инша вел летом 1808 г. В качестве вспомогательного объекта используется перевод дневника на язык урду, опубликованный с предисловием, комментарием и индексом в 1980 г. в Нью-Дели доктором Саидом Наим-уд-Дином [Insha 1980].

Дневники и другие документы личного происхождения из Империи Великих Моголов достаточно активно изучаются в качестве исторических и антропологических источников; особое внимание в исследованиях последних десятилетий уделяется их сложной жанровой природе и вытекающим из этой сложности затруднениям в их интерпретации [Zaman 2011; Rezavi 2020; Bal 2022]. О неугасающем интересе к творчеству Инша свидетельствует разнообразие статей и подходов, представленных в сборнике работ о его творчестве [Insha Allah Khan Insha 2019].

Литературоведческое исследование памятника опирается на его археографическое описание, подразумевающее характеристику физического состояния рукописи, ее материалов, орудия письма, почерков, состава. Описательный метод реализуется в ходе анализа композиции сочинения, представленного в рукописи, выявлении его содержательных особенностей и тематических блоков, жанровой и стилевой принадлежности. Интертекстуальный анализ используется для идентификации включенных в текст фрагментов других текстов (цитаты, аллюзии) на арабском, персидском и урду. Текстологический — при сопоставлении цитируемых фрагментов с их источниками или другими версиями, если таковые есть. Применяются элементы биографического метода: дневник Инша включается в контекст позднего периода его жизни и отношений с покровителями и другими литераторами.

3. Тюркоязычный дневник Инша Аллах Хана Инша: археография, структура, тематика

Рукопись RRL. Turki-155 представляет собой небольшой по формату (22 х 16 см) манускрипт на индийской бумаге желтоватого цвета без водяных знаков, штемпелей и филиграней. Бумага пострадала от насекомых [Catalogue 2014: 32]. В местах разры-

[1] Этот термин, а также термин *тюрки* с ударением на последнем слоге используется нами как эквивалент оригинального *turkī*. Составители каталога тюркских рукописей Библиотеки Раза идентифицируют язык дневника как чагатайский [Catalogue 2014: 32], однако сам автор этого слова не использует.

вов присутствуют заплатки из полупрозрачной бумаги. Текст под заплатками читается с трудом. Инструмент для письма — калам. Основной текст записан черными чернилами. Даты дневниковых записей, внутритекстовые выделения, разделители между стихами выполнены красными чернилами. Ими же надчеркнуты цитаты из Корана и из высказываний филолога ал-Асмаи (ар. Aṣmāʿī). Почерк основного текста — *таʿлик*, арабские цитаты в соответствии с индийской традицией записаны почерком *насх*.

Переплет новый, картонный, обтянутый тканью фиолетового цвета с золотым тиснением. Тиснением выполнены эмблема Библиотеки Раза на лицевой стороне переплета, слова rūznamča ‘дневник’, Inšā ‘Инша’, Rāmpūr ‘Рампур’ на корешке. На лицевой стороне переплета под эмблемой библиотеки находится белая в красной рамке наклейка в форме вытянутого по горизонтали восьмигранника с надписью *ST 2824* (инвентарный номер рукописи). На корешке между тиснениями Inšā и Rāmpūr есть аналогичная наклейка с надписью «Turki-155». Под ней находится старая наклейка белого цвета с надписью «Turki (q) nambir 155» («Тюркское (к[алам]) номер 155»).

Текст начинается на л. 1, записан на обеих сторонах листа по 15 строк на каждой странице. Пагинация в рукописи отсутствует, на оборотных сторонах листов в левых нижних углах присутствуют кустоды. Текст на л. 1 начинается словами hījdahum māh jumādī al-avval yavm al-ẖamīs sana-yi hijrī yakhazār-u dū ṣad-u bīst-u si ‘Восемнадцатое [число] месяца *джумада ал-аввал*, четверг, год по переселении [пророка Мухаммада] одна тысяча двести двадцать третий’ [RRL. Л. 1]. Выше находится позднейшая надпись шариковой ручкой с черной пастой «Rūznāmča-yi Inša’ Allah Ḫān Inšā ba-zabān-i turkī nāqiṣ az avval-u āẖar» («Дневник Инша Аллаха Хана Инша на тюркском языке, лишенный начала и конца»). В левом верхнем углу того же листа сделана служебная пометка черным фломастером S.T. 2824. ‘Aršīzāda 20.12.95. Текст заканчивается на л. 24об. словами: bīst-ū panjum māh jumādī aṯ-ṯānī rūz-i jumʿa sana muqaddasa-yi hijrī-yi nabavī ṣalla Allah ʿalayhi va ālihi yakhazār-u dū ṣad-u bīst-u si va salam taslīman kaṯīran ‘Двадцать пятое [число] месяца *джумада ас-сани*, день пятница, благословенный год по переселению пророка, да благословит Аллах его и его род, тысяча двести двадцать третий, и да приветствует обильными приветствиями’. На этом же листе находится единственное в рукописи примечание на полях, гласящее Ḥuḍûrnı işâre özi köñlige ḳuyub küldim ‘Поняв намек Его присутствия [Саадат Али хана], я рассмеялся’ [RRL. Л. 24r].

Крайним датам рукописи соответствуют 12 июля и 18 августа 1808 г. по григорианскому календарю. Еще Саид Наим-уд-Дин обратил внимание, что соответствие дат и дней недели, указанных Инша в дневнике, и определяемых астрономическими методами не вполне точно: 18 джумада ал-аввал приходилось в 1808 г. на вторник, а не на четверг, а 25 джумада ал-ахир — на четверг, а не на пятницу [Insha 1980: 21]. Возможно, эти расхождения связаны с особенностями счета времени в начале XIX в. и тем, что начало и завершение лунных месяцев определялись путем визуальных наблюдений, а не астрономических вычислений, что дает погрешность в один-два дня.

Дневник Инша Аллах Хана Инша включает 36 записей, включая последнюю, от которой сохранилась только дата и кустода bugün ‘сегодня’. Структура указания даты в тексте меняется дважды: начиная с пятой (от 23 джумада ал-аввал), дату предваряет слово aẖbār ‘известия’, а с десятой (от 27 джумада ал-аввал) — завершает гонорифик пророку Мухаммаду ṣalla Allah ʿalayhi va ālihi ‘да благословит Бог его и его род’ [RRL. Л. 3r, 6]. Все указания дат переведены автором на тюркский язык, причем структура *число – месяц – год* выдерживается менее строго. Неодинаков и объем записей. Он колеблется от 4 страниц (от 7 джумада ас-сани) до 1 строки (от 26 и 30 джумада ал-аввал, 3 джумада ас-сани). Наиболее лапидарные записи сделаны в пятничные дни и констатируют отсутствие значимых событий: Rûz-ı cumʿanı uluġ ḳapuġa barmadım ve topuḳküçilerini cevâb eşitip minmedim ‘В пятницу не ходил к Большим воротам и не поднимался, слыша ответы визитеров’ [RRL. Л. 6], Rûz-ı cumʿanı hem çaypani yoẖ ėken. Topuḳ bolmadı ‘По пятницам угощения чаем тоже нет. Визитов не было’ (3 джумада ас-сани) [RRL. Л. 8r]. Единственным отклонением от правила выделять новые даты красными чернилами является чрезвычайно краткая надпись от 30 джумада ал-аввал.

Графическими элементами, дополнительно структурирующими памятник, являются выделенные красным цветом заголовки поэтических включений: miṣra‘ ‘полустишие’, beyt ‘бейт’, ġezel ‘газель’, şi‘r ‘стих’, rubâ‘î ‘рубаи’, ferd ‘одностишие’, разделители между стихами в виде трех красных точек, надчеркивания над некоторыми словами в иноязычных включениях, над формулами ayrı budur ‘отдельно это’ и yine ‘еще’.

Все развернутые записи в дневнике следуют единой композиционной схеме: за датой на двух языках следует указание на то, кто был адресатом почтительных визитов (тюрк. topuḳ) поэта, после чего помещается содержание обращенных к нему слов и ответы на них Инша Аллах Хана. Особенно подробно автор дневника конспектирует свои беседы с покровителем — шестым навабом княжества Авадх (более традиционное русское написание — Ауд) Саадат Али Ханом II (1752–1814; правил в 1798–1814 гг.), которого поэт обозначает перифразом ḥuḍûr-ı pürnûr ‘полное света присутствие’ или просто ḥuḍûrı ‘его присутствие’ [RRL. Л. 1 и сл.]. При большинстве упоминаний наваб задает поэту разнообразные вопросы, прежде всего филологического характера (Инша Аллах Хан правил его стихи [Āzād 2007]) и дает задания, а тот остроумно и быстро отвечает либо красноречивой похвалой, либо аргументированным разъяснением. Записи этих бесед, которые велись, по-видимому, на персидском языке (навабы Авадха были потомками переселенцев из Ирана и славились покровительством персидской культуре [Chancey 2007: 21–22]) изобилуют переключениями языковых кодов: основное повествование ведется по-тюркски, стихи, произнесенные или прочитанные по-персидски, приводятся в оригинале. Характерно, что Инша, уже будучи автором первой грамматики урду «Море нежности» (перс. «Daryā-yi Laṭāfat»; закончена в 1807–1808 гг.), в которой последовательно называет этот язык именно так [Insha, Qatil 2011], в дневнике маркирует стихи и отдельные реплики на нем как высказанные на «индийском языке» (тюрк. hindî tili).

Другими собеседниками, упоминаемыми в дневнике, являются прежний покровитель поэта мирза Сулайман Шукох (перс. Sulaymān Šukūh), филолог, соавтор «Моря нежности» Мухаммад Хасан Катил (перс. Muḥammad Ḥasan Qatīl), поэт мирза Таки (перс. Taqī) и ряд других придворных и гостей наваба Авадха, в том числе двое англичан: некий «великий христианин» (тюрк. uluġ nesârî) и придворный врач доктор Уильям. Тематика содержащихся в дневнике разговоров достаточно широка: это обсуждение литературных и филологических вопросов, история Империи Великих Моголов и случаи из жизни прежних шахов, дворцовое строительство в Дели и Лакхнау, изречения богословов о шиизме (навабы Авадха придерживались этой ветви ислама [Chancey 2007: 22–23]), паломничество знатных индийцев в Кербелу (город в современном Ираке, в окрестностях которого был убит внук пророка Мухаммада Хусайн ибн Али. Это событие — ключевая дата в религиозном сознании шиитов). Эти темы, по-видимому, достаточно точно отражают интересы просвещенных индийцев-мусульман рубежа XVIII–XIX вв. и их интеллектуальные и культурные запросы.

В дневнике практически отсутствуют прямые указания на собственные переживания автора, его внутренняя речь. И автор, и его собеседники характеризуются прежде всего через произнесенные слова и осуществленные действия. Отсутствуют в тексте и какие-либо оценочные суждения. Напряженный характер некоторых ситуаций передается перечислением действий и слов, подчас запутанным. В записи от 29 джумада ал-аввал содержится яркая пейзажная зарисовка, которая будет приведена ниже. Основная локация, в которой происходит действие дневника, — дворец Фаррух-Бахш (перс. Farruḫ Baḫš), упоминаемый в литературе как Фархат-Бахш (перс. Farḥat Baḫš) [Samad 2014].

В целом дневник Инша представляет собой четко структурированный на нескольких уровнях: представление дат на двух языках, последовательности событий и речей, перечисления мест и лиц, переключения языковых кодов — документ, в котором подробно зафиксированы месяц и одна неделя жизни придворного поэта с ее ключевыми событиями, кругом общения, областью умственных интересов и культурных запросов.

4. Тюркоязычный дневник Инша Аллах Хана Инша: языки и интертекст

Как уже отмечалось выше, тюркоязычный дневник Инша содержит ряд вставок, подчас пространных, написанных на других языках: арабском, персидском и урду. Их расположение в тексте и выполняемые функции достаточно четко обрисовывают характер функционального распределения языков в могольской Индии. Арабский присутствует в каждой записи в качестве компонента даты: на нем представлены названия месяцев и дней недели, а также указания на хиджру пророка Мухаммада и гонорифик, сопровождающий, по мусульманскому обычаю, его упоминания. Ряд записей, особенно событийного характера, завершается арабоязычным славословием (ар. taḥmīd) al-ḥamdu li-Llahi ʿalā ḏalika ʻХвала Аллаху за это' [RRL. Л. 15, 16, 20r]. Непосредственно в дневниковые записи включены изречение lā munāqaša fī-l-iṣṭilāḥ ʻникаких споров о терминах' [RRL. Л. 15r] (10 джумада ас-сани), два изречения филолога и богослова Асмаи о непорочных имамах (предстоятелях мусульманской общины) и людях дома пророка (6 джумада ас-сани), короткое изречение богослова и экзегета ал-Байдави (11 джумада ас-сани), стихи 10–11 из 56 суры Корана (24 джумада ас-сани). Высказывание о терминах, слова ал-Байдави и цитата из Корана непосредственно включены в синтаксическую структуру текста и никак не комментируются. Высказывание Асмаи переведено пословно и подробно прокомментировано в соответствии с шиитской доктриной.

Персидский язык в памятнике представлен компонентами дат (числа месяца, годы), а внутри записей — исключительно стихотворными включениями: фардом (двустишие, выражающее законченную мысль) сефевидского поэта Рида ад-Дина Артимани (перс. Riḍā al-Dīn Ārtimānī), прочитанным Саадат Али Ханом (28 джумада ал-аввал), тремя руба'и: произнесенным самим Инша (20 джумада ал-аввал), сочиненным Асаф Джахом I, первым правителем княжества Хайдарабад (ум. в 1748 г.), и его секретарем Самсам ад-Давла (ум. в 1758 г.) (оба стихотворения в записи от 9 джумада ас-сани). Первое стихотворное включение сопровождается пространным истолкованием, данным его основной мысли (перс. maḍmūn) поэтом. Два последних включены в контекст исторического анекдота (тюрк. sürçek) о том, как могольский император Мухаммад-Шах (ум. в 1748 г.) и персидский правитель Надир-Шах (ум. в 1747 г.) пили кофе, а могольские вельможи развлекали их стихами.

Комментарий Инша к стихотворению Артимани проливает свет как на характер комментирования поэтом чужих текстов, так и на стиль его общения с покровителем: Fard. ʻUmr agar ḫūš guzarad zindagi-yi Ḫiḍr kam ast * Var na ḫūš guzarad nīm-i nafs bisyār ast. Bu tuyuḳ Ḥuḍûr tilidin eşitip dedim: medmûn-ı şiʻrdür tuyuḳküçi yalġan etti, men yoḳ, her caġ bende mecbür, küçsizni nerse iḫtiyâr yoḳ, bular ne ḳılar? Tirilmeḳ her caġ ölmeḳdin kürgülük ve çerilikdür. Ḥuḍûr-ı pürnûr bu sözimni eşitip buyurdı men diyersiz uşandaḳ bar ʻФард. Если жизнь идет хорошо, то и века Хидра мало * А если идет плохо[1], то и половины вздоха мало. Услышав этот стих из уст Его присутствия, я сказал: «В теме стихотворения поэт солгал: я [говорю] нет, творение всегда вынужденно, у бессильного ни на что нет выбора, что им делать? Жить всегда привлекательнее и лучше, чем умирать». Его полное света присутствие, услышав эти мои слова, изрек: «Скажете, что и я таков»' [RRL. Л. 8r].

Включения на языке урду в тексте более многочисленны и объемны, чем на персидском: это четыре бейта и одна газель собственных стихов Инша, два полустишия, сочиненных Саадат Али Ханом, а также множество отдельных фраз, произнесенных участниками дневникового повествования. Бейты из дневника включены в завершающие части «Куллийата» Инша и имеют некоторые расхождения с его печатной версией. Можно предположить, что сочиненные в качестве импровизации уже после составления диванов, они подверглись авторскому редактированию и только после этого были включены в полное собрание сочинений. Таким образом, тюркоязычный дневник Инша не лишен значимости в качестве текстологического источника.

Дневник содержит два случая комментирования собственных текстов автором: бейт, прочитанный 20 джумада ал-аввал, комментируется с точки зрения разницы фор-

[1] В тексте Артимани начало второго полубейта звучит иначе: «А если проходит в горечи» [Ārtimānī 1982: 162].

мальных характеристик составляющих его полустиший, а произнесенный 24 джумада ас-сани интерпретируется как изысканное самоуничижение перед покровителем. Эта интерпретация, включающая краткий автобиографический экскурс, представляет собой достаточно необычный случай перевода автором собственного текста.

Контексты, в которые помещены поэтические экспромты автора и рассуждения об услышанных стихах, содержат единственную в памятнике речевую характеристику внутренних переживаний Инша, позволяющую в предположительном ключе реконструировать его представление о природе собственного творчества. Вдохновение, позволяющее сочинять стихи экспромтом или быстро отвечать на сложные вопросы, обозначается в памятнике термином iršād ‘внушение, распоряжение’. Это может указывать на то, что для поэта сочинение стихов было делом не только отточенной техники, развитой эрудиции, большой начитанности и языкового чутья — все это укладывалось в литературные конвенции, — но и трансцендентных переживаний, что и делало его талант «неудержимым» в глазах современников и потомков [Āzād 2007].

Подробное обсуждение литературной техники, повествовательных и изобразительных средств, осознанно или несознательно применяемых Инша в его дневнике, — материал отдельного исследования, опирающегося на транскрипцию и перевод памятника в полном объеме, и дело, как мы надеемся, недалекого будущего. Пока же ограничимся одной записью, в которой соединились документальная точность и художественная достоверность дневникового повествования индийского поэта. Транскрипция этой записи позволяет также увидеть ключевые особенности тюркского языка в Индии в последние десятилетия Империи Великих Моголов.

5. Запись от 29 джумада ал-аввал 1223 г.х. (23 июля 1808 г.): транскрипция, перевод, комментарий

Bīst-u nuhum māh jumādī al-avval rūz dūšanba sana 1223. Bu kün kim ay cümâdî el-evvel ya‘nî umkarinniñ ikirmi toḳuzınçı münci, yevm el-iṯneyn, sene-yi meḏkur eṣ-ṣadr yörer. Ḥesen Rıḍa Ḫan küthi ara çaypani edi. Anda uluġ nesârî kilip eken. Men hem topuḳ ḳılıp torup edim. Ġayrileri mendin ve Ḥuḍûrdın soraġu ve inaġu keldi. Teñri buyurmaḳdın aḳşam caġı kök tepân türlük türlük bulutları keldileri. Yaġış şurû‘ boldı. Yıldırım çeşmek orup özini yerge tapşurup eken ve ra‘d hem arslan dik ün orar edi. Barça keçe tamdı. Ḳamu câtnı şükür içinde onı tañ aṫgunça mundaḳ yaġış ve bulut ḳaldı.

‘Двадцать девятое [число] месяца джумада ал-аввал, понедельник, год 1223. Этот день — двадцать девятый в месяце джумада ал-аввал, день недели второй, год упомянутый. Было чаепитие[1] во дворце[2] Хасан Рида Хана[3]. Туда, оказывается, пришел великий христианин. Я тоже совершил визит и остался. Прочие пришли задать вопросы и выразить почтение мне и Его присутствию. По велению Божию, вечером под небом явились разные-разные облака. Начался дождь. Молнии в мгновение ока предавали себя земле, а гром издавал звуки, подобные львиным. Всю ночь лило. Дождь и облака оставались до самой зари, заставив весь народ[4] благодарить [Бога]’ [RRL. Л. 9].

6. Заключение

Тюркоязычный дневник индийского поэта и филолога Инша Аллах Хана Инша представляет собой уникальный документ по культурной и литературной истории Индии рубежа XVIII–XIX вв. Он содержит подробные записи ежедневных бесед, поэтических упражнений и богословских дискуссий, проходивших при дворе навабов княжества Авадх летом 1808 г., фиксирует особенности образа жизни индийских интеллектуалов, работавших при дворе, выступает своего рода слепком языковой ситуации на Субконтиненте в последние десятилетия существования Империи Великих Моголов.

---

[1] Чаепитие — в оригинале используется составной термин *çaypani*, имеющий культурно-специфичное наполнение. *Пан* — «широко распространенная в Индии жевательная смесь из орехов, семян и специй, завернутая в лист бетеля» [Васильева 2020: 835]

[2] Дворец — в оригинале использовано заимствованное из урду слово *котхи*.

[3] Сарафраз ад-Давла Хасан Рида Хан — министр при дворе Саадат Али Хана II [Chancey 2007: 47].

[4] Народ — в оригинале использовано заимствованное из урду слово *джат*.

Этот памятник занимает особое место в творчестве самого Инша: хотя основными языками его литературного творчества и филологических изысканий были персидский и урду, а обращение к другим языкам было призвано подчеркнуть ученость поэта и придать его языковым играм особенную глубину [Саитбатталов 2024: 85], дневник делает тюркский язык третьим по представительности в корпусе произведений Инша. В отличие от его поэтических текстов, не позволяющих по-настоящему оценить языковую компетенцию поэта, на тюрки, в силу малого объема дневник представляет собой сложный, четко структурированный, связный текст и демонстрирует способность Инша не просто изъясняться на нем, но и выражать сложные идеи, понятия и события, живо и достоверно изображать картины человеческих отношений, природы, комментировать иноязычные литературные тексты. Нельзя не отметить, что дневник — одно из крупнейших по объему тюркоязычных литературных произведений, написанных в Индии в конце XVIII – начале XIX в.

Рассмотренный в настоящей статье письменный памятник наталкивает на ряд вопросов, разрешение которых представляется возможным в ходе дальнейших междисциплинарных исследований. Памятник, будучи относительно компактным, позволяет дать исчерпывающую характеристику тюркского языка Инша, однако без контекста, в частности анализа тюркоязычных текстов его соавтора Катила, грамматик последующего времени и более ранней поэзии, такая характеристика обречена быть ограниченной.

В силу неполноты имеющейся в распоряжении ученых рукописи, открытым остается вопрос о причинах, по которым Инша, уже будучи признанным автором стихов на персидском и урду, составителем первой грамматики урду и человеком, глубоко укорененным в языковой стихии Индии, обратился к тюркскому языку для ведения ежедневных записей своего образа жизни. Неизвестным остается и то, насколько устойчив был его интерес к письму на тюркском языке. Все эти вопросы демонстрируют перспективность дальнейших исследований тюркоязычной литературной традиции в Индии.

Сокращения

англ. — английский
ар. — арабский
перс. — персидский
тюрк. — тюркский

Источники

RRL — Rampur Raza Library. Turki-155. 24 л.

Sources

RRL — Rampur Raza Library. Turki-155. 24 f.

Литература

Васильева 2020 — *Васильева Л. А.* Газель Мира Таки Мира: становление поэтического и литературного языка урду // Ориенталистика. 2020. № 3. С. 820–848.

Саитбатталов 2024 — *Саитбатталов И. Р.* Предварительные замечания о тюркоязычной поэзии Иншаллах Хана Инша // Творческое наследие Ризаитдина Фахретдинова: взаимосвязь традиций. Сб. Всерос. науч.-практ. конф. Уфа: Нац. биб-ка им. А.-З. Валиди, 2024. С. 80–86.

Ārtimānī 1982 — *Ārtimānī R.* Dīvān of Riḍā al-Dīn Ārtimānī. Muṣaḥḥiḥ Muḥammad ʻAlī Imāmī. Tihrān: Kitābfurūšī-yi Ḥayyām, 1982. 172 p. (In Persian)

Āzād 2007 — *Āzād M. H.* Ab-i Hayat: Biographies of Urdu Poets of Renown, and an Account of the Improvements and Reforms Made in the Urdu Language from Age to Age. Chicago: Digital South Asia Library, 2007 [электронный ресурс] // URL: http://dsal.uchicago.edu/digbooks/dig_toc.html?BOOKID=PK2167.A84. (дата обращения: 01.04.2024).

Bal 2022 — *Bal A.M.* Imperial Mughal Literature: A Rich Source of Scientific Information. Inquiries Journal. 2022. No. 14 [электронный ресурс] // URL: http://www.inquiriesjournal.com/a?id=1942 (дата обращения: 01.04.2024).

Catalogue 2014 — Catalogue of Turkish Manuscripts. Compiled by Dr Mohsin Ali; assisted by Dr Abu Sa'd Islahi, Prof S.M. Azizuddin Husain, et al. Edited by Abu Sāda Islāhī. Rampur: Rampur Raza Library, 2014. 37 p.

Chancey 2007 — *Chancey K.* Rethinking the reign of Asaf-Ud-Daula, Nawab of Awadh, 1775–1797. Journal of Asian History 2007. Vol. 41. No. 1. Pp. 1–56.

Durmuş 2012 — *Durmuş İ.* Transkripsiyon. TDV

İslâm Ansiklopedisi [электронный ресурс] // URL: https://islamansiklopedisi.org.tr/transkripsiyon (дата обращения: 30.03.2024).

Insha Allah Khan Insha 2019 — Insha Allah Khan Insha aur Hindustani Riwayat. Edited by Syed Raza Haider. New Delhi: Ghalib Institute, 2019. 265 p. (In Urdu).

Insha 1876 — *Insha I. A. K.* Kulliyāt of Insha'allāh Khān Insha'. Lucknow, Munshi Nawal Kishor, 1876. 449 p. (In Persian and Urdu).

Insha 1980 — *Insha I. A. K.* The Turkic journal of Insha. Trans., comm. Syed Naimuddin. New Delhi, Taraqqi Urdu Bureau, 1980. 69 p.

Insha, Qatil 2011 — *Insha I. A. K., Qatil M. H.* Darya-yi Latafat (English and Urdu Edition). Berlin, Nabu Press, 2011. 268 p.

Péri 2020 — *Péri B.* Turkish Literature in Muslim India. Encyclopaedia of Islam, Suppl. vol. 2020. Pp. 815–815.

Rezavi 2020 — *Rezavi S.A.N.* I'timād 'Ali- Khān: The career of a Mughal officer through his own diary. Studies in People's History. 2020. No. 7(1). Pp. 79–90.

Romanization 2024 — Romanization tables [электронный ресурс] // URL: https://www.loc.gov/catdir/cpso/romanization/persian.pdf (дата обращения: 30.03.2024).

Samad 2014 — *Samad R.* Kothi Farhat Baksh: The Giver of Delight. Proceeding of the International conference on traditional architecture. 2014. Pp. 45–57.

Transliteration 2024 — Transliteration. Encyclopaedia Iranica [электронный ресурс] // URL: https://www.iranicaonline.org/pages/guidelines (дата обращения: 30.03.2024).

Zaman 2011 — *Zaman T.* Instructive Memory: An Analysis of Auto / Biographical Writing in Early Mughal India. Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2011. No. 54. Pp. 677–700.

References

Ali M. et al. (comps.) Catalogue of Turkish Manuscripts. A. SādaIslāhī (ed.). Rampur: Rampur Raza Library, 2014. 37 p. (In Eng. and Turk.)

Ārtimānī R. Diwan of Riḍā al-Dīn Ārtimānī. Muṣaḥḥiḥ Muḥammad 'Alī Imāmī. Tehran: Kitāb-Furūšī-yi Ḫayyām, 1982. 172 p. (In Pers.)

Āzād M. H. *Ab-i hayat*: Biographies of Renown Urdu Poets, and an Account of the Improvements and Reforms Made in the Urdu Language. Lahore: Munshi Nawal Kishore, 1907. 528 p. On: Digital South Asia Library. Available at: http://dsal.uchicago.edu/digbooks/dig_toc.html?BOOKID=PK2167.A84 (accessed: 1 April 2024). (In Urdu)

Bal A. M. Imperial Mughal literature: A rich source of scientific information. *Inquiries Journal*. 2022. Vol. 14. No. 2. Online article. Available at: http://www.inquiriesjournal.com/a?id=1942 (accessed: 1 April 2024). (In Eng.)

Binmohammad R. S. Kothi Farhat Baksh: The Giver of Delight. In: Adaptive Reuse and Revitalization of Chattar Manzil as Cultural & Tourist Hub. Workshop proceedings. New Delhi, 2014. Pp. 45–57. (In Eng.)

Chancey K. Rethinking the reign of Asaf-ud-Daula, Nawab of Awadh, 1775–1797. *Journal of Asian History*. 2007. Vol. 41. No. 1. Pp. 1–56. (In Eng.)

Insha I. A. K. Complete Works. Lucknow: Munshi Nawal Kishore, 1876. 449 p. (In Pers. and Urdu).

Insha I. A. K. Insha Allah Khan Insha and [His] Indian [Poetic] Tradition. S. R. Haider (ed.). New Delhi: Ghalib Institute, 2019. 265 p. (In Urdu)

Insha I. A. K. The Turki-Language Diary. S. Naimuddin (transl., comment.). New Delhi: Taraqqi Urdu Bureau, 1980. 69 p. (In Urdu)

Insha I. A. K., Qatil M. H. Darya-yi Latafat. Berlin: Nabu Press, 2011. 268 p. (In Eng. and Urdu)

Péri B. Turkish Literature in Muslim India. In: Encyclopaedia of Islam. Vol. 12. Supplement. Leiden: Brill, 2004. Pp. 814–815. (In Eng.)

Rezavi S. A. N. I'timād 'Ali- Khān: The career of a Mughal officer through his own diary. *Studies in People's History*. 2020. No. 7(1). Pp. 79–90. (In Eng.)

Saitbattalov I. R. Turki-language poetry of Insha Allah Khan Insha: Preliminary notes. In: Ibragimov A. A. et al. (eds.) The Knot of Traditions: Rizaitdin Fakhretdinov and His Legacy. Conference proceedings. Ufa: Validi Library of Bashkortostan, 2021. Pp. 80–86. (In Russ.)

Vasilyeva L. A. The ghazal of Mir Taqi Mir: The formation of the poetic and literary language of Urdu. *Orientalistica*. 2020. No. 3. Pp. 820–848. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-3-820-848

Zaman T. Instructive memory: An analysis of auto/biographical writing in Early Mughal India. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2011. No. 54. Pp. 677–700. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 2, Pp. 344–353, 2024
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 94(470.46=512.37)
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-344-353

Рыбный промысел Астраханской губернии в описаниях путешественников и участников экспедиций Петербургской академии наук XVIII в.

Андрей Алексеевич Курапов[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
0000-0002-0521-2710. E-mail: akurapov78[at]rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2024
© Курапов А. А., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье проанализирована характеристика рыбодобычи, рыбообработки и ихтиофауны низовьев Волги, представленная в записках и исследованиях путешественников (Корнилия де Бруина, Джона Белла) и членов экспедиций Петербургской академии наук (П. С. Палласа, И. И. Лепехина, С. Г. Гмелина, И. А. Гильденштедта, И. П. Фалька, Н. Я. Озерецковского) XVIII в., а также в материалах дел фонда 394 «Астраханская губернская канцелярия» Государственного архива Астраханской области. *Материалы и методы.* В работе использован метод сравнительно-исторического анализа. Источниковой базой и объектом исследования стали опубликованные записки путешественников, исследования членов академических экспедиций, неопубликованные архивные дела фонда 394 Государственного архива Астраханской области, которые имеют отношение к описанию и анализу рыбного промысла в низовьях Волги в XVIII в., к организации работы академических экспедиций второй половины XVIII в. (в частности С. Г. Гмелина, И. П. Фалька) в Астраханской губернии в тесном взаимодействии с региональными властями. *Выводы.* Исследование комплекса опубликованных источников и неопубликованных документов, выявленных в фонде 394 Государственного архива Астраханской области, позволяет сделать вывод, что комплексные описания рыбного промысла Астраханской губернии впервые были сделаны членами академических экспедиций, в соответствии с поставленными перед ними задачами, при поддержке руководства Астраханской губернии. Заметки руководителей «физических экспедиций» позволяют определить дислокацию и дать характеристику основным центрам добычи рыбы в регионе, перечислить крупнейших собственников рыбных промыслов, определить ихтиофауну, являвшуюся объектом добычи, объем и доходы от вылова рыбы, орудия и способы добычи рыбы в регионе в XVIII в.

Ключевые слова: рыбный промысел, «физические экспедиции», Петербургская академия наук, Астраханская губерния, рыбная ватага, учуг, Рыбная контора

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Курапов А. А. Рыбный промысел в Астраханской губернии в описаниях путешественников и участников экспедиций Петербургской академии наук XVIII в. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 2. С. 344–353. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-344-353

Fishing Industry in Eighteenth-Century Astrakhan Governorate: Eyewitness Accounts of Travelers and St. Petersburg Academy of Sciences Expeditionists

Andrey A. Kurapov[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
0000-0002-0521-2710. E-mail: akurapov78[at]rambler.ru

© KalmSC RAS, 2024
© Kurapov A. A., 2024

Abstract. *Introduction.* The article analyzes some characteristics of eighteenth-century fish production, processing, and ichthyofauna of the Lower Volga traced in notes and reports of travelers (Cornelis de Bruijn, John Bell) and St. Petersburg Academy of Sciences expeditionists (P. S. Pallas, I. I. Lepekhin, S. G. Gmelin, J. A. Güldenstädt, J. P. Falck, N. Ya. Ozeretskovsky), including papers from Collection 394 ('Astrakhan Governorate Chancellery') of the State Archive of Astrakhan Oblast. *Materials and methods.* The work uses the method of comparative historical analysis to investigate the published notes of travelers, research papers of academic expeditionists, and unpublished archival files of Collection 394 containing descriptions and analyses of the then fishing industry in the Lower Volga, and dealing with arrangements that preceded those academic expeditions in the mid-to-late eighteenth century (in particular, ones headed by S. G. Gmelin and J. P. Falck) across Astrakhan Governorate in close cooperation with regional authorities. *Conclusions.* Our insights into a variety of published sources and unpublished documents discovered in Collection 394 of the Archive attest to comprehensive descriptions of Astrakhan fisheries were first made by members of academic expeditions in accordance with duly assigned tasks and through the support of regional executives. Notes by chiefs of 'physical expeditions' make it possible to localize and characterize key areas of fish production in the region, identify some prominent fishery owners, determine the actual fish species' range, production volumes and incomes, tools and methods of fishing.

Keywords: fishing industry, 'physical expeditions', St. Petersburg Academy of Sciences, Astrakhan Governorate, fishing crew, uchug, Fishing Agency

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Kurapov A. A. Fishing Industry in Eighteenth-Century Astrakhan Governorate: Eyewitness Accounts of Travelers and St. Petersburg Academy of Sciences Expeditionists. *Oriental Studies.* 2024; 17 (2): 344–353. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-344-353

1. Введение

Анализ изучения и описания рыбного промысла на Нижней Волге в XVIII в. не являлся предметом специального исследования, несмотря на то, что эта тема является интересной — исходя из той роли, которую сыграла рыбодобыча в социально-экономической истории региона. Свидетельства очевидцев, дошедшие до нашего времени: записки путешественников и описания региона учеными-исследователями, участвовавшими в академических экспедициях второй половины XVIII в. — ценнейшие источники, изучение которых с привлечением неопубликованных материалов Государственного архива Астраханской области позволит создать базис для изучения такой ранее малоизученной темы, как рыбодобыча в Астраханском крае в XVIII в.

Путешественникам и ученым-исследователям, изучавшим Нижневолжский регион, посвящено значительное количество

работ, позволяющих определить маршруты отдельных путешественников и академических экспедиций, их участников, объекты исследования, особенности процесса организации экспедиций, межведомственную переписку, посвященную этому вопросу, степень участия региональных властей. Необходимо отметить таких исследователей XIX–XX вв., как М. М. Сухомлинова [Сухомлинов 1875], О. А. Александровскую [Александровская 1989], В. Ф. Гнучеву [Гнучева 1940; Гнучева 1946], Ю. Х. Копелевич [Копелевич 1996; Копелевич 1997].

Среди современных исследований, посвященных историческому наследию путешественников начала XVIII в., необходимо назвать работы С. В. Кондратьева [Кондратьев 2020], М. Р. Сефербекова [Сефербеков 2022], С. И. Бугашева [Бугашев 2023].

Значительный комплекс работ современных авторов посвящен ученым-исследователям XVIII в., которые являлись членами Петербургской академии наук и изучали Нижневолжский регион. К этому комплексу работ относятся исследования А. В. Бекасовой [Бекасова 2010], А. А. Дюльденко [Дюльденко 2015; Дюльденко, Гальвас 2018], В. А. Гальваса [Дюльденко, Гальвас 2018], И. А. Керимова, З. Ш. Гагаевой [Керимов, Гагаева 2019], Т. С. Киссер [Киссер 2016; Киссер 2019], А. В. Мишина, Л. А. Мишиной [Мишин, Мишина 2022].

Необходимо особо отметить вклад А. Л. Клейтмана в изучение исследований Нижневолжского региона западноевропейскими и российскими учеными в XVIII в. – начале XX в. [Клейтман 2016; Клейтман 2018].

Вместе с тем подчеркнем, что специальное комплексное исследование, посвященное изучению рыбного промысла Нижневолжского региона, представителями российской научной мысли XVIII в. ранее не осуществлялось.

2. Материалы и методы

Записки путешественников, исследования членов экспедиций Петербургской академии наук, архивные дела фонда 394 «Астраханская губернская канцелярия» Государственного архива Астраханской области стали основной источниковой базой исследования. Объектом изучения стали материалы, которые имеют отношение к рыбному промыслу Астраханской губернии в XVIII в. В процессе изучения источников применялся метод сравнительно-исторического анализа. Это позволило охарактеризовать особенности организации рыбного промысла в регионе в рассматриваемый период.

3. Участники академических экспедиций об особенностях астраханского рыбного промысла XVIII в.

Рыбные промыслы Астраханского края были известны своими богатствами с XVI в., природные ресурсы края стали одной из причин его присоединения к Московскому государству. В XVIII в. добыча рыбы в низовьях Волги в значительной степени увеличилась, активизировалась помещичья колонизация региона [Струбалина 1989: 9].

3.1. Путешественники начала XVIII в. об астраханском рыбном промысле

Важным источником по истории рыбного промысла в Астраханской губернии в XVIII в. являются описания региона путешественниками и учеными, входившими в состав экспедиций Академии наук и составившими описания биосферы, инфраструктуры, населения региона. Ихтиофауна, рыбодобыча и рыбообработка в Нижневолжском регионе привлекали внимание ученых-исследователей, изучавших край независимо от цели их поездки.

Одним из первых путешественников, оставивших подробное описание Астраханского края в начале XVIII в., стал голландец Корнилий де Бруин. Впервые он посетил низовья Волги в 1703 г., по дороге в Персию. Путешественник побывал в Царицыне, Черном Яру, Астрахани в мае-июле того же года [Исторические путешествия 1936: 160].

К. де Бруин описывал торговые ряды на рынках Астрахани, которые наполнялись рыбой утром и вечером, отмечал, что непроданную рыбу отправляли на корм скоту [Бруин 1873: 193].

Автор называл рыбу, добываемую в астраханских водах и продаваемую на рынках города: белуга, стерлядь, севрюга, судак, щука, окунь, сом. Путешественник описал и рыбный промысел («рыболовля») по пути из Астрахани в Персию, принадлежавший местным купцам и располагавшийся в 45 верстах ниже Астрахани. На промысле до-

бывали и солили рыбу для отправки ее вверх на стругах по Волге [Бруин 1873: 204].

Рыбные промыслы астраханских купцов путешественник посетил и на обратном пути из Персии — в июле 1707 г. [Бруин 1873: 220].

Шотландец Джон Белл посетил Нижнее Поволжье дважды: в 1716 г., входя в состав посольства, направлявшегося в Персию, и в 1722 г., являясь участником Персидского похода Петра I 1722–1723 гг. [Исторические путешествия 1936: 148].

Дж. Белл также описывал рыбные ряды рынков Астрахани, из объектов рыбодобычи и рыботорговли упоминая только сазанов [Белевы путешествия 1776: 34–35]. Направляясь в Персию, Дж. Белл так же, как и К. де Бруин, посетил местный рыбный промысел — «…прибыли к рыбному заколу, называемому учуг» [Белевы путешествия 1776: 40].

3.2. Изучение рыбного промысла Астраханской губернии участниками академических экспедиций

С 60-х гг. XVIII в. начинается комплексное научное изучение регионов Российской империи — исследование истории, географии, культуры и традиций народов, населявших страну, силами исследователей, вошедших в состав академических экспедиций.

Выдающийся российский ученый М. В. Ломоносов, с марта 1758 г. ставший руководителем учебных и ученых учреждений Академии наук, в своей записке президенту академии К. Г. Разумовскому 18 октября 1759 г., в «Представление об организации географических экспедиций» в Географический департамент Академии наук в сентябре 1760 г., отмечал необходимость организации астрономических экспедиций, проведения трех масштабных географических экспедиций (отметим, что исследование Нижнего Поволжья позднее было передано под юрисдикцию второй экспедиции). Экспедиции должны были составить географический и социально-экономический атлас Российской империи [Гнучева 1946: 69; Гнучева 1940: 182–185]. М. В. Ломоносовым были разработаны «Запросы, которыми требуются в императорскую Академию наук географические известия изо всех городов во всех губерниях и провинциях Российского государства для сочинения вновь исправнейшего „Российского атласа“ в оной Академии» из 30 пунктов, направленные в регионы империи в январе 1760 г. [Ломоносов 1955: 201–203]. Пункт 12 Запросов предписывал сбор информации об оброчных рыбных ловлях и ловящейся рыбе в реках, озерах и морях региона [Ломоносов 1955: 201–203]. В Государственном архиве Астраханской области отложился «Указ Императорского Величества Самодержавицы Всероссийской в Астраханскую губернскую канцелярию о немедленном ответе на приложенные пять пунктов, касающихся Астраханской губернии, необходимых Российской Академии наук для составления „Атласа Российского“», от 3 ноября 1760 г. за подписью М. В. Ломоносова с требованием ответа на «Запросы» от Астраханской губернской канцелярии [ГА АО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3788. Л. 38].

Поводом для организации «физических экспедиций» 1768–1774 гг., которые явились первым комплексным исследованием регионов Российской империи, становится организация наблюдения за прохождением Венеры перед Солнцем [Гнучева 1940: 95]. В июле 1767 г. Екатерина II принимает решение об организации Академией наук «особливых экспедиций» для изучения России [Копелевич 1996: 41–42]. Одним из направлений исследований экспедиций, по указу императрицы, должно было стать изучение способов рыбной ловли [Киссер 2019: 166].

Необходимо отметить, что именно участники академических экспедиций второй половины XVIII в. оставили первые значительные описания рыбного промысла в Астраханской губернии.

Профессор, доктор медицины и истории, академик П. С. Паллас (1741–1811 гг.), разработавший план, маршрут экспедиций и инструкции для ученых-исследователей, возглавил первый отряд «Оренбургских физических экспедиций», в который вошли гимназисты В. Зуев, Н. Соколов, А. Вальтер, капитан Н. П. Рычков. Первая экспедиция проходила с 1768 г. по 1774 г. [Гнучева 1940: 97]. В 1793–1794 гг. П. С. Паллас совершил за свой счет еще одну экспедицию на юг России, в ходе которой он, в частности, посетил Астраханскую губернию и Калмыцкую степь [Гнучева 1940: 126].

П. С. Паллас оставил заметки об астраханском рыболовстве, отметив, что в мире

нет другого более богатого и экономически выгодного для государства промысла, чем речной и морской астраханский рыбный промыслы, так или иначе кормившие большую часть городов европейской России [Паллас 2008: 126].

Академик приводил сведения о количестве выловленной рыбы в промыслах региона в 1792 г., перечисляя собственников рыболовных вод. Так, вылов белуги в водах князя Безбородко, астраханского архиепископа, Бибикова, Бекетова, Всеволодова, Скрипицына, Попова, Бабаева, Варвация, Телепова, Чурекова составил 103 500 шт., доход от вылова белуги по подсчетам П. С. Палласа составил 340 535 руб. [Паллас 2008: 127–128].

Вылов осетров в водах, принадлежащих городу, в водах архиепископа, Всеволодова, Бекетова, Скрипицына и др., составил 302 000 шт., доход от вылова составил 524 135 руб. [Паллас 2008: 128–129]. Вылов севрюги в водах, принадлежащих городу, в водах архиепископа, Всеволодова, Бекетова, Скрипицына, Бекетова и др., составил 1 445 000 шт., доход от вылова составил 983 810 руб. [Паллас 2008: 129].

П. С. Паллас приходил к выводу, что общий доход от вылова рыбы осетровых пород в астраханских и каспийских водах составлял 1 868 480 руб. [Паллас 2008: 130].

Академик отмечал, что, кроме добычи осетровых, в астраханских водах добывали рыбу «более низких сортов», к которой он относил в частности сазанов, судаков и сомов, доход от добычи которых он оценивал в 500 000 руб. в год [Паллас 2008: 131].

Второй отряд «физических экспедиций» возглавил адъюнкт Академии наук И. И. Лепехин (1740–1802 гг.). В состав экспедиции 1768–1773 гг. вошли гимназисты А. Лебедев, Т. Малеин, Н. Я. Озерецковский [Гнучева 1940: 101].

Экспедиция академика И. И. Лепехина раньше других экспедиций посетила Нижневолжский регион — весной 1769 г. В записках И. И. Лепехина также присутствует описание волжских рыбных промыслов. Исследователь отметил, что волжские воды частично принадлежали купечеству, и лов был в них ограничен без оплаты и подряда [Лепехин 1771: 245]. Автор отмечал, что объектами добычи на Волге выступали осетры, белуги, севрюги. И. И. Лепехин выделял несколько способов добычи рыбы на Волге: неводный лов, переметный лов, добыча рыбы «городьбой» (в Астраханской губернии — учуг) — размещение в реке перегородок — свай, ограничивающих проход рыбы [Лепехин 1771: 249–250].

26 июля 1769 г. экспедиция И. И. Лепехина прибыла в Черный яр, характеризуя который, автор отметил наличие многочисленных рыбных ватаг в окрестностях города [Лепехин 1771: 445–446].

Экспедиция академика С. Г. Гмелина (1745–1774 гг.) 1768–1774 гг. стала третьей «физической» экспедицией 60–70-х гг. XVIII в. В отряд С. Г. Гмелина входили четыре гимназиста: Н. Крашенинников, И. Михайлов, А. Соколов, Я. Ключарев [Гнучева 1940: 102].

Необходимо отметить, что С. Г. Гмелин, также посетивший Нижнее Поволжье в 1769 г., оставил самое подробное описание рыбного промысла в регионе из всех руководителей академических экспедиций того времени. Г. С. Гмелин активно взаимодействовал с региональными властями, в частности с астраханским губернатором Н. А. Бекетовым, во время экспедиции, и после того как исследователь покинул регион, он продолжил его изучение на собранных материалах [ГА АО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3635. Л. 2–2об.].

С. Г. Гмелин характеризовал региональные центры рыбодобычи, отмечая, в частности, что основной источник доходов жителей Черного яра, который экспедиция посетила 25 сентября 1769 г., «…беспрекословно есть рыболовство» [Гмелин 1777: 52]. Им также упомянута рыболовецкая ватага купца Ключарева, находившаяся в восьми верстах ниже Астрахани (место расположения столицы Астраханского ханства Хаджи-тархана) [Гмелин 1777: 64].

Астраханскому рыболовству С. Г. Гмелин посвятил одну из частей описания собственно Астрахани, в которую экспедиция прибыла 1 октября 1769 г. Исследователь делил рыбу, добываемую в Астраханском крае, на три класса: первый и второй он относил к большому рыболовству, а третий — к малому. К первому классу он причислял «красную рыбу»: белуг, осетров, севрюг, стерлядь. Ко второму классу — частиковую рыбу: сазанов, сомов, судаков, к третьему классу — «худшую, мелочную рыбу» [Гмелин 1777: 278]. Исследователь определял приоритет-

ные сезоны добычи каждого из классов рыб, их размеры [Гмелин 1777: 279].

Автор выделял три класса орудий лова рыбы на Волге: «рыбные перегородки» (учуги), крючки и сети. Подробно описана структура учуга и места их расположения в Астраханской губернии: Иванчуг, Чаган, Уварy, Камызяк [Гмелин 1777: 282].

С. Г. Гмелин характеризовал три вида рыболовных снастей, используемых в астраханском рыболовстве: самоловная, кусковая, наживная, лучки (кармак), остроги (сандоли) [Гмелин 1777: 296, 298, 304]. Исследователь выделял несколько видов сетей, применяемых в рыбном промысле региона. Они различались по длине, ширине и пространству ячеек. Автор упоминал три вида неводов: стержневой (речной), ильменный и разборный, отмечал использование астраханскими рыбаками таких сетей, как волокуша, погоняй, свинчатка (ститки), ахан [Гмелин 1777: 304, 307, 310].

Исследователь упоминал, что в Астраханской губернии проводились природоохранные мероприятия, приводя факты о том, что директор Рыбной конторы поручал надзирателям противодействовать рыбному лову на белужьих ямах зимой [Гмелин 1777: 312].

Автор отмечал, что большая часть ватаг (поселений рыбаков, занимавшихся рыбодобычей и рыбообработкой) была расположена ниже г. Астрахани, на взморье [Гмелин 1777: 317]. При описании ватаги С. Г. Гмелин использовал термины, которые и в настоящее время используются в рыболовецком обиходе астраханцев: выход (подземный погреб для хранения рыбы), тузлук (раствор соли для соления рыбы) [Гмелин 1777: 319].

Исследователь описывал организацию работы учугов. Работавшие на учугах люди, являвшиеся выходцами из различных регионов России, получали жалование от Рыбной конторы, во главе учуга стоял директор и поверенный, надсмотрщики-«разъездные» Рыбной конторы. Численность работников учугов составляла около 50 человек, с 1763 г. часть учугов была передана в пользование астраханскому купечеству, платившему оброк в казну [Гмелин 1777: 319].

Служащие на учугах люди занимались починкой забоек, доставкой припасов, изготовлением сетей. В штате учугов значились водолазы, багорщики, подбагорщики (доставaвшие рыбу из учугов баграми), солильщики, поддатни (доставлявшие рыбу на посолку), резальщики (обрабатывавшие рыбу) [Гмелин 1777: 321].

Засолкой икры занимались икрянники, клейщики готовили рыбий клей. С. Г. Гмелин отмечал, что на ватагах работало меньше людей, чем на учугах — 30–40 чел. [Гмелин 1777: 322].

Исследователь определял, что ватажные рыбаки могли работать на хозяина по договору одно лето («подрядные ловцы»), получая оплату своего труда по числу пойманных рыб. К этой группе относились рыбаки, работавшие в ватагах на севере региона и близ Астрахани. Часть рыбаков работала на постоянной основе («годовые ловцы») — эта часть рыбаков работала на южных, приморских ватагах. Подрядные ловцы приходили на заработки в Астраханский край из других регионов России со всем необходимым для лова, основывая небольшие сезонные населенные пункты (ловецкие станы) на водах, принадлежавших хозяину. Ловецкие станы были заселены ловцами с ранней весны до поздней осени [Гмелин 1777: 329].

Каждый рыболовецкий стан состоял из нескольких артелей, артель состояла из двух, четырех или шести лодок. Во главе каждой артели стоял старшина, именем которого назывался стан (в качестве примера приводились названия станов на в окрестностях Черного яра: Васькин, Бородин) [Гмелин 1777: 332].

С. Г. Гмелин описывал морской белужий лов, отмечая, что руководителем рыболовецкой ватаги был атаман, руководивший рыбодобычей и распределявший участки лова [Гмелин 1777: 335].

Экспедиция академика И. А. Гильденштедта (1745–1881 гг.) 1768–1775 гг. — четвертый отряд «физических» экспедиций, направленный в Астраханскую губернию. В состав экспедиции входили три гимназиста: С. Мошков, Б. Зряковский, А. Беляев [Гнучева 1940: 104].

В низовья Волги И. А. Гильденштедт прибывает в октябре 1769 г., до конца ноября пробыв в Царицыне [Копелевич 1997: 29]. В этот период И. А. Гильденштедтом было исследовано рыболовство на Волге, уточнено научное описание стерляди, осетра, белуги,

севрюги и шипа. Все особи были анатомированы [Копелевич 1997: 30, 33].

Ученым была описана рыболовецкая ватага близ станицы Поповицкой, которую он посетил в ноябре 1769 г. [Копелевич 1997: 32].

Экспедиция профессора, доктора ботаники И. П. Фалька (1732–1774 гг.) 1769–1773 гг. стала пятым отрядом «физических экспедиций». В состав отряда вошли три студента: И. Быков, М. Лебедев, С. Кашкарев; в 1770 г. к экспедиции, в связи с болезнью И. П. Фалька, присоединился И. И. Георги [Гнучева 1940: 106]. Экспедиция И. П. Фалька дважды посетила Нижнее Поволжье: в 1769–1770 гг. и в 1773 г. [Полное собрание 1824: 3].

В Государственном архиве Астраханской области отложилось дело, содержащее переписку И. П. Фалька с астраханским губернатором Н. А. Бекетовым по вопросам организации экспедиции в регионе [ГА АО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 296. Л. 5–5об.].

И. П. Фальк также оставил описания астраханского рыбного промысла, отметив, что рыболовство — главный источник пропитания Астрахани, в которой ведется торг белугами, осетрами, севрюгами, стерлядью, карпами, рыбным клеем, визигой и т. д. [Полное собрание 1824: 161]. И. П. Фальк свидетельствовал, что у Астрахани находилось 9 рыболовецких ватаг, 8 ватаг находилось ниже города в рукавах Волги. В каждой ватаге трудилось от 150 до 250 чел. Между Волгой и Уралом на взморье находилось 30 рыболовецких промыслов, в которых трудилось от 30 до 100 чел. рыбаков [Полное собрание 1824: 161].

3.3. Астраханский рыбный промысел в описаниях Н. Я. Озерецковского 80-х гг. XVIII в.

Описание рыбного промысла в Астрахани 80-х гг. XVIII в. оставил Н. Я. Озерецковский (1750–1827 гг.), дважды посещавший Нижневолжский регион. После окончания семинарии гимназист Н. Я. Озерецковский был включен в состав экспедиции И. И. Лепехина, посетив Нижнее Поволжье в 1768 г. [Клейтман 2016: 230].

В 1782 г. академик Н. Я. Озерецковский в составе экспедиции А. Г. Бобринского вновь посещает Нижнее Поволжье и составляет его подробное описание [Сухомлинов 1875: 312]. Экспедиция проводит в Астраханской губернии зиму 1782–1783 гг., через Кизляр, Черкасск и Таганрог отправившись в Киев [Клейтман 2016: 230].

Н. Я. Озерецковский, характеризуя торговлю в Белом городе, отмечал богатство рыбных запасов губернии. Автор упоминал наличие у купцов, занимавшихся продажей рыбы, приписных крестьян — «переведенцев», поселенных на рыбных промыслах-учугах. Автором приведены названия и места расположения крупнейших казенных учугов Астраханской губернии, существовавших с начала XVIII в.: Бельский (на р. Белой), Бирюльский (на р. Бирюль), Урусторский (на р. Волге), Басаргинский (р. Басарга) [Озерецковский 1804: 109].

В 80-е гг. XVIII в. добыча рыбы осуществлялась также на учугах: Чаганском (р. Чаган), Камызякском (р. Камызяк), Уваринском (р. Уварры), Иваннчугском (р. Иванчуг) приписными крестьянами-переведенцами, численностью до 450 чел. [Озерецковский 1804: 112].

Н. Я. Озерецковский приводил сведения, что в сезон рыбодобычи в Астрахань прибывало до 10 тыс. рыболовецких лодок. Он сделал вывод о том, что сезонных рыбаков ежегодно насчитывалось до 20 тыс. чел., которые либо нанимались на работу к рыбопромышленникам, либо платили за возможность осуществлять рыбодобычу [Озерецковский 1804: 116]. Академик отмечал, что рыбодобыча осуществлялась неводами, ставными и плавными сетями, удами и учугами.

4. Заключение

Исследованный комплекс трудов путешественников и ученых — исследователей Академии наук XVIII в. позволяет сделать следующие выводы. В первой половине XVIII в. изучение истории, природы, социально-экономического развития Нижневолжского региона осуществлялось посещавшими его западноевропейским путешественниками (Корнилий де Бруин, Джон Белл), которые оставили описания Астраханской губернии и г. Астрахани. Перед исследователями не стояло задачи комплексного исследования края, и описания, в частности рыбного промысла и рыбных ресурсов, носят фрагментарный характер.

Перед академическими экспедициями второй половины XVIII в., посещавшими Астраханскую губернию (экспедиции

П. С. Палласа, И. И. Лепехина, С. Г. Гмелина, И. А. Гильденштедта, И. П. Фалька, Н. Я. Озерецковского), была поставлена задача комплексного исследования региона. Рыбные промыслы, являвшиеся важнейшей отраслью экономики края, были одним из объектов описания. Каждый из исследователей оставил разный объем информации об объектах, способах добычи и купечестве. Вместе с тем записки руководителей экспедиций — ценный источник, позволяющий определить и охарактеризовать региональные центры рыбодобычи, крупнейших владельцев рыбных промыслов, объекты и объем рыбодобычи, доход от нее, используемые орудия и способы лова в низовьях Волги в XVIII в.

Источники

ГА АО — Государственный архив Астраханской области.

Sources

State Archive of Astrakhan Oblast.

Литература

Александровская 1989 — *Александровская О. А.* Становление географической науки в России в XVIII веке. М.: Наука, 1989. 230 с.

Бекасова 2010 — *Бекасова А. В.* Изучение Российской империи 1760–1780-х гг.: «взгляд» естествоиспытателей и формирование представлений о государственных богатствах // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 4. С. 13–34.

Белевы путешествия 1776 — Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли. Ч. 1. СПб.: При Императорской академии наук, 1776. 251 с.

Бруин 1873 — Путешествие через Московию Корнилия де Бруина. М.: Имп общество истории и древностей Российских при Моск. ун-те, 1873. 293 с.

Бугашев 2023 — *Бугашев С. И.* Петр I в сочинении Джона Белла «Дж. Белевы путешествия чрез Россию в разные асиятские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь» // Россия и мир в исторической ретроспективе. Мат-лы XXIX междунар. науч. конф., к 320-летию основания Санкт-Петербурга. Т. 1. СПб.: Санкт-Петербургск. гос. ун-т пром. технологий и дизайна, 2023. С. 34–37.

Гмелин 1777 — *Гмелин С. Г.* Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. 2: Путешествие от Черкасска до Астрахани и пребывание в сем городе. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1777. 404 с.

Гнучева 1940 — *Гнучева В. Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов. М.; Л.: АН СССР, 1940. 310 с.

Гнучева 1946 — *Гнучева В. Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII века. М.: АН СССР, 1946. 445 с.

Дюльденко 2015 — *Дюльденко А. А.* Иоганн Иериг (1747–1795): сотрудничество с императорской академией наук и европейским научным сообществом // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 25–30.

Дюльденко, Гальвас 2018 — *Дюльденко А. А, Гальвас В. А.* Астраханский этап экспедиции С. Г. Гмелина в материалах российских и зарубежных архивов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 6(40). С. 30–35. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-40-6-30-35

Исторические путешествия 1936 — Исторические путешествия: Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII веках. Сталинград: Краев. кн-во, 1936. 327 с.

Керимов, Гагаева 2019 — *Керимов И. А., Гагаева З. Ш.* С. Г. Гмелин — ученый-путешественник и исследователь Кавказа // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2019. № 2(45). С. 39–46. DOI: 10.25744/vestnik.2019.45.2.006

Киссер 2016 — *Киссер Т. С.* Путешествие И. П. Фалька и И. Г. Георги по Российской империи (по материалам дневников) // Уральский исторический вестник. 2016. № 2(51). С. 53–60.

Киссер 2019 — *Киссер Т. С.* Об организации «физических» экспедиций 1768–1774 гг. // Кунсткамера. 2019. № 3(5). С. 164–170.

Клейтман 2016 — *Клейтман А. Л.* История Нижнего Поволжья в путевых заметках академика Н. Я. Озерецковского (1782–1783 гг.) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 8. С. 230–235.

Клейтман 2018 — *Клейтман А. Л.* Изучение проблем экономики, истории и культуры Нижнего Поволжья в научной мысли России конца XVIII – начала XX вв. СПб.: Нестор-История, 2018. 217 с.

Кондратьев 2020 — *Кондратьев С. В.* Въезд в Исфахан русского посольства и дипломатические приемы в Сефевидском государстве (по воспоминаниям Джона Белла) // Науч-

ный диалог. 2020. № 12. С. 252–261.

Копелевич 1996 — *Копелевич Ю. Х.* Екатерина II и Академические экспедиции 1768–1774 гг. // Екатерина Великая: эпоха российской истории: тез. докл. Междунар. конф. (г. Санкт-Петербург, 26–29 августа 1996 г.). СПб.: СПбНЦ, 1996. С. 40–43.

Копелевич 1997 — *Копелевич Ю. Х.* Иоганн Антон Гильденштедт. 1745–1781. М.: Наука, 1997. 128 с.

Лепехин 1771 — *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1771. 562 с.

Ломоносов 1955 — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 9. М.: АН СССР, 1955. 1033 с.

Мишин, Мишина 2022 — *Мишин А. В., Мишина Л. А.* Российское пространство и время в европейском сознании XVIII века (на материале произведений С. Г. Гмелина) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2022. № 5. С. 79–89. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-79-89

Озерецковский 1804 — *Озерецковский Н. Я.* Описание Колы и Астрахани. СПб.: При Имп. акад. наук, 1804. 131 с.

Паллас 2008 — *Паллас П. С.* Заметки о путешествии в южные наместничества Российской империи в 1793 и 1794 годах. Астрахань: Волга, 2008. 296 с.

Полное собрание 1824 — Полное собрание путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею Наук, по предложению ея Президента. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька. СПб.: при Имп. Академии Наук, 1824. 546 с.

Сефербеков 2022 — *Сефербеков М. Р.* Джон Белл о походе Петра Великого в Дербент // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 919–931. DOI: 10.32653/CH184919-931

Струбалина 1989 — *Струбалина Н. К.* Из истории освоения рыбных богатств Каспия и Астраханского края. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1989. 94 с.

Сухомлинов 1875 — *Сухомлинов М. М.* История Российской академии. СПб.: тип. Имп. Академии наук. Вып. 2. 1875. 584 с.

References

Aleksandrovskaya O. A. The Shaping of Geography in Eighteenth-Century Russia. Moscow: Nauka, 1989. 230 p. (In Russ.)

Alekseev V. N. (comp.) Historical Travels along the Volga, Fifteenth to Eighteenth Centuries: Collections from Memoirs and Notes of Foreign and Russian Travelers. Stalingrad: Stalingrad Krai Book Publ., 1936. 327 p. (In Russ.)

Bekasova A.V. Studies of the Russian Empire by the expeditions of the 1760s–1780s: The "view" of naturalists and the formation of the concept of the state's natural resources. *Studies in the History of Biology*. 2010. Vol. 2. No. 4. Pp. 13–34. (In Russ.)

Bell J. Travels from St. Petersburg in Russia to Various Parts of Asia. Pt. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1776. 251 p. (In Russ.)

Bruyn C. Cornelius de Bruyn and His Travels through Muscovy. Moscow: Imperial Moscow University, 1873. 293 p. (In Russ.)

Bugashev S. I. Peter the Great in the work of John Bell «Travels from Saint-Petersburg in Russia, to Various Parts of Asia...». In: Russia and the World in Historical Retrospect. Jubilee conference proceedings. Vol. 1. St. Petersburg: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2023. Pp. 34–37. (In Russ.)

Dyuldenko A. A, Galvas V. A. The Astrakhan stage of S. G. Gmelin's expedition according to materials of Russian and foreign archives. *Oriental Studies*. 2018. Vol. 11. No. 6. Pp. 30–35. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-40-6-30-35

Dyuldenko A. A. Johannes Jährig (1747-1795): Cooperation with the Imperial Academy of Sciences and the European scientific community. *Oriental Studies*. 2015. Vol. 8. No. 2. Pp. 25–30. (In Russ.)

Falck J. P. et al. Complete Travels in Russia, Published on the Suggestion of Its President. Vol. 6: Travel Notes by Academician Falck. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1824. 546 p. (In Russ.)

Gmelin S. G. Travels through Russia to Study the Three Natural Provinces. Pt. 2: Trip from Cherkassk to Astrakhan, and Stay in the Latter City. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1777. 404 p. (In Russ.)

Gnucheva V. F. The Academy of Sciences and Its Eighteenth/Nineteenth-Century Expeditions: Historical Materials. Chronological reviews and descriptions of archival materials. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1940. 310 p. (In Russ.)

Gnucheva V.F. Geographical Department of the Academy of Sciences: Eighteenth Century.

Moscow: USSR Academy of Sciences, 1946. 445 p. (In Russ.)

Kerimov I. A., Gagaeva Z. Sh. S. G. Gmelin — scientist-traveler and researcher of the Caucasus. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2019. No. 2(45). Pp. 39–46. (In Russ.) DOI: 10.25744/vestnik.2019.45.2.006

Kisser T. S. I. P. Falk's and I. G. Georgy's travels across the Russian Empire (Based on travel diaries). *Ural Historical Journal*. 2016. No. 2(51). Pp. 53–60. (In Russ.)

Kisser T. S. On the organization of "physical" expeditions of 1768–1774. *Kunstkamera*. 2019. No. 3(5). Pp. 164–170. (In Russ.)

Kleitman A. L. Economy, History and Culture of the Lower Volga: Academic Studies from the Late Eighteenth to Early Twentieth Centuries. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. 217 p. (In Russ.)

Kleitman A. L. History of Lower Volga region in travel notes by Academician N. Y. Ozeretskovsky (1782–1783). *Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2016. No. 8. Pp. 230–235. (In Russ.)

Kondratiev S. V. Entry of the Russian embassy to Isfahan and diplomatic receptions in the Safavid state (According to the memoirs of John Bell). *Nauchnyi dialog*. 2020. No. 12. Pp. 252–261. (In Russ.)

Kopelevich Yu. Kh. Catherine II and Academic expeditions of 1768–1774. In: Catherine the Great: The Era of Russian History. Conference abstracts (St. Petersburg, 26–29 August 1996). St. Petersburg: St. Petersburg Scientific Center, 1996. Pp. 40–43. (In Russ.)

Kopelevich Yu. Kh. Johann Anton Güldenstädt (1745–1781). Moscow: Nauka, 1997. 128 p. (In Russ.)

Lepekhin I. I. Through Various Provinces of the Russian State: Daily Travel Notes by Assistant Professor Dr. Ivan Lepekhin. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1771. 562 p. (In Russ.)

Lomonosov M. V. Complete Works. Vol. 9. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1955. 1033 p. (In Russ.)

Mishin A. V., Mishina L. A. Russian space and time in the European consciousness of the 18th century (On the material of S. G. Gmelin's works). *Russian Studies in Philology*. 2022. No. 5. Pp. 79–89. (In Russ.) DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-79-89

Ozeretskovsky N. Ya. Descriptions of Kola and Astrakhan. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1804. 131 p. (In Russ.)

Pallas P. S. [Notes on] Travels to Southern Parts of the Russian Empire in the Years 1793 and 1794. Astrakhan: Volga, 2008. 296 p. (In Russ.)

Seferbekov M. R. John Bell on the campaign of Peter I to Derbent. History, *Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022. Vol. 18. No. 4. Pp. 919–931. (In Russ.) DOI: 10.32653/CH184919-931

Strubalina N. K. The Caspian and Astrakhan Region: A History of How Fishery Resources Were Developed. Volgograd: Lower Volga Book Publ., 1989. 94 p. (In Russ.)

Sukhomlinov M. M. History of the Russian Academy. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1875. Vol. 2. 584 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 2, Pp. 354–372, 2024
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 902/904
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-354-372

Технология гончарства населения раннего железного века Казахского мелкосопочника (Сарыарки)

Валерий Григорьевич Ломан[1]

[1] Карагандинский университет им. акад. Е. А. Букетова (28, ул. Университетская, 100024 Караганда, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
0000-0001-6951-0509. E-mail: lvg7[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024
© Ломан В. Г., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются результаты изучения технологии изготовления керамики из памятников раннего железного века, находящихся на территории Казахского мелкосопочника (казахское название — Сарыарка, что переводится как «Желтый хребет»). Цель исследования — выявление общего и особенного в гончарных традициях по материалам керамики поселений и курганов различных частей Сарыарки. *Материалы и методы.* Изучены фрагменты 314 сосудов сакского времени (в том числе 291 образец из 6 поселений Центрального Казахстана и 3 поселений Северного Казахстана, а также 23 образца из 9 курганов). Кроме этого, изучались 17 сосудов из курганов с «усами» или каменными грядами, которые были ранее датированы ранним железным веком. Исследование гончарной технологии проводилось по методике А. А. Бобринского, с использованием бинокулярного микроскопа МБС-10 и муфельной лабораторной печи СНОЛ. *Результаты и выводы.* По материалам изученных поселений Центрального и Северного Казахстана установлено, что в обоих регионах совпадают традиции отбора исходного сырья: применялись главным образом среднеожелезненные глины. При этом отмечена разница в подходе к рецептуре формовочных масс: предпочтение средней размерности минеральных добавок в Северном Казахстане и крупной размерности в Центральном Казахстане. Кроме того, при конструировании полого тела в Центральном Казахстане применялись в основном жгуты, тогда как в Северном Казахстане — лоскутно-комковатый способ, который, как выяснилось, преобладал и при изготовлении керамики курганов сакского времени. На ступени изготовления начина в керамике и поселений, и могильников превалирует емкостная программа. При обобщении данных по керамике из курганов с «усами» выявлено, что она в основном изготовлена по гончарным традициям (предпочтение глиняных концентратов, шамота, лоскутов по спиральной траектории), отличавшимся по многим параметрам от керамики из обычных курганов. В свете новых радиоуглеродных датировок курганов с «усами» это можно объяснить более поздним их временем. В целом результаты исследования показывают картину весьма неоднородного состава населения Сарыарки в эпоху раннего железа и проходивших в то время активных процессов смешения различных групп.

Ключевые слова: Казахстан, Казахский мелкосопочник, Сарыарка, ранний железный век, поселения, могильники, курганы с «усами», керамика, технико-технологический анализ
Благодарность. Исследование выполнено в рамках проекта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан № AP14869718 «Переход от эпохи бронзы к раннему железному веку на территории Сарыарки: выявление специфики культурного комплекса».

Для цитирования: Ломан В. Г. Технология гончарства населения раннего железного века Казахского мелкосопочника (Сарыарки) // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 2. С. 354–372. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-354-372

Early Iron Age Pottery Technology of the Kazakh Uplands (Saryarqa)

Valeriy G. Loman[1]

[1]Karaganda Buketov University (28, Universitetskaya St., 100024 Karaganda, Republic of Kazakhstan)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
0000-0001-6951-0509. E-mail: lvg7[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024
© Loman V. G., 2024

Abstract. *Introduction.* The article introduces the Early Iron Age pottery technology of the Kazakh Uplands (Kaz. *Saryarqa* 'Yellow Ridge'). *Goals.* The study seeks to identify common and specific features inherent to pottery traditions traced in ceramics from settlements and barrows scattered across the Saryarqa. *Materials and methods.* The work examines sherds from a total of 314 Saka-era vessels (including 291 samples from 6 settlements of Central Kazakhstan and 3 settlements of North Kazakhstan, as well as 23 samples from 9 barrows). In addition, 17 vessels from barrows with 'moustaches' (or stone ridges) previously dated to the Early Iron Age have also been investigated. A. Bobrinsky's method — with the aid of МБС-10 binocular microscope and СНОЛ muffle laboratory furnace — has proven most instrumental in testing the pottery technology. *Results and conclusions.* The investigated settlements of Central and North Kazakhstan are characterized by that they would mainly select similar raw material — medium-iron clays. However, the pottery paste recipes did differ: in North Kazakhstan, preference was given to medium-size mineral tempers, and to larger ones — in Central Kazakhstan. Furthermore, pottery shaping techniques of Central Kazakhstan were largely dominated by coiling, while in North Kazakhstan they would turn to pinching/patching, and the latter method happens to have been as widespread in ceramic samples from the Saka-era barrows. The wall-to-base sequence prevails in ceramics from both settlements and barrows. Our analysis of related data for barrows with 'moustaches' shows the latter's pottery traditions (preference to clay concentrates, grog, and spiral patching) essentially differ from those traced in regular barrows. This can be explained by that according to recent radiocarbon tests the barrows with 'moustaches' date from later periods. In general, the study shows the Early Iron Age population of the Saryarqa was very heterogeneous, and the era was witnessing active mergers of various groups.

Keywords: Kazakhstan, Kazakh Uplands, Saryarqa, Early Iron Age, settlements, grave field, barrows with 'moustaches', ceramics, technical and technological analysis
Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. AP14869718 'Transition from the Bronze to Early Iron Age in the Saryarqa: Defining Specifics of the Culture Complex'.
For citation: Loman V. G. Early Iron Age Pottery Technology of the Kazakh Uplands (Saryarqa). *Oriental Studies*. 2024; 17 (2): 354–372. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-354-372

1. Введение

Значительная часть существующих работ по проблемам раннего железного века Казахстана посвящена курганным комплексам, что связано с превалировавшим в течение длительного периода мнением об исключительно кочевом типе экономики той эпохи. Лишь с середины 90-х гг. прошлого века началось накопление данных о наличии поселений сакского периода на территории Южного, Северного и Центрального Казахстана [Горячев 2011; Горячев 2019; Хабдулина 1994; Хабдулина 2003]. К настоящему времени только на территории Казахского мелкосопочника (казахское название — Сарыарка, что переводится как «Желтый хребет») открыто более 50 поселений, большая часть которых исследована А. З. Бейсеновым [Бейсенов и др. 2017: 8–9].

Поселения и курганы Сарыарки отнесены к тасмолинской археологической культуре [Казахстан в сакскую эпоху 2017: 66;

Бейсенов и др. 2017: 3], по данным радиоуглеродного анализа датируются VIII–V вв. до н. э. [Бейсенов и др. 2017: 16–20].

Автором статьи в течение нескольких лет проводился технико-технологический анализ керамики ряда поселений и могильников указанного региона. В связи с этим появилась необходимость обобщить полученные данные и выявить общее и особенное в гончарных традициях населения тасмолинской культуры.

2. Материалы и методы исследования

Анализ технологии изготовления глиняной посуды раннего железного века Сарыарки проводился в течение ряда лет, по мере исследования памятников. В программу исследований входило изучение различных характеристик исходного сырья, в том числе степени его ожелезненности, выявление рецептуры формовочных масс, приемов конструирования начинов и полого тела, режимов обжига. Технико-технологический анализ проводился в соответствии с методикой А. А. Бобринского [Бобринский 1978; Бобринский 1999], по свежим изломам керамических фрагментов с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10. Перед этим часть каждого фрагмента нагревалась в муфельной печи СНОЛ при температуре 850°С. В результате такого дополнительного обжига фрагменты приобретают различный цвет в зависимости от степени ожелезненности исходного сырья: белый — неожелезненные глины; кремовый или светло-желтый — слабоожелезненные глины, различные оттенки красного — среднеожелезненные глины, темно-красный или бордовый — сильноожелезненные глины.

Ниже суммируются результаты исследований и делаются общие выводы по материалам 17 памятников, в том числе 9 поселений (6 поселений Центрального Казахстана, 3 поселения Северного Казахстана (табл. 1)) и 9 курганов из 8 могильников (7 могильников Центрального Казахстана, 1 могильник Северного Казахстана (табл. 2)). Всего было изучено 314 экземпляров (291 образец из поселений и 23 образца из курганов). Помимо этого, было изучено 17 сосудов из 12 курганов с «усами», исследованных в 9 могильниках (7 могильников Центрального Казахстана, 2 могильника Северного Казахстана (табл. 3)).

3. Результаты

3.1. Керамика поселений Центрального Казахстана (Карагандинская область)

В результате технико-технологического анализа установлено, что культурные традиции, на которые опирались местные гончары при выборе исходного сырья, рецептов формовочных масс, приемов лепки сосудов, были весьма близки [Бейсенов, Ломан 2009; Бейсенов и др. 2017].

На первом месте (в общем 68 %) везде стояло применение глин средней степени ожелезненности, на втором (26,7 %) — глин сильной степени ожелезненности (табл. 4).

На поселениях *Абылай*, *Едирей-1*, *Керегетас-2* отмечено также использование глин слабой степени ожелезненности, которые на

Таблица 1. Источниковая база. Поселения
[*Table 1.* Base of sources. Settlements]

Регион	№ п/п	Название памятника	Кол-во сосудов	Всего	
Центральный Казахстан	1	*Едирей-1*	33	244	291
	2	*Едирей-3*	17		
	3	*Керегетас-2*	20		
	4	*Кызылсуир-2*	37		
	5	*Сарыбуйрат*	97		
	6	*Абылай*	40		
Северный Казахстан	7	*Таскора*	9	47	
	8	*Таскора-1*	18		
	9	*Шидерты-2*	20		

Таблица 2. Источниковая база. Тасмолинские курганы
[*Table 2.* Base of sources. Barrows of Tasmola]

Регион	№ п/п	Название памятника		Кол-во сосудов	Кол-во сосудов	
Центральный Казахстан	1	*Нуркен-2*	курган 1	1	22	23
			курган 2	1		
	2	*Кызыл*, курган 4		1		
	3	*Сарыбуйрат*, курган 1		1		
	4	*Кособа*, курган 2		1		
	5	*Серекты-1*, курган 11		1		
	6	*Кызылжартас*, курган 1		8		
	7	*Каражартас-2*, курган 2		7		
Северный Казахстан	8	*Сати*, курган 6		1	1	

Таблица 3. Источниковая база. Курганы с «усами»
[*Table 3.* Base of sources. Barrows with 'moustaches']

Регион	№ п/п	Название памятника		Кол-во сосудов	Кол-во сосудов	
Центральный Казахстан	1	*Кабакши*	курган 1	1	11	17
			курган 8	2		
	2	*Едирей-3*, курган 3		1		
	3	*Бегазы-10*, курган 4		1		
	4	*Каратал-5*, курган 2		2		
	5	*Аксуаюлы-3*, курган 1		1		
	6	*Бектауата*	курган 1а	1		
			курган 5	1		
	7	*Нуркен-3*, курган 2		1		
Северный Казахстан	8	*Бирлик*	курган 8	1	6	
			курган 15	2		
	9	*Сабындыколь*, курган 1		3		

других памятниках выявлены только при изучении исходного сырья шамота. В керамических комплексах поселений *Сарыбуйрат* и *Едирей-3* были найдены фрагменты от двух сосудов, исходное сырье которых относилось к так называемым илистым глинам (описание признаков см.: [Васильева 1999]). Ранее илистые глины не обнаруживались среди видов исходного сырья памятников раннего железного века *Сарыарки*, поэтому можно сделать предположение об их возможном неместном происхождении.

По рецептуре формовочных масс керамика поселений разделяется на 2 группы (табл. 5): 1) глина + дресва + навоз (45,9 %) и 2) глина + слабо окатанный песок + навоз (47,5 %). Обе группы, как видим, практически равны по количеству сосудов.

Дресву в качестве искусственной добавки применяли в основном на поселениях *Абылай* (52,5 %), *Едирей-3* (58,8 %) и *Едирей-1* (63,7 %), слабоокатанный песок — на поселениях *Сарыбуйрат* (54,6 %), *Кызылсуир-2* (59,5 %), *Керегетас-2* (60 %), причем гончары предпочитали песок и дресву крупной размерности[1] (72,5 % и 68,4 %, соответственно (табл. 6, табл. 7)), встречаются включения размером даже более 3 мм.

[1] Размерность частиц искусственных добавок определялась в соответствии с принятой шкалой: мелкие — 0,5–0,9 мм; средние — 1–1,9 мм; крупные — 2–2,9 мм [Бобринский 1978: 110].

Таблица 4. Керамика поселений Центрального Казахстана. Виды исходного сырья
[*Table 4.* Ceramics from Central Kazakhstan settlements. Types of raw material]

№	Исходное сырье	Поселение												Всего	%
		Едирей-1		*Едирей-3*		*Керегетас-2*		*Кызылсуир-2*		*Сарыбуйрат*		*Абылай*			
		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%		
1	илистые глины	–	–	1	5,9	–	–	–	–	1	1	–	–	2	1
2	слабоожелезненные	4	12,1	–	–	4	20	–	–	–	–	1	2,5	9	3,7
3	среднеожелезненные	22	66,7	11	64,7	13	65	24	65	68	70,1	28	70	166	68
4	сильноожелезненные	7	21,2	5	29,4	3	15	13	35	26	26,8	11	27,5	65	26,7
5	среднеожелезненные + сильноожелезненные	–	–	–	–	–	–	–	–	2	2,1	–	–	2	1
Всего		33	100	17	100	20	100	37	100	97	100	40	100	244	100

Таблица 5. Керамика поселений Центрального Казахстана. Рецепты формовочных масс
[*Table 5.* Ceramics from Central Kazakhstan settlements. Pottery paste recipes]

№	Исходное сырье	Поселение												Всего	%
		Едирей-1		*Едирей-3*		*Керегетас-2*		*Кызылсуир-2*		*Сарыбуйрат*		*Абылай*			
		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%		
1	глина + песок + навоз	6	18,2	5	29,4	12	60	22	59,5	53	54,6	18	45	116	47,5
2	глина + дресва + навоз	21	63,7	10	58,8	7	35	14	37,8	39	40,2	21	52,5	112	45,9
3	глина + шамот + навоз	2	6,1	2	11,8	1	5	1	2,7	4	4,2	–	–	10	4,2
4	глина + песок + шамот + навоз	1	3	–	–	–	–	–	–	1	1	–	–	2	0,8
5	глина + дресва + шамот + навоз	1	3	–	–	–	–	–	–	–	–	1	2,5	2	0,8
6	глина+песок+раковина+навоз	2	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	0,8
Всего		33	100	17	100	20	100	37	100	97	100	40	100	244	100

Таблица 6. Керамика поселений Центрального Казахстана. Сводные данные о размерности искусственной добавки песка
[*Table 6.* Ceramics from Central Kazakhstan settlements. Summary data on sand sizes]

Размерность	Поселение									Всего	%
	Едирей-1	*Едирей-3*	*Керегетас-2*	*Кызылсуир-2*		*Сарыбуйрат*		*Абылай*			
	кол-во	кол-во	кол-во	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%		
средняя	7	3	–	6	27,3	7	13	10	55,6	33	27,5
крупная	2	2	12	16	72,7	47	87	8	44,4	87	72,5
Всего	9	5	12	22	100	54	100	18	100	120	100

Таблица 7. Керамика поселений Центрального Казахстана. Сводные данные о размерности дресвы
[*Table 7.* Ceramics from Central Kazakhstan settlements. Summary data on crushed stone sizes]

Размерность	Поселение										Всего	%
	Едирей-1		*Едирей-3*	*Керегетас-2*	*Кызылсуир-2*		*Сарыбуйрат*		*Абылай*			
	кол-во	%	кол-во	кол-во	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%		
мелкая	–	–	–	–	–	–	–	–	1	4,5	1	0,9
средняя	9	41	–	–	5	35,7	9	23	12	54,5	35	30,7
крупная	13	59	10	7	9	64,3	30	77	9	41	78	68,4
Всего	22	100	10	7	14	100	39	100	22	100	114	100

Таблица 8. Керамика поселений Центрального Казахстана. Программы конструирования начинов
[*Table 8.* Ceramics from Central Kazakhstan settlements. Base-wall-rim sequence patterns]

Программа	Поселение						Всего	%
	Едирей-1	*Едирей-3*	*Керегетас-2*	*Кызылсуир-2*	*Сарыбуйрат*	*Абылай*		
	кол-во	кол-во	кол-во	кол-во	кол-во	кол-во		
емкостная	4	3	8	2	11	5	33	54,1
донно-емкостная	2	1	1	6	11	7	28	45,9
Всего	6	4	9	8	22	12	61	100

Таблица 9. Керамика поселений Центрального Казахстана. Способы конструирования полого тела
[*Table 9.* Ceramics from Central Kazakhstan settlements. Pottery shaping techniques]

№	Способ конструирования	Поселение										Все-го	%
		Едирей-1		*Едирей-3*		*Керегетас-2*		*Кызылсуир-2*		*Сарыбуйрат*		*Абылай*			
		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%		
1	лоскутно-комковатый	3	10,7	2	8,3	–	–	3	13,6	13	14,7	7	58,3	28	13,5
2	ленты по кольцевой траектории, с боковым наложением	1	3,6	–	–	1	3	5	22,7	10	11,4	1	8,3	18	8,7
3	жгуты по кольцевой траектории, с боковым наложением	5	17,8	7	29,2	8	24,3	4	18,2	19	21,6	–	–	43	20,8
4	жгуты по спиральной траектории	19	67,9	15	62,5	24	72,7	10	45,5	46	52,3	4	33,4	118	57
Всего		28	100	24	100	33	100	22	100	88	100	12	100	207	100

Отметим, что почти на каждом памятнике были обнаружены фрагменты с шамотом, вероятно от привозных сосудов, поскольку количество их крайне незначительно (в общем 4,2 %). При этом в керамическом комплексе поселений *Сарыбуйрат*, *Едирей-1* и *Абылай* имеются сосуды, формовочные массы которых, составленные по сложным рецептам «шамот + песок», «шамот + дресва», отражают смешение двух культурных традиций.

Выявлено две программы конструирования начинов (табл. 8) — донно-емкостная (45,9 %) и емкостная (54,1 %).

Полое тело сосудов конструировалось четырьмя способами (табл. 9): 1) из лент, которые накладывались по кольцевой траектории (8,7 %), 2) лоскутно-комковатый (13,5 %), 3) из жгутов по кольцевой траектории (20,8 %), 4) из жгутов по спиральной траектории (57 %).

Керамика поселений изготавливалась по пяти технологическим схемам (табл. 10): 1) емкостный начин с полым телом из лент по кольцевой траектории (3,3 %), 2) емкостный начин с полым телом из жгутов по кольцевой траектории (9,8 %), 3) емкостный начин с лоскутно-комковатым полым телом (18 %), 4) емкостный начин с полым телом из жгутов по спиральной траектории (23 %), 5) донно-емкостный спирально-жгутовой начин и полое тело из жгутов по спиральной траектории (45,9 %).

С учетом фрагментов стенок от 207 сосудов на поселении *Абылай* отсутствуют только признаки второй, на поселении *Керегетас-2* — третьей, на поселении *Едирей-3* — четвертой технологической схем.

3.2. Керамика поселений Северного Казахстана

Проведен технико-технологический анализ керамики поселений *Таскора* и *Таскора-1*, расположенных в Акмолинской области [Бейсенов, Ломан 2016] и *Шидерты-2*, расположенного в Павлодарской области [Бейсенов, Ломан 2011].

Здесь было отмечено 5 видов исходного сырья (табл. 11): 1) неожелезненная глина (2,1 %), 2) глины слабой степени ожелезненности (10,7 %), 3) глины средней степени ожелезненности (68,1 %), 4) глины сильной степени ожелезненности (17 %), а также 5) смесь слабоожелезненной и среднеоже-

Таблица 10. Технологические схемы изготовления керамики
[*Table 10.* Pottery technological schemes]

№	Способ конструирования	Памятники									
		поселения Центрального Казахстана		поселения Северного Казахстана		тасмолинские курганы		всего		курганы с «усами»	
		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
1	емкостный начин и полое тело из жгутов по спиральной траектории	14	23	–	–	1	11,1	15	19	–	–
2	емкостный начин и полое тело из жгутов по кольцевой траектории	6	9,8	–	–	–	–	6	7,6	–	–
3	емкостный начин и лоскутно-комковатое полое тело	11	18	6	66,7	4	44,5	21	26,6	1	7,1
4	емкостный начин и полое тело из лент по кольцевой траектории	2	3,3	–	–	–	–	2	2,5	1	7,1
5	донно-емкостный спирально-жгутовой начин и полое тело из жгутов по спиральной траектории	28	45,9	–	–	–	–	28	35,5	2	14,3
6	донно-емкостный спирально-жгутовой начин и полое тело из жгутов по кольцевой траектории с боковым наложением	–	–	3	33,3	–	–	3	3,7	–	–
7	емкостный начин и полое тело из лоскутов по спиральной траектории	–	–	–	–	1	11,1	1	1,3	10	71,5
8	донно-емкостный спирально-лоскутный начин и полое тело из лоскутов по спиральной траектории	–	–	–	–	1	11,1	1	1,3	–	–
9	донно-емкостный лоскутно-комковатый начин и лоскутно-комковатое полое тело	–	–	–	–	2	22,2	2	2,5	–	–
Всего		61	100	9	100	9	100	79	100	14	100

лезненной глин (2,1 %). Первый и последний виды выявлены только по материалам поселения *Таскора-1*, четвертый — только по материалам поселения *Шидерты-2*.

Формовочные массы составлялись по пяти рецептам (табл. 12): 1) глина + органика (2,1 %), 2) глина + дресва + шамот + навоз (8,5 %), 3) глина + шамот + навоз (14,9 %), 4) глина + дресва + навоз (33,3 %), 5) глина + слабо окатанный песок + навоз (36,2 %).

Рецепты №№ 1 и 2 выявлены только по материалам поселения *Таскора-1*, причем экземпляр с рецептом № 1 был изготовлен с помощью гончарного круга и является импортным. К импортным можно отнести и единственный образец из неожелезненной глины, также найденный на поселении *Таскора-1*.

Песок применялся только на поселении *Шидерты-2*, мелкой (1 экз.), средней (11 экз.) и крупной (5 экз.) размерности, в концентрации 1:4 (6 экз.) и 1:5 (11 экз.). Дресва, применявшаяся на поселениях *Таскора* и *Таскора-1*, была средней (47,8 %) и крупной (39,2 %) размерности (табл. 13). Мелкая дресва встречена только на поселении *Таскора*. Шамот имел среднюю (5 экз.) и крупную (6 экз.) размерность, применялся в концентрациях 1:4 (2 экз.) и 1:5 (9 экз.). Исходное сырье шамота имело слабую (7 экз.) и среднюю (5 экз.) степень ожелезненности. В одном сосуде из поселения *Таскора-1* были обнаружены частицы шамота как слабой, так и средней ожелезненности, причем исходное сырье самого сосуда относилось к неожелезненным глинам.

Технология конструирования сосудов изучалась по фрагментам 40 экземпляров, в том числе по 9 придонным частям. Начины изготавливались по двум программам — донно-емкостной и емкостной (табл. 14). Выяснено (табл. 15), что полое тело большинства сосудов (67,8 %) было сконструировано лоскутно-комковатым способом, а также из жгутов (16,1 %)

Таблица 11. Керамика поселений Северного Казахстана. Виды исходного сырья
[*Table 11.* Ceramics from North Kazakhstan settlements. Types of raw material]

№	Исходное сырье	Поселение						Всего	%
		Таскора		*Таскора-1*		*Шидерты-2*			
		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%		
1	неожелезненная глина	–	–	1	5,6	–	–	1	2,1
2	слабоожелезненные глины	2	22,2	2	11,1	1	5	5	10,7
3	среднеожелезненные глины	7	77,7	14	77,7	11	55	32	68,1
4	сильноожелезненные глины	–	–	–	–	8	40	8	17
5	слабоожелезненная глина + среднеожелезненная глина	–	–	1	5,6	–	–	1	2,1
Всего		9	100	18	100	20	100	47	100

Таблица 12. Керамика поселений Северного Казахстана. Рецепты формовочных масс
[*Table 12.* Ceramics from North Kazakhstan settlements. Pottery paste recipes]

№	Рецепт	Поселение						Всего	%
		Таскора		*Таскора-1*		*Шидерты-2*			
		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%		
1	глина + песок + навоз	–	–	–	–	17	85	17	36,2
2	глина + дресва + навоз	8	88,9	10	55,5	–	–	18	33,3
3	глина + шамот + навоз	1	11,1	3	16,7	3	15	7	14,9
4	глина + дресва + шамот + навоз	–	–	4	22,2	–	–	4	8,5
5	глина + органика	–	–	1	5,6	–	–	1	2,1
Всего		9	100	18	100	20	100	47	100

и лент (16,1 %), причем и те, и другие накладывались по кольцевой траектории.

Выделены две технологические схемы изготовления керамики (табл. 10): донно-емкостный спирально-жгутовой начин с полым телом из жгутов по кольцевой траектории (3 экз.), а также емкостный начин с лоскутно-комковатым полым телом (6 экз.).

Состав населения *Таскоры-1*, вероятно, был более пестрым по сравнению с *Таскорой*, так как по изученному материалу наблюдается большее разнообразие видов исходного сырья и рецептов формовочных масс. Если сравнивать полученные данные с материалами центральноказахстанских поселений, то традиции выбора исходного сырья совпадают: в обоих регионах применялись в основном глины средней ожелезненности, присутствовали также глины слабой и сильной ожелезненности. При этом по керамике поселений *Таскора* и *Таскора-1* сильноожелезненные глины не выявлены. Имеются особенности в традициях составления формовочных масс — в отличие от центральноказахстанских поселений, где предпочиталась крупная размерность минеральных примесей, гончары поселений *Шидерты-2* и *Таскора-1* использовали главным образом среднюю размерность. Кроме того, при конструировании полого тела в Центральном Казахстане приме-

Таблица 13. Керамика поселений Северного Казахстана. Сводные данные о размерности дресвы
[*Table 13.* Ceramics from North Kazakhstan settlements. Summary data on crushed stone sizes]

Размерность	Поселение		Всего	%
	Таскора	*Таскора-1*		
мелкая	3	–	3	13
средняя	2	9	11	47,8
крупная	4	5	9	39,2
Всего	9	14	23	100

Таблица 14. Керамика поселений Северного Казахстана. Программы конструирования начинов
[*Table 14.* Ceramics from North Kazakhstan settlements. Base-wall-rim sequence patterns]

Программа	поселение			Всего	%
	Таскора	*Таскора-1*	*Шидерты-2*		
	кол-во	кол-во	кол-во		
емкостная	2	1	3	6	66,7
донно-емкостная	3	–	–	3	33,3
Всего	5	1	3	9	100

Таблица 15. Керамика поселений Северного Казахстана. Способы конструирования полого тела
[*Table 15.* Ceramics from North Kazakhstan settlements. Pottery shaping techniques]

№	Способ конструирования	Поселение			Всего	%
		Таскора	*Таскора-1*	*Шидерты-2*		
		кол-во	кол-во	кол-во		
1	лоскутно-комковатый	4	6	11	21	67,8
2	ленты по кольцевой траектории, с боковым наложением	2	–	3	5	16,1
3	жгуты по кольцевой траектории, с боковым наложением	–	–	5	5	16,1
Всего		6	6	19	31	100

нялись в основном жгуты, тогда как в Северном Казахстане преобладал лоскутно-комковатый способ, причем на поселениях *Таскора* и *Таскора-1* жгутовые способы не выявлены.

Отметим также, что по шидертинским материалам выделена шестая технологическая схема изготовления керамики, отсутствующая в центральноказахстанских поселениях — донно-емкостный спирально-жгутовой начин и полое тело из жгутов по кольцевой траектории с боковым наложением. В отличие от всех других памятников, и центральноказахстанских, и североказахстанских, гончары поселения *Шидерты-2* не применяли дресву.

3.3. Керамика из курганов

Ранее [Бейсенов, Ломан 2008] проводилось сравнение технологии изготовления лепных сосудов из трех курганов тасмолинской культуры (3 экз.) с сосудами из восьми курганов с «усами» (12 экз.), которые, как считалось, также относились к раннему железному веку. По материалам из курганов с «усами» было установлено, что они принадлежали двум этнокультурным группам, гончары которых делали посуду по своим технологическим схемам: 1) емкостный начин с полым телом из лоскутов по спиральной траектории; 2) донно-емкостный спирально-жгутовой начин и полое тело из жгутов по спиральной траектории. Первая группа добавляла в формовочную массу шамот, вторая — песок. Обе группы сосуществовали, поскольку их сосуды были обнаружены в погребениях совместно.

Было выявлено, что один из тасмолинских сосудов (могильник *Сати*, курган 6) по всем технологическим параметрам, включая рецептуру формовочной массы (глина + шамот + навоз), полностью соответствовал второй технологической схеме сосудов из курганов с «усами». При этом два других изученных тасмолинских сосуда (могильник *Нуркен-2*, курганы 1 и 2) обнаружили признаки смешения традиций обеих групп (донно-емкостный начин с полым телом из лоскутов по спиральной траектории и емкостный начин с полым телом из жгутов по спиральной траектории). Сделан вывод о том, что все рассмотренные сосуды могли принадлежать к одной культурной общности.

Исследования лепной керамики из курганов были впоследствии продолжены, и к настоящему времени изучена технология изготовления еще 5 сосудов из четырех курганов с «усами» и 19 сосудов из шести могильников тасмолинской культуры. Выявлено еще две технологические схемы (табл. 10): 1) емкостный начин с лоскутно-комковатым полым телом, а также 2) донно-емкостный лоскутно-комковатый начин и лоскутно-комковатое полое тело. В качестве искусственных минеральных добавок на части тасмолинских памятников (могильники *Кызыл*, *Кызылжартас* и *Каражартас-2*), кроме песка и шамота обнаружено применение дресвы [Бейсенов и др. 2022].

4. Обсуждение результатов

В целом по всем памятникам зафиксировано 9 технологических схем, в соответствии с которыми была сделана керамика (табл. 10): 1) емкостный начин с полым телом из жгутов по спиральной траектории (19 %), 2) емкостный начин с полым телом из жгутов по кольцевой траектории (7,6 %), 3) емкостный начин с лоскутно-комковатым полым телом (26,6 %), 4) емкостный начин с полым телом из лент по кольцевой траектории (2,5 %), 5) донно-емкостный спирально-жгутовой начин и полое тело из жгутов по спиральной траектории (35,5 %), 6) донно-емкостный спирально-жгутовой начин и полое тело из жгутов по кольцевой траектории с боковым наложением (3,7 %), 7) емкостный начин и полое тело из лоскутов по спиральной траектории (1,3 %), 8) донно-емкостный спирально-лоскутный начин и полое тело из лоскутов по спиральной траектории (1,3 %), 9) донно-емкостный лоскутно-комковатый начин и лоскутно-комковатое полое тело (2,5 %).

Установлено, что в материалах Северного Казахстана преобладает 3-я технологическая схема. В этой связи интересны данные, полученные в результате технико-технологического анализа керамики синхронных поселений Горного Алтая, которые показали, что местная керамика конструировалась таким же образом, т. е. имела емкостный начин с лоскутно-комковатым полым телом [Бейсенов и др. 2017: 130; табл. 38, 39]. На сегодняшнем информационном уровне это совпадение можно объяснить, предположительно, миграционными процессами. В них могла участвовать и группа населения с девятой технико-технологической схемой изготовления керамики. По этой схеме были

изготовлены керамика поселений Горного Алтая, отнесенная к пришлой категории, и два сосуда из тасмолинских курганов Казахстана.

В керамической посуде центральноказахстанских поселений раннего железного века наиболее представительной (45,9 %) оказалась 5-я технологическая схема. По-видимому, группа населения, керамика которой делалась по этой схеме, была здесь наиболее многочисленна. За ней следуют группы с 3 и 1-й технологическими схемами, причем 3-я схема встречена как на центральноказахстанских, так и на североказахстанских поселениях, а также в керамике тасмолинских курганов.

Под технологической схемой конструирования керамики понимается сочетание начина и полого тела, изготовленных определенными способами. Если учесть, что навыки изготовления начина и полого тела относятся к так называемым субстратным навыкам, т. е. наиболее консервативным элементам гончарной технологии, меняющимся в условиях культурного смешения в последнюю очередь [Бобринский 1978: 171, 129], то по различиям в них мы можем судить о степени культурного единства той или иной группы населения [Бобринский 1978: 244]. Таким образом, каждая технологическая схема в гончарстве соотносится с конкретной группой населения, не связанной в прошлом своим происхождением с другими группами, и, скорее всего, значительная часть поселенческой керамики Центрального Казахстана принадлежала населению, отличающемуся по своему происхождению от обитателей Северного Казахстана и от населения, оставившего тасмолинские курганы. При этом существенных морфологических отличий в керамике всех поселений не выявлено (рис. 1–2). Явное морфологическое сходство с керамикой поселений имеют сосуды из тасмолинских курганов, прежде всего из могильников *Кызылжартас* (рис. 3: 4–8) и *Каражартас-2* (рис. 3: 9–12), а также могильника *Сарыбуйрат*, расположенного рядом с одноименным поселением. В условиях смешения населения в первую очередь меняется внешний облик керамики, приобретающей унифицированный вид, тогда как способы изготовления керамики, прежде всего относящиеся к конструированию начина и полого тела, определенное время остаются своими у каждой группы гончаров [Бобринский 1978: 244].

В свете новых данных, их обобщения и анализа стало возможным описать и основной набор технологических традиций, в соответствии с которым была изготовлена изученная керамика из курганов с «усами»: 1) на ступени отбора исходного сырья для половины сосудов зафиксировано применение концентратов из глин различной степени ожелезненности, что не характерно для керамики поселений и тасмолинских курганов; 2) в качестве искусственной минеральной добавки применялся главным образом шамот, тогда как в рецептуре формовочных масс керамики поселений и тасмолинских курганов преобладали слабоокатанный песок и дресва; 3) размерность частиц минеральных примесей в основном крупная, преобладала концентрация 1:5 (здесь наблюдается совпадение с материалами тасмолинских памятников); 4) на созидательной стадии гончары, которые делали керамику из курганов с «усами», применяли по большей части следующую технологическую схему — емкостный начин с полым телом из лоскутов по спиральной траектории. На других памятниках она была отмечена только в тасмолинском кургане № 6 могильника *Сапи*, а на поселениях ее признаки не выявлены. Таким образом, керамика из курганов с «усами» (рис. 4) в основном принадлежала населению с гончарными традициями, отличавшимся по многим параметрам от керамики из обычных курганов. Отметим, что сосуды в комплексах курганов с «усами» обнаруживают главным образом в насыпях, от которых и отходят сами каменные гряды [Бейсенов 2017: 32–33]. При этом по последним результатам радиоуглеродного датирования этих насыпей значительная часть их все же относится к гуннскому и даже более позднему времени [Бейсенов 2020: 127–130], что объясняет отличия гончарной технологии находимых в них сосудов от тасмолинской керамики.

5. Заключение

По результатам проведенного технико-технологического анализа керамики поселений и могильников тасмолинской культуры Казахского мелкосопочника установлено наличие нескольких групп населения со своими гончарными традициями. Девять

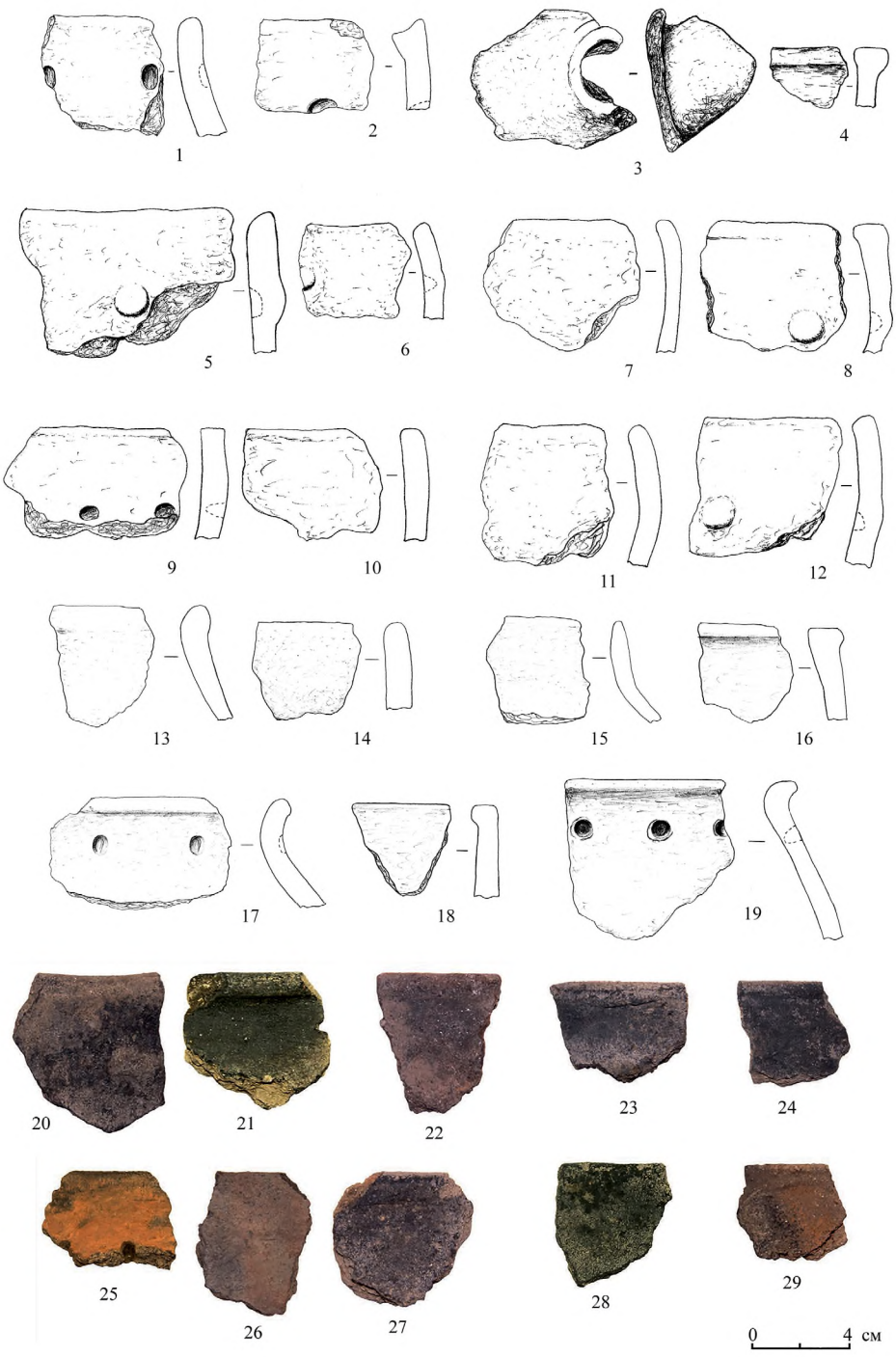

Рис. 1. Керамика поселений раннего железного века Центрального Казахстана: 1–6 — *Едирей-1* [по: Бейсенов, Ломан 2009: рис. 133–135]; 7–12 — *Керегетас-2* [по: Бейсенов, Ломан 2009: рис. 122, 123, 125]; 13–19 — *Кызылсуир-2* [по: Бейсенов, Ломан 2009: рис. 113–114]; 20–29 – *Абылай* [по: Бейсенов и др. 2017: рис. 2–4]

[*Fig. 1.* Early Iron Age ceramics from Central Kazakhstan settlements: 1–6 — *Edirei-1*; 7–12 — *Keregetas-2*; 13–19 — *Kyzylsuir-2*; 20–29 — *Abylai*]

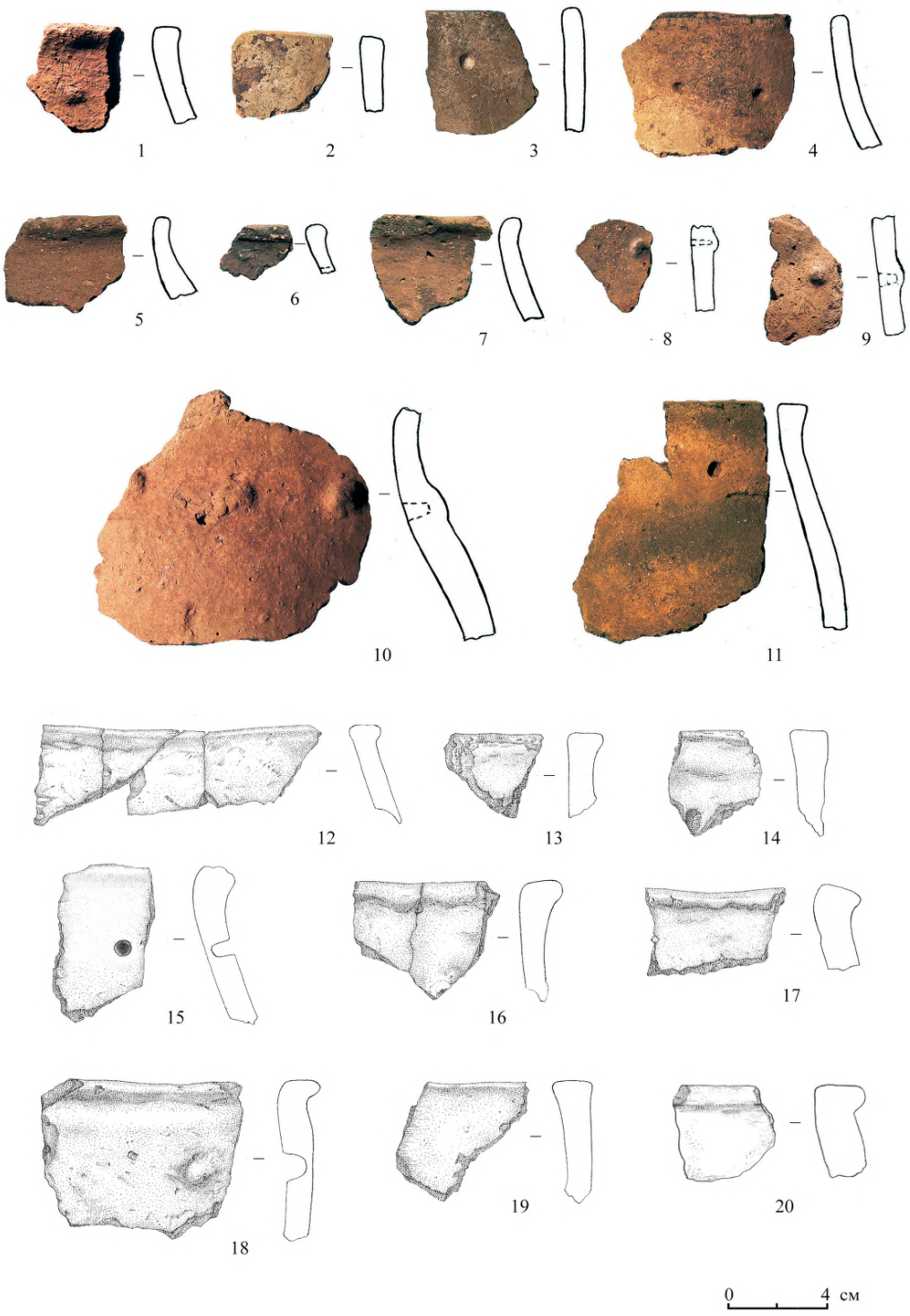

Рис. 2. Керамика поселений раннего железного века Северного Казахстана: 1–3, 10 — *Таскора*; 4–9, 11 — *Таскора-1* [по: Бейсенов, Ломан 2016: рис. 3]; 12–20 – *Шидерты-2* [по: Бейсенов, Ломан 2011: рис. 1]

[*Fig. 2.* Early Iron Age ceramics from Northern Kazakhstan settlements: 1–3, 10 — *Taskora*; 4–9, 11 — *Taskora-1*; 12–20 — *Shiderty-2*]

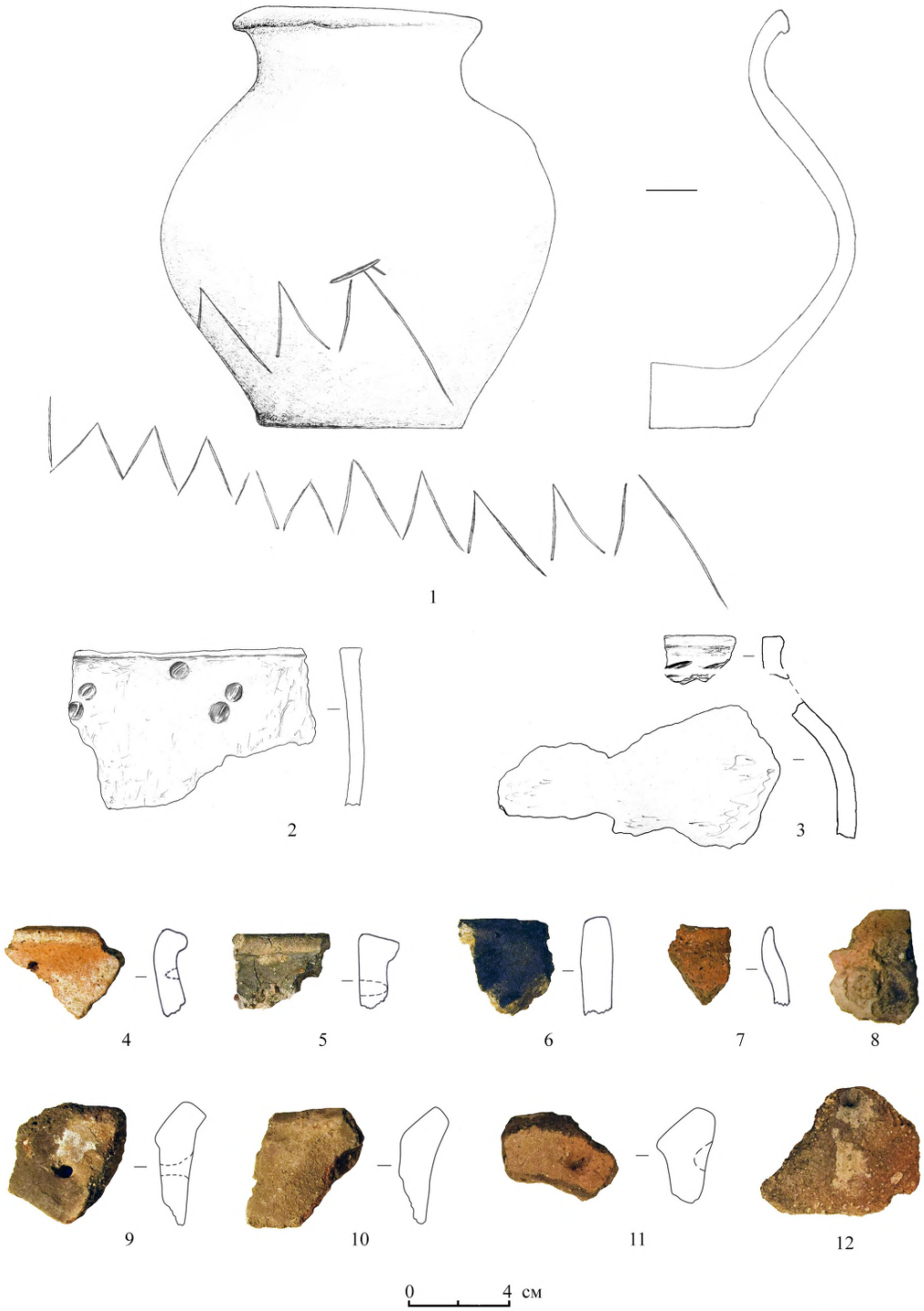

Рис. 3. Керамика из тасмолинских курганов: 1 — могильник *Кособа*, курган 2 [по: Бейсенов 2014: рис. 6]; 2 — могильник *Кызыл*, курган 4 [по: Бейсенов 2018: рис. 6, 3]; 3 — могильник *Нуркен-2*, курган 2 [по: Бейсенов, Ломан 2008: рис. 2, 2]; 4–8 — могильник *Кызылжартас*, курган 1; 9–12 — могильник *Каражартас-2*, курган 2 [по: Бейсенов и др. 2022: рис. 2, 3]

[*Fig. 3.* Ceramics from the barrows of *Tasmola*: 1 — *Qosoba* grave field, barrow 2; 2 — *Kyzyl* grave field, barrow 4; 3 — *Nurken-2* grave field, barrow 2; 4–8 — *Kyzylzhartas* grave field, barrow 1; 9–12 — *Karazhartas-2* grave field, barrow 2]

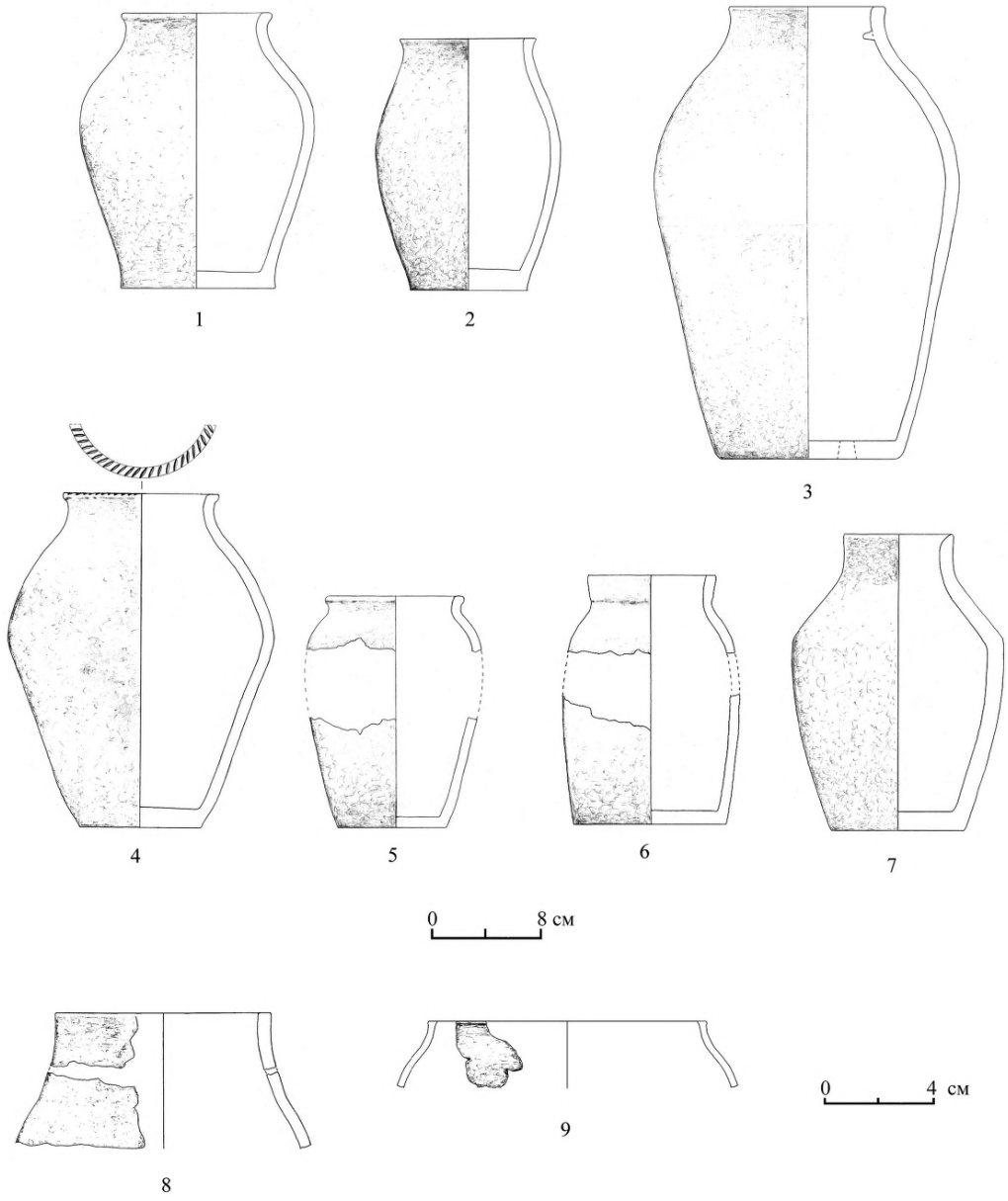

Рис. 4. Керамика из курганов с «усами»: 1, 2 — могильник *Бирлик*, курган 15; 3 — могильник *Аксу-Аюлы-3*, курган 1; 4, 5 — могильник *Сабындыколь*, курган 1; 6 — могильник *Кабакши*, курган 1; 7 — могильник *Каратал-5*, курган 2; 8 — могильник *Едирей-3*, курган 3; 9 — могильник *Бегазы-10*, курган 4 [по: Бейсенов, Ломан 2008: рис. 1–4]

[*Fig. 4*. Ceramics from barrows with 'moustaches': 1, 2 — *Birlik* grave field, barrow 15; 3 — *Aksu-Ayuly-3* grave field, barrow 1; 4, 5 — *Sabyndykol* grave field, barrow 1; 6 — *Kabakshi* grave field, barrow 1; 7 — *Qaratal-5* grave field, barrow 2; 8 — *Edirei-3* grave field, barrow 3; 9 — *Begazy-10* grave field, barrow 4]

технологических схем конструирования посуды, выделенных по способам и программам изготовления начина и полого тела, свидетельствуют об изначально разном происхождении их носителей.

Выявленные А. А. Бобринским при изучении этнографического гончарства закономерности функционирования гончарных традиций применительно к древней керамике позволяют получить сведения о различных культурно-исторических процессах, в которых участвовали гончары, в том числе, например, о миграциях и процессах смешения [Бобринский 1978: 242]. Материалы рассмотренных памятников отражают начальные этапы происходивших процессов культурного смешения. Так, на ряде поселений зафиксировано конгломератное сосуществование разных групп населения, поскольку почти не наблюдается признаков смешения традиций даже на ступенях отбора исходного сырья и составления формовочных масс. Лишь на поселении *Абылай* встречен один сосуд со смешанной рецептурой формовочной массы («дресва + шамот»), на поселении *Сарыбуйрат* — два сосуда со смешанным исходным сырьем (глина сильной степени ожелезненности + глина средней степени ожелезненности) и один сосуд со смешанной рецептурой формовочной массы («песок + шамот»), на поселении *Таскора-1* — один сосуд со смешанным исходным сырьем (глина слабой степени ожелезненности + глина средней степени ожелезненности) и четыре сосуда со смешанной рецептурой формовочной массы («дресва + шамот»), а на поселении *Едирей-1* — два сосуда со смешанной рецептурой формовочной массы (один экз. — «песок + шамот» и еще один — «дресва + шамот»). На этих памятниках, по-видимому, только начался процесс смешения культурных традиций в гончарстве. При этом часть изученных сосудов может отражать начавшиеся процессы смешения между различными группами населения, затронувшие уже субстратные навыки изготовления глиняной посуды, к которым относятся навыки изготовления начина и полого тела. В данном контексте к ним можно отнести сосуды с технологическими схемами № 1 и № 8.

Некоторые единично представленные сосуды можно, предположительно, отнести к категории импортных, например, два образца из илистых глин (поселения *Едирей-3* и *Сарыбуйрат*), два образца с искусственной добавкой речной раковины в сочетании с песком (поселение *Едирей-1*).

В целом по данным технико-технологического анализа керамики складывается картина весьма неоднородного состава населения Сарыарки в эпоху раннего железа и проходивших в то время активных процессах смешения различных групп.

Литература

Бейсенов 2014 — *Бейсенов А. З.* Исследование кургана сакского времени с каменным изваянием на могильнике Кособа (Центральный Казахстан) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул: АГУ, 2014. С. 7–16.

Бейсенов 2017 — *Бейсенов А. З.* Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Т. 2. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2017. С. 31–37.

Бейсенов 2018 — *Бейсенов А. З.* Тасмолинские погребения могильника Кызыл // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 2. Барнаул: АГУ, 2018. С. 139–149.

Бейсенов 2020 — *Бейсенов А. З.* Находки костей животных в курганах с «усами» Центрального Казахстана // Теория и практика археологических исследований. 2020. Т. 29. № 1. С. 125–137. DOI: 10.14258Лра1(2020)1(29).-08

Бейсенов, Ломан 2008 — *Бейсенов А. З., Ломан В. Г.* Керамика из курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. Сер. обществ. наук. 2008. № 1. С. 35–41.

Бейсенов, Ломан 2009 — *Бейсенов А. З., Ломан В. Г.* Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: «Інжу-Маржан» полиграфия, 2009. 264 с.

Бейсенов, Ломан 2011 — *Бейсенов А. З., Ломан В. Г.* Керамика раннесакского времени из поселения Шидертинское-2 (Центральный Казахстан) // Маргулановские чтения-2011. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 405–410.

Бейсенов, Ломан 2016 — *Бейсенов А. З., Ломан В. Г.* Гончарная технология поселений сакского времени Казахского мелкосопочника // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. Вып. 5. Иркутск: ИГУ. С. 240–248.

Бейсенов и др. 2017 — *Бейсенов А. З., Шульга П. И.,*

Ломан В. Г. Поселения сакской эпохи. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2017. 208 с.

Бейсенов и др. 2022 — *Бейсенов А .З., Ломан В. Г., Шашенов Д. Т.* Керамика из новых курганов тасмолинской культуры // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21. № 1. С. 6–20. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2022.1.1

Бобринский 1978 — *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский 1999 — *Бобринский А. А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / науч. ред. А. А. Бобринский. Самара: СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Васильева 1999 — *Васильева И .Н.* Технология керамики энеолитического могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург: ОГПУ, 1999. С. 191–216.

Горячев 2011 — *Горячев А. А.* Стоянка и могильник раннего железного века археологического комплекса Тургень-II // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. Алматы: [б. и.], 2011. С. 325–341.

Горячев 2019 — *Горячев А. А.* Об устройстве поселений раннего железного века Жетысу // Поволжская археология. 2019. № 3(29). С. 80–99. DOI: 10.24852/pa2019.3.29.80.99

Казахстан в сакскую эпоху 2017 — Казахстан в сакскую эпоху. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. 228 с.

Хабдулина 1994 — *Хабдулина М. К.* Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.

Хабдулина 2003 — *Хабдулина М. К.* Поселения раннесакского времени на р. Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1: Древние эпохи. Астана: Күлтегін, 2003. С. 189–214.

References

Beisenov A .Z., Loman V. G., Shashenov D. T. Ceramics from new kurgans of the Tasmola culture. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*. 2022. Vol. 21. No. 1. Pp. 6–20. (In Russ.) DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2022.1.1

Beisenov A. Z. (ed.) Kazakhstan in the Saka Era. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2017. 228 p. (In Russ.)

Beisenov A. Z. Finds of animal bones in the barrows with “ridges” of Central Kazakhstan. *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2020. Vol. 29. No. 1. Pp. 125–137. (In Russ.) DOI: 10.14258Лра1(2020)1(29).-08

Beisenov A. Z. Investigating one Saka-era kurgan with a stone sculpture in Qosoba grave field (Central Kazakhstan). In: Ancient and Medieval Sculptures of Central Asia. Barnaul: Altai State University, 2014. Pp. 7–16. (In Russ.)

Beisenov A. Z. Kurgans with ‘moustaches’ in Central Kazakhstan. In: Beisenov A. Z., Loman V. G. (eds.) Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Investigation and Preservation. Almaty: Begazy-Tasmola, 2017. Vol. 2. Pp. 31–37. (In Russ.)

Beisenov A. Z. Tasmola burials of the Kyzyl burial ground. In: Contemporary Solutions to Topical Challenges of Eurasian Archaeology. Vol. 2. Barnaul: Altai State University, 2018. Pp. 139–149. (In Russ.)

Beisenov A. Z., Loman V. G. Ancient Settlements of Central Kazakhstan. Almaty: Inzhu-Marzhan, 2009. 264 p. (In Russ.)

Beisenov A. Z., Loman V. G. Ceramics from Early Iron Age barrows of Central Kazakhstan. *News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of Social Sciences*. 2008.No. 1. Pp. 35–41. (In Russ.)

Beisenov A. Z., Loman V. G. Pottery technology of Saka settlements in the Kazakh Upland. In: Berdnikov I. M., Lipnina E. A. (eds.) Eurasia in the Cenozoic: Stratigraphy, Paleoecology, Cultures. Conference proceedings (Irkutsk, 7–9 December 2016). Vol. 5. Irkutsk: Irkutsk State University, 2016. Pp. 240–248. (In Russ.)

Beisenov A. Z., Loman V. G. Shidertinskoe-2 settlement (Central Kazakhstan): Ceramics from the early Saka era. In: Margulan Readings-2011. Astana: Gumilev Eurasian National University, 2011. Pp. 405–410. (In Russ.)

Beisenov A. Z., Shulga P. I., Loman V. G. Settlements of the Saka Era. Almaty: Begazy-Tasmola, 2017. 208 p. (In Russ.)

Bobrinsky A. A. Pottery in East Europe: Sources and Methods of Research. Moscow: Nauka, 1978. 272 p. (In Russ.)

Bobrinsky A. A. Pottery technology as an object of historical and cultural studies. In: Bobrinsky A. A. (ed.) Ancient Pottery: Topical Research Challenges. Joint monograph. Samara: Samara State Pedagogical University, 1999. Pp. 5–109. (In Russ.)

Goryachev A. A. Early Iron Age site of Turgen-II: Settlement and grave field [reviewed]. In: Issues of Kazakhstan’s Archaeology. Vol. 3. Almaty, 2011. Pp. 325–341. (In Russ.)

Goryachev A. A. Organization of settlements of the Early Iron Age in Jetzsu. *Povolzhskaya*

Arkheologiya (The Volga River Region Archaeology). 2019. No. 3 (29). Pp. 80–99. (In Russ.) DOI: 10.24852/pa2019.3.29.80.99

Khabdulina M. K. Settlements of the Early Saka era in the Sileti River Valley. In: Steppe Civilization of Eastern Eurasia. Vol. 1: Ancient Times. Astana: Kültegin, 2003. Pp. 189–214. (In Russ.)

Khabdulina M. K. Steppes of the Ishim River Valley in the Early Iron Age. Almaty: Rakurs, 1994. 170 p. (In Russ.)

Vasilyeva I .N. Eneolithic grave field at the village of Syezzhee: Pottery technology [analyzed]. In: Archaeological Sites of Orenburg Lands. Vol. 3. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 1999. Pp. 191–216. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 2, Pp. 373–388, 2024
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 903.5+397.4
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-373-388

Половозрастная структура позднесарматского населения на территории Республики Калмыкия (по материалам археологических раскопок 1974–1982 гг.)

Любовь Алексеевна Бембеева[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
0000-0001-7340-221X. E-mail: bembeeva.l.a[at]mail.ru

© КалмНЦРАН, 2024
© Бембеева Л. А., 2024

Аннотация. *Введение*. Работа посвящена исследованию антропологических материалов из погребений позднесарматского времени, хранящихся в фондах Калмыцкого научного центра РАН. Дана краткая историческая характеристика исследованных на территории Республики Калмыкия археологических памятников раннего железного века, прежде всего позднесарматских погребений. *Цель* данного исследования — анализ половозрастной структуры населения позднесарматской культуры на территории республики и введение новых антропологических материалов в научный оборот. В процессе работы для определения пола и возраста применялись традиционные антропологические *методики*. Методика расчета основных палеодемографических индексов взята из работы Т. И. Алексеевой, Д. В. Богатенкова, Г. В. Лебединской «Влахи». Для оценки демографической ситуации были привлечены данные локальных и хронологических выборок по соседним регионам: Волгоградской и Ростовской областям. *Результаты* исследования показали, что при всей схожести трех палеопопуляций позднесарматского времени, выраженных в большом количестве деформированных черепов, найденных в погребениях того времени, демографических диспропорциях, связанных с малым количеством детских захоронений, деформации половой структуры в сторону преобладания мужского населения и т. д., каждая группа отражает особенности своего развития.

Ключевые слова: ранний железный век, позднесарматская культура, половозрастные особенности, основные палеодемографические показатели, таблицы смертности, пики смертности, процесс адаптации

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Бембеева Л. А. Половозрастная структура населения позднесарматского времени на территории Республики Калмыкия (по материалам археологических раскопок 1974–1982 гг.) // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 2. С. 373–388. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-373-388

Age-Sex Structure of Kalmykia's Late Sarmatian Population: Analyzing Materials of 1974–1982 Excavations

Lyubov A. Bembeyeva[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate
0000-0001-7340-221X. E-mail: bembeeva.l.a[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024
© Bembeeva L. A., 2024

Abstract. *Introduction.* The work delves into anthropological materials from Late Sarmatian burials housed at Kalmyk Scientific Center (RAS). It briefly characterizes a variety of Early Iron Age sites — and, in particular, Late Sarmatian burials — explored in the territory of Kalmykia. *Goals.* The study attempts an analysis of the age-sex structure inherent to Kalmykia's Late Sarmatians, and shall introduce some newly obtained anthropological materials into scientific circulation. *Methods.* Traditional anthropological methods have been most instrumental in determining sex and age. The methodology for calculating key paleodemographic indicators have been borrowed from *The Vlachs* by T. Alekseeva, D. Bogatenkov, and G. Lebedinskaya. The demographic calculations involve published data on respective groups from neighboring regions — Volgograd and Rostov Oblasts. *Results.* The paper shows despite the three paleopopulations of the Late Sarmatian era are similar enough, which be manifested in a large number of deformed skulls, demographic imbalances associated with few children's burials, prevalence of male individuals, etc. — each group is distinguished by certain peculiarities of its development.

Keywords: Early Iron Age, Late Sarmatian culture, age-sex characteristics, basic paleodemographic indicators, mortality tables, mortality peaks, adaptation process

Acknowedgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Bembeeva L. A. Age-Sex Structure of Kalmykia's Late Sarmatian Population: Analyzing Materials of 1974–1982 Excavations. *Oriental Studies*. 2024; 17 (2): 373–388. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-373-388

1. Введение

Ранний железный век, сменивший эпоху бронзы, охватывает исторический период от начала широкого употребления железа до раннего средневековья. В период от первого тысячелетия до нашей эры в евразийских степях распространяются и развиваются многочисленные сообщества, ведущие кочевое скотоводство. Этот исторический период определяется как эпоха ранних или древних кочевников. Рубежом, отделяющим эпоху древних кочевников от эпохи средневековых кочевников, считается нашествие в восточноевропейские степи гуннов в 376 г. нашей эры, когда одна часть завоеванного населения была истреблена, другая часть либо откочевывала на соседние территории, либо присоединилась к завоевателям.

Археологические памятники эпохи раннего железного века на территории Республики Калмыкия представлены 786 погребениями, что составляет 20,2 % от общего числа всех раскопанных погребений, это в 3,19 раза меньше, чем памятников эпохи бронзы. Меньшее количество погребальных памятников древних кочевников показывает, что для успешного ведения хозяйства они нуждались в гораздо больших просторах, чем население бронзового века. Как следствие, погребения кочевников встречаются реже и они малочисленнее, так как распределены на большей территории [Очир-Горяева 2008: 146].

Многочисленные сведения о племенах, заселявших территорию от Северного Причерноморья до Урала, оставили античные

историки: Геродот, Помпоний Мела, Страбон. Они отмечали наиболее крупные объединения древних кочевников — скифов и сарматов, отсюда и второе название периода раннего железного века — скифо-сарматская эпоха [Рыбаков 1979: 63–89; Путенихин 2013: 152–156; Страбон 1994: 245, 290–296]. На территории Калмыкии скифская культура развивалась примерно с 6 по 4 вв. до нашей эры. Археологами исследованы сравнительно немногочисленные археологические памятники в виде 124 погребений под небольшими курганами, а также впускных погребений в уже существовавшие курганы бронзового века. Сарматские племена, пришедшие со следующей волной завоевателей, господствовали на территории современной Калмыкии вплоть до нашествия гуннов. Исследованы 662 погребения, отнесенных археологами к этому времени. Хронологически данный период подразделяется на три этапа: раннесарматское (3 в. до н. э. – 1 в. н. э.), среднесарматское (1 – начало 2 в. н. э.) и позднесарматское время (начало 2 в. н. э. – 376 г.) [Очир-Горяева 2008: 178–197].

Погребения каждой из этих культур имеют свои отличительные черты, характеризующиеся способами захоронения, формой могильных ям, инвентарем, ориентировкой погребенных и т. д. Племена поздних сармат отличались от предшественников своим погребальным обрядом и культурой. Они сооружали небольшие курганчики над единственным погребением, ориентировка погребенных была головой строго на север, могильные ямы были необыкновенно узкими, с подбоями [Скрипкин 1984: 99]. Характерной чертой погребального обряда являлась традиция снабжения умершего заупокойной пищей: кости овцы в виде задней или передней конечности в анатомическом сочленении с частью таза или лопаткой присутствуют во всех захоронениях поздних сармат [Дорджиева, Бембеева 2021: 298–299]. Еще одной устоявшейся традицией и массовым явлением у позднесарматских племен являлась практика искусственной деформации черепа, когда ребенку в детстве накладывали на голову специальные повязки для формирования вытянутой яйцевидной формы [Фирштейн 1970: 119–135].

Цель статьи — анализ половозрастной структуры населения позднесарматской культуры на территории республики и введение новых антропологических материалов в научный оборот.

2. Материалы и методики исследования

Источником для исследования послужили костные останки 74 древних кочевников из пяти курганных могильников, располагавшихся в непосредственной близости друг от друга на севере Сарпинской низменности: *Купцын Толга* (1974), *Кермен Толга* (1979), *Хар Нуурин Толга* (1980), *Джангар* (1980–1981), *Дюкер* (1982) (см. карту 1). Именно здесь выявлена наиболее высокая концентрация погребений позднесарматской культуры, что позволило объединить исследуемый костный материал в серию и провести анализ половозрастной структуры населения (см. табл. 1). Антропологические материалы хранятся в остеологическом хранилище Калмыцкого научного центра РАН (далее — КалмНЦ РАН).

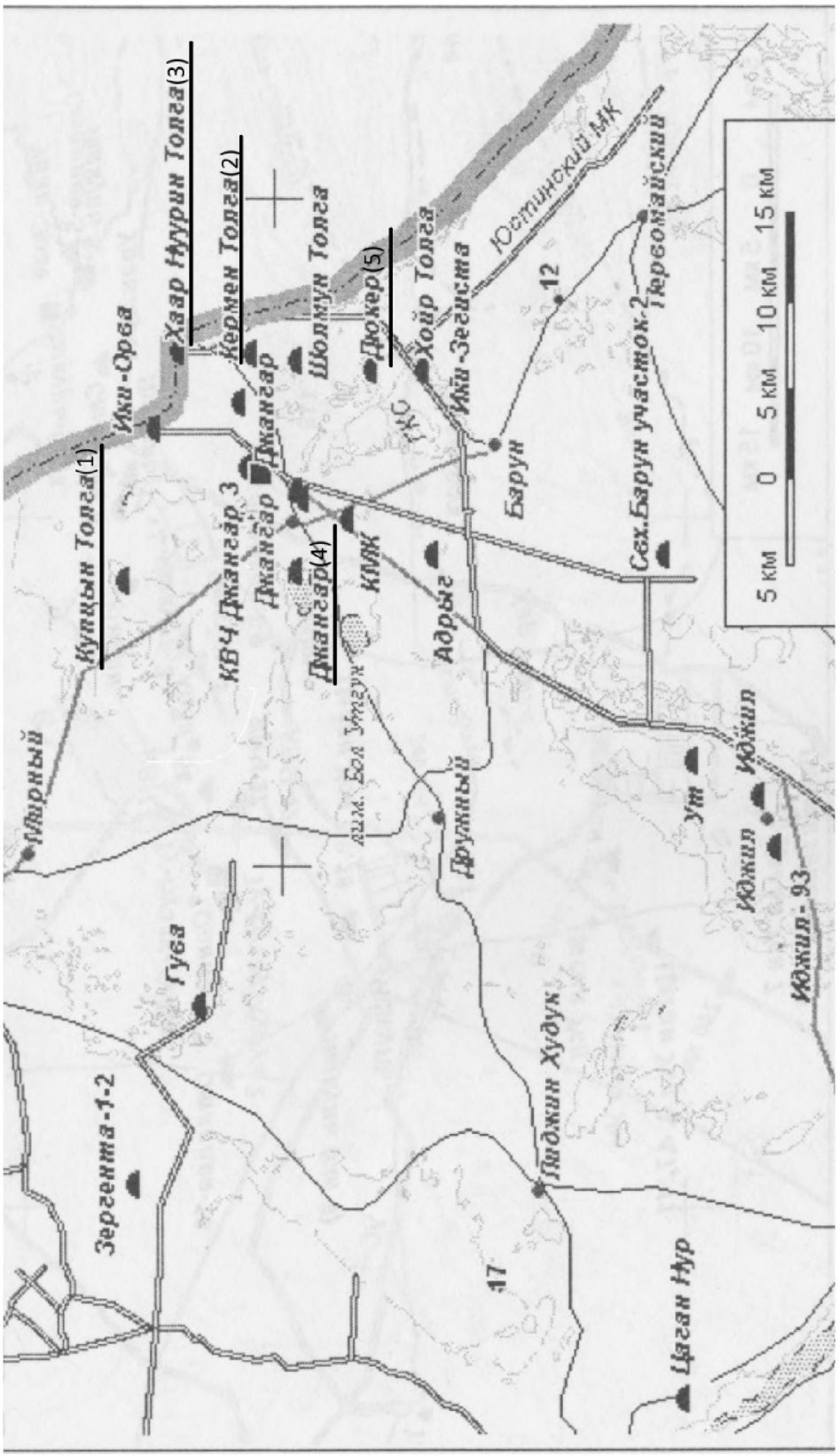
Определение пола и возраста погребенных проводилось по комплексной антропологической программе, включающей традиционные антропологические методики на основе комплекса признаков, отмечаемых на черепе [Алексеев, Дебец 1964: 29–39] и посткраниальном скелете [Алексеев 1966: 27–49].

Методика расчета основных палеодемографических индексов взята из работы Т. И. Алексеевой, Д. В. Богатенкова, Г. В. Лебединской «Влахи» [Алексеева и др. 2003]. Все индивиды были распределены по десятилетним интервалам. Построение таблиц смертности проводилось по программе, разработанной Д. В. Богатенковым [Богатенков и др. 2008].

3. Общие сведения о курганных могильниках

Исследуемая серия является совокупной выборкой из пяти курганных могильников, локализованных на севере Сарпинской низменности и раскопанных в различное время разными археологами.

Курганная группа *Купцын Толга* располагалась в Малодербетовском районе Калмыцкой АССР (далее — КАССР) и состояла из 53 курганов. Охранные раскопки проводились в 1974 г. археологической экспедицией Калмыцкого научно-исследовательско-

Карта 1. Курганные могильники позднесарматских погребений на территории Сарпинской низменности
1 — *Купцын Толга* (1974), 2 — *Кермен Толга* (1979), 3 — *Хар Нуурин Толга* (1980), 4 — *Джангар* (1980), 5 — *Дюкер* (1982) [Очир-Горяева 2008: 271, рис. 24].
[*Map 1.* Late Sarmatian mound grave fields in the Sarpa Lowland: 1 — *Kuptsyn Tolga* (1974), 2 — *Kermen Tolga* (1979), 3 — *Khar Nuurin Tolga* (1980), 4 — *Dzhangar* (1980), 5 — *Dyuker* (1982)]

го института языка, литературы и истории[1] (далее — КНИИЯЛИ) под руководством Е. В. Шнайдштейн. 33 кургана содержали погребения позднесарматской культуры [Шнайдштейн 1981: 78–119]. В хранилище остеологических материалов КалмНЦ РАН сохранились костные останки из 20 погребений.

Курганная группа *Кермен Толга* была расположена на территории Октябрьского района КАССР. Охранные работы проводились в зоне строительства 1-й очереди Калмыцко-Астраханской рисово-обводнительной системы (далее — КАРОС) Калмыцко-Астраханской археологической экспедицией КНИИЯЛИ и Калмыцкого государственного университета под руководством Е. В. Цуцкина в 1979 г. Курганы в количестве 34 насыпей располагались компактно, вплотную друг к другу на плоской вершине естественного холма, вытянутого по Северо-запад – Юго-восток. 25 исследованных курганов содержали позднесарматские погребения [Цуцкин 1979: 2–151]. Из них сохранился антропологический материал 19 погребений разной степени сохранности.

В 1980–1981 гг. продолжились охранные раскопки археологических памятников в зоне строительства КАРОС. Археологической экспедицией Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики (далее — КНИИИФЭ) под руководством Е. В. Цуцкина и В. П. Шилова были исследованы курганные группы *Хар Нуурин Толга* и *Джангар*, расположенные в Октябрьском районе КАССР.

Курганная группа *Хар Нуурин Толга* насчитывала 36 насыпей, компактно сооруженных на вершине одноименного холма и частично разрушенных каналами и дорогой при строительстве КАРОС. 14 погребений были датированы автором раскопок позднесарматским временем. Половозрастная характеристика дана на 12 индивидов [Цуцкин 1980: 2–95].

Джангарский курганный могильник, расположенный на водораздельном возвышении западнее пос. Джангар Октябрьского района КАССР, исследовался в течение десяти лет. Основные спасательно-охранные раскопки проводились в 1980–1981 гг. Всего за два года было исследовано 37 курганов. 13 курганов были определены как позднесарматские [Цуцкин 1980: 95–140; Шилов 1981: 2–74]. Сохранились костные останки 9 индивидов.

Курганная группа *Дюкер* находилась в зоне строительства КАРОС на пересечении магистрального канала и сбросного коллектора (дюкер). Охранные раскопки памятников проводились в 1982 г. археологической экспедицией КНИИИФЭ под руководством Е. В. Цукцкина. Могильник состоял из 33 насыпей средних размеров, из которых 8 оказались курганообразными всхолмлениями естественного происхождения. 15 курганов были классическими с единственным погребением, одно позднесарматское погребение было впускным в сооруженный в эпоху бронзы курган (курган 11, погребение 3[2]) [Цуцкин 1982: 5–153]. В хранилище КалмНЦ РАН находится антропологический материал из 14 погребений.

Информация о несохранившихся антропологических материалах взята из полевых отчетов и дает общую картину о возрастном составе группы (см. Приложение 1).

4. Результаты исследования позднесарматской серии

4.1. Половозрастные особенности

В исследуемой выборке сохранившихся антропологических материалов из пяти могильников преобладают индивиды мужского пола — 58 человек, женщин — 15 человек. В процентном соотношении (PSR, %) распределение между полами (m — f) находится на уровне 78,4 % к 20,5 %. Группа неполовозрелых индивидов представлена костными останками 1 подростка 8–12 лет. При анализе информации из описаний погребений с несохранившимся антропологическим материалом зафиксировано еще 4 детских захоронения, из которых 3 принадлежат детям и 1 — подростку (см. Приложение 1). Эти данные не будут привлекаться в палеодемографическом исследовании, но свидетельствуют о том, что детские и подростковые погребения позднесарматского времени значительно уступают по численности аналогичным захоронениям периода средней бронзы (см. табл. 2).

[1] В настоящее время — Калмыцкий научный центр Российской академии наук.

[2] Далее сведения о номерах курганов даются сокращенно, например: к. 5, п. 1.

Таблица 1. Материал исследования. Позднесарматская серия
[*Table 1.* Research materials. Late Sarmatian era]

№ п/п	Могильник	Курган/погребение	Сохранность		Пол	Возраст
			Череп	Посткраниальный		
1	*Купцын Толга*	Курган 1, погребение 1	1	1	М	50–60
2	*Купцын Толга*	Курган 2, погребение 1	1	–	М	50–60
3	*Купцын Толга*	Курган 3, погребение 1	1	1	Ж	16–18
4	*Купцын Толга*	Курган 6, погребение 1	1	1	М	30–35
5	*Купцын Толга*	Курган 13, погребение 1	1	–	М	50–60
6	*Купцын Толга*	Курган 17, погребение 1	1	1	М (?)	16–18
7	*Купцын Толга*	Курган 18, погребение 1	1	1	М	60–70
8	*Купцын Толга*	Курган 25, погребение 1	1	–	М	20–25
9	*Купцын Толга*	Курган 27, погребение 1	1	–	Ж	35–40
10	*Купцын Толга*	Курган 29, погребение 1	1	1	М	60–70
11	*Купцын Толга*	Курган 30, погребение 1	1	1	М	60–70
12	*Купцын Толга*	Курган 31, погребение 1	1	1	М	20–25
13	*Купцын Толга*	Курган 32, погребение 1	1	1	Ж (?)	18–20
14	*Купцын Толга*	Курган 34, погребение 1	1	1	М	30–35
15	*Купцын Толга*	Курган 35, погребение 1	1	–	М	45–50
16	*Купцын Толга*	Курган 42, погребение 1	1	1	М	30–35
17	*Купцын Толга*	Курган 44, погребение 1	1	1	М	50–60
18	*Купцын Толга*	Курган 49, погребение 1	1	1	М	50–60
19	*Купцын Толга*	Курган 50, погребение 1	1	1	М	18–20
20	*Купцын Толга*	Курган 53, погребение 1	1	1	М	50–60
21	*Кермен Толга*	Курган 2, погребение 2	1	1	Ж	30–35
22	*Кермен Толга*	Курган 3, погребение 1	1	–	М	35–40
23	*Кермен Толга*	Курган 5, погребение 1	1	1	Ж	35–40
24	*Кермен Толга*	Курган 9, погребение 1	1	1	М	45–50
25	*Кермен Толга*	Курган 10, погребение 1	1	1	подросток	12–13
26	*Кермен Толга*	Курган 13, погребение 1	1	1	М	45-50
27	*Кермен Толга*	Курган 15, погребение 1	1	1	М	>35
28	*Кермен Толга*	Курган 16, погребение 1	1	1	Ж	50–60
29	*Кермен Толга*	Курган 17, погребение 1	1	1	М	50–60
30	*Кермен Толга*	Курган 18, погребение 1	1	1	М	20–25
31	*Кермен Толга*	Курган 20, погребение 1	1	1	М	45–50
32	*Кермен Толга*	Курган 21, погребение 1	1	1	Ж	16–18
33	*Кермен Толга*	Курган 22, погребение 3	1	1	М	>55
34	*Кермен Толга*	Курган 23, погребение 1	1	1	М	45–50
35	*Кермен Толга*	Курган 24 , погребение 1	1	–	М	35–40
36	*Кермен Толга*	Курган 27, погребение 1	1	–	Ж	17–25
37	*Кермен Толга*	Курган 31, погребение 1	1	1	М	35–40
38	*Кермен Толга*	Курган 32, погребение 1	1	1	Ж	45–50
39	*Кермен Толга*	Курган 33, погребение 1	1	–	М	17–25
40	*Хар Нуурин Толга*	Курган 1, погребение 1	1	–	М	50–60
41	*Хар Нуурин Толга*	Курган 2, погребение 1	1	1	М	30–35
42	*Хар Нуурин Толга*	Курган 3, погребение 1	–	1	М (?)	25–30 (?)
43	*Хар Нуурин Толга*	Курган 6, погребение 1	1	–	Ж	20–25
44	*Хар Нуурин Толга*	Курган 10, погребение 1	1	–	Ж	30–35
45	*Хар Нуурин Толга*	Курган 13, погребение 1	–	1	М (?)	30–40 (?)

46	*Хар Нуурин Толга*	Курган 14, погребение 1	1	1	М	20–25
47	*Хар Нуурин Толга*	Курган 20, погребение 1	1	1	М	18–20
48	*Хар Нуурин Толга*	Курган 27, погребение 1	1	1	М	20–25
49	*Хар Нуурин Толга*	Курган 29, погребение 1	1	1	М	45–50
50	*Хар Нуурин Толга*	Курган 31, погребение 1	1	–	М (?)	17–25
51	*Хар Нуурин Толга*	Курган 33, погребение 1	1	1	М	60–70
52	*Джангар*	Курган 4, погребение 1	1	1	Ж	25–35
53	*Джангар*	Курган 6, погребение 1	1	–	М	17–25
54	*Джангар*	Курган 10, погребение 1	1	–	М	20–25
55	*Джангар*	Курган 11, погребение 1	1	–	М	50–60
56	*Джангар*	Курган 12, погребение 1	1	–	М	25–30
57	*Джангар*	Курган 14, погребение 1	1	–	М	50–60
58	*Джангар*	Курган 17, погребение 1	–	1	М (?)	25–30
59	*Джангар*	Курган 18, погребение 1	1	–	М	45–50
60	*Джангар*	Курган 30, погребение 1	1	–	М	45–50
61	*Дюкер*	Курган 1, погребение 1	1	–	М (?)	18–20
62	*Дюкер*	Курган 2, погребение 1	–	1	М	18–20
63	*Дюкер*	Курган 3, погребение 1	1	1	М	25–30
64	*Дюкер*	Курган 6, погребение 1	1	1	М	20–25
65	*Дюкер*	Курган 7, погребение 1	–	1	Ж	25–30
66	*Дюкер*	Курган 9, погребение 1	1	1	М	50–60
67	*Дюкер*	Курган 10, погребение 1	1	1	М	20–25
68	*Дюкер*	Курган 11, погребение 3	1	1	М	35–40
69	*Дюкер*	Курган 12, погребение 1	1	1	М	18–20
70	*Дюкер*	Курган 17, погребение 1	1	1	М	50–60
71	*Дюкер*	Курган 18, погребение 1	–	1	Ж	35–45
72	*Дюкер*	Курган 20, погребение 1	1	–	Ж	16–18
73	*Дюкер*	Курган 21, погребение 1	1	1	М	50–60
74	*Дюкер*	Курган 28, погребение 1	–	1	М (?)	25–30 (?)

Таблица 2. Половозрастная структура населения позднесарматской культуры
[*Table 2*. Age-sex structure of Kalmykia's Late Sarmatian population]

Возраст, в годах / Могильник	*Купцын Толга* (1974)		*Кермен Толга* (1979)		*Хар Нуурин Толга* (1980)		*Джангар* (1980)		*Дюкер* (1982)		S (суммарная выборка)	
	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%
Неполовозрелые индивиды												
0–1	–	0,0	–	0,0	–	0,0	–	0,0	–	0,0	–	0,0
1–7	–	0,0	–	0,0	–	0,0	–	0,0	–	0,0	–	0,0
8–12	–	0,0	1	5,3	–	0,0	–	0,0	–	0,0	1	5,3
13–15	–	0,0	–	0,0	–	0,0	–	0,0	–	0,0	–	0,0
S	–	0,0	1	5,3	–	0,0	–	0,0	–	0,0	1	5,3
Мужчины												
16–25	4	20,0	2	10,5	4	33,3	2	22,2	5	35,7	17	22,9
26–35	3	15,0	–	0,0	3	25,0	2	22,2	2	14,3	10	13,5
36–45	–	0,0	4	21,0	–	0,0	–	0,0	1	7,1	5	6,7
46–55	1	5,0	4	21,0	1	8,3	2	22,2	–	0,0	7	9,4
>55	9	45,0	2	10,5	2	16,6	2	22,2	3	21,2	18	24,3
S	17	85,0	12	63,1	10	83,3	8	88,9	11	78,6	58	78,4

Женщины												
16–25	2	10,0	2	10,5	1	8,3	–	0,0	1	7,1	6	8,1
26–35	–	0,0	1	5,3	1	8,3	1	11,1	1	7,1	4	5,4
36–45	1	5,0	1	5,3	–	0,0	–	0,0	1	7,1	3	4,0
46–55	–	0,0	1	5,3	–	0,0	–	0,0	–	0,0	1	1,3
>55	–	0,0	1	5,3	–	0,0	–	0,0	–	0,0	1	1,3
S	3	15,0	6	31,6	2	16,7	1	11,1	3	21,4	15	20,3
Итого	20	27,0	19	25,7	12	16,2	9	12,2	14	18,9	74	100,0

4.2. Основные палеодемографические показатели

Исследуемая группа состоит из 74 индивидов, что делает возможным оценить палеодемографические особенности населения, проживавшего на территории современной Калмыкии в позднесарматское время.

Средний возраст смерти, как наиболее объективная характеристика продолжительности жизни сообщества, с учетом детей в исследуемой выборке составляет 36,7 лет. Во взрослой группе этот параметр равен 37,0 лет. Разница в среднем возрасте смерти между мужской (AAm — 38,8 лет) и женской (AAf — 30,2 лет) группами значительная — 8 лет. Процент индивидов в старшей возрастной когорте 50+ в целом составляет 23,3 %, что отражает успешный процесс адаптации населения. Но процент доживших до преклонного возраста мужчин гораздо выше (27,6 %), чем женщин (6,6 %), что говорит о более комфортных условиях для мужчин, способствующих их выживаемости (см. табл. 3).

Расчет основных палеодемографических характеристик позволил построить кривые, отражающие смертность в группах. Два пика смертности в мужской группе приходятся на возраст 16–25 лет и старше 55 лет, один пик в женской группе — 16–25 лет. Согласно такому распределению, высокую смертность в возрастной когорте 50+ в мужской группе можно связать с естественными процессами вымирания. Смертность же в возрасте 16–25 лет в обеих группах свидетельствует о воздействии специфического стресса: у мужчин эти причины могут быть связаны с хозяйственной деятельностью и участием в военных операциях, у женщин — с репродуктивной нагрузкой (беременностью, родами, уходом за ребенком) и неблагополучной средой обитания (см. рис. 1).

Малое количество детских погребений в курганах могильников *Купцын Толга* (к. 5, п. 1; к. 21, п. 1), *Кермен Толга* (к. 10, п. 1; к. 19, п. 1), *Джангар* (к. 15, п. 1) и полное отсутствие таковых в могильниках *Хар Нуурин Толга* и *Дюкер* подтверждает основную отличительную особенность позднесарматской культуры. Захоронение детей под курганами происходило в исключительных случаях: младенцы и дети до 7–8 лет совместно с взрослым или неполовозрелые индивиды не моложе 10–12 лет в индивидуальной могиле [Батиева 2006: 55; Балабанова 2009: 83].

Таблица 3. Основные палеодемографические характеристики населения позднесарматского времени [*Table 3.* Key paleodemographic indicators of Kalmykia's Late Sarmatian population]

Индекс	Поздние сарматы
Средний возраст умерших с учетом детей (A, лет)	36,7 лет
Средний возраст во взрослой группе (AA, лет)	37,0 лет
Средний возраст в мужской группе (AAm, лет)	38,8 лет
Средний возраст в женской группе (AAf, лет)	30,2 лет
Процентное соотношение полов m–f (PSR, %)	78,4 % – 20,3 %
Процент индивидов в старшей возрастной когорте (C55+, %)	23,3 %
Процент индивидов в мужской возрастной когорте (C55+m, %)	27,6 %
Процент индивидов в женской возрастной когорте (C55+f, %)	6,6 %

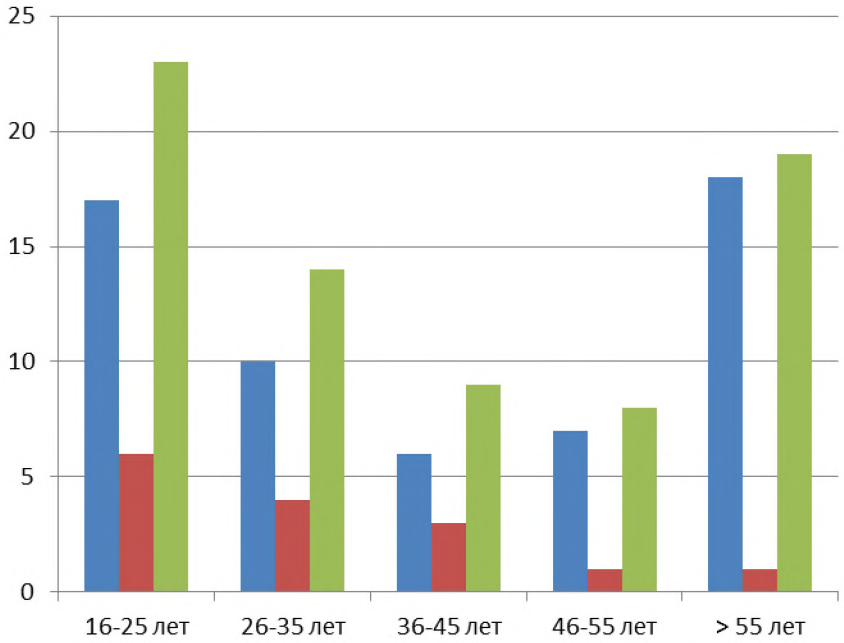

Рис. 1. Распределение индивидов по возрастным интервалам
[*Fig. 1.* Individuals by age range]

4.3. Оценка палеодемографической ситуации

При оценке общего демографического состояния исследуемой группы поздних сармат на территории Калмыкии были привлечены данные антропологических материалов синхронных групп из соседних регионов: Волгоградской и Ростовской областей.

Однако надо отметить, что культурное единство соседних территорий — не гарантия родства соседних племен, как и отсутствие единства — еще не гарантия кардинальных этнических различий между соседями [Алексеев 1989: 152–153]. Все исследуемые группы располагаются в зоне южнорусских степей, издавна освоенных человеком. По территориальному признаку волгоградская и калмыцкая группы расположены в Нижнем Поволжье, где зафиксированы курганные могильники, оставленные позднесарматскими кочевниками. Ростовская группа — в Нижнем Подонье (район течения реки Дон и ее притоков), где помимо курганных могильников находились некрополи городищ и поселений, оставленные оседлым населением. Палеодемографический анализ трех групп позднесарматского времени позволит выявить сходства и отличия палеопопуляций, развивавшихся в одно время, но в разных исторических, географических и социальных условиях.

Для сравнительного анализа дополнительно были проведены расчеты половозрастных данных двух групп по методике, разработанной Т. А. Алексеевой [Алексеева и др. 2003], по шести основным демографическим параметрам:

1) количество индивидов в выборке (n, лет),

2) средний возраст смерти взрослого населения (AA, лет),

3) средний возраст смерти в мужской группе (AAm, лет),

4) средний возраст смерти в женской группе (AAf, лет),

5) процентное соотношение полов (m–f, PSR, %),

6) процент индивидов в старшей возрастной когорте (C50+, %: C50+m/ C50+f)[1].

Сборная выборка из Волгоградской области представлена антропологическими материалами из позднесарматских погребений курганных могильников: *Калиновка*, *Бережновка*, *Аксай*, *Старица*, *Авиловский II*, *Перегрузное I*, *Первомайский* и состоит из 130 индивидов [Балабанова и др. 2015: 127–132]. В исследуемой популяции пре-

[1] При анализе демографических показателей позднесарматского общества трудно определить детскую смертность по причине малого количества детских погребений, что не отражает истинную картину детской смертности.

обладает мужское население — 83 индивида, женщин почти вдвое меньше — 43 индивида, неполовозрелых индивидов — 4. Средний возраст смерти взрослого населения составляет 38,4 лет. В мужской группе этот параметр равен 42,6 лет, у женщин — 32,0 года. Разница продолжительности жизни более 10 лет. Процентное соотношение полов в популяции (m — f) 64 % — 33 % показывает значительное преобладание мужского населения, почти в два раза. И в финальной возрастной когорте процент индивидов 50+ мужского пола в два раза превышает женский показатель: 24,7 % к 12,2 %. Пики смертности в мужской группе, зафиксированные в возрасте 35–55 лет (44 %) и 20–35 лет (35 %), связаны, скорее всего, с участием в военных операциях [Перерва 2002: 145–148]. В женской группе почти равное количество в возрасте 20–35 лет (54 %) и 35–55 лет (43 %) свидетельствует об осложнениях, связанных с фертильным возрастом, а также об их уязвимости эндогенным и экзогенным воздействиям [Перерва 2005: 220–221].

Суммарная выборка позднесарматских погребений из более 20 археологических памятников в виде курганных групп и некрополей междуречья Дона и Маныча в Ростовской области включает 149 индивидов [Батиева 2011: 41–47]. Половозрастной состав группы выглядит следующим образом: мужчины — 94, женщины — 40, дети — 15. Средний возраст смерти взрослого населения — 33,2 лет. В мужской группе — 34,1 лет, в женской — 30,9 лет. Разница продолжительности жизни между группами небольшая, всего 3 года. Процентное соотношение полов в данной выборке 70 % — 30 %, т. е. мужчин более чем в два раза больше, чем женщин. В финальной возрастной когорте (50+) наблюдается очень низкий процент, всего 4,5 %, причем в мужской группе он составляет 3,7 %, в женской — 0,7 %. Пики смертности в данной популяции синхронны с небольшой разницей в процентном значении с волгоградской выборкой: в мужской группе кривая смертности возрастает на интервалах 35–55 лет (46,8 %) и 25–35 (37,2 %), в женской — 25–35 лет (40,0 %) и 35–45 (32,5 %) (см. табл. 4, рис. 2).

При анализе демографических показателей синхронных групп позднесарматского времени следует отметить сходство по многим параметрам: высокий возраст дожития, процентное соотношение полов, увеличение доли людей старшей возрастной когорты, малое количество неполовозрелых индивидов. Высокие показатели среднего возраста смерти — около 40 лет — характеризуют данные палеопопуляции относительным долголетием. Деформация половой структуры в сторону преобладания мужчин характерна для общества кочевников, которое формировалось на основе миграций. Такие общества отличаются недостаточным коли-

Таблица 4. Основные палеодемографические характеристики в палеопопуляциях позднесарматского времени
[*Table 4.* Key paleodemographic indicators of three Late Sarmatian populations from regions of South Russia]

№ п/п	Палеопопуляция / параметры	N (ед.)	AA (лет)	AAm (лет)	AAf (лет)	PSR (m–f) (%)	C50+ (%)	C50+m (%)	C50+f (%)
1.	Поздние сарматы из могильников на территории Республики Калмыкия	74	37,0	38,8	30,2	78–20	23,3	27,6	6,6
2.	Поздние сарматы из могильников на территории Волгоградской области	130	38,4	42,6	32,0	64–33	21,9	24,7	12,2
3.	Поздние сарматы из могильников на территории Ростовской области	149	33,2	34,1	30,9	70–30	4,5	3,7	0,7

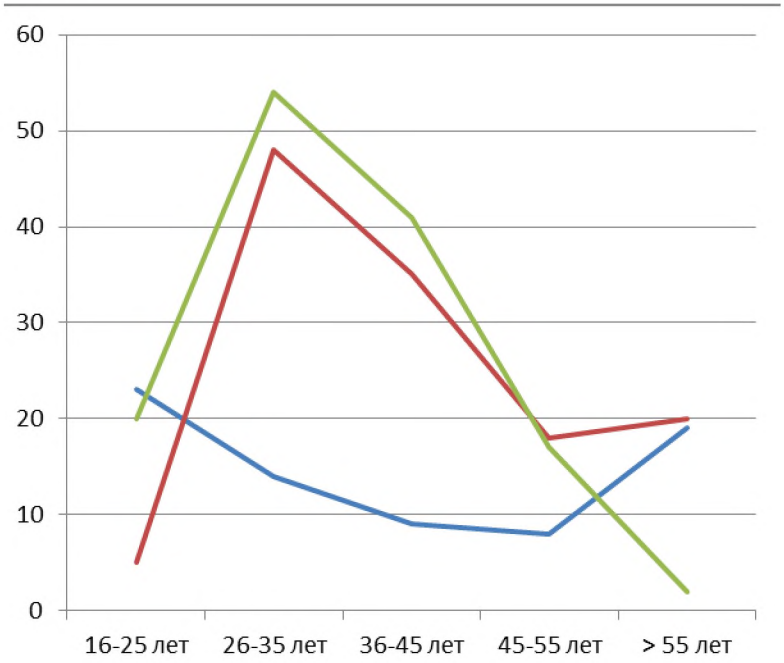

Рис. 2. Соотношение возрастных групп трех локальных и хронологических выборок позднесарматского времени
[*Fig. 2.* Age correlation between three Late Sarmatian groups from regions of South Russia]

чеством женщин и детей [Медникова, Бужилова 1993: 269]. Большой процент индивидов, доживших до 50 лет, также отмечен во многих позднесарматских группах.

Немного выбивается из этого ряда группа поздних сармат из Ростовской области. При всем сходстве по многим параметрам данная палеопопуляция имеет некоторые отличия. Большой охват территории: более 20 памятников против 5 могильников из Калмыкии и 7 — из Волгоградской области; самый низкий возраст смерти — 32,2 лет; небольшой процент индивидов старшей возрастной когорты 50+ — 4,5 %; наличие детских захоронений в количестве 15 погребений в отличие от предыдущих групп, где этот показатель варьирует на уровне 4–5 неполовозрелых индивидов. Возможно, эти отличия характерны для взаимоотношений между разными группами населения — номадами и жителями поселений — сосуществовавшими в данной исторической обстановке и определявшими этнические процессы в Донском крае [Батиева 2011: 5].

В то же время в ростовской и волгоградской группах наблюдается сходство в показателях пиков смертности: в мужской — 25–50 лет, в женской — 25–45 лет. Калмыцкая группа по этим параметрам отличается от двух первых: в мужской группе два пика смертности приходятся на возрастные интервалы 16–25 лет и старше 55 лет, в женской — 16–25 лет; большая диспропорция по полу (m–f) — 78–20 %, высокий процент индивидов, доживших до возраста 50+, особенно в мужской группе — 27,6 % (см. рис. 3, 4). Специфические особенности позднесарматских могильников на территории Республики Калмыкия, отразившиеся в палеодемографических показателях, можно объяснить культурно-хозяйственным укладом племен. Локализация крупных позднесарматских групп в Сарпинской низменности объясняется археологами тем, что: во-первых, эти племена являлись своего рода коренным населением, проживавшим достаточно длительный период времени на этой территории; во-вторых, эта местность была наиболее удобной для зимовок в условиях кочевого скотоводства [Буратаев 2019: 222].

Таким образом, антропологические характеристики исследуемой палеопопуляции непосредственно связаны с социально-экономическими факторами, являясь их отражением, что требует дальнейшего изучения проблемы с привлечением других дисциплин: истории, археологии, генетики и т. д.

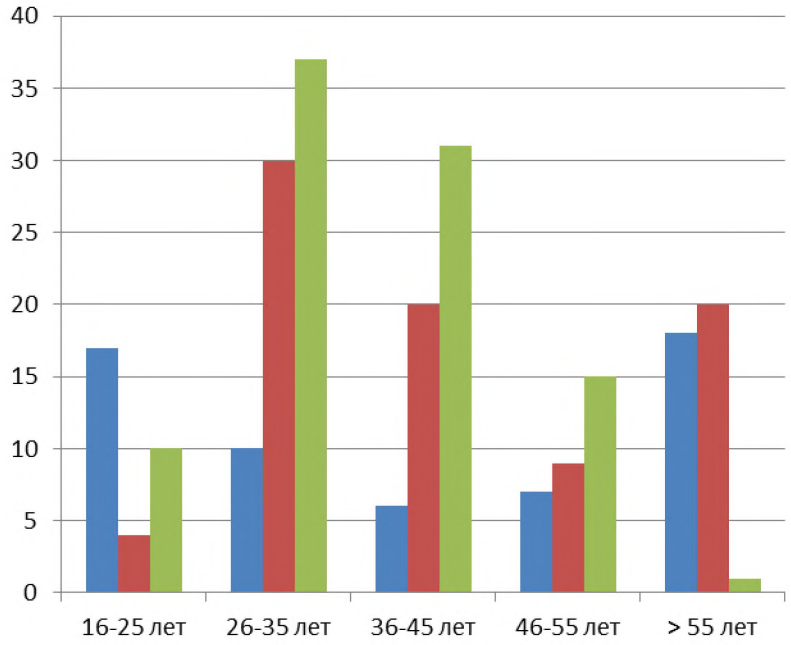

Рис. 3. Возрастная динамика показателей смертности в мужской группе
[*Fig. 4.* Male mortality dynamics by age]

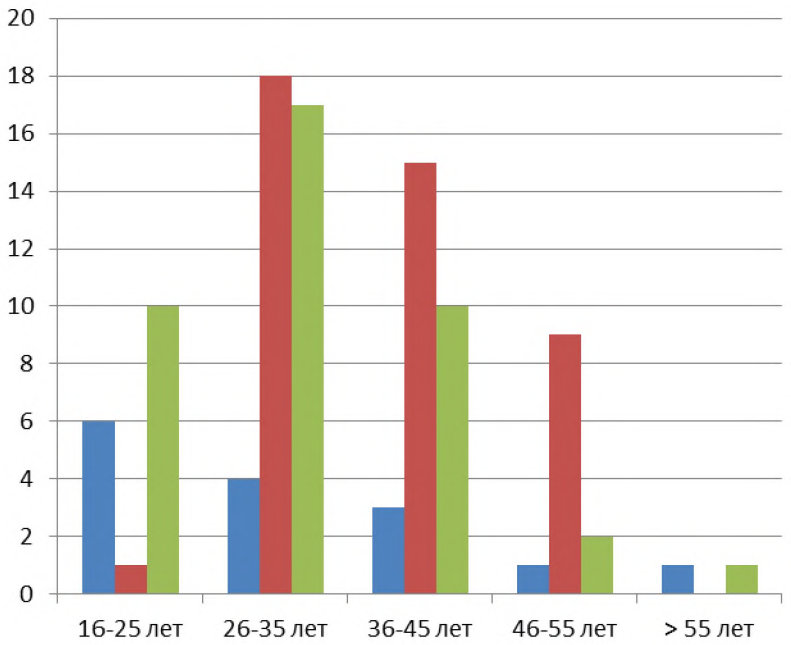

Рис. 4. Возрастная динамика показателей смертности в женской группе
[*Fig. 5.* Female mortality dynamics by age]

5. Выводы

В результате проведенных исследований можно выделить следующие черты половозрастной структуры, характеризующие палеопопуляцию поздних сармат на территории Республики Калмыкия:

1. Исследуемая группа по всем основным демографическим показателям имеет относительное сходство с локальными и хронологическими выборками с территории Волгоградской и Ростовской областей.

2. Одной из особенностей половозрастной структуры позднесарматской группы из Калмыкии является большая диспропорция по половому признаку (m–f) в сторону преобладания мужского населения — 78–20 %. Это вкупе с малым количеством детских захоронений характеризует данное общество как мигрантов с типом специализации воинов-всадников [Медникова, Бужилова 1993: 269].

3. Пики смертности в мужской и женской группах исследуемой группы свидетельствуют о различном распределении этого параметра по сравнению с синхронными выборками: у мужчин два пика в возрасте 16–25 лет и старше 50 лет, у женщин — 16–25 лет. Большой процент финальной группы 50+ (27,6 %) можно связать с естественными процессами вымирания. Смертность в возрасте 16–25 лет в обеих группах свидетельствует о воздействии специфического стресса: у мужчин эти причины могут быть связаны с хозяйственной деятельностью и участием в военных операциях, у женщин — с репродуктивной нагрузкой (беременностью, родами, уходом за ребенком) и неблагополучной средой обитания.

В соседних выборках в мужских группах этот показатель находится в возрастных интервалах Adultus II — Maturus I–II (25–55 лет), что может быть связано с участием в военных операциях. Это подтверждает и наличие травм на костях боевого характера со смертельным исходом [Перерва 2002: 145–148; Батиева 2003: 255–260]. В женских группах аналогичный показатель свидетельствует о неблагополучной среде обитания.

Таким образом, при всей схожести трех палеопопуляций позднесарматского времени, выраженных в большом количестве деформированных черепов, найденных в погребениях того времени; демографических диспропорциях, связанных с малым количеством детских захоронений; деформации половой структуры в сторону преобладания мужского населения и т.д., каждая группа отражает особенности своего развития.

Источники

Цуцкин 1979 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе Калмыцко-Астраханской экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики и КГУ в 1979 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 17. 171 с.

Цуцкин 1980 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института в 1980 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 22. 156 с.

Цуцкин 1982 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики в 1982 году // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. 179 с.

Шилов 1981 — *Шилов В.П.* Исследования Волго-Донской археологической экспедиции в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1 10968. С. 2–74.

Шнайдштейн 1981 — *Шнайдштейн Е. В.* Раскопки курганной группы *Купцын Толга* // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 78–120.

Sources

Shilov V. P. Volga-Don Archaeological Expedition: 1981 Progress Report. At: Institute of Archaeology (RAS), Archive. File ID P–1 10968. Pp. 2–74. (In Russ.)

Shnaidshteyn E. V. Excavation of Kuptsyn Tolga Mound Group. In: Bronze Age and Medieval Sites of Kalmykia. Elista, 1981. Pp. 78–120. (In Russ.)

Tsutskin E. V. Archaeological Expedition of Kalmyk Research Institute: 1980 Activity Report. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 22. 156 p. (In Russ.)

Tsutskin E. V. Archaeological Expedition of Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics: 1982 Activity Report. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 29. 179 p. (In Russ.)

Tsutskin E. V. Kalmykia-Astrakhan Expedition (Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics; Kalmyk State University): 1979 Activity Report. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 17. 171 p. (In Russ.)

Литература

Алексеев 1966 — *Алексеев В. П.* Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 252 с.

Алексеев 1989 — *Алексеев В. П.* Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 448 с.

Алексеев, Дебец 1964 — *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.

Алексеева и др. 2003 — *Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В.* Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового могильника Мистихали). М.: Научный мир, 2003. 127 с.

Балабанова 2009 — *Балабанова М. А.* Половозрастная структура населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья // Российская археология. 2009. № 4. С. 79–88.

Балабанова и др. 2015 — *Балабанова М. А., Клепиков В. М., Коробкова Е. А., Кривошеев М. В., Перерва Е. В., Скрипкин А. С.* Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград: Волгоградск. филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 272 с.

Батиева 2003 — *Батиева Е. Ф.* Травматические поражения костей скелета у населения Нижнего Подонья в сарматское время // Антропология на пороге III тысячелетия. Т. 1. М.: Оргсервис-2000, 2003. С. 250–267.

Батиева 2006 — *Батиева Е. Ф.* Искусственно деформированные черепа в погребениях нижнедонских могильников (первые века нашей эры) // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 6. М.: Институт археологии РАН, 2008. С. 53–72.

Батиева 2011 — *Батиева Е.Ф.* Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Ростов н/Д: Южный научный центр РАН, 2011. 160 с.

Богатенков и др. 2008 — *Богатенков Д. В., Бужилова А. П., Добровольская М. В., Медникова М. Б.* К реконструкции демографических процессов в Прикаспийском Дагестане эпохи бронзы (по материалам раскопок археологического комплекса Великент в 1995–1998 гг.) // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 6. М.: Институт археологии РАН. 2008. С. 196–213.

Буратаев 2019 — *Буратаев Е. Г.* Позднесарматские погребения могильника *Дюкер* Республики Калмыкия // Oriental Studies. 2019. Т. 12. № 2. С. 220–244. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-220-244

Дорджиева, Бембеева 2021 — *Дорджиева Ц. В., Бембеева Л. А.* Кости животных из позднесарматских погребений курганной группы «Кермен Толга» // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 2. С. 291–300. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-291-300

Медникова, Бужилова 1993 — *Медникова М. В., Бужилова А. П.* Палеодемографический анализ по материалам из могильника Косасар-2 // Низовья Сырдарьи в древности, серия Джетыасарская культура. Т. 3. М.: Институт этнографии и антропологии РАН, 1993. С. 267–276.

Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.: ил.

Перерва 2002 — *Перерва Е. В.* Палеопатология поздних сарматов из могильников Есауловского Аксая // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 6. М.: Институт археологии РАН, 2008. С. 141–151.

Перерва 2005 — *Перерва Е. В.* Население сарматской эпохи по антропологическим материалам Нижнего Поволжья и Нижнего Дона: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005. 506 с.

Путенихин 2013 — *Путенихин В. П.* В сердце Евразии (Природа Урало-Поволжья в известиях древних писателей, ученых и путешественников) Уфа: Китап, 2013. 280 с.

Рыбаков 1979 — *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия: Историко-географический анализ. М.: Наука, 1979. 251 с.

Скрипкин 1984 — *Скрипкин А. С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: СГУ, 1984. 150 с.

Страбон 1994 — *Страбон.* География в 17 книгах / перевод, статья и коммент. Г.А. Стратановского; под общ.ред. С. Л. Утченко. М.: Ладомир, 1994. 940 с.

Фирштейн 1970 — *Фирштейн Б. В.* Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л.: Наука, 1970. С. 69–201.

References

Alekseev V. P. Historical Anthropology and Ethnogenesis. Moscow: Nauka, 1989. 448 p. (In Russ.)

Alekseev V. P. Osteometry: Some Tools of Anthropological Research. Moscow: Nauka, 1966. 252 p. (In Russ.)

Alekseev V. P., Debets G. F. Craniometry: Some Tools of Anthropological Research. Moscow: Nauka, 1964. 127 p. (In Russ.)

Alekseeva T. I., Bogatenkov D. V., Lebedinskaya G. V. The Vlachs: An Anthropoecological Study (Analyzing Materials from the Medieval Necropolis of Mistihali). Moscow: Nauchnyi Mir, 2003. 127 p. (In Russ.)

Balabanova M. A. The sex-age structure of the Late Sarmatian population in the Lower Volga. *Russian Archaeology*. 2009. No. 4. Pp. 79–88. (In Russ.)

Balabanova M. A., Klepikov V. M., Korobkova E. A., Krivosheev M. V., Pererva E. V., Skripkin A. S. Age-Sex Structure of the Lower Volga Sarmatians: Mortuary Rites and Anthropology. Volgograd: RANEPA (Volgograd Branch), 2015. 272 p. (In Russ.)

Batieva E. F. Artificial cranial deformations from Lower Don grave fields: Earliest centuries CE. In: Buzhilova A. P. (ed.) ŎPUS: Interdisciplinary Research in Archaeology. Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 2008. Vol. 6. Pp. 53–72. (In Russ.)

Batieva E. F. Lower Don populations of the Sarmatian era: [Analyzing] skeletal injuries. In: Anthropology at the Turn of the Third Millennium. Vol. 1. Moscow: Orgservis-2000, 2003. Pp. 250–267. (In Russ.)

Batieva E. F. Population of the Lower Don, Ninth Century BCE to Fourth Century CE: A Study in Paleoanthropology. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center (RAS), 2011. 160 p. (In Russ.)

Bogatenkov D. V., Buzhilova A. P., Dobrovolskaya M. V., Mednikova M. B. Reconstructions of demographic processes in Bronze Age Caspian Dagestan approached: Analyzing 1995–1998 excavation materials from Velikent. In: Buzhilova A. P. (ed.) ŎPUS: Interdisciplinary Research in Archaeology. Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 2008. Vol. 6. Pp. 196–213. (In Russ.)

Burataev E. G. The Dyuker burial ground (Republic of Kalmykia): Late Sarmatian burials. *Oriental Studies*. 2019. Vol. 12. No. 2. Pp. 220–244. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-220-244

Dordzhieva Ts. V., Bembeeva L. A. Animal bones from Late Sarmatian burials of the Kermen Tolga mound group. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 2. Pp. 291–300. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-291-300

Firshteyn B. V. Sarmatian of the Lower Volga: An anthropological perspective. In: Anthropological Data on the Migration Period. Avars and Sarmatians. Leningrad: Nauka, 1970. Pp. 69–201. (In Russ.)

Mednikova M. V., Buzhilova A. P. Kosasar–2 grave field: Paleodemographic analysis. In: The Lower Syr Darya and Its Antiques. Dzhetyasar Culture. Vol. 3. Moscow: Institute of Ethnography and Anthropology (RAS), 1993. Pp. 267–276. (In Russ.)

Ochir-Goryaeva M. A. Archaeological Sites of the Volga-Manych Steppe: A Compendium of Kalmykia's Investigated Sites, 1929–1997. Elista: Gerel, 2008. 298 p. (In Russ.)

Pererva E. V. Paleopathologies of Late Sarmatians from grave fields of the Yesaulovsky Aksai River Valley. In: Buzhilova A. P. (ed.) ŎPUS: Interdisciplinary Research in Archaeology. Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 2008. Vol. 6. Pp.141–151. (In Russ.)

Pererva E. V. Population of the Sarmatian Era: A Study of Anthropological Materials from the Lower Volga and the Lower Don. Cand. Sc. (history) thesis. Moscow, 2005. 506 p. (In Russ.)

Pomponius Mela. De situ orbis. S. Apt (transl.) In: Bondarsky M. S. (comp.) Ancient Geography. Reader. Moscow: Nauka, 1953. Pp. 176–237. (In Russ.)

Rybakov B. A. The Scythia of Herodotus: Historical and Geographical Analyses. Moscow: Nauka, 1979. 251 p. (In Russ.)

Skripkin A. S. Lower Volga Region in the Earliest Centuries CE. Saratov: Saratov State University, 1984. 150 p. (In Russ.)

Strabo. Geographica. In 17 vols. G. Stratanovsky (transl., article, etc.), S. Utchenko (ed.). Moscow: Ladomir, 1994. 940 p. (In Russ.)

Приложение 1

Данные о несохранившихся антропологических материалах из полевых отчетов

[*Appendix 1.*
Data on non-preserved anthropological materialfrom field reports]

№ п/п	Курганная группа	Курган, погребение	Возраст
1	*Купцын Толга*	Курган 4, погребение 1	взрослый
2	*Купцын Толга*	Курган 5, погребение 1	ребенок
3	*Купцын Толга*	Курган 8, погребение 1	взрослый
4	*Купцын Толга*	Курган 9, погребение 1	взрослый
5	*Купцын Толга*	Курган 15, погребение 1	взрослый

6	*Купцын Толга*	Курган 21, погребение 1	ребенок
7	*Купцын Толга*	Курган 22, погребение 1	взрослый
8	*Купцын Толга*	Курган 23, погребение 1	взрослый
9	*Купцын Толга*	Курган 26, погребение 1	взрослый
10	*Купцын Толга*	Курган 28, погребение 1	взрослый
11	*Купцын Толга*	Курган 33, погребение 1	взрослый
12	*Купцын Толга*	Курган 36, погребение 1	взрослый
13	*Купцын Толга*	Курган 47, погребение 1	взрослый
14	*Кермен Толга*	Курган 6, погребение 1	взрослый
15	*Кермен Толга*	Курган 19, погребение 1	подросток
16	*Кермен Толга*	Курган 22, погребение 4	взрослый
17	*Кермен Толга*	Курган 24, погребение 1	взрослый
18	*Хар Нуурин Толга*	Курган 24, погребение 2	взрослый
19	*Хар Нуурин Толга*	Курган 34, погребение 1	взрослый
20	*Джангар*	Курган 4, погребение 1	взрослый
21	*Джангар*	Курган 8, погребение 1	взрослый
22	*Джангар*	Курган 9, погребение 1	взрослый
23	*Джангар*	Курган 13, погребение 1	взрослый
24	*Джангар*	Курган 15, погребение 1	ребенок
25	*Джангар*	Курган 32, погребение 1	взрослый
26	*Дюкер*	Курган 4, погребение 1	взрослый
27	*Дюкер*	Курган 30, погребение 1	взрослый

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 2, Pp. 389–400, 2024
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 398.3
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-389-400

Сакральное пространство этнической Бурятии: культ целебных родников

Марина Михайловна Содномпилова[1]

[1] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024
© Содномпилова М. М., 2024

Аннотация. *Введение.* Сакральная карта пространства освоения этноса представляет собой сложную мозаику полифункциональных зон, включающих место жительства, территории хозяйственного назначения, сакральные места. Сакральную карту пространства этнической Бурятии составляет множество элементов пространства, таких как маркеры границ поселений, мест хозяйственной деятельности, погребения, места иерофании. Особняком в сакральном пространстве выделяются «лечебные» места, в состав которых входят целебные источники. *Целью* исследования является изучение образов целебных источников, их функций и значимости для общества через призму пространственных, социальных «текстов» культуры. *Материалы и методы.* Пространство освоения бурят представляет собой сложное информационное пространство, элементы которого сохраняют актуальность по настоящее время. Целебные источники рассматриваются с позиций информационной теории культуры, что позволяет выявить разные наслоения иногда противоречивой информации, транслируемой разными поколениями людей. *Результаты.* Прослежены изменения статуса родников от «воды бессмертия», дарованного людям божествами, до символа святости буддийских иерархов, благодаря которым появились многие аршаны. Представлены образы сверхъестественных хозяев целебных источников. Рассмотрены целебные свойства аршанов, практики лечения больных на источниках, обустройство территорий у родников. *Выводы.* Исследование культа аршанов и практик лечения их водами выявило наиболее актуальную для общества информацию. Информационные пласты, характеризующие образ источника, отражают изменения в восприятии его значимости — от локального родового статуса до общественного. Изменения вследствие мощного влияния буддизма произошли в ритуальной организации и оформлении лечебных практик и места лечения.
Ключевые слова: этническая Бурятия, целебные источники, сакрализация пространства, информация
Благодарность. Публикация выполнена при финансовой поддержке государственного задания Министерства образования и науки России в рамках проекта «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» (номер госрегистрации:: № 121031000243-5).
Для цитирования: Содномпилова М. М. Сакральное пространство этнической Бурятии: культ

целебных родников // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 2. С. 389–400. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-389-400

Sacral Space of Ethnic Buryatia: The Cult of Healing Springs

Marina M. Sodnompilova[1]

[1] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024
© Sodnompilova M. M., 2024

Abstract. *Introduction*. The sacral map of ethnic spatial development is a complicated mosaic of multifunctional zones that includes places of residence, territories for economic activity, and sacral areas proper. Ethnic Buryatia's sacral map comprises a variety of spatial elements, such as border markers of settlements, places for economic pursuits, burial grounds, and those of hierophanies. 'Healing' localities, including healing springs, are somewhat distinguished in this sacral space. *Goals*. The study attempts a review of images of healing springs, their functions and significance for society — through the prism of spatial, social 'narratives' of culture. *Materials and methods*. The Buryat development space is a compound information environment comprising elements that remain relevant to date. Healing springs are considered from the perspective of the information theory of culture, which makes it possible to identify a few layers of somewhat contradictory messages articulated by representatives of different generations. *Results*. The paper traces certain chains of changes in statuses of such springs: from 'water of immortality' once granted by deities — to symbols of holiness of Buddhist hierarchs whose efforts gave birth to a number of such *arshans*. Special attention is given to images of supernatural patrons of springs, their healing properties and prescribed practices, beautification endeavors across adjacent territories. *Conclusions*. The insight into the *arshan* cult and water-related practices reveals some most socially relevant details inherent thereto. Information layers characterizing the image of a spring reflect certain changes in perceptions of its significance — from clan-level status to public one. Furthermore, Buddhism has yielded significant transformations both in ritual arrangements, patterns of healing practices, and design of such treatment places.

Keywords: ethnic Buryatia, healing springs, sanctification of space, information
Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000243-5 'Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic, and Cross-Cultural Interaction, Seventeenth to Twenty First Centuries'
For citation: Sodnompilova M. M. Sacral Space of Ethnic Buryatia: The Cult of Healing Springs. *Oriental Studies*. 2024; 17 (2): 389–400. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-389-400

1. Введение

Система представлений о мире и месте человека в этом мире является одним из важнейших условий адаптации человека в природной среде. Это фундаментальная основа стратегии освоения человеком пространства. Важнейшим актом доместикации пространства является наделение освоенного пространства символическим, сакральным содержанием. Сакральную карту пространства этнической Бурятии составляет множество элементов пространства, таких как маркеры границ поселений, мест хозяйственной деятельности, погребения, места иерофании. Особое место в сакральном пространстве бурят занимают места, имеющие статус «лечебных», в составе которых главное место занимают аршаны — минеральные источники с целебной водой.

Цель исследования — изучение «лечебных» мест через призму пространственных, социальных «текстов» культуры, которое позволит выявить разновременные пласты информации, на основе которых формировалась вся композиция образов целебных родников.

2. Материалы и методы

Предпринятое нами исследование осуществляется в русле магистральных направлений широкого круга работ, связанных с изучением геокультурных образов территорий, многообразия способов и форм освоения пространства, реконструкции образов этнических пространств в культурной памяти народов. Ключевое значение культурной памяти народа видится с позиций информационной теории культуры, сквозь призму которой особенно продуктивно изучение пространства жизнеобеспечения номадов Великой степи. В отечественной литературе информационный подход к культуре развивал Ю. М. Лотман, который дал определение понятия человеческой культуры как «совокупности всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения» [Лотман 2001: 395]. С точки зрения способов и форм трансляции информации кочевая культура тюрко-монголов уникальна — преимущественно она относится к культурам устного типа согласно концепции Уолтера Дж. Онга [Ong 2002: 8], в традиции которых основная информация транслируется от поколения к поколению в устной форме, отражается в материально-вещественной трактовке, а усвоение знаний происходит посредством практик. Такая специфика культуры определяет чрезвычайную значимость устного наследия тюрко-монголов — фольклора во всех его жанрах и обрядовой культуры. Само пространство освоения кочевников представляет собой сложное информационное пространство, насыщенное образами, символами, действиями и ограничениями на действия, которые сохраняют актуальность для его жителей и по сей день. С этих позиций и любой элемент сакрального пространства также представляет собой своеобразную информационную композицию, состоящую из наслоений иногда противоречивой информации, транслируемой разными поколениями людей. Изучение «лечебных» мест через призму пространственных, социальных «текстов» культуры позволит выявить разновременные пласты информации, на основе которых формировалась вся композиция образов этих элементов культурного ландшафта.

3. Почитание целебных источников

В этнической Бурятии в XIX – начале XX вв. были хорошо известны разные по своей функциональной значимости «лечебные» места. В их число входили озера с целебной водой и пещеры, исцелявшие от большой группы заболеваний, интерпретируемых в народе как «душевные» болезни, а также бешенства; множество минеральных источников, водой которых можно было лечить любые известные человеку в тот период времени заболевания; целебные грязи. С научным познанием природы заболеваний и эффективным решением проблемы многих болезней, которые ушли в небытие, утратилось значение и ряда сакральных мест. В настоящее время интерес населения сохраняется преимущественно по отношению к целебным источникам. Перечень заболеваний, исцеляемых источниками, также ограничен, поскольку эффективность лечебного воздействия вод источников в разных ситуациях не доказана. Значение и статус источников, ритуальное «оформление» лечебных практик существенно различаются в районах, «подведомственных» буддийской религии либо шаманской традиции. Севернее о. Байкал, в местах распространения шаманизма, целебные родники имеют статус родовых священных локусов, которые находятся в пользовании преимущественно местных жителей. Все они хорошо осведомлены о местонахождении своих родников, их лечебных свойствах и в помощи проводников и их ритуальных услугах не нуждаются. Воду родников обычно берут домой. В Забайкалье многие целебные источники получили статус общественных сакральных мест, куда приезжает множество желающих исцелиться. Эти места включены в систему буддийских религиозных практик и находятся под опекой священнослужителей ближайших буддийских храмов.

3.1. «Вода бессмертия»

Бурятская земля изобилует родниками, ключами, значительную часть которых относят к лечебным источникам. В бурятском языке они обозначаются терминами *булаг*, *горхон*. С распространением буддизма в Монголии целебные источники стали называть *рашаан*, а в Забайкалье в бурятском языке укоренилось слово *аршан*. Есть предположения относительно времени его проникновения в бурятский язык: «наиболее интенсивно в бурятский язык проникали устные заимствования из тибетского языка в XIX – начале XX вв.» [Дондокова 2003: 107]. В свою очередь через тибетский язык в бурятский попало немалое количество терминов из санскрита, к числу которых относится и термин rasayana ‘свя-

тая вода', формами которого стали *рашаан* и *аршан*. В традиции предбайкальских бурят, живущих к северу от озера Байкал и слабо знакомых с буддизмом, целебные родники сохранили свои исконные названия.

Одним из самых ранних представлений о свойствах источников является образ волшебного родника с водой бессмертия, берущего начало на горных вершинах, способного оживлять умерших, по аналогии с живой водой в русской культуре. Свидетельством такого восприятия свойства вод целебных источников является эпитет *мунхэ* 'вечный'. Этот образ присутствует в эпических произведениях бурят.

На самом раннем этапе освоения территорий вода бессмертия еще не относится к культурному пространству — она находится высоко в горах, куда не могут добраться даже птицы, за исключением ворона. Образ этой птицы в контексте с образом воды бессмертия неслучаен: буряты были осведомлены о том, что ворон является птицей-долгожителем, а живет он долго, считалось, потому, что пьет воду вечности. Создателем воды бессмертия выступает верховное божество. Включение воды бессмертия в структуру освоенного человеком пространства описывается в следующем сюжете: ворон, единственная птица, способная долететь до вершины гольцов (*мундарга*), «несет в клюве вечную воду и несколько капель роняет на землю. Там, где упали капли, возникли целебные родники. По монгольским мифологическим версиям ворон является птицей, специально назначенной бурханом, которая должна была спустить *аршан*, приготовленный богом на землю» [Содномпилова 2019: 98]. Полагаем, что впоследствии, в более поздних версиях[1] мифа, возникновение аршанов связывается с образом культурного героя — Абай Гэсэра [Бурчина 1990: 260], мифического первопредка бурят-булагатов Буха-нойона. «В генеалогическом предании о предке булагатов сообщается, что тункинские *аршаны* появляются там, где помочился[2] небесный бык Буха-нойон» [Содномпилова 2009: 121].

Большей реальностью отличаются сведения, согласно которым первооткрывателями большинства целебных источников были охотники, которых к источнику с чудодейственной водой приводили раненые животные. В преданиях преимущественно упоминается олень: горячий источник Бэлэрэ в Аге исцелил раненого охотником изюбря [Линховоин 2012: 310], знаменитый комплекс термальных и холодных минеральных источников Чойган в Тыве был найден охотником, преследовавшим раненого им лося [Аракчаа и др. 2018: 5]. Искупавшись в воде источника, олени, согласно сюжету предания, выздоравливают и убегают[3].

С распространением буддизма и формированием культа наставника-ламы (буддийского священнослужителя) возникают новые версии происхождения целебных источников с участием выдающихся буддийских религиозных деятелей. В их числе — монгольский лама Хоршид Гэгэн Галсан Содном Жамцо, живший в начале XIX в., который «взлетел» на вершину сакральной горы, набрал там «живой воды» и влил ее в один из источников, берущих начало на горе Мундарга. Считается, что так появился в Тункинской долине Барун аршан. Сохраняет популярность мотив о появлении целебного источника от мочи божества, образ которого замещается образом буддийского святого. Так возникает целебный источник в местности Барун Хасурта, которую посетил известный монах: он «…провел моление и помочился здесь. Вследствие этого здесь и возник аршан — целебный источник. Следующей весной, после того как здесь помочился лама, источник неожиданно разлился, и вода залила село. Всех это очень удивило, и впоследствии этот

[1] Говоря о ранних или поздних версиях мифа, мы выдвигаем лишь предположения, поскольку вопрос «установления точной датировки фольклорных данных остается нерешенным и, к сожалению, следует признать, что „привязка“ фольклора к исторической хронологии происходит весьма условно» [Тучкова 2018: 180].

[2] Вообще моча как мифический первоисточник лечебной воды отмечена во многих преданиях. Известно позитивное восприятие в среде тюрко-монголов этой биологической жидкости человеческого организма, которая, согласно традиционным представлениям, обладала сильными лечебными свойствами [Содномпилова 2019: 182].

[3] Примечательно, что в традиционных представлениях бурят олень, как и ворон, является долгожителем. Возможно, что его долголетие в мировоззрении монгольских народов также связано с «водой бессмертия» — целебными *аршанами* [Содномпилова и др. 2012: 88].

ключ стал почитаться как целебный источник» [Нацов 1995: 72]. Целебные источники появились и там, где обосновался хамбо-лама Итигэлов. В Иволгинском районе особо популярен аршан Улзыта, вода которого, как считается, помогает при разных заболеваниях. В настоящее время буддийскими священнослужителями отмечается, что появление новых источников с целебной водой сопутствует деятельности нынешнего хамбо-ламы Дамбы Аюшеева. В Иволгинском районе известность обретает аршан Ариун-Булаг, расположенный у горы Баян-Улаан. Источник был открыт в 2008 г. На его склоне находится обо, и это единственное обо, на котором читает молебны сам хамбо-лама Дамба Аюшеев. «О целебности этого аршана уже идет народная молва. Так, например, по словам смотрителя юрты А. Б. Шагжеева, многочисленные посетители источника используют аршан для успешного лечения заболеваний желудочно-кишечного тракта. География посетителей простирается от всех районов республики до Иркутска, Москвы и Санкт-Петербурга» [Целебные источники 2023].

3.2. Сверхъестественные хозяева целебных источников

Все целебные источники имеют своих духов-хозяев. Обычно духами-хозяевами целебных источников выступали божества местности, где находится исток родника. «Так хозяином *халуун аршана* (горячего аршана) на берегу реки Сагаан гол, в местности Туран, является божество-покровитель Тункинской долины Шаргай нойон. Этот целебный источник иначе называют „вечно кипящий чай Шаргай нойона“» [Содномпилова 2019: 98]. Другой тункинский *аршан* — Хэнгэргын аршан, называемый с давних пор *гашуун аршан* («горький» аршан), в воззрениях местных бурят считается мочой духа-хозяина горы Мундарга Моон тойна [Содномпилова 2019: 104]. Духами-хозяевами многих источников выступают девушки или женщины, которые спасают людей от жажды. Таков, в частности, образ хозяйки известного в Аге аршана в урочище Хилгындэ [Линховоин 2012: 310]. На территории проживания предбайкальских бурят духи-хозяева целебных источников входили в состав улусно-общинных духов, о которых считалось, что они покровительствуют только определенному улусу или группе близких маленьких улусов. Они приравнивались по статусу к *эжинам* (хозяевам) местной горы, озера, речки [Михайлов 1980: 93]. Сами источники относились к святым местам, так же как места погребений шаманов и шаманок, места снисхождения на землю небесных камней *буумал-шулуун*.

Целебные источники, как и многие другие культовые объекты в буддийской Бурятии, также подверглись так называемой ламаизации (ассимиляции добуддийских культов буддийской церковью). Такая ламаизация обычно выражалась «в учреждении поблизости от прежнего культового места ламаистского обо, бумхана; богословы сочиняли тибетоязычный и монголоязычный обрядник жертвоприношения, в котором прежнее имя „хозяина“ заменялось тибетским; обряды совершались ламами по ламаистскому ритуалу» [Галданова и др. 1983: 120]. Дух-хозяин аршана после «общения» с буддийскими священнослужителями «соглашался» принять буддийскую веру и принимал новое буддийское имя, и с этих пор все обряды, связанные с лечением на таком роднике, проводили ламы. Однако некоторые аршаны остаются в ведении шаманов. Это объясняется местными жителями отказом духа-хозяина аршана принять буддийскую веру. На таких аршанах моление перед сеансом лечения проводят шаманы [ПМА: Д. А. С.]. На некоторых целебных источниках, расположенных вблизи города, которые посещаются большим количеством паломников, служители вообще отсутствуют — там обряды почитания совершаются непосредственно пациентами. Свидетельством постепенного перехода культа целебных источников под опеку буддийского духовенства является наблюдение Л. Линховоина, который отмечал в своей работе, что «Страдающие всякими недугами с давних пор лечились на аршанах по рекомендации костоправов, а впоследствии лекарей-лам» [Линховоин 2012: 310].

3.3. Лечебное воздействие вод аршанов

Начало исследованию химического состава целебных источников в Бурятии было положено в первой половине XX в. В настоящее время исследования продолжаются, обретая комплексный характер: проводятся физико-химические, гидрогеохимические, гидробиологические, микробиологические, медико-биологические исследования.

Результаты исследований способствуют определению характеристик источников и выявлению их влияния на организм человека. Однако такие исследования затронули весьма ограниченное число целебных источников. В Бурятии подобные исследования были проведены на родниках курорта «Жемчуг» и «Нилова пустынь» Тункинского района, Горячинск Прибайкальского района. Большинство источников до сих пор не исследованы. Поэтому люди, приняв решение о необходимости лечения на источнике, вынуждены опираться на опыт предков. Народный опыт лечения на минеральных источниках, накапливавшийся в течение многих лет и даже веков, способствовал формированию устойчивого мнения у населения о пользе того или иного источника для лечения конкретных заболеваний. Вода и грязи большинства целебных источников, насыщенных разными минералами, были полезны для желудочно-кишечного тракта, при заболеваниях опорно-двигательного аппарата, периферической и центральной нервной системы, гинекологических заболеваниях. Люди употребляли воду минеральных источников для питья, принимали ванны, вдыхали испарения, грязи использовали как аппликаторы. Водой источников, полезных для глаз, промывали глаза или использовали ее как капли. Удивительно, но сегодня народный опыт лечения на целебных источниках подтверждается данными комплексных исследований аршанов. Так, например, высокая температура вод источников, полезных для лечения костно-мышечной системы, обогащение их кремниевой, ортоборной кислотами, углекислотой, метаном создают условия для активизации кровообращения и нормализации метаболических процессов в суставном хряще. Низкая активность радона при высоких температурах воды оказывает болеутоляющее действие [Профилактическая медицина 2022: 144, 146].

3.4. Практика лечения

Период и продолжительность лечения. В традиционных представлениях бурят сохранились воззрения о наилучшем времени, когда следует проводить процедуру лечения на минеральных источниках. У бурят курортный сезон начинался с конца мая и продолжался до сентября. У агинских бурят «…самым эффективным временем считалось время до первой половины июня. Эта пора называлась *үндэһэнэй үе* — «корневая пора», т. е. время активной работы корней растений. Называли это время и более поэтично *хэрмэн шэхэнэй үе* — „пора беличьего ушка“, так назывались молодые листочки на березах. Не менее эффективной считали неделю *эриихэ*, наступающую в первой половине или середине сентября» [Линховоин 2012: 310]. Л. Линховоин под названием *эриихэ* имеет в виду время появления на небосклоне звезды Риши / Риха[1] в буддийской астрологии, что знаменует обретение аршанами особой целительной силы [Миягашева 2022: 90]. По другим сведениям, время *эриихэ* наступало во второй половине сентября и нередко растягивалось до октября. Так, полезной для лечения суставов считалась вода холодных источников Баргузинской долины, Иволги, Аги, и больные ревматизмом, радикулитом люди окунались в холодную воду и в сентябре, и даже в октябре [Линховоин 2012: 310].

Дарующим силу целебным источникам считается особый летний день — 15 числа лунного месяца в июне. «Закаменские буряты верили, что в эту ночь полнолуния на землю опускается благодать и старались рано утром, перед восходом солнца посетить целебные источники, чтобы напиться воды» [Галданова 1987: 20]. Источники Баргузинской долины «по народным приметам особую целебную силу воды и грязи имеют в пору цветения черемухи» [Гомбоев 2006: 80].

Мнения о продолжительности лечения на родниках расходятся. В прошлом «больные ревматизмом люди принимали ванны с водой целебных источников в обыкновенных деревянных бочках с подогретым аршаном и сидели в ней, не соблюдая режима времени и температуры» [Линховоин 2012: 310]. В настоящее время неопределенность сохраняется: одни считают, что достаточно одного дня, в течение которого обливание водой совершают три раза [ПМА: Д. Б. Б.], другие верят, что для излечения болезни достаточно «пить аршан или принимать ванны

[1] Такой взгляд буддистов на силу определенной звезды не уникален. Известно, что хакасы пили лекарства, приготовленные из целебных трав, только вечером, когда на небе появлялись звезды. «Верили, что в это время лекарство действует сильнее» [Львова и др. 1989: 15].

в течение недели, самое большее — двух недель» [Линховоин 2012: 310]. «По народной традиции на один и тот же источник следовало выезжать нечетное количество раз, количество приема воды или ванн также должно было быть нечетным» [Бархутова и др. 1999: 167]. В период лечения на источнике и после него старались оберегать организм от физического переутомления, переохлаждения.

Виды лечебных процедур. На термальных источниках больные принимают ванны[1]. На холодных источниках практикуют обливания. Под струями холодного источника желательно находиться недолго и стараться не подставлять под холодную воду поясницу, так как можно было застудить почки. После обливания не следует обтирать тело полотенцем — необходимо, чтобы вода высыхала на теле постепенно, насыщая кожу минералами. После холодных процедур тело начинает разогреваться, что благотворно действует на больные суставы. Нередко в одном месте находятся термальные и холодные источники, которые позволяли сочетать горячие ванны с обливаниями холодной водой. Известно, что «активация обмена веществ и окислительно-восстановительных процессов в тканях происходит только под влиянием горячих и холодных процедур. Минеральные ванны и обливания положительно влияют на бактерицидную активность кожи и иммунокомпетентные органы, ограничивая развитие аллергических реакций» [Аракчаа и др. 2018: 97].

Помимо воды аршанов, люди широко использовали в лечении ряда заболеваний целебные грязи, органоминеральные образования, содержащие терапевтически активные вещества (соли, газы, биостимуляторы) и живые организмы. В народной практике лечения грязи исцеляют больные суставы, заживляют раны, заболевания кожи. Подходят грязи и для лечения лошадей: окинские буряты, если лошадь повреждала копыта, брали ее на аршан (*шутхэлэн аршан*) и заводили в грязь. Процедуру проводили теплым днем (когда земля согревалась солнцем), привязывая лошадь на два-три часа [ПМ РЦНТ: Г. В. Ц.].

Обустройство лечебных мест. Места, где расположены целебные источники, обустраивали: устанавливали деревянные бочки, делали срубы для принятия ванн, неподалеку строили домики для проживания. Наиболее красочно атмосферу аршанов передал Ф. Я. Кон в начале XX в., описывая одно из таких мест в Туве: «местность [Арджан] поражала своей дикой красотой. Издали блестела белизной огромная известковая скала, только на вершине покрытая зеленой шапкой леса. Посередине отвесной скалы кто-то ухитрился прикрепить не то „джеламу“, не то флаг. У подножия скалы небольшие сложенные из бревен срубы, скрывающие купающихся от нескромных взоров посторонних. Жилых построек нет. „Курортные больные“ ютятся в ими же привезенных разноцветных палатках. Между палатками снуют сойоты, дархаты, монголы в разноцветных халатах, среди которых преобладает красный цвет халатов лам. Немного поодаль разной масти лошади, а на горке обреченные на заклание, пригнанные сюда самими же больными овцы» [Кон 1936: 191].

Сегодня на популярных целебных источниках строят дома для проживания, здания, где принимают ванны, бани, сауны, домики для смотрителей, источники сопровождаются информационными табличками с указанием температуры, химического состава, медицинскими рекомендациями.

Ритуально-магическая часть лечебных процедур. Лечение на источниках требовало соблюдения ряда мер, направленных на установление диалога с природой в лице духа-хозяина источника. По отношению к нему следовало строго соблюдать определенные правила, поскольку от его благосклонности зависел итог лечения. «Не рекомендовалось отправляться на источники без опытного проводника, не только хорошо знающего путь к источнику, но и имеющего большой опыт лечебной практики. Обычно такими проводниками бывали пожилые мужчины, поскольку еще в недавнем про-

[1] На горячих источниках Окинского района Республики Бурятия лечили заболевания ног и у лошадей, причем даже зимой. «В прошлом, когда я жил в Оке, дорог в район не было — все возили на лошадях, в основном зимой. Один человек на пяти лошадях груз возил из Монд. Дорога сложная — то снег, то грязь. На ногах лошадей налипал лед, лошади начинали хромать. Тогда мы водили лошадей на горячий (незамерзающий) источник, ноги лошадей омывали горячей водой. Несколько раз так сделаешь, и лошадь перестает хромать. Целебная вода такая» [ПМ РЦНТ: У. В. Л.].

шлом женщинам воспрещалось посещать горные источники» [Содномпилова 2009: 117]. В среде предбайкальских бурят принято было посещать только те родники, которые находились на родовой территории. Обычно целебную воду брали домой — традиция лечиться возле родника отсутствует. Если возникала необходимость посетить целебный родник в другой местности, первоначально следовало испросить разрешения у местных жителей. Также необходимо было принести небольшую жертву духу-хозяину родника (монеты, пищу).

Алтайцы, готовясь к посещению целебного источника, «стремились убрать максимум тех знаков, что обозначали их принадлежность к среднему миру. В дороге не пользовались туалетным мылом и одеколоном, так как духи не любят человеческих запахов; женщины оставляли все свои украшения дома; мясо на источниках варили без соли» [Сагалаев 1992: 85]. Буряты считают обязательным «угостить» духа-хозяина источника, чтобы исход лечения был положительным. Особой популярностью среди жителей Бурятии пользуются целебные источники Тункинской долины, и в частности аршаны «Ниловой пустыни» [Содномпилова 2009: 116]. Эти источники выделяются особыми внешними признаками (форма водорослей), которые служат ориентирами для больных. Так, глазной источник характеризуется наличием на поверхности водорослей, образующих форму круглых выпуклых образований, похожих на глазное яблоко [ПМА: Т. Д. Х.]. Вода других аршанов, полезных для глаз, характеризуется наличием пузырьков, также напоминающих глазное яблоко. Этой водой с пузырьками следовало промывать глаза [ПМА: Д. Б. Б.].

Больные, желающие пройти курс лечения на водном источнике, должны придерживаться определенных правил. Запрещалось лечиться сразу от нескольких заболеваний в одно посещение. При употреблении воды источника внутрь особенно важное значение имело время, когда это следовало делать. «Пить целебную воду необходимо было в ранний предрассветный час (летом — в 3 часа ночи), когда еще спят птицы. Это правило обусловлено верой в то, что *аршан*, из которого утром напились птицы, теряет свою лечебную силу» [Содномпилова 2009: 117]. В связи с этим и следовало испить целебную воду до того, как ее попробует птица. Такие представления являются современным толкованием более древнего предания, связанного с конкретной птицей — вороном. «Из аршана, чтобы вода имела силу, нужно брать утром, прежде чем напьется из него ворон, потому что ворон рано прилетает пить. Оттого он получает бессмертие» [Потанин 1883: 210].

Приступая к лечению, гадали о пользе силы источника для конкретного человека. В прошлом, по-видимому, чаще гадали на бараньей лопатке — по наблюдению Ф. Кона, «более десятка овечьих лопаток с надписями на них на монгольском и тибетском языках» [Кон 1936: 192] находились возле горячего ключа на ова. Но были известны и другие виды гадания[1].

3.5. Водные источники и змеи

В традиционных представлениях с водными источниками тесно связаны образы змей — в силу устойчивости мнений, что змеи любят воду[2]. Особое отношение сложилось к змеям на аршанах. Появление змеи на источнике расценивалось бурятами неоднозначно: встреча со змеей на земле рассматривалась позитивно, но змея вблизи источника или в самой воде считалась плохим знаком. Буряты особенно выделяли змею с рожками, предположительно гадюку. При встрече с такой змеей на земле следовало расстелить перед ней платок — если змея заползала на платок, то это сулило хозяину платка богатство[3].

[1] См. подробно: [Содномпилова 2009].

[2] В хакасских преданиях змея выступает в качестве матери — прародительницы таких рек, как Туба, Кизир и Казыр [Бурнаков 2020: 95].

[3] Такие представления были широко распространены у тюрков Южной Сибири, монголов. Ойраты, увидев такое редкое явление, как скопление змей, должны были сесть на землю и расстелить перед змеями подол своей одежды. Предполагалось, что змея обязательно заползет на подол и оставит либо свою шкуру, либо золото — «подарок» следовало обернуть пятицветным хадаком и хранить дома как драгоценность [Эрдэнэболд 2013: 61]. Сходные воззрения бытовали и у русских. Согласно рекомендации, человек увидевший скопление змей под предводительством змеи с золотой короной на голове, должен разостлать перед ней белый платок — «царь змей в благодарность к нему оставляет на платке корону, приносящую богатство и всеведение» [Демич 2017: 116].

Как уже говорилось выше, змея могла оказаться в воде источника. Известен случай, когда змея заползла в источник и оказалась вместе с принимающим ванну больным. Ее появление, по мнению местных жителей, нивелировало положительный результат лечения. Кроме того, считалось, что если змея заползет в горячий источник, она может остудить воду. Только совершение специального обряда духу-хозяину аршана может вернуть прежнюю температуру [ПМА: Д. А. С.]. Эти воззрения совпадают с мнением соседей бурят — тюркских народов Южной Сибири. Так, алтайцы считают, что в образе змеи является людям дух-хозяин источника; в этом случае «проводник просит человека, увидевшего змею, покинуть эту местность — от лечения будет только вред» [Тюркские народы Сибири 2006: 450]. Причиной явления духа-хозяина в «змеином» образе может быть неправильное поведение больного перед отправлением на источник.

Опасаясь встреч со змеями на целебных родниках, принимали особые меры. Внимание привлекает атрибут, который следует брать с собой на аршан, — это черно-белая веревка. Пестрая веревка, сплетенная из волоса черного и белого яков, была важным сакральным предметом в быту окинских бурят. Называлась она *могой* ‘змея’, и плели такую веревку способом *могойшулха*. Такая веревка прикреплялась у порога дома и выполняла функции оберега жилища. «Если такая веревка есть в доме, в него ничто плохое (злые духи) не проникнет» [ПМ РЦНТ: А. С. Б.]. Пригодится веревка и тем, кто собирается побывать на целебном источнике-аршане, — известно, что такая веревка отпугивает змей. Не возбраняется брать такую веревку и охотникам. В тюрко-монгольском фольклоре известен ряд сюжетов по этому поводу. Так, в частности в хакасском предании царь-змей советует хакасу из сеока аара обтянуть свою юрту пестрым арканом, чтобы спасти свою жизнь от нападения змеиных полчищ. С тех пор для ограждения дома от змей хакасы вокруг юрты натягивают пестрый аркан из белой и черной шерсти [Бутанаев, Монгуш 2005: 78]. Вообще пестрый цвет в мировоззрении тюрко-монгольских народов устойчиво ассоциируется со змеей от ее обозначений в лексике до обрядовой атрибутики. Ойраты, избегая прямо называть змей, использовали прием иносказания, обозначая ее «пестрой веревкой» [Эрдэнэболд 2013: 61]. Буряты жертвуют Могой-хану, повелителю змей, пеструю овцу.

4. Заключение

В пространстве этнической Бурятии множество холодных и термальных целебных источников. Воды источников представляют собой сложные многокомпонентные растворы, по убеждению лечащихся, помогающие в исцелении разных заболеваний. Химический состав и лечебный эффект большинства целебных источников не были исследованы. В этой связи «ориентиром» для желающих исцелиться на аршане служит только накопленный за долгие годы опыт предыдущих поколений. В буддийской традиции наиболее благотворным временем посещений источников была осень, по причине появления на небосклоне звезды Риши / Риха, которая особо почитается буддистами. Считалось, что ее свет благотворно воздействовал на любую воду, а силу целебных источников увеличивал в несколько раз [Вторушина 2023]. К добуддийскому периоду относятся взгляды об особой пользе источников в весеннюю пору. Мифоритуальный контекст традиций лечения на источнике включает представления о духе-хозяине источника, магию (различные гадания), благодарственные, умилостивительные обряды духу-хозяину источника.

В целом культ аршанов и практика лечения его водами наглядно показывает, как сохраняется актуальная для общества информация, какие ее слои «выпадают» из информационного поля и замещаются другими. Информационные пласты, характеризующие образ источника, отражают изменения в восприятии его значимости — от локального родового статуса до общественного. Изменения вследствие мощного влияния буддизма произошли в ритуальной организации и оформлении лечебных практик и места лечения.

Полевые материалы автора

Информант Д. Б. Б., 1983 г. р., г. Улан-Удэ (материалы 2023 г.).

Информант Д. А. С., 1976 г. р., г. Улан-Удэ (материалы 2023 г.).

Информант Т. Д. Х., 1923 г. р., хонгодор, г. Кяхта Республики Бурятия (материалы 2003 г.).

Author's Field Data

Informant: A. S. D., b. 1976. Rec. in Ulan-Ude (Republic of Buryatia), 2023. (In Bur. and Russ.)

Informant: B. B. D., b. 1983. Rec. in Ulan-Ude (Republic of Buryatia), 2023. (In Bur. and Russ.)

Informant: D. Kh. T., b. 1923, ethnic Buryat, Khongodor tribe. Rec. in Kyakhta (Kyakhtinsky District, Republic of Buryatia), 2003. (In Bur. and Russ.)

Полевые материалы Республиканского центра народного творчества (запись 2022 г.)

Информант А. С. Б., 1958 г. р., с. Хурга Окинского района Республики Бурятия.

Информант Г. В. Ц., 1957 г. р., с. Орлик Окинского района Республики Бурятия.

Информант У. В. Л., 1947 г. р., с. Зун-Мурино Тункинского района Республики Бурятия.

Field Data of Buryatia Folk Art Center

Informant: S. B. A., b. 1958. Rec. in Khurga (Okinsky District, Republic of Buryatia), 2022. (In Bur. and Russ.)

Informant: V. L. U., b. 1947. Rec. in Zun-Murino (Tunkinsky District, Republic of Buryatia), 2022. (In Bur. and Russ.)

Informant: V. Ts. G., b. 1957. Rec. in Orlik (Okinsky District, Republic of Buryatia), 2022. (In Bur. and Russ.)

Литература

Аракчаа и др. 2018 — *Аракчаа К. Д., Смирнова И. Н., Копылова Ю. Г.* Аржаан Чойган — целительная жемчужина Тувы. Кызыл: Журналист, 2018. 168 с.

Бархутова и др. 1999 — *Бархутова Д. Д., Цыреторов С. Ц., Намсараев Б. Б., Банзаракцаева Т. Г.* Традиции рекреационного использования водных экосистем в лесостепных районах Бурятии // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 2–3 июля 1999 г.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. С. 166–168.

Бурнаков 2020 — *Бурнаков В. А.* «Змеиные сюжеты» в фольклоре хакасов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 1(27). С. 90–100. DOI: 10.23951/2307-6119-2020-1-90-100

Бурчина 1990 — *Бурчина Д. А.* Гэсэриада западных бурят. Новосибирск: Наука, 1990. 449 с.

Бутанаев, Монгуш 2005 — *Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В.* Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Хакасск. гос. ун-т, 2005. 197 с.

Вторушина 2023 — *Вторушина Н.* Маршрут выходного дня: едем купаться в Риху [электронный ресурс] // URL: https://clck.ru/35jWSd (дата обращения: 16.09.2023).

Галданова 1987 — *Галданова Г. Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 114 с.

Галданова и др. 1983 — *Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б., Митупов Г. Ц.* Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1983. 233 с.

Гомбоев 2006 — *Гомбоев Б. Ц.* Культовые места Баргузинской долины. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2006. 287 с.

Демич 2017 — *Демич В. Ф.* О змее в русской народной медицине (культурно-этнографический очерк) // Инородцы. Очерки дореволюционной этнографии. М.: Common place, 2017. С. 108–138.

Дондокова 2003 — *Дондокова Д. Д.* Лексика духовной культуры бурят. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. 135 с.

Кон 1936 — *Кон Ф. Я.* За пятьдесят лет. 2-е изд. Т. 3–4. М.: Советский писатель, 1936. 344 с.

Линховоин 2012 — *Линховоин Л.* Лодон багшын дэбтэрhэ. Материалы на бурятском и русском языках. Улан-Удэ: Монгол-буриад ном, 2012. 384 с.

Лотман 2001 — *Лотман Ю. М.* Семиосфера. Культура и взрыв. Среди мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. 703 с.

Львова и др. 1989 — *Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск: Наука, 1989. 243 с.

Михайлов 1980 — *Михайлов Т. М.* Этническая характеристика шаманского пантеона бурят // Быт бурят в настоящем и прошлом (XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Иркутская областная типография № 1, 1980. С. 73–100.

Миягашева 2022 — *Миягашева С. Б.* «Пять целебных вод»: аршаны в традиционной культуре бурят // Актуальные проблемы исследо-

вания этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: Мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. (г. Кызыл, 22–25 июня 2022 г.). Кызыл: ТувГУ, 2022. С. 89–91.

Нацов 1995 — *Нацов Г.-Д.* Материалы по истории и культуре бурят. Ч. I. Пер. и примеч. Г. Р. Галдановой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 156 с.

Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Выпуск IV. Мат-лы этнографич. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 1029 с.

Профилактическая медицина 2022 — Профилактическая медицина. Актуальные медико-экологические проблемы Сибири / под общ. ред. акад. М. Ф. Савченкова. Иркутск: ИНЦХТ, 2022. 202 с.

Сагалаев 1992 — *Сагалаев А. М.* Алтай в зеркале мифа. Новосибирск: Наука, 1992. 175 с.

Содномпилова 2009 — *Содномпилова М. М.* Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.

Содномпилова и др. 2012 — *Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З., Эрдэнэболд Л.* Зооморфный код в контексте этногенетических связей монгольских и тюркских народов // Культурное наследие народов Центральной Азии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. С. 83–97.

Содномпилова 2019 — *Содномпилова М. М.* Между медициной и магией: практики народной медицины в культуре монгольских народов (XVII–XIX вв.). М: Наука, Вост. лит., 2019. 205 с.

Тучкова 2018 — *Тучкова Н. А.* Проблема исторической датировки фольклорного материала // Вестник Томского государственного университета 2018. № 432. С. 178–181. DOI: 10.17223/15617793/432/23

Тюркские народы Сибири 2006 — Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М.: Наука, 2006. 678 с.

Целебные источники 2023 — Целебные источники Иволгинской долины [электронный ресурс] // URL: https://dzen.ru/a/Yj6221Skwx9jKQwT (дата обращения: 28.10.2023).

Эрдэнэболд 2013 — *Эрдэнэболд Л.* Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2013. 196 с.

Ong 2002 — *Ong W. J.* Orality and Literacy. The Technologizing of the Word. New York: Routledge, 2002. 203 p.

References

Arakchaa K. D., Smirnova I. N., Kopylova Yu. G. Arzhaan Choygan — The Healing Gem of Tuva. Kyzyl: Zhurnalist, 2018. 168 p. (In Russ.)

Barkhutova D. D., Tsyretorov S. Ts., Namsaraev B. B., Banzaraktsaeva T. G. Recreational traditions and aquatic ecosystems in forest-steppe territories of Buryatia. In: Traditional Ethnic Cultures of the Baikal Region. Conference proceedings (Ulan-Ude, 2-3 July 1999). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1999. Pp. 166–168. (In Russ.)

Burchina D. A. The Geseriad of Western Buryats. Novosibirsk: Nauka, 1990. 449 p. (In Russ.)

Burnakov V. A. "Snake motives" in Khakas folklore. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2020. No. 1(27). Pp. 90–100. (In Russ.) DOI: 10.23951/2307-6119-2020-1-90-100

Butanaev V. Ya., Mongush Ch. V. Sayan Turks: Archaic Customs and Rites. Abakan: Khakassia State University, 2005. 197 p. (In Russ.)

Demich V. F. On snake in Russian folk medicine: An essay in culturology and ethnography. In: Sivkov D. Yu. (comp.) Aliens: Essays in Pre-Revolutionary Ethnography. Moscow: Common Place, 2017. Pp. 108–138. (In Russ.)

Dondokova D. D. Buryat Spiritual Culture: Vocabulary. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2003. 135 p. (In Russ.)

Erdenebold L. Traditional Beliefs of Oirat Mongols, Late Nineteenth to Early Twentieth Centuries. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2013. 196 p. (In Russ.)

Funk D. A., Tomilov N. A. (eds.) Turkic Peoples of Siberia. Moscow: Nauka, 2006. 678 p. (In Russ.)

Galdanova G. R. Pre-Lamaist beliefs of the Buryats. Novosibirsk: Nauka, 1987. 113 p. (In Russ.)

Galdanova G. R., Gerasimova K. M., Dashiev D. B., Mitupov G. Ts. Lamaism in Buryatia: Eighteenth to Early Twentieth Centuries. Novosibirsk: Nauka, 1983. 233 p. (In Russ.)

Gomboev B. Ts. Barguzin Valley: Places of Cult. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture, 2006. 287 p. (In Russ.)

Kon F. Ya. Over the Fifty Years. Second edition. Vols. 3–4. Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1936. 344 p. (In Russ.)

Linkhovoin L. Writings of Lodon Bagshi. Ulan-Ude: Mongol-Buriad Nom, 2012. 384 p. (In Bur. and Russ.)

Lotman Yu. M. Semiosphere. Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds. Articles, studies. notes. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2001. 703 p. (In Russ.)

Lvova E. L., Oktyabrskaya I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S. Traditional Worldviews of South Siberian Turks: Man, Society.

Novosibirsk: Nauka, 1989. 243 p. (In Russ.)
Mikhailov T. M. Ethnic characteristics of Buryat shamanic pantheon. In: Buryat Everyday Life in Past and Present Times, Nineteenth to Early Twentieth Centuries. Ulan-Ude: Institute of Social Sciences (SB USSR Acad. of Sc.), 1980. Pp. 73–100. (In Russ.)
Miyagasheva S. B. «Five healing waters»: The arshans in the traditional culture of the Buryats. In: Mongush E. D. (ed.) Ethnoecological and Ethnocultural Traditions of Sayan-Altai Peoples: Topical Research Issues. Conference proceedings (Kyzyl, 22–25 June 2022). Kyzyl: Tuvan State University, 2022. Pp. 89–91. (In Russ.)
Natsov G.-D. Materials in Buryat History and Culture. Pt. 1. G. Galdanova (transl., comment.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1995, 156 p. (In Russ.)
Ong W. J. Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. New York: Routledge, 2002. 203 p. (In Eng.)
Potanin G. N. Essays on Northwestern Mongolia. Vol. 4: Ethnographic Materials. St. Petersburg, 1883. 1029 p. (In Russ.)
Sagalaev A. M. The Altai in a Mirror of Myth. Novosibirsk: Nauka, 1992. 175 p. (In Russ.)
Savchenkov M. F. (ed.) Preventive Medicine: Topical Medical and Ecological Problems of Siberia. Irkutsk: Irkutsk Scientific Centre of Surgery and Traumatology, 2022. 202 p. (In Russ.)
Sodnompilova M. M. Between Medicine and Magic: Folk Medicine Practices in Mongolic Cultures, Seventeenth to Nineteenth Centuries. Moscow: V ostochnaya Literatura, 2019. 205 p. (In Russ.)
Sodnompilova M. M. The World in Traditional Views and Activities of Mongolic Peoples. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2009. 366 p. (In Russ.)
Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z., Erdenebold L. Zoomorphic code in ethnogenetic context: Fox in traditional beliefs of Mongolian peoples. In: Cultural Heritage of Central Asian Peoples. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. Pp. 83–97. (In Russ.)
Springs of Ivolginsky District. On: Zen (dzen.ru). Available at: https://dzen.ru/a/Yj6221Skwx9jKQwT (accessed: 28 October 2023). (In Russ.)
Tuchkova N. A. The problem of the historical dating of folklore material. *Tomsk State University Journal*. 2018. No. 432. Pp. 178–181. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/432/23
Vtorushina N. Weekend route: Spring bathing on Riha's rise. On: Arig Us. Available at: https://arigus.tv/news/society/136964-marshrut-vykhodnogo-dnya-edem-kupatsya-v-rikhu/ (accessed: 16 September 2023). (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 2, Pp. 401–412, 2024
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 39(316)
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-401-412

Особенности адаптации молодых мигрантов из Центральной Азии в Республике Татарстан (по материалам социо-антропологического исследования)

Татьяна Алексеевна Титова[1], *Вадим Евгеньевич Козлов*[2], *Елена Валерьевна Фролова*[3]

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 18, ул. Кремлевская, 420008 Казань, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор
0000-0001-5921-3287. E-mail: tatiana.titova[at]rambler.ru

[2] Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 18, ул. Кремлевская, 420008 Казань, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
0000-0002-7152-152X. E-mail: vaduim.kozlov[at]list.ru

[3] Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 18, ул. Кремлевская, 420008 Казань, Российская Федерация).
кандидат исторических наук, доцент
0000-0003-2125-5443. E-mail: elenaieup[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024
© Титова Т. А., Козлов В. Е., Фролова Е. В., 2024

Аннотация. *Введение*. Республика Татарстан является одним из основных регионов-реципиентов иммиграции в Российской Федерации. Согласно данным за 2022 г., республика занимает первое место в Приволжском федеральном округе и четвертое в России по количеству прибывших мигрантов. Одной из основных причин такого выбора являются высокие позиции Татарстана в рейтинге инвестиционной привлекательности, который ежегодно составляет Агентство стратегических инициатив по ряду социально-экономических показателей. Традиционным стало и то, что большинство прибывающих ежегодно мигрантов — граждане стран Центральной Азии, при этом первые три места занимают выходцы из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. За последние 30 лет контингент прибывающих из указанного региона претерпел значительные изменения, обусловленные сменой поколения, имевшего опыт проживания в едином государстве — Советском Союзе. Различные стратегии суверенного социокультурного развития самостоятельных центральноазиатских государств со временем привели к увеличению культурной дистанции между их жителями и населением Российской Федерации. *Целью* настоящей работы является анализ особенностей адаптации молодых центральноазиатских мигрантов к новой социокультурной среде полиэтничного регионального сообщества. Соответственно ставятся задачи установления специфики взаимодействия выходцев из Центральной Азии с местным населением, а также определения особенностей их языкового поведения. *Материалы и методы*. Источниковой базой работы послужили материалы социо-антропологического исследования, проводившегося на территории Республики Татарстан в

сентябре-ноябре 2023 г. В качестве информантов выступали представители узбекской, таджикской и кыргызской национальности. Исследование осуществлялось на основе методологии качественного исследования с использованием метода глубинного интервью. *Результаты.* Выявлены особенности адаптационных стратегий и языковой компетентности в этнических и демографических группах мигрантов. Проанализированы экономические и социально-психологические причины выбора представителями изучаемых групп Республики Татарстан в качестве направления миграции, рассмотрены индикаторы величины культурной дистанции между принимающим населением и приезжими. *Выводы.* Важным обстоятельством, обусловившим выбор Татарстана, в глазах респондентов является культурная и языковая близость с местным населением, а также низкий уровень этноцентристских установок со стороны представителей принимающего населения. В статье типологизированы и охарактеризованы группы с максимальным и минимальным уровнем языковой компетентности и причины, обусловившие этот уровень. Успешному освоению и использованию русского языка способствует ориентация на проживание в Республике Татарстан в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: мигранты, принимающее население, диаспора, аккультурация, адаптация, культурная дистанция.

Для цитирования: Титова Т. А., Козлов В. Е., Фролова Е. В. Особенности адаптации молодых мигрантов из Центральной Азии в Республике Татарстан (по материалам социо-антропологического исследования) // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 2. С. 401–412. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-401-412

Adaptation Practices of Young Central Asian Migrants in Tatarstan: A Socioanthropological Survey

Tatiana A. Titova[1], *Vadim E. Kozlov*[2], *Elena V. Frolova*[3]

[1] Kazan (Volga Region) Federal University (18, Kremlevskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor
0000-0001-5921-3287. E-mail: tatiana.titova[at]rambler.ru

[2] Kazan (Volga Region) Federal University (18, Kremlevskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor, Leading Research Associate
0000-0002-7152-152X. E-mail: vaduim.kozlov[at]list.ru

[3] Kazan (Volga Region) Federal University (18, Kremlevskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
0000-0003-2125-5443. E-mail: elenaieup[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024
© Titova T. A., Kozlov V. E., Frolova E. V., 2024

Abstract. *Introduction.* The Republic of Tatarstan is a key immigrant-recipient region of the Russian Federation. As of 2022, Tatarstan ranked first in Volga Federal District and fourth nationwide on the number of arrived migrants. One of the main reasons behind the situation is that according to annual socioeconomic reports by the Agency of Strategic Initiatives, Tatarstan sustainably holds leading positions of investment attractiveness. And it is already common practice that the majority of arriving individuals are Central Asian citizens, the three leading origin countries being Uzbekistan, Tajikistan, and Kyrgyzstan. The recent thirty years have witnessed a significant structural shift determined by that most newcomers never lived in the once unified state — Soviet Union. Different strategies of sovereign sociocultural development adopted by currently independent countries of Central Asia have led to increased cultural distances between their citizens and Russia's natives. *Goals.* The work attempts an analysis of how young Central Asian migrants adapt to new sociocultural conditions of Tatarstan's polyethnic community. To facilitate this, the paper shall characterize the specifics of interaction between the former and locals, including some features of their language behavior. *Materials and methods.* Outcomes of the September-to-November 2023 survey held in Tatarstan constitute a source base for our analysis. The tested informants are ethnic Uzbeks, Tajiks, and Kyrgyzes. Qualitative research methodology and that of in-depth interviews have proven most instrumental herein. *Results.* The study reveals certain features of adaptation strategies and linguistic competence levels in ethnic and demographic groups of migrants. Special attention is paid to economic and socio-

psychological reasons why the latter have chosen Tatarstan as their destination region, to indicators of cultural distances between locals and aliens. *Conclusions*. An important circumstance behind the choice of Tatarstan — in the eyes of the respondents — is the cultural and linguistic proximity, as well as the low level of ethnocentric attitudes on behalf of the host population. The article classifies and describes groups with maximum and minimum levels of linguistic competency, discusses some implied reasons. So, it is intention to reside in Tatarstan in the long term that essentially contributes to the successful acquisition and use of the Russian language.
Keywords: migrants, diaspora, encapsulation of ethnicity, acculturation, adaptation, cultural distance
For citation: Titova T. A., Kozlov V. E., Frolova E. V. Adaptation Practices of Young Central Asian Migrants in Tatarstan: A Socioanthropological Survey. *Oriental Studies*. 2024; 17 (2): 401–412. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-401-412

1. Введение

Российская Федерация, несмотря на внешнеполитические и социально-экономические сложности последних лет, остается страной с высоким уровнем иммиграции. Кроме того, в СМИ периодически распространяется информация о конфликтных ситуациях, в которых участвуют выходцы из стран СНГ. Основой подобных конфликтов зачастую являются этнокультурные различия, обуславливающие неприемлемую с точки зрения принимающего населения реакцию или модели поведения иммигрантов в той или иной ситуации межэтнического взаимодействия. Возникают также определенные сложности с реализацией интеграционных программ в тех случаях, когда иностранные граждане не ориентированы на длительное пребывание в стране. Кроме того, причиной конфликтов является низкий уровень адаптированности некоторых категорий иммигрантов, приводящий к высокому уровняю фрустрированности и психологического напряжения личности, т. е. так называемому «культурному шоку» [Oberg 1960: 177–182]. Стоит отметить, что зарубежная и отечественная наука накопила значительный объем материалов и научных публикаций, посвященных теме миграции и адаптации мигрантов в инокультурной среде [Методология и методы 2007], а также более широкой проблеме — идентичности в культурно сложном обществе или политико- административных объединениях [Плассеро 2019]. Вместе с тем примеров создания эффективных механизмов адаптации массовой миграции в мире практически не отмечено. Напротив, регионы и страны-реципиенты (Евросоюз, США) испытывают все возрастающий миграционный кризис [Долгов 2016]. В этой ситуации страны или отдельные регионы, имеющие опыт устойчивого и позитивного взаимодействия мигрантов с местным населением, выступают важными референтами для возможного масштабирования выработанных практик. Республика Татарстан многими специалистами рассматривается именно как носитель подобного уникального опыта, принявшего форму традиции терпимости и культурного многообразия [Титова и др. 2013: 4].

Согласно данным за 2022 г., Республика Татарстан занимает первое место в Приволжском федеральном округе и четвертое в России по количеству прибывших мигрантов [Татарстан по количеству]. Одной из основных причин такого выбора являются высокие позиции Татарстана в рейтинге инвестиционной привлекательности, который ежегодно составляет Агентство стратегических инициатив по ряду социально-экономических показателей [На ПМЭФ-2023].

2. Материалы и методы

Авторы настоящего исследования накопили значительный объем полевых материалов по миграции в Республике Татарстан, полученных в ходе регулярного изучения различных категорий и групп мигрантов за последние 15 лет и представленных в цикле публикаций [Титова и др. 2013; Титова и др. 2014; Козлов и др. 2016]. В указанных публикациях нашли отражение такие аспекты адаптации представителей сообществ мигрантов, как социальная идентичность и религиозность (исследование проведено в 2012 г. с помощью количественных и качественных методов; в нем приняли участие 500 представителей сообществ мигрантов, проведено 30 глубинных интервью и 10 фо-

кус-групп); социокультурные процессы в среде сообществ мигрантов (в исследовании 2013 г. приняли участие 150 респондентов, также проведено 20 глубинных интервью и 8 фокус-групп) [Титова и др. 2013]. В 2014 г. исследовались социально-экономические и этноконфессиональные аспекты женской трудовой миграции (приняли участие 300 женщин-мигранток, проведено 25 глубинных интервью) [Титова и др. 2014]. В 2015 г. был проведен мониторинг экономического, социального и психологического статуса представителей сообществ трудовых мигрантов республики (приняли участие 300 респондентов, проведено 10 глубинных интервью). В 2016 г. рассматривались вопросы, связанные с особенностями социокультурных и религиозных практик молодых мигрантов (в исследовании приняли участие 300 представителей молодых мигрантов — студентов ВУЗов республики) [Козлов и др. 2016].

В то же время динамика и содержание миграции как сложного социо-культурного явления не остается неизменным и требует анализа с учетом актуальной ситуации, поэтому проведенное в 2023 г. исследование явилось продолжением изучения мигрантов и миграционной ситуации в республике. В качестве объекта изучения в 2023 г. были выбраны граждане Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана, которые сохраняют лидирующие места по общему количеству ежегодно прибывающих в Российскую Федерацию мигрантов [В Татарстане].

Всего было проведено 21 интервью, по семь с представителями каждой из трех национальностей. Информантами выступали мужчины и женщины молодого возраста, постоянно проживающие на территории Республики Татарстан. Отбор информантов осуществлялся методом «снежного кома». В качестве основного метода сбора материала использовался метод глубинного интервью. В ходе обработки и интерпретации полученных данных применялся метод фрейм-анализа [Гофман 2003]. Данный метод концептуализации, предложенный Ирвингом Гофманом, широко применяется со второй половины XX в. в социальных науках. В качестве аналитического инструмента используется понятие «фрейм», т. е. некая ментальная рамка или контекст, который актор воспринимает как реальный в конкретной жизненной ситуации и конструирует в соответствии с этим свои действия, речевое поведение и ожидания. Выбор метода был обусловлен тем, что он позволяет учитывать «жизненный опыт, восприятие реальности, индивидуальные действия», и это «соединяет индивидуальное действие с социальной структурой и институтами «большого» общества» [Гофман 2003: 8]. Таким образом, личный опыт рассматривается в контексте организующих его социальных институтов — экономических, образовательных, этнических.

3. Результаты

Российская наука за последние десятилетия накопила значительный объем исследований, посвященных проблемам миграции и мигрантам. Эти темы получили свое освещение как на общефедеральном уровне в работах специалистов Института этнологии и антропологии РАН [Тишков и др. 2019], Института социологии ФНИСЦ РАН [Денисенко, Мукомель 2023], Института востоковедения РАН [Савин 2021] и др., так и в трудах, написанных на основе исследований в отдельных регионах [Амелин 2002] и республиках Российской Федерации [Акрамов, Хуснутдинова 2019]. Среди отечественных ученых-этнологов присутствует достаточно скептическая оценка перспектив адаптации и аккультурации выходцев из Центральной Азии в российское общество [Абашин 2014: 76]. В то же время конкретные субъекты Российской Федерации, в частности Татарстан, уже длительное время демонстрируют, что эффективность адаптации мигрантов и их дальнейшие стратегии, связанные с нахождением на территории страны, могут варьироваться в зависимости от комплекса факторов, сформировавшихся в конкретном сообществе. Этнологами республики на протяжении последних десятилетий осуществляются регулярные исследования, посвященные различным сторонам жизни иммигрантов и их взаимодействию с местным населением [Дробижева и др. 2016][1]. Ряд исследований охватывал

[1] На протяжении ряда лет Л. М. Дробижева совместно с авторами данной статьи проводила исследования на территории Республики Татарстан, в том числе касающиеся взаимодействия принимающего населения и мигрантов. Результаты приведенных исследований отражены в

отдельные категории мигрантов, например женщин-мигранток [Frolova et. al. 2015], трудовых мигрантов и молодых мигрантов [Козлов и др. 2016], а также религиозный фактор в межгрупповых отношениях [Сагитова 2017]. В то же время, как показали предыдущие исследования, важную роль играет общий социальный контекст, в рамках которого происходит взаимодействие между принимающим населением и иммигрантами. В последние два года определяющим является проведение специальной военной операции (СВО), которая оказала значительное влияние на состояние российского общества как в политико-экономическом, так и социально-психологическом отношении. В свою очередь доминирующие в принимающем обществе установки влияют на позиции и приоритеты находящихся в России мигрантов. В этом отношении проведенное исследование позволило охарактеризовать актуальные жизненные стратегии в среде молодых мигрантов из таких стран Центральной Азии, как Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан, проживающих в настоящее время в Республике Татарстан.

3.1. Стратегии адаптации и особенности взаимодействия с местным населением

Результаты интервью показывают, что Республика Татарстан является привлекательным в экономическом, социальном и психологическом отношении регионом для иностранных граждан, прибывающих из республик Центральной Азии. Это обусловлено как сложившимся в республике социально-экономическим и общественным микроклиматом, так и восприятием республики как «мусульманского» региона. Многие молодые респонденты принимают решение о переезде в Республику Татарстан под влиянием старших родственников, мотивирующих свой выбор тем, что это «комфортный» для проживания регион: «…Почему именно Казань, потому что это же мусульманский город, мусульманская страна (имеется в виду субъект РФ — Татарстан. — *Т. Т., В. К., Е. Ф.*), вот из-за этого меня папа спокойно отпустил, чтобы я поступила» [ПМА: Инф. 1].

Немаловажным обстоятельством, обусловившим выбор Татарстана, в глазах респондентов является культурная и языковая близость с местным населением. В большей степени этнокультурная близость между титульным населением республики и мигрантами обусловлена общей религиозной принадлежностью (ислам). Однако национальные религиозные традиции имеют различия. Важность этого фактора отмечают как молодые респонденты, так и представители старшего поколения. «Мне как мусульманину, Татарстан ближе к Узбекистану, и с людьми разговаривать. И мечети есть. И у нас язык схожий. Узбекский, казанский, татарский. Схожие языки. Я, например, понимаю татарский, они понимают меня. Я даже на узбекском языке скажу какое-то слово, они понимают, и я их понимаю. Вот поэтому как-то ближе, чем другие регионы России» [ПМА: Инф. 2].

Молодые переселенцы видят лучшие возможности для получения образования в Республике Татарстан «…КФУ считается одним из лучших вузов России, плюс он входит в тройку ВУЗов именно по направлению биологии. По той специальности, которой я хотел бы заниматься. Потому что, ну, как бы как таковой биологии, скажем так, вот именно самой биологии в Узбекистане нет. Есть только педагогическое образование и биология. А сама наука биология… такой нет» [ПМА: Инф. 3].

Важное значение для молодых мигрантов имеет благоприятный экономический климат, сложившийся в республике, возможность достичь более высокого уровня благосостояния. «Я только знаю, что все, кто приезжают сюда, они уже не хотят возвращаться обратно, настолько они чувствуют здесь уже другие условия. Вот здесь реально другие условия, здесь образование бесплатное, и жизнь интереснее, образование бесплатное, медицина бесплатная» [ПМА: Инф. 4].

Часть респондентов отмечает определенный психологический дискомфорт, связанный с климатом и бытовыми сложностями. В частности отмечают, что привыкли к большей внутригрупповой сплоченности, более строгим правилам поведения в общественных местах: «Местная культура... Я бы не сказала, в повседневной жизни она не сильно отличается. Тут, наверное, люди более закрытые, чем у нас. У нас постоянная сборность родственников с друзьями. Мы

ряде публикаций, см., например: [Позитивные межнациональные 2016; Этничность и межнациональные 2017].

любим пировать. Народ такой сам по себе. А тут этого меньше. Я только в этом отличие, наверное, увидела. А так, в принципе, все так же» [ПМА: Инф. 5].

Об открытых проявлениях этнического негативизма респонденты говорят редко, однако такие случаи имеют место: «Затем были трудности с…, наверное, не сказать, что такое было постоянно со стороны всех людей и так далее, но иногда, то ли по моему внешнему виду, то ли по моим внешним характеристикам, именно черт лица, как-то сказывалось, что я являюсь иностранцем. И находились люди, которые могли себе позволить вести себя неэтично и порой даже снисходительно. Были случаи и в университете, были и работники, например, сети магазинов „Магнит“. Не раз сталкивался с таким. Однако людей гуманных, этичных куда больше, что очень греет душу» [ПМА: Инф. 3].

Многие респонденты ориентированы на то, чтобы остаться в Татарстане, продолжить здесь образование и найти работу. В целом можно выделить 3 группы в зависимости от ориентаций на отъезд из республики.

К первой группе можно отнести респондентов-девушек и юношей, которые хотели бы остаться в Республике Татарстан. Их привлекает меньший консерватизм принимающего общества, возможность самостоятельно выбирать траекторию будущего развития: «Девочки чаще всего, когда приезжают, они уже не хотят отсюда уезжать. Ну, более консервативные родители девочек просто так не отправляют учиться, а те, кому удалось „вырваться“, пытаются всеми возможными способами зацепиться, чтобы остаться» [ПМА: Инф. 6].

Ко второй группе относятся молодые люди, ориентированные на отъезд на родину. Их привлекает возможность получать более высокую заработную плату в республике, но дальнейшую судьбу они связывают со страной исхода: «После окончания учебы я думаю в России поработать, опыта набраться. Потом обязательно в Кыргызстан прилечу и там расположусь. Мои друзья уже вот, например, год-полтора, два года работают, кто-то копит на машину, например, на бизнес какой-то, и уезжает обратно» [ПМА: Инф. 7].

Третью группу составляют респонденты, которые не определились со своим будущим, но декларируют желание уехать за границу: «Пока что у меня в планах закончить бакалавриат. Это еще через три года. Как закончу, я хочу еще на магистратуру отучиться. Но я бы хотела в Европу. Там магистратуру закончить и уже не знаю, как получится, где найду работу. Ну, или, думала, Китай, потому что там есть, там вот … магистратура, я бы хотела бы отучиться на психолога» [ПМА: Инф. 8].

3.2. Языковая адаптация

27 ноября 2023 г. на XXV Всемирном русском народном соборе, посвященном теме «Настоящее и будущее Русского мира», Патриарх Московский и всея Руси Кирилл заявил: «Массовый приток мигрантов, не владеющих русским языком, не имеющих должного представления о культуре и истории РФ и не желающих интегрироваться в российское общество, меняет облик городов страны и приводит к деформации единого правового, культурного и языкового пространства Российской Федерации» [Доклад Святейшего Патриарха].

Ранее в 2023 г. были опубликованы изменения, внесенные в Концепцию миграционной политики Российской Федерации (от 12.05.2023 № 342), согласно которым, «основными направлениями миграционной политики в области содействия адаптации иностранных граждан являются создание… условий, способствующих успешному освоению ими русского языка, усвоению ими общепризнанных в российском обществе норм поведения (правил общежития) с учетом социальных и культурных особенностей территорий, на которых они проживают» [Указ Президента].

Несомненно, адаптация и успешная интеграция в российский социум, как и в любое другое принимающее сообщество, диктуют необходимость знания языка и культуры, а еще в идеале и его истории. Значительная часть исторического пути странами нынешнего СНГ пройдена совместно, вместе с тем за годы распада СССР произошли не только общественно-политические и экономические трансформации, но также и пересмотр подходов к трактовке истории и роли в ней каждого народа. В этой связи знание истории Российского государства также видится необходимым в случае ориентации на

долгосрочное проживание на территории России.

В российской миграционной политике на официальном уровне не обозначаются приоритеты по приглашению мигрантов из Центральной Азии на постоянное место жительства в страну. Чаще всего мигранты из стран Центральной Азии рассматриваются как временная рабочая сила. Но на практике многие временные трудовые мигранты переходят в статус долгосрочных мигрантов, а затем и российских граждан. Основным каналом получения российского гражданства для молодых мигрантов является заключение брака с гражданками Российской Федерации.

Сложно выделить единственный превалирующий фактор, повлиявший на владение опрошенными русским языком, поскольку в равной степени свою роль сыграли следующие обстоятельства:

– наследие языковой политики в период СССР, в результате которой с 1940 г. по 1980 г. значительно выросла доля владеющих русским языком среди населения Центральной Азии;

– действующая языковая политика стран Центральной Азии (в Кыргызстане конституционно русский язык закреплен в качестве официального, в Узбекистане русский язык таким статусом не обладает, но образовательными программами школ предусмотрено изучение русского языка или обучение на русском языке (осуществляется в 10 % школ), в Таджикистане русский язык конституционно закреплен в качестве языка межнационального общения, поддерживается система образования на русском языке);

– личная стратегия, ориентированная на получение более качественного, по мнению респондентов, образования, а также на проживание в России как в стране, по мнению респондентов, с более высоким уровнем экономического, образовательного и социального развития.

Наиболее высокий уровень знания русского языка — у выходцев из Кыргызстана, что обусловлено как наследием прошлого, так и его высоким статусом в государстве. Вместе с тем родным языком все респонденты кыргызской национальности декларируют кыргызский. «Папа у меня только на русском разговаривает, ему так комфортнее, мама — только на кыргызском, ей так удобнее. А я и на русском, и на киргизском разговариваю» [ПМА: Инф. 1]. «В семейном кругу на своем родном кыргызском языке, а в обществе я разговаривал на официальном русском языке… у нас имеются неписанные семейные правила говорить только на родном языке дома…» [ПМА: Инф. 9].

Высокий уровень владения русским язык демонстрируют выходцы из г. Ферганы Узбекистана[1]. Из интервью с респондентом, являющимся узбеком по национальности: «Пока я не пошел в русскоговорящую школу, я предпочитал разговаривать только на узбекском. После того, как я пошел в школу, я разговаривал на русском. … Я считаю для себя родным более русский, потому что мне на нем немного комфортнее разговаривать, нежели чем на узбекском» [ПМА: Инф. 10].

Дополнительным обстоятельством, способствующим усвоению русского языка, является принадлежность одного из родителей, прежде всего, матери, или прародителей, к восточнославянским народам или в отдельных случаях тюркским народам из числа народов Поволжья. Вместе с тем предыдущие исследования авторского коллектива зафиксировали существенную разницу в определении родного языка между респондентами разных возрастных групп. Так, респонденты молодого возраста, матери которых являются представителями восточнославянских народов, а отцы — узбеками, родным языком назвали русский язык (это может быть связано с результатами советской политики распространения русского языка в Узбекистане). Респонденты более старшей возрастной категории (старше 50 лет) родным определяют узбекский язык, что связано с языковой традицией, переданной от родителей, рожденных в середине XX в., когда функционирование узбекского языка было распространено шире, а также косвенно может быть связано с более низким образовательным уровнем (русский язык в советское время был необходим для повышения своего социального статуса).

[1] Справочно: Ферганская область находится на 4 месте из всех областей Узбекистана, в которых проживает русское население. Фергана входит в число городов с компактным проживанием русских, а Ферганский округ является одним из 5 округов Узбекской епархии Русской православной церкви.

Это коррелирует с выбором языка общения как на родине, так и в Татарстане.

Так, на вопрос интервьюера «На каком языке вы предпочитали разговаривать в период проживания в Узбекистане?» одна из информантов ответила: «На русском. Я училась там в русском классе, но потом в колледж когда я поступила, там был узбекский колледж, но я там как-то чуть-чуть пыталась на узбекском разговаривать, но я туда просто заходила редко. Вот, и в институте тоже уже русская группа была, то есть на русском чаще)» [ПМА: Инф. 6]. Молодые выходцы из Ташкента, как и Ташкентской области, доля русских среди населения которой является одной из наиболее высоких в Узбекистане, даже в случае мононациональной узбекской семьи демонстрируют уверенное владение русским языком.

Немаловажное значение приобретает и среда, в которой воспитывались иностранные граждане. Так, один из интервьюируемых рос в семье узбеков, родившихся в Казахстане, переехавших в Ташкент в бытность его одним из самых больших научных центров в Центральной Азии и центром образования. Несмотря на общение преимущественно на узбекском языке в период проживания в Узбекистане, в связи с обучением в русскоязычной школе и сформировавшимся кругом русскоязычных товарищей, респондент считает русский язык своим родным языком после узбекского.

В случае обучения на родном языке респонденты демонстрируют преимущественное использование именно его в повседневной жизни на родине. Вместе с тем предусмотренное в программе, например, отдельных школ Таджикистана изучение русского языка в объеме двух часов в неделю обеспечивает его усвоение, что способствует более высокой социальной мобильности в России. Это демонстрирует следующий ответ на вопрос «На каком языке вы предпочитали разговаривать, когда жили в Таджикистане?»: «85 % на таджикском, а 15 % на русском. По линии образования у нас идет программа, т. е. на изучение языков, предмет „русский язык“ в неделю два раза у нас изучается, а также английский язык по программе школы у нас стоял» [ПМА: Инф. 11].

Относительно низкий уровень языковой компетенции выявлен у женщин-домохозяек со средним общим образованием, которые переехали в Татарстан вслед за мужем. Вместе с тем знание русского языка у них — достаточное для обсуждения тем, затронутых в рамках интервью. Это объясняется стратегией поведения с перспективой на длительное проживание, хотя допускается возможное возвращение на родину (несмотря на достаточно успешную психологическую, социальную и экономическую адаптацию, наличие собственного жилья и работы): «У нас в семье говорят на таджикском. Но муж часто сюда раньше работать приезжал, сказал учить язык, что мы в Россию поедем, чтобы я там могла жить. У нас не все знают русский язык, хотя много кто говорит. … дети пока будут учиться, я думаю, они тут привыкнут, захотят здесь образование получать, особенно сын, он уже нам такое говорил, я думаю, так и будет. А мы, наверное, все-таки вернемся через несколько лет в Таджикистан, если дети не попросят остаться. Не знаю, я бы хотела жить на родине, там тепло, хорошо, как-то по-своему» [ПМА: Инф. 4].

Стоит отметить среди женщин-иностранных граждан две превалирующие категории: относящихся к числу образовательных мигрантов и тех, кто переехал вслед за мужем (вне зависимости от образования, опыта работы и языковой компетенции). В случае со второй категорией основная сложность для иностранного гражданина — несоответствие предлагаемых вакансий их профессиональному уровню. Исследования, проведенные в 2014 г. в среде женщин-мигрантов Республики Татарстан, показали, что для большинства опрошенных женщин-мигрантов не характерна самостоятельная трудовая миграция; сфера значимых социальных контактов ограничивается в основном родственным кругом. Три четверти женщин-респондентов, независимо от срока проживания в республике и семейного положения, указали, что в сложной жизненной ситуации в первую очередь обратятся за помощью к родственникам. Анализ дружеских связей женщин-мигрантов также подтвердил, что большинство их ориентированы на социальные контакты в моноэтничной среде. Дружеские контакты женщин-мигрантов с местным населением обусловлены, в основном, совместной работой и характерны для четверти опрошенных женщин [Frolova et. al. 2015].

Знание языка респонденты называют в числе основных факторов успешной адаптации: как государственного русского, так и татарского, поскольку информанты (с языком и тюркской языковой семьи, и иранской группы индоевропейской семьи) выделяют комфортное общение с местным населением, так как родной язык близок к татарскому: «Татары — тюркоязычный народ, я даже понимаю татарский. Даже знакомые и друзья меня учат некоторым словам на татарском. Мне комфортно» [ПМА: Инф. 1].

Важное значение для интервьюируемых также имеет, по их мнению, культурная близость с титульным населением Татарстана. В значительной степени успешному освоению и использованию русского языка способствует ориентация на проживание в Республике Татарстан в долгосрочной перспективе.

4. Заключение

Резюмируя анализ представленных выше данных, можно отметить, что в Республике Татарстан мигранты из Центральной Азии в целом чувствуют себя комфортно, особенно молодые приезжие с высоким уровнем владения русским языком. Испытываемый в ряде случаев психологический дискомфорт имеет ситуативный характер и связан с конкретными бытовыми ситуациями, которые не имеют долгосрочных последствий. Молодые респонденты нацелены на получение высшего образования в республике, их привлекает возможность самостоятельно выбирать будущие образовательные, трудовые и семейные траектории. Для респондентов, имеющих семьи и детей, важным фактором, определяющим их решение остаться в республике, является возможность дать детям хорошее образование и обеспечить им высокий уровень жизни.

По уровню языковой компетенции респонденты делятся на группы с высоким уровнем владения русским языком (в результате смешанных браков, языковой политики государства исхода, личной стратегии) и с низким уровнем языковой компетенции. Наиболее высокий уровень знания русского у выходцев из Кыргызстана, что обусловлено как наследием прошлого, так и его высоким статусом в государстве. Вместе с тем родным языком все респонденты кыргызской национальности декларируют кыргызский. Относительно низкий уровень языковой компетенции выявлен у женщин-домохозяек со средним общим образованием, которые переехали в Татарстан вслед за мужьями. Несмотря на отдельные индивидуальные обстоятельства, процесс адаптации к местному культурному ландшафту у выходцев из Центральной Азии протекает без серьезных социальных и психологических проблем. Основными причинами, способствующими этому, являются высокий уровень терпимости к культурному разнообразию, сформировавшийся у местного сообщества в течение длительного времени, а также достаточно многочисленные диаспоральные группы в городах республики, обеспечивающие реализацию широкого спектра запросов их членов как этнокультурных, так и социально-экономических. Ситуация с проведением Специальной военной операции не оказала значительного влияния на характер взаимоотношений мигрантов с принимающим населением, а также на их решение об отъезде или продолжении пребывания на территории Республики Татарстан.

Источники

Полевые материалы авторов

ПМА: Инф. 1 — женщина, кыргызка, 23 года.
ПМА: Инф. 2 — мужчина, узбек, 32 года.
ПМА: Инф. 3 — мужчина, узбек, 26 лет.
ПМА: Инф. 4 — женщина, таджичка, 29 лет.
ПМА: Инф. 5 — женщина, кыргызка, 24 года.
ПМА: Инф. 6 — женщина, узбечка, 22 года.
ПМА: Инф. 7 — мужчина, кыргыз, 19 лет.
ПМА: Инф. 8 — женщина, кыргызка, 19 лет.
ПМА: Инф. 9 — мужчина, кыргыз, 21 год.
ПМА: Инф. 10 — мужчина, узбек, 22 года.
ПМА: Инф. 11 — мужчина, таджик, 27 лет.

Author's Field Data

Informant 1: Kyrgyz, female, 23 y/o. (In Russ.)
Informant 2: Uzbek, male, 32 y/o. (In Russ.)
Informant 3: Uzbek, male, 26 y/o. (In Russ.)
Informant 4: Tajik, female, 29 y/o. (In Russ.)
Informant 5: Kyrgyz, female, 24 y/o. (In Russ.)
Informant 6: Uzbek, female, 22 y/o. (In Russ.)
Informant 7: Kyrgyz, male, 19 y/o. (In Russ.)
Informant 8: Kyrgyz, female, 19 y/o. (In Russ.)
Informant 9: Kyrgyz, male, 21 y/o. (In Russ.)
Informant 10: Uzbek, male, 22 y/o. (In Russ.)
Informant 11: Tajik, male, 27 y/o. (In Russ.)

Источники

В Татарстане — В Татарстане за 2022 год зафиксировали миграционный прирост [электронный ресурс] (дата публикации: 20 февраля 2023 г.) // URL: https://m.realnoevremya.ru/news/273867-v-tatarstane-prirost-trudovyh-migrantov-v-2022-godu-sostavil-289?_url=%2Fnews%2F273867-v-tatarstane-prirost-trudovyh-migrantov-v-2022-godu-sostavil-289#from_desktop (дата обращения: 05.03.2024).

Доклад заместителя — Доклад заместителя министра внутренних дел по региону — начальника полиции Алексея Соколова на 41-м заседании Госсовета республики [электронный ресурс] // URL: www.migranto.ru (дата обращения: 05.03.2024).

Доклад Святейшего Патриарха — Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на пленарном заседании XXV Всемирного русского народного собора [электронный ресурс] // Официальный сайт Московского патриархата. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/6080946.html (дата обращения: 06.02.2024).

На ПМЭФ-2023 — На ПМЭФ-2023 представили результаты десятого Национального рейтинга инвестклимата [электронный ресурс] (дата публикации: 16 июня 2023 г.) // URL: https://asi.ru/news/194629/ (дата обращения: 05.03.2024).

Татарстан по количеству — Татарстан по количеству принятых иностранцев занял 4-е место в России [электронный ресурс] (дата публикации: 22 февраля 2023 г.) // URL: https://www.migranto.ru/single-post/tatarstan-po-kolichestvu-prinyatih-inostrancev-zanyal-4-e-mesto-v-rossii (дата обращения: 05.03.2024).

Указ Президента — Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 342 «О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 [электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120003·(дата обращения: 06.02.2024).

Sources

Presidential Executive Order of 12 May 2023 no. 342 on Amendments to the Concept of Russia's State Migration Policy for the Years 2019–2025, Enacted by Presidential Executive Order of 31 October 2018 no. 622. On: Official Internet Portal of [Russia's] Legal Information. Posted on 12 May 2023. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120003?ysclid=lsa5bukfat135663413 (accessed: 6 February 2024). (In Russ.)

Report by Deputy Minister of Internal Affairs — Chief of Police Aleksey Sokolov at Forty First Session of State Council. On: Migranto.ru (нужна более точная ссылка). Available at: https://www.migranto.ru/ (accessed: 5 March 2024). (In Russ.)

Report by His Holiness Patriarch Kirill of Moscow at Plenary Session of Twenty Fifth World Russian People's Congress [Council]. On: Moscow Patriarchate (official website). Posted on 28 November 2023. Available at: http://www.patriarchia.ru/db/text/6080946.html?ysclid=lsa4uzvtgr33875211 (accessed: 6 February 2024). (In Russ.)

Tatarstan experienced migration gain in 2022. On: Realnoe Vremya (online newspaper). Posted on 20 February 2023. Available at: https://m.realnoevremya.ru/news/273867-v-tatarstane-prirost-trudovyh-migrantov-v-2022-godu-sostavil-289?_url=%2Fnews%2F273867-v-tatarstane-prirost-trudovyh-migrantov-v-2022-godu-sostavil-289#from_desktop (accessed: 5 March 2024). (In Russ.)

Tatarstan ranked fourth in Russia by number of received migrants. On: Migranto.ru. Posted on 22 February 2023. Available at: https://www.migranto.ru/single-post/tatarstan-po-kolichestvu-prinyatih-inostrancev-zanyal-4-e-mesto-v-rossii (accessed: 5 March 2024). (In Russ.)

Литература

Абашин 2014 — *Абашин С.* Движение из Центральной Азии в Россию: в модели нового мироустройства // Pro et Contra. 2014. Т. 62. № 1-2. С. 73–83.

Акрамов, Хуснутдинова 2019 — *Акрамов Ш. Ю., Хуснутдинова Л. Г.* Трудовая и учебная миграция из Таджикистана в Башкортостан // Вестник Уфимского государственного нефтяного технического университета. Серия: экономика. 2019. № 4. С. 36–40. DOI: 10.17122/2541-8904-2019-4-30-36-40

Амелин 2002 — *Амелин В. В.* Мигранты в Оренбуржье: Проблемы социальной адаптации. Оренбург: ОГАУ, 2002. 163 с.

Гофман 2003 — *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.

Денисенко, Мукомель 2023 — *Денисенко М. Б., Мукомель В. И.* Иностранные работники в

России: мнения работодателей // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 26–37. DOI: 10.31857/S013216250021528-3

Долгов 2016 — *Долгов Б.* Миграционный кризис в современной Европе // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 4. С. 117–134.

Дробижева и др. 2016 — *Дробижева Л. М., Арутюнова Е. М., Евсеева М. А., Козлов В. Е., Кузнецов И. М., Мукомель В. И., Рыжова С. В., Титова Т. А., Фролова Е. В.* Позитивные межнациональные отношения и предупреждение нетерпимости: опыт Татарстана в общероссийском контексте / под ред. Л. М. Дробижевой, С. В. Рыжовой. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 152 с.

Козлов и др. 2016 — *Козлов В. Е., Фролова Е. В., Вятчина М. В.* Диаспоры и сообщества мигрантов в Республике Татарстан: этносоциологические очерки. Ч. III / под ред. Т. А. Титовой. Казань: Глаголь, 2016. 152 с.

Методология и методы 2007 — Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М.: Центр миграционных исследований, 2007. 370 с.

Плассеро 2019 — *Плассеро И.* Идентичность народов Европы. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 200 с.

Позитивные межнациональные 2016 — Позитивные межнациональные отношения и предупреждение нетерпимости: опыт Татарстана в общероссийском контексте / Дробижева Л. М., Арутюнова Е. М., Евсеева М. А., Титова Т. А., Козлов В. Е., Кузнецов И. М., Мукомель В. И., Рыжова С. В., Фролова Е. В. СПб.: Нестор-История, 2016. 152 с.

Савин 2021 — *Савин И. С.* Российское гражданство трудовых мигрантов из Центральной Азии — тактический прием или стратегическая цель? // Антропология и этнология: современный взгляд / отв. ред. А. В. Головнев, Э.-Б. М. Гучинова. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 126–137.

Сагитова 2017 — *Сагитова Л. В.* Реисламизация в постсоветском Татарстане и новые культурные границы // Религии и радикализм в постсекулярном мире / под ред. Е. И. Филипповой и Ж. Радвани. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 2017. С. 91–114.

Титова и др. 2013 — *Титова Т. А., Козлов В. Е., Фролова Е. В.* Диаспоры и сообщества мигрантов в Республике Татарстан: этносоциологические очерки / отв. ред. Т. А. Титова. Казань: Глаголь, 2013. 225 с.

Титова и др. 2014 — *Титова Т. А., Фролова Е. В., Салахова А. И., Гараев Д. М., Вятчина М. В., Галимуллина А. К.* Диаспоры и сообщества мигрантов в Республике Татарстан: женская трудовая миграция. Этносоциологические очерки. Ч. II. Казань: Мир без границ; Глаголь, 2014. 245 с.

Тишков и др. 2019 — *Тишков В. А., Степанов В. В., Барышная Н. А., Кульбачевская О. В., Мартыненко А. В., Мартынова Е. П., Мокин К. С., Подлесных О. Н., Савин И. С., Черных А. В.* Миграция и межнациональные отношения: ресурс государственно-общественного партнерства в России / ред. В. А. Тишков, В. В. Степанов. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 2019. 340 с.

Этничность и межнациональные 2017 — Этничность и межнациональные отношения в социальном контексте [электронное издание] / Л. М. Дробижева и др.; отв. ред. Л. М. Дробижева, С. В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 126 с.

Frolova et. al. 2015 — *Frolova E. V., Titova T. A., Kozlov V. E.* Ethnic cultural and religious practices of migrant women in the Republic of Tatarstan // Journal of Sustainable Development. 2015. Vol. 8. No. 4. Pp. 177–186.

Oberg 1960 — *Oberg K.* Cultural shock: adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. 1960. Vol. 7. Pp. 177–182.

References

Abashin S. Relocations from Central Asia to Russia: An insight into the new world order's structure. *Pro et Contra*. 2014. Vol. 62. No. 1–2. Pp. 73–83. (In Russ.)

Akramov Sh. Yu., Khusnutdinova L. G. Labor and training migration from Tajikistan to Bashkortostan. *Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series Economy*. 2019. No. 4 (30). Pp. 36–40. (In Russ.) DOI: 10.17122/2541-8904-2019-4-30-36-40

Amelin V. V. Migrants in Orenburg Region: Problems of Social Adaptation. Orenburg: Orenburg State Agrarian University, 2002. 163 p. (In Russ.)

Denisenko M. B., Mukomel V. I. Foreign workers in Russia: Employers' opinions. *Sociological Studies*. 2023. No. 1. Pp. 26–37. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013216250021528-3

Dolgov B. Migration crisis in present-day Europe. *Current Problems of Europe*. 2016. No. 4. Pp. 117–134. (In Russ.)

Drobizheva L. M. et al. Ethnicity and Interethnic Relations in Social Contexts. L. Drobizheva, S. Ryzhova (eds.). Moscow: Federal Sociology Research Center (RAS), 2017. 126 p. (In Russ.)

Drobizheva L. M. et al. Positive Interethnic Relations and Prejudices of Intolerance: Tatarstan's Experiences in Russia's Contexts. L. Drobizheva, S. Ryzhova (eds.). Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. 152 p. (In Russ.)

Frolova E. V., Titova T. A., Kozlov V. E. Ethnic cultural and religious practices of migrant women in the Republic of Tatarstan. *Journal of Sustainable Development*. 2015. Vol. 8. No. 4. Pp. 177–186. (In Eng.)

Gofman I. Framing Analysis: An Essay on Everyday Experiences. Moscow: Institute of Sociology (RAS), 2003. 752 p. (In Russ.)

Kozlov V. E., Frolova E. V., Vyatchina M. V. Diasporas and Migrant Communities in the Republic of Tatarstan: Essays in Ethnic Sociology. Pt. 3. T. Titova (ed.). Kazan: Glagol, 2016. 152 p. (In Russ.)

Oberg K. Cultural shock: Adjustment to new cultural environments. *Practical Anthropology*. 1960. Vol. 7. Pp. 177–182. (In Eng.)

Plasseraud Y. L'identité des peuples d'Europe. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019. 200 p. (In Russ.)

Sagitova L. V. Re-Islamization in post-Soviet Tatarstan and new cultural borders. In: Filippova E. I., Radvanyi J. (eds.) Religions and Radicalism in a Post-Secular World. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2017. Pp. 91–114. (In Russ.)

Savin I. S. Russian citizenship of Central Asian migrants — tactical tool or strategic goal? In: Golovnev A. V., Guchinova E.-B. M. (eds.) Anthropology and Ethnology: A Contemporary Perspective. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2021. Pp. 126–137. (In Russ.)

Tishkov V. A., Stepanov V. V., Baryshnaya N. A. et al. Migration and Interethnic Relations: A Resource of Government-Society Partnership in Russia. V. Tishkov, V. Stepanov (eds.). Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2019. 340 p. (In Russ.)

Titova T. A., Frolova E. V., Salakhova A. I., Garaev D. M., Vyatchina M. V., Galimullina A. K. Diasporas and Migrant Communities in the Republic of Tatarstan: Women's Labor Migration. Essays in ethnic sociology. Pt. 2. Kazan: Mir Bez Granits, Glagol, 2014. 245 p. (In Russ.)

Titova T. A., Kozlov V. E., Frolova E. V. Diasporas and Migrant Communities in the Republic of Tatarstan: Essays in Ethnic Sociology. T. Titova (ed.). Kazan: Glagol, 2013. 225 p. (In Russ.)

Zaionchkovskaya Zh., Molodikova I., Mukomel V. (eds.) Migration Processes: Research Methodology and Methods. Interdisciplinary textbook. Moscow: Migration Research Center, 2007. 370 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 2, Pp. 413–425, 2024
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 811.512.3
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-413-425

Дунсянский язык: некоторые вопросы системы вокализма

Виктория Васильевна Куканова[1], *Заяна Игоревна Чушкаева*[2]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, директор, старший научный сотрудник
0000-0002-7696-4151. E-mail: kukanovavv[at]kigiran.com

[2] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник, аспирант
0000-0003-0061-5278. E-mail: ms.zayanaa[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024
© Куканова В. В., Чушкаева З. И., 2024

Аннотация. *Введение*. Дунсянский язык принадлежит к южномонгольской группе языков, является одним из тех языков, в котором содержится множество архаичных черт, представляющих несомненный интерес для лингвистов, занимающихся сравнительно-историческим языкознанием. *Целью* настоящего исследования является анализ системы вокализма дунсянского языка, представленный в разных работах отечественных и зарубежных ученых. *Материалы*. Основным источником при написании статьи послужили опубликованные в отечественной и зарубежной литературе материалы по дунсянскому языку, в которых описаны фонетические особенности данного южномонгольского языка. *Результаты*. Исследованием фонетической системы гласных дунсянского языка занимались такие ученые, как Б. Х. Тодаева, Ма Голян и Лю Чжао Сюн, Надмуд, Бухэ, А. Ибрагим, Ма Гочжун, Чень Юаньлун, Дэлгэрма, которые выделяли от пяти до семи звуков. Единственный из ученых, кто выделяет фонемы, является А. Ибрагим. В результате ряда исследований фонетической системы гласных дунсянского языка до сих пор еще остаются нерешенными вопросы о фонемном статусе некоторых гласных звуков. В перечисленных работах отсутствует единая точка зрения относительно системы гласных дунсянского языка, которая в классификациях разных ученых включает различное количество гласных. Сопоставление разных классификаций гласных фонем и звуков позволило установить, что все вышеупомянутые исследователи дифференцируют гласные звуки по признаку ряда, выделяя гласные переднего, среднего и заднего подъема, и по степени напряженности, выделяя узкие, средние и широкие гласные. В качестве одной из характеристик гласных звуков также указывается лабиальность, но при этом вне внимания исследователей остается признак долготы гласных относительно друг друга.

Ключевые слова: монгольские языки, южномонгольские языки, дунсянский язык, фонетика, фонемы, гласные, вокализм, система

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-

культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).
Для цитирования: Куканова В. В., Чушкаева З. И. Дунсянский язык: некоторые вопросы системы вокализма // Oriental Studies. 2024. № 2. С. 413–425. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-72-2-413-425

More on Dongxiang Vowel System

Viktoria V. Kukanova[1], *Zayana I. Chushkaeva*[2]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Director, Senior Research Associate
0000-0002-7696-4151. E-mail: kukanovavv[at]kigiran.com

[2] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista, 358000, Russian Federation
Junior Researcher
0000-0003-0061-5278. E-mail: ms.zayanaa[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024
© Kukanova V. V., Chushkaeva Z. I., 2024

Annotation. *Introduction.* Dongxiang is a southern Mongolic language containing a variety of archaic features that seem promising for comparative historical linguistics. *Goals.* The study attempts an analysis of Dongxiang vowel patterns introduced in works authored by Russian and foreign scientists. *Materials.* The article focuses on published Dongxiang language materials dealing with phonetic features of this southern Mongolic language. *Results.* The vowel phonetic system of Dongxiang — reported to comprise a total of five to seven sounds — has been approached by a number of scholars, such as B. Todaeva, Ma Guoliang and Liu Zhaoxiong, Nademude, Buhe, A. Ibrahim, Ma Guozhong and Chen Yuanlong, Deligerma. However, the only researcher to have identified certain phonemes is A. Ibrahim. So, despite the academic insights, issues of phonemic statuses for some vowel sounds still remain unresolved. The available works contain no concurrent views on the Dongxiang vowel system, the latter to comprise even differing numbers of sounds in classifications authored by different researchers. Our comparative review of the different classifications reveals those tend to differentiate vowel sounds by position (front, central, and back ones) and by tenseness (close, mid, and open ones). Labiality is also indicated as a defining characteristic but vowel lengths still remain unattended by the researchers.

Keywords: Mongolic languages, southern Mongolic languages, Dongxiang language, phonetics, phonemes, vowels, vocalism, system
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 ‘Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China’.
For citation: Kukanova V. V., Chushkaeva Z. I. More on Dongxiang Vowel System. *Oriental Studies*. 2024; 17 (2): 413–425. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-72-2-413-425

1. Введение

Языки южно-монгольской группы (дунсянский, шира-югурский, баоаньский) весьма важны для реконструкции протомонгольского языка, проведения этимологии лексем монгольских языков [Nugteren 2011: 19]. Кроме того, сам вопрос сравнительного изучения монгольских языков продолжает оставаться актуальной проблемой в монголистике. Материалы по указанным языкам недостаточно введены в научный оборот, и, следовательно, сами языки комплексно не исследованы: в настоящее время имеется небольшое количество работ в основном по дунсянскому [Ценгелтей 1957; Тодаева 1961; Тодаева 1985; Ма, Лю 1986; Field

1991; Wang, Postiglione 2008; Nugteren 2011; Lefort 2013; Ху и др. 2013; Lefort 2017; Ху, Вэн 2017; Lefort 2020], баоаньскому [Потанин 1893; Тодаева 1964; Чен Най Сюн 1984; Тодаева 1985; Чен Най Сюн 1986а; Чен Най Сюн 1986б; Чен Най Сюн 1987; Чен Най Сюн 1990а; Чен Най Сюн 1990б; Nugteren 2011; Цзинь Лин 2017; Йин Тао 2022] и шира-югурскому [Потанин 1893; Mannerheim 1911; Hermanns 1940–1941; Малов 1957; Kotwicz 1939; Тенишев, Тодаева 1966; Róna-Tas 1962; Ценгелтей 1957; Жаоаситу 1981; Чен Най Сян 1985; Бао Чао Лу 1984; Nugteren 2011] языкам по сравнению с относительной изученностью других монгольских языков, прежде всего монгольского, бурятского и калмыцкого. Исследование фонетики, в частности, является важным направлением для установления близости или отдаленности монгольских языков.

Система гласных монгольского языка была объектом изучения многих монголистов. Исследование звукового состава монгольского (и калмыцкого) языка происходило со второй половины XIX в., классификация звуков, способ и место образования были описаны в сравнительных грамматиках О. М. Ковалевского [Ковалевский 1835: 5–19], А. А. Бобровникова [Бобровников 1849: 8–37] и др. Е. А. Кузьменков описал фонологическую систему монгольского языка, указывая фонологические оппозиции, разделяя ее по пяти признакам: ряду, лабиализации, подъему, долготе и «составности» (однородный и неоднородный или дифтонг) [Кузьменков 2004: 61–70].

Целью же настоящей работы является анализ системы вокализма дунсянского языка, представленный в разных работах отечественных и зарубежных ученых.

2. Материалы и методы исследования

Основным источником при написании статьи послужили опубликованные в отечественной и зарубежной литературе материалы по дунсянскому языку, в которых описаны фонетические особенности данного южномонгольского языка. Кроме того, были использованы результаты экспедиций ученых, которые занимались изучением монгольских языков и диалектов. В качестве основного в работе использован сравнительно-сопоставительный метод, включая сопоставление, описание и обобщение.

3. Система вокализма в работе Б. Х. Тодаевой (1961)

Б. Х. Тодаева указывает, что в дунсянском языке имеется шесть основных гласных звуков, которые противопоставлены по трем дифференциальным признакам — ряду, подъему, лабиализации (см. табл. 1):

– [а] — гласный заднего ряда нижнего подъема, неогубленный;

– [о] — гласный заднего ряда среднего подъема, огубленный;

– [у] — гласный заднего ряда верхнего подъема, огубленный;

– [э] — гласный переднего ряда среднего подъема, неогубленный;

– [і] — гласный переднего ряда среднего подъема, неогубленный;

– [ы] — гласный заднего ряда верхнего подъема, неогубленный.

Таблица 1. Гласные звуки и их характеристика Б. Х. Тодаевой

[*Table 1.* Vowel sounds and their characteristics by B. Todaeva]

Ряд / Подъем	Передний	Средний	Задний
Верхний	і		ы ▪ у
Средний	э		о
Нижний			а

Б. Х. Тодаева была по сути первым ученым, кто описал подробно фонетику и грамматику дунсянского языка на профессиональном уровне, тем не менее в работе ею выделяются звуки, а не фонемы, что связано скорее всего с тем, что не проводилось специального исследования по выявлению номенклатуры фонем дунсянского языка, которое предполагает построение рядов противопоставлений звуков в одной и той же позиции (подбор минимальных пар), выявление вариантов одной фонемы в одной и той же позиции без изменения смысла и др.

Б. Х. Тодаева считает, что звук [ы] является разновидностью фонемы <и>, так как указывает, что данный звук встречается только после шипящих согласных звуков [Тодаева 1961: 9], что свидетельствует о ее приверженности к московской фонетической школе, но при этом, однако, ученый выделяет этот звук отдельно и противопоставляет его остальным звукам. Кроме того, словарный материал, который содержится в монографии Б. Х. Тодаевой, посвященной

дунсянскому языку, [Тодаева 1961: 110–144], показывает, что данный звук встречается не только после шипящих (*шыра* ‘желтый’ [Тодаева 1961: 143], *чы* ‘ты’ [Тодаева 1961: 141], *тыджы* ‘пуговица’ [Тодаева 1961: 136]), но и после других согласных:

– свистящие: *с* (*місы-* ‘лететь’ [Тодаева 1961: 128], *сыдасун* ‘жила, кровеносный сосуд; пульс’ [Тодаева 1961: 134]), *з* (встречаются только в заимствованных словах из китайского языка, судя по словарному материалу: *шызы* ‘лев’ [Тодаева 1961: 143], *чізы* ‘флаг’ [Тодаева 1961: 140], и т. д.);

– заднеязычные: *ӈ* (*ӈыджсыӈі*‘шея’ [Тодаева 1961: 117], *эӈы* ‘бить, ударять, избивать’ [Тодаева 1961: 144]) и *к* (*кыван* ‘сын, мальчик’ [Тодаева 1961: 124], *чыкыӈда-* ‘слышать, услышать’ [Тодаева 1961: 141]);

– взрывные билабиальные: *б* (*бында-* ‘бросать, кидать, разбрасывать; оставлять, покидать’ [Тодаева 1961: 113], *бынзы* ‘тетрадь’ [Тодаева 1961: 113]) и *п* (*пынджі-* ‘встречать’ [Тодаева 1961: 132]; *пысэ* ‘опять’ [Тодаева 1961: 132]), встречающиеся как в заимствованных, так и в монгольских словах;

– взрывной переднеязычный: *т* (*тыка* ‘курица’ [Тодаева 1961: 136], *тыджы* ‘пуговица’ [Тодаева 1961: 136]).

Ученый считает, что в дунсянском языке, в отличие от других монгольских языков, не различаются гласные по долготе и краткости [Тодаева 1961: 7], а также не выделяет дифтонги, которые, судя по примерам, имеются в языке:

– *аі* (*наіта-* ‘надеяться’ [Тодаева 1961: 129]);

– *ау* (*джалау* ‘молодой’ [Тодаева 1961: 119]);

– *іа* (*шынсіан* ‘бог’ [Тодаева 1961: 143]);

– *ій* (*шіji-* ‘притягивать, привлечь’ [Тодаева 1961: 142]);

– *іу* (*ніу-*‘прятать’ [Тодаева 1961: 130]);

– *іэ* (*ніэ-* ‘открыть’ [Тодаева 1961: 130]);

– *уа* (*джыӈуан* ‘шесть’ [Тодаева 1961: 121]);

– *уі* (*куічіэн* ‘холод, мороз; холодный, морозный’ [Тодаева 1961: 124]);

– *уэ* (*куэ-* ‘пухнуть, разбухать; подниматься’ [Тодаева 1961: 124]);

– *эі* (*вэі-* ‘есть’ [Тодаева 1961: 114]);

– *эj* (*джэji-* ‘свертывать, складывать’ [Тодаева 1961: 121]);

– *эу* (*мэндэу* ‘град’ [Тодаева 1961: 129]).

В словарном материале имеются записи слов, в которых имеется последовательность звуков, которые можно отнести к трифтонгам, однако этот вопрос требует отдельного исследования с привлечением инструментальных методов анализа живой речи. Тем не менее приведем их здесь:

– *аji* (*ajiӈy* ‘боязливый’ [Тодаева 1961: 110]);

– *аja* (*бajan* ‘богач, богатый’ [Тодаева 1961: 111]);

– *іау* (*джіаулі-* ‘прыгать’ [Тодаева 1961: 119]);

– *ојэ* (*нојэн* ‘чиновник’ [Тодаева 1961: 130]);

– *оji* (*ӈoji-* ‘просить, выпрашивать, умолять’ [Тодаева 1961: 116]);

– *уаі* (*куаічын* ‘старый, поношенный; старинный, прежний’ [Тодаева 1961: 125]);

– *уja* (*дуja* ‘мир, спокойствие’ [Тодаева 1961: 118]);

– *уji* (*гуji-* ‘нанимать’ [Тодаева 1961: 115]);

– *уэі* (*джуэіӈа-* ‘разрешать носить, привешивать’ [Тодаева 1961: 120]);

– *ыji* (*шыji-*‘терять, лишаться, утрачивать’ [Тодаева 1961: 143]);

– *эji* (*дэji-* ‘получать рану’ [Тодаева 1961: 118]).

Как видно из таблицы 1, Б. Х. Тодаева использует упрощенную классификацию звуков, не выделяет при этом узких и ненапряженных звуков, которые в монгольских языках имеют особое значение [Владимирцов 1929: 143]. Однако на основе записей и наблюдений Б. Х. Тодаевой можно сделать вывод, что ею выделяется шесть гласных фонем, а также ряд дифтонгов. В качестве символов, передающих тот или иной звук, ученый использует смешанную транскрипцию, как на латинице (i), так и на кириллице (остальные символы).

4. Система вокализма в работах Ма Го Ляна и Лю Чжао Сюна (1986)

Исходя из материалов совместной работы Ма Го Ляна и Лю Чжао Сюна, учеными выделяются семь гласных звуков (табл. 2) [Ма, Лю 1986: 167]. Авторы не дифференцируют распределение звуков по подъему, лабиализации, степени напряженности, а только перечисляют вышеприведенные звуки, при этом указывают, что они даются в соответствии с Международной фонетиче-

ским алфавитом (МФА) [Ма, Лю 1986: 167]. Однако они ошибаются, так как i, ə они относят к гласным переднего ряда, а остальные ɯ, u, o, a — к гласным заднего ряда [Ма, Лю 1986: 168], хотя, согласно МФА, ə — это шва, которая является гласной среднего ряда и среднего подъема. Звуки ə и ɚ отличаются друг от друга тем, что ə простой звук, а ɚ — ротический звук.

Таблица 2. Гласные звуки и их характеристика Ма Го Ляна, Лю Чжао Сюна (1986)
[*Table 2.* Vowel sounds and their characteristics by Ma Guoliang, Liu Zhaoxiong (1986)]

Ряд / Подъем	Передние	Средние	Задние
Верхний	i		ɯ ▪ u
Средний	ə ▪ ɚ		o
Нижний			a

Ма Го Лян и Лю Чжао Сюн далее приводят правила произношения:

– гласный звук ə читается как [e] в позиции перед j и i и приводятся примеры, которые являются заимствованиями из китайского языка: jeje [jeje] ‘дедушка’, məiliə [məilie] ‘передний’;

– гласный o после n произносится как [ᵘɐ], в других случаях — [ᵘo]: kon [kʻᵘɐŋ] ‘нога’, xo [xᵘo] ‘гнездо’;

– гласный ɯ после dz, ts, s, ʤ, ʦ, ʂ, ʐ читается как [ɿ]: bəndzɯ [pəntsɿ] ‘топор’; tsɯdao [taʻɿtao] ‘штык’; osɯ- [ᵘosɿ] ‘расти’; gəiʤɯ [kəitsɿ] ‘кольцо’; kəntʂɯ [kʻən tʂʻɿ] ‘онеметь’; ʂɯni [ʂɿni] ‘новый’; ʤɯʐɯ [tʂɿʐɿ] ‘дежурство’ [Ма, Лю 1986: 168].

Китайские ученые не поддерживают мнение ученых, которые считают, что гласный ɯ является аллофоном гласной фонемы <i>, указывая, что гласная ɯ появляется и в закрытых слогах после n, т. е. не является позиционным аллофоном [Ма, Лю 1986: 168].

Кроме того, ими выделяются дифтонги и трифтонги, которые, однако, не рассматриваются как самостоятельные звуки:

– ia: niaʤɯ ‘росток’;
– iə: fəiliə ‘дуть’;
– iu: niu- ‘спрятаться’;
– iao: biao ‘часы’;
– ai: naiʤɯ ‘молоко’;
– ao: bao- ‘падать’;
– əi: noɣəi ‘собака’;
– ou: doula- ‘петь’;
– ua: Gua ‘два’;
– ui: kuisun ‘пупок’;
– uai: uai- ‘иметь, находиться’ [Ма, Лю 1986: 169].

5. Система вокализма в работах Надмуда (1982)

Китайский лингвист Надмуд выделяет в дунсянском языке пять гласных, скорее всего, фонем: <a>, <ə>, <o>, <u>, <i> [Надмуд 1982: 64–70], так как он приводит звуковую реализацию гласных фонем в слове. Так, он считает, что фонема <a> реализуется в дунсянском речи как [ʌ], гласный заднего ряда средне-нижнего подъема [Надмуд 1982: 64]. Кроме того, он приводит мнения ученых относительно фонемы <ə>, указывая на то, что до сих пор отсутствует единая позиция о том, что ə и ɯ один и тот же звук. Надмуд не дифференцирует гласные по ряду, подъему, отсутствию или наличию огубленности, напряженности, при этом осуществляет сравнение гласных дунсянского языка с монгольским, ойратским языками и другими диалектами монгольских языков. Приведение различных точек зрений разных ученых, в основном китайских и монгольских, свидетельствует о его знании научной литературы. Ученый считает, что ученые ошибаются в выделении дифтонгов ai, əi, ui, так как он рассматривает их как дифтонги aj, əj, uj.

6. Система вокализма в работах Бухэ (1983)

Китайский монголовед Бухэ выделяет сначала шесть гласных звуков в дунсянском языке: [a], [ə], [ɚ], [i], [ɯ], [o], [u] [Бухэ 1988: 15]. Седьмой звук представляет собой ротический дифтонг (ɚ ‘два’; ɚbai ‘двести’; ɚʂi ‘двадцать’; ɚʂigiə ‘двадцатый’; ɚʂigiəɚiliu ‘более двадцати’; ɚʤiliə ‘вторая сестра’; ɚjəʻлунный месяц’; ɚwan ‘двадцать тысяч’; ɚma ‘кобыла’; ɚmamori ‘кобыла’; ɚʂigiəliə ‘в общей сложности двадцать’; ɚʂigiə ʤiə ‘каждый двадцатый’; ɚtau ‘наушники’ [Бухэ 1988: 24]). Приведенные выше гласные различаются по ряду, подъему, наличию или отсутствию лабиализованности:

– [a] — гласный заднего ряда нижнего подъема, неогубленный, по степени напряженности широкий;

– [ə] — гласный среднего ряда среднего подъема, неогубленный;

– [ɚ] — ротический гласный среднего ряда среднего подъема, неогубленный;

– [i] — гласный переднего ряда верхнего подъема, неогубленный, по степени напряженности узкий;

– [ɯ] — гласный заднего ряда верхнего подъема, неогубленный;

– [o] — гласный заднего ряда среднего подъема, огубленный, по степени напряженности средний;

– [u] — гласный заднего ряда верхнего подъема, огубленный, по степени напряженности узкий.

Бухэ использует символы МФА [Бухэ 1983: 15], что свидетельствует о том, что китайский ученый хорошо знаком с западной литературой и с правилами записи транскрипции на основе латинского алфавита. В работе не обнаруживается противопоставления по долготе и краткости, по напряженности и ненапряженности гласных звуков, а также не выделяется дифтонгов, однако в словарном материале содержатся слова, в которых имеются дифтонги:

– ai: saiji- ‘закрыть’ [Бухэ 1983: 112];

– au: baubəi ‘малыш’ [Бухэ 1983: 34];

– əi: nəimaŋ ‘восемь’ [Бухэ 1983: 27];

– əu: dəura ‘верх’ [Бухэ 1983: 147];

– ia: nia- ‘преклеивать’ [Бухэ 1983: 28];

– iə: əkiə ‘мать’ [Бухэ 1983: 8];

– ua: kuan ‘ступня’ [Бухэ 1983: 77];

– ui: suigu ‘хрящ’ [Бухэ 1983: 117];

– iau: ɕiauʁə ‘уши’ [Бухэ 1983: 120];

– oja: nojan ‘чиновник, главный’ [Бухэ 1983: 32].

В предисловии к словарю Бухэ приводит некоторые правила чтения ряда букв, в том числе нескольких дифтонгов, которые надо отметить не известно, как читаются. Так, гласная i после dz, ts, s, ʤ, ʦ, ʂ, ʐ читается как [ɿ]; гласная ə в начале слова, после h и j, а также после i — как [e]: ərə [erə] ‘мужчина’, həliə [helie] ‘утка-мандаринка’, jə [je] ‘лекарство’, kiəliən [kʻieliēn] ‘язык, речь’; гласная o произносится как [ŭo], а в начале слова — [w]: xoduŋ [xŭotūŋ] ‘звезда’, otu- [wotʻu] ‘боль’; гласные ə, i, ɯ, u после фрикативных, взрывных произносятся более глухо: ʂiduŋ [ʂɻtūŋ] ‘зубы’, təʤi [tʻəʦɻ] ‘пуговица’, tɯɕa [tʻɯqa] ‘курица’, tʂiʤə [tʂ̥ʤə] ‘цветок’, puʤa [pʻuʦa] ‘фасоль’ [Бухэ 1988: 15].

7. Система вокализма в работах А. Ибрагима (1987)

А. Ибрагим выделяет в дунсянском языке пять гласных фонем: <a>, <ə>, <i>, <ɯ>, <o>, <u> (см. табл. 3) [Ибрагим 1987: 78]. В его характеристике отсутствует неогубленный гласный заднего ряда верхнего подъема <ɯ>. Артикуляционная классификация основывается на трех признаках. Он разделяет гласные на верхний, средний и нижний подъемы, по ряду — на передний, средний и задний, по участию губ — на огубленные и неогубленные. Подъем гласных также обусловлен положением языка, поэтому при образовании гласных их делят на узкие, средние и широкие. Система гласных А. Ибрагима состоит из следующих гласных:

– <a> — гласный заднего ряда нижнего подъема, неогубленный, по степени напряженности широкий;

– <ə> — гласный среднего ряда среднего подъема, неогубленный;

– <i> — гласный переднего ряда верхнего подъема, неогубленный, по степени напряженности узкий;

– <o> — гласный заднего ряда среднего подъема, огубленный, по степени напряженности средний;

– <u> — гласный заднего ряда верхнего подъема, огубленный, по степени напряженности узкий.

Таблица 3. Гласные фонемы и их характеристика А. Ибрагима
[*Table 3.* Vowel phonemes and their characteristics by A. Ibrahim]

Ряд / Подъем	Передние	Средние	Задние
Верхние	i		u
Средние		ə	o
Нижние			a

А. Ибрагим является единственным ученым, который выделяет фонемы, а не звуки, возможно, по этой причине, им не выделяется фонема <ɯ>, поскольку она считается вариантом фонемы <i>.

8. Система вокализма в работах Ма Гочжуна и Чэнь Юаньлуна (2001)

В работе «Дунсянско-китайский словарь», вышедшей в 2001 г., китайские уче-

ные Ма Гочжун и Чень Юаньлун, используя символы МФА для записи фонетической транскрипции, выделяют также шесть монофтонгов [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 11] (см. табл. 4):

– [a] — гласный заднего ряда нижнего подъема, неогубленный, по степени напряженности широкий;

– [ə] — гласный среднего ряда среднего подъема, неогубленный;

– [i] — гласный переднего ряда верхнего подъема, неогубленный, по степени напряженности узкий;

– [o] — гласный заднего ряда среднего подъема, огубленный, по степени напряженности средний;

– [u] — гласный заднего ряда верхнего подъема, огубленный, по степени напряженности узкий;

– [ɯ] — гласный заднего ряда верхнего подъема, неогубленный.

Таблица 4. Гласные фонемы и их характеристика Ма Гочжуна и Чень Юаньлуна

[*Table 4.* Vowel phonemes and their characteristics by Ma Guozhong and Chen Yuanlong]

Ряд / Подъем	Передние	Средние	Задние
Верхние	i		ɯ ▪ u
Средние		ə ▪ ɘ	o
Нижние			a

Приведем таблицу символов МФА для обозначений гласных [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 14]: ими было затранскрибировано почти 12 тыс. словарных входов, в которые включены не только отдельные лексемы, но и выражения (см. табл. 5).

Таблица 5. Гласные фонемы и их характеристика Ма Гочжуна и Чень Юаньлуна

[*Table 5.* Vowel phonemes and their characteristics by Ma Guozhong and Chen Yuanlong]

№	Буквосочетание	Символ МФА
1	a	a
2	e	ə
3	i	i
4	ii	ɯ
5	o	o
6	u	u
7	ai	ai
8	ei	əi
9	ao	ao
10	ou	əu
11	ia	ia
12	ie	iə
13	iu	iu
14	ua	ua
15	ui	ui
16	iai	iao
17	uai	uai

При этом ученые в транскрипции используют и символ [e], обозначающий гласный звук переднего ряда, среднего подъема, хотя достаточно редко: mila kewon [mila kewoŋ] ‘младший сын’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 289], amin kere [amin kerə] ‘отнять жизнь, заплатить жизнью за жизнь’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 10], chechen [tşetşən] ‘часто, постоянно’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 57], chenber [tşenbər] ‘отношения, связи; вероятность, признак’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 57], shagvei hheshilie [şaʁəi heşiliə] ‘посуда нагревается’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 383], wenzi [wendzi] ‘чашка, стопка, чайная чашка, гайваньча’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 456, 455].

Кроме того, в транскрипции, произведенной Мао Гочжун и Чень Юаньлуна, имеются обозначения дифтонгов и трифтонгов, которые превышают приведенные выше в таблице 5:

дифтонги:

– ai: baigva [baiʁa] ‘вставать, встать; строить, возводить (строить жилье); прекращать, останавливать’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 23];

– ao: baobei [baobəi] ‘ребенок, сокровище’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 28];

– au: zhama chasun [dʐama tşauŋ] ‘снежная крупа, мелкий град’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 494];

– əa: meareifeqi [məarəi’fətɕi] ‘осознание’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 281];

– əi: chighin duleila [tşiɢɯn duləila] ‘стать глухим, тугим на ухо’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 59];

– əo: shaorei [şəorəi] ‘качели’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 386];

– əu: ghudou [ɢudəu] ‘колодец, скважина’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 137];

– ia: ajia [aʤia] ‘старшая сестра’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 4];

– ie: biedun [biedun] ‘сильный, крепкий; могучий’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 39];

– iə: chigie [tʂigiə] ‘величиной с …’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 60];

– iu: chainiu fugie [tʂainiu fugiə] ‘бесплодная корова’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 55];

– ua: kuaisun [kuasuŋ] ‘пупок’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 246];

– ui: agvui [aʁui] ‘широкий, обширный, просторный’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 3];

– uə: biechin [buətʂin] ‘обезьяна; обезьяна (календарное животное года рождения)’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 39];

трифтонги:

– əai: reai [rəai] ‘горячо любимый’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 370];

– iaə: texien [təɕiaən] ‘слишком’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 426];

– iao: zunjiao [dzuŋʤiao] ‘религия’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 517];

– uai: ghuailu [ɢuailu] ‘попрошайничать’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 136];

– uja: ghuya [ɢuja] ‘голень’ [Ма Гочжун, Чень Юаньлун 2001: 141].

9. Система вокализма в работах Дэлгэрмы (2006)

Китайский лингвист Дэлгэрма представляет общее описание монгольских языков, в котором пишет, что в дунсянском языке шесть гласных звуков: [a], [e] (ə), [ɯ], [i], [o], [u]. (см. табл. 6) [Дэлгэрма 2006: 35]. Исследовательница указывает наличие общепринятых гласных звуков [a], [e], [i] и огубленных гласных [o], [u], к ним она добавляет гласную фонему заднего ряда верхнего подъема [ɯ], указывая, что она соответствует [e] в других языках. По ее мнению, вокализм дунсянского языка состоит из следующих гласных:

– [a] — гласный заднего ряда нижнего подъема, неогубленный, по степени напряженности широкий;

– [e] — гласный среднего ряда среднего подъема, неогубленный;

– [ɯ] — гласный заднего ряда верхнего подъема, неогубленный;

– [i] — гласный переднего ряда верхнего подъема, неогубленный, по степени напряженности узкий;

– [o] — гласный заднего ряда среднего подъема, огубленный, по степени напряженности средний;

– [u] — гласный заднего ряда верхнего подъема, огубленный, по степени напряженности узкий.

Таблица 6. Гласные звуки и их характеристика Дэлгэрмы

[*Table 6.* Vowel sounds and their characteristics by Deligerma]

Ряд / Подъем	Передний	Средний	Задний
Верхний	i		ɯ ▪ u
Средний		ə	o
Нижний			a

11. Заключение

Исследованием фонетической системы гласных дунсянского языка занимались такие ученые, как Б. Х. Тодаева, Ма Голян и Лю Чжао Сюн, Надмуд, Бухэ, А. Ибрагим, Ма Гочжун, Чень Юаньлун, Дэлгэрма, которые выделяли от пяти до семи звуков (см. сводную табл. 7). Единственный из ученых, кто выделяет фонемы, является А. Ибрагим.

В результате ряда исследований фонетической системы гласных дунсянского языка до сих пор еще остаются нерешенными вопросы о фонемном статусе некоторых гласных звуков. В перечисленных работах отсутствует единая точка зрения относительно системы гласных дунсянского языка, которая в классификациях разных ученых включает различное количество гласных. Так, согласно «Дунсянско-китайскому словарю» Ма Гочжуна и Чень Юаньлуна, в дунсянском языке имеются шесть гласных фонем: [a], [ə], [i], [o], [u], [ɯ]: [a] — заднего ряда нижнего подъема, неогубленный, по степени напряженности широкий; [ə] — среднего ряда среднего подъема, неогубленный; [i] — переднего ряда верхнего подъема, неогубленный, по степени напряженности узкий; [o] — заднего ряда среднего подъема, огубленный, по степени напряженности средний; [u] — заднего ряда верхнего подъема, огубленный, по степени напряженности узкий; [ɯ] — заднего ряда верхнего подъема, неогубленный. Составители словаря Ма Гочжун и Чень Юаньлун использует специальные фонетические символы, где неогубленный гласный среднего ряда сред-

Таблица 7. Сводная таблица гласных звуков* дунсянского языка в исследованиях отечественных и китайских ученых

[*Table 7.* Dongxiang vowel sounds in Russian and Chinese academic works. Consolidated table]

№	Автор	Кол-во	Гласные звуки							
1	Б. Х. Тодаева	6	а			э**	и	ы	о	у
2	Ма Голян и Лю Чжао Сюн	7	а	ə	ɚ		і	ш	о	u
3	Надмуд	5	а	ə			і		о	u
4	Бухэ	7	а	ə***	ɚ		і	ш	о	u
5	Ма Гочжун и Чень Юаньлун	6	а			е	і		о	u
6	Дэлгэрма	6	а	ə			і	ш	о	u

* В таблице приводится список монофтонгических звуков, а также дифтонг — ротический гласный звук шва.

** Мы предпочитаем разделять звуки э и ə, так как считаем, что гласный ə — это слабый, ненапряженный, едва слышный, очень краткий звук неясного тембра, среднего подъёма (немного более закрытый чем [е]), центральный.

*** Бухэ выделяет аллофон [е], который появляется в определенных позициях.

него подъема ə обозначается графемой *e*, а неогубленный гласный заднего ряда верхнего подъема [ш] — как *ii*. Современная исследовательница Дэлгэрма придерживается именно его точки зрения. Китайский монголовед Бухэ в своей публикации (1983) ранее описал практически такую же систему, что и у Мао Гочжуна и Чень Юаньлуна, однако в его классификации гласных звуков имеется еще и ротический неогубленный гласный среднего ряда среднего подъема — [ɚ]. Его точку зрения поддерживает Лю Чжао Сюн, который также характеризует этот гласный (та же классификация представлена в совместной с Ма Го Ляном публикации).

В классификацию А. Ибрагима, базирующуюся на трех признаках (ряд, лабиальность, подъем), из перечисленных шести звуков классификации Ма Гочжуна и Чень Юаньлуна не включен неогубленный гласный заднего ряда верхнего подъема <ш>: таким образом, в его варианте системы гласных имеется пять гласных звуков — <а>, <ə>, <і>, <о>, <u>. Такой же перечень из пяти фонем представлен в классификации исследователя Надмуда, который считает, что звуки [ə] и [ш] представляют один и тот же звук. Согласно классификации одного из ведущих российских исследователей южномонгольских языков Б. Х. Тодаевой, в дунсянском языке можно выделить шесть гласных: [а] — заднего ряда нижнего подъема, неогубленный; [о] — заднего ряда среднего подъема, огубленный; [у] — заднего ряда верхнего подъема, огубленный; [э] — переднего ряда среднего подъема, неогубленный; [і] — переднего ряда среднего подъема, неогубленный; [ы] — заднего ряда верхнего подъема, неогубленный.

Что касается составных звуков, то не все авторы выделяют их (например, Б. Х. Тодаева, хотя в словарном материале содержится примеры, показывающие наличие дифтонгов и трифтонгов, причем здесь наибольшее количество трифтонгов выявлено — 11 единиц). Другие авторы говорят о наличии дифтонгов, однако их количество различается — от 2 единиц до 5 (см. табл. 8).

Сопоставление разных классификаций гласных фонем и звуков позволило установить, что все вышеупомянутые исследователи дифференцируют гласные звуки по признаку ряда, выделяя гласные переднего, среднего и заднего подъема, и по степени напряженности, выделяя узкие, средние и широкие гласные. В качестве одной из характеристик гласных звуков также указывается лабиальность, но при этом вне внимания исследователей остается признак долготы гласных относительно друг друга.

Таблица 8. Сводная таблица дифтонгов дунсянского языка в исследованиях отечественных и китайских ученых

[*Table 8.* Dongxiang diphthongs in Russian and Chinese academic works. Consolidated table]

№	Автор	Кол-во	Дифтонги																			
1	Б. Х. Тодаева	12	ai		ay					ia		ij	iy		iə		ya		yi	yэ	эi	эj	эy
2	Ма Голян и Лю Чжао Сюн	9	ai	ao			əi			ia			iu	iə		ou	ua		ui				
3	Бухэ	8	ai		au		əi		əu	ia	iə						ua		ui				
4	Ма Гочжун и Чень Юаньлун	14	ai	ao	au	əa	əi	əo	əu	ia			iu	iə	iе		ua	uə	ui				

Таблица 9. Сводная таблица трифтонгов дунсянского языка в исследованиях отечественных и китайских ученых

[*Table 9.* Dongxiang triphthongs in Russian and Chinese academic works. Consolidated table]

№	Автор	Кол-во	Трифтонги														
1	Б. Х. Тодаева	11	aji	aja				iay		oji	ojэ	yai	yja	yji	yэi	ыji	*эji*
2	Ма Голян и Лю Чжао Сюн	2					iao					uai					
3	Бухэ	2						iau	oja								
4	Ма Гочжун и Чень Юаньлун	5			əai	iaə	iao					uai	uja				

Литература

Field 1991 — *Field K. L.* Hui Loanwords in Dongxiang Mongolian // Sutton L. A. et al. (eds.) Seventeenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Proceedings (Berkeley, 15–18 February 1991). Michigan: Braun-Brumfield, 1991. Pp. 92–106.

Hermanns 1940–1941 — *Hermanns M.* Uiguren und his neuentdeckten Nachkommen // Anthropos. XXXV–XXXVI. 1940–1941. Bd. 35/36. H. 1/3. (Jan–Jun.).Pp. 78–99.

Kotwicz 1939 — *Kotwicz W. L.* La langue mongole, parlée par les Ouïgours Jaunes près de Kan-tcheou. D'après le s materiaux recueillis pars S. E. Malov et autres voyageurs, Wilno, 1939. Pp. 91–102.

Lefort 2013 — *Lefort J.* Chinese influence on the Dongxiang language syntax // Eighth Conference of the European Association of Chinese Linguistics. Abstracts (Paris, 26–28 September 2013). Paris: EHESS, 2013. Pp. 24.

Lefort 2017 — *Lefort J.* Contact-induced change in the Dongxiang language: The emerging category of classifier //Cahiers de Linguistique Asie Orientale. 2017. T. 46. №. 2. Pp. 174–193.

Lefort 2020 — *Lefort J.* On the reflexive-possessive markers in the Dongxiang language // Language and Linguistics. 2020. Iss. 21. № 4. Pp. 584–603.

Mannerheim 1911 — *Mannerheim C. G.* E. A Visit to the Sarö and Shera Yögurs. Helsingfors, The Finnish Literary Society, 1911 34 p.

Nugteren 2011 — *Nugteren H.* Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)

Róna-Tas 1962 — *Róna-Tas A.* Tibetan loanwords in Shera Yögur language // Acta Orientalia Hungarica 15. 1962. Pp. 259–271.

Wang, Postiglione 2008 — *Wang J., Postiglione G. A.* China's minorities without written scripts: The case of education access among the Dongxiang // Journal of Asian Pacific Communication. 2008. Iss. 18. № 2. Pp. 166–190.

Ху и др. 2013 — *Xu D., Xie X., Wen S.* The Dongxiang language and people // Journal of Cambridge Studies. 2013. Vol. 8. № 2. Pp. 41–48.

Ху, Вэн 2017 — *Xu D., Wen S.* Formation of a "Mixed Language" in Northwest China — the Case of Tangwang // Languages and genes in Northwestern China and adjacent regions. 2017. Pp. 87–105.

Йин Тао 2022 — Yin Tao. A study on the vocabulary evoluti on of Tuzu language and Baonan language. Doctor's thesis, Hohhot, 2022, 114 p.

Жаонаситу 1981 — 照那斯图. 东部裕固语简志. 北京: 民族出 版社, 1981. 122 p. [*Zhaonasitu.* Краткая история шира-югурского языка. Beijing Minzu chubanshe, 1981. 122 p.]

Бао Чао Лу 1984 — 保朝鲁. 东部裕固语词汇. 呼和浩特: 内蒙古大学出版社，1984. 157 p. [*Bao Chao Lu.* Восточно-югурский и монголо-китайский словарь. Hohhot: Inner Mongolian University, 1984. 157 p.]

Бобровников 1849 — *Бобровников А. А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. СПб.: В тип. Святейшего Правительствующего Синода, 1849. 403 с.

Бухэ 1988 —布和. 东乡语词汇. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 1983. 192 p. [Buhe. Dongxiang Vocabulary. Hohhot: Neimenggu Renmin Chubanshe, 1988. 192 p.]

Владимирцов 1929 — *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. введение и фонетика. Л.: Изд. Ленинградского Института имени А. С. Енукидзе, 1929. 436 с.

Дэлгэрма 2006 — 德力格尔玛. 蒙古语族语言概论. 北京: 中央民族大学出版社, 2006. 245 p. [Delgerma. Introduction to the Mongolic languages. Beijing: Zhongyang Minzu Daxue Chubanshe, 2006. 245 p.]

Ибрагим 1987 — 阿伊布拉黑麦. 东乡语话语材料 // 民族语文. 1987. № 3. Pp. 69–79. [A. Ibrahim. Linguistic material of the Dongxiang language // National language. 1987. № 3. Pp. 69–79]

Ковалевский 1835 — *Ковалевский О. М.* Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань: В университетской тип., 1835. 202 с.

Кузьменков 2004 — *Кузьменков Е. А.* Фонологическая система современного монгольского языка. СПб.: С.-Петербургск. ун-т, 2004. 212 с.

Ма Гочжун, Чэнь Юаньлун 2001 —马国忠, 陈元龙. 东乡语汉语词典. 兰州: 甘肃民族出版社. 2011. 500 p. [*Ma Guo Zhong, Chen Yuan Long.* Dongxiang-Chinese dictionary. Lanzhou: Gansu minzuchubanshe, 2001. 500 p.]

Ма, Лю 1986 —马国良, 刘照雄. 东乡语研究. 东乡语研究. 1986. Pp. 167–184. [*Ma Guo Liang, Liu Zhao Xiong.* Dongxiang Language Research // North-Western Ethnic Studies. 1986. Pp. 167–184].

Малов 1957 — *Малов С. Е.* Язык желтых уйгуров. Алма-Ата: АН КазССР, 1957. 197 с.

Надмуд 1982 — 那德木德 关于东乡语元音 // 西北民族大学学报1982. № 3. Pp. 64–72. [*Nademude.* About Dongxiang vowels // Journal of Northwest University for Nationalities]. 1982. № 3. Pp. 64–72]

Потанин 1893 — *Потанин Г. Н.* Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия: Путешествие Г.Н. Потанина: 1884–1886. Т. 1–2. СПб.: Имп. Рус. геогр. общ-во, 1893. 358 с.

Тенишев, Тодаева 1966 — *Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х.* Язык желтых уйгуров. М.: Наука, ГРВЛ, 1966. 83 с.

Тодаева 1961 — *Тодаева Б. Х.* Дунсянский язык. М.: Вост. лит., 1961. 137 с.

Тодаева 1964 — *Тодаева Б. Х.* Баоаньский язык. М.: Наука, 1964. 158 с.

Тодаева 1985 — *Тодаева Б. Х.* Язык монголов Внутренней Монголии. Очерк диалектов. М.: Наука, 1985, 134 с.

Ценгелтей 1957 — *Cenggeltei*. Dumdadu ulus-taki mongγol törül-ün kele-nugüd ba mongγol kelen-u ayalγu-nuγud-un yeronkei bayidal (= Краткий обзор монгольских языков и диалектов Китая) // Mongγol kele bićig. 1957, № 11; Mongγol teüke kele bićig. Хухэ-хото, 1958, № 2, 3, 6, 7, 12.

Цзинь Лин 2017 — 金玲. 保安语语音体系比较研究//西北民族大学学报. 2017. № 3. 126–151 页. [Цзинь Лин. Сравнительное исследование фонетической системы баоаньского языка // Журнал Северо-Западного университета по национальностям. 2017. № 3. С. 126–151].

Чен Най Сюн 1984 — 陈乃雄.保安语里与蒙古语同源词//蒙古语言文学. 1984. №3. [Чен Най Сюн. Монгольские паронимы в баоаньском языке // Монгольский язык и литература. 1984. № 3].

Чен Най Сюн 1986а — 陈乃雄.保安语词汇.内蒙古人民出版社, 1986. 239 页 [Чен Най Сюн. Баоаньский словарь. Хух-Хото: Народное издательство Внутренней Монголии, 1986. 239 с.].

Чен Най Сюн 1986б — 陈乃雄.保安语话语材料. 内蒙古人民出版社, 1986. 163 页 [Чен Най Сюн. Материалы для дискурса на баоаньском языке. Хух-Хото. Хух-Хото: Народное издательство Внутренней Монголии, 1986. 163 с.].

Чен Най Сюн 1987 — 陈乃雄.保安语和蒙古语.内蒙古人民出版社, 1987. 403 p. [Чен Най Сюн. Баоаньский язык и монгольский язык. Хух-Хото: Народное издательство Внутренней Монголии, 1987. 403 с.].

Чен Най Сюн 1990а — 陈乃雄.保安语的语音和词汇//西北民族研究. 1990. № 1. 33–49 页 [Чен Най Сюн. Фонология и лексика баоаньского языка // Этнические исследования Северо-запада. 1990. № 1. С. 33–49].

Чен Най Сюн 1990б — 陈乃雄.保安语的演变轨迹//民族语文. 1990. № 1. Pp. 16–25 页[Чен Най Сюн. Эволюция баоаньского языка // Национальный язык. 1990. № 1. С. 16–25].

Чен Най Сян 1985 — 陈乃雄. 保安语词汇. 呼和浩特: 内蒙古大学出版社, 1985. 157 p. [*Chen Nai Xiong*. Баоаньский словарь. Hohhot: Inner Mongolian University, 1985. 157 p.]

References

Bao Chao Lu. Eastern Yugur Vocabulary. Hohhot: Inner Mongolia University, 1984. 157 p. (In Yug. and Chin.)

Bobrovnikov A. A. Grammar of Kalmyk Mongolian. St. Petersburg: Most Holy Governing Synod, 1849. 403 p. (In Russ.)

Buhe. Dongxiang Vocabulary. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1988. 192 p. (In Dong. and Chin.)

Cenggeltei. Mongolic languages and dialects of China: A brief review. *Mongγol kele bićig*. 1957, no. 11. *Mongγol teüke kele bićig*. 1958, nos. 2, 3, 6, 7, 12. (In Mong.)

Chen Naixiong. Bonan and [Standard] Mongolian. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1987. 403 p. (In Chin.)

Chen Naixiong. Bonan Language Dictionary. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1986. 239 p. (In Bon. and Chin.)

Chen Naixiong. Bonan Language Dictionary. Hohhot: Inner Mongolia University, 1985. 157 p. (In Bon. and Chin.)

Chen Naixiong. Bonan Language Discourse Materials. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1986. 163 p. (In Bon. and Chin.)

Chen Naixiong. Bonan phonology and vocabulary. *Northwest Journal of Ethnology*. 1990. No. 1. Pp. 33–49. (In Chin.)

Chen Naixiong. Mongolian paronyms in Bonan. *Mongolian Language and Literature*. 1984. No. 3. (In Chin.)

Chen Naixiong. The evolution of Bonan. *Minority Languages of China*. 1990. No. 1. Pp. 16–25. (In Chin.)

Deligerma. Introduction to the Mongolic Languages. Beijing: Minzu University of China, 2006. 245 p. (In Chin.)

Field K. L. Hui loanwords in Dongxiang Mongolian. In: Sutton L. A. et al. (eds.) Seventeenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Proceedings (Berkeley, 15–18 February 1991). Michigan: Braun-Brumfield, 1991. Pp. 92–106. (In Eng.)

Hermanns M. Uiguren und his neuentdeckten Nachkommen. *Anthropos*. 1940–1941. Vols. 35–36. Pt. 1/3 (January–June). Pp. 78–99. (In Germ.)

Ibrahim A. Linguistic material of the Dongxiang language. *Minority Languages of China*. 1987. No. 3. Pp. 69–79. (In Chin.)

Jin Ling. Bonan phonetic system: A comparative study. *Journal of Northwest University for*

Nationalities. 2017. No. 3. Pp. 126–151. (In Chin.)

Kotwicz W. L. La langue mongole, parlée par les Ouïgours Jaunes près de Kan-tcheou. D'après le s materiaux recueillis pars S. E. Malov et autres voyageurs. Wilno (Vilna), 1939. Pp. 91–102. (In Fr.)

Kowalewski O. M. A Concise Grammar of Classical Mongolian. Kazan: Imperial Kazan University, 1835. 202 p. (In Russ.)

Kuzmenkov E. A. Phonological System of Modern Mongolian. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2004. 212 p. (In Russ.)

Lefort J. Chinese influence on the Dongxiang language syntax. In: Eighth Conference of the European Association of Chinese Linguistics. Abstracts (Paris, 26–28 September 2013). Paris: EHESS, 2013. P. 24. (In Eng.)

Lefort J. Contact-induced change in the Dongxiang language: The emerging category of classifier. *Cahiers de Linguistique Asie Orientale*. 2017. Vol. 46. No. 2. Pp. 174–193. (In Eng.)

Lefort J. On the reflexive-possessive markers in the Dongxiang language. *Language and Linguistics*. 2020. Vol. 21. No. 4. Pp. 584–603. (In Eng.)

Ma Guoliang , Liu Zhaoxiong. Dongxiang language research. In: Dongxiang Language Research. 1986. Pp. 167–184. (In Chin.)

Ma Guozhong, Chen Yuanlong. Dongxiang-Chinese Dictionary. Lanzhou: Gansu Nationalities Publishing House, 2011. 500 p. (In Dong. and Chin.)

Malov S. E. Eastern Yugur Language. Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences, 1957. 197 p. (In Russ.)

Mannerheim C. G. E. A Visit to the Sarö and Shera Yögurs. Helsinki: The Finnish Literary Society, 1911 34 p. (In Eng.)

Nademude. On Dongxiang vowels. *Journal of Northwest University for Nationalities*. 1982. No. 3. Pp. 64–72. (In Chin.)

Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)

Potanin G. N. Tangut-Tibetan Periphery of China and Central Mongolia: Travels of G. Potanin, 1884–1886. Vols. 1–2. St. Petersburg: Imperial Russian Geographical Society, 1893. 358 p. (In Russ.)

Róna-Tas A. Tibetan loan-words in Shera Yögur language. *Acta Orientalia Hungarica*. 1962. Vol. 15. No. 1/3. Pp. 259–271. (In Eng.)

Tenishev E. R., Todaeva B. Kh. Eastern Yugur Language. Moscow: Nauka — GRVL, 1966. 83 p. (In Russ.)

Todaeva B. Kh. Bonan Language. Moscow: Nauka, 1964. 158 p. (In Russ.)

Todaeva B. Kh. Dongxiang Language. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1961. 137 p. (In Russ.)

Todaeva B. Kh. Mongolian [Spoken] in Inner Mongolia: A Dialect Essay. Moscow: Nauka, 1985, 134 p. (In Russ.)

Vladimirtsov B. Ya. A Comparative Grammar of Classical and Khalkha Mongolian: Introduction and Phonetics. Leningrad: Yenukidze Institute, 1929. 436 p. (In Russ.)

Wang J., Postiglione G. A. China's minorities without written scripts: The case of education access among the Dongxiang. *Journal of Asian Pacific Communication*. 2008. Vol. 18. No. 2. Pp. 166–190. (In Mong.)

Xu D., Wen S. Formation of a "mixed language" in Northwest China — The case of Tangwang. In: Languages and Genes in Northwestern China and Adjacent Regions. Singapore: Springer Nature, 2017. Pp. 87–105. (In Eng.)

Xu D., Xie X., Wen S. The Dongxiang language and people. *Journal of Cambridge Studies*. 2013. Vol. 8. No. 2. Pp. 41–48. (In Eng.)

Yin Tao. Monguor and Bonan Languages: A Study on Vocabulary Evolution. PhD thesis. Hohhot, 2022. 114 p. (In …)

Zhaonasitu. Introduction to the Eastern Yugur Language. Beijing: Publishing House of Minority Nationalities, 1981. 122 p. (In Chin.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 2, Pp. 426–439, 2024
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 81-25
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-426-439

О китайских переводах прагматических маркеров-аппроксиматоров русской повседневной речи (на материале речи персонажей в художественных текстах)

Сян Янань[1], *Наталья Викторовна Богданова-Бегларян*[2]

[1] Санкт-Петербургский государственный университет (д. 11, Университетская наб., 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
аспирант
0009-0005-2279-6868. E-mail: st112867[at]student.spbu.ru

[2] Санкт-Петербургский государственный университет (д. 11, Университетская наб., 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор
0000-0002-7652-0358. E-mail: n.bogdanova[at]spbu.ru

© КалмНЦ РАН, 2024
© Сян Янань, Богданова-Бегларян Н. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Разговорная речь персонажей художественных произведений представляет собой квазиспонтанную речь, стилизованную под реальную разговорную. Стремясь сделать эту стилизацию максимально близкой к оригиналу, авторы используют в ней, в числе прочих примет разговорности, прагматические маркеры-аппроксиматоры, которые показывают неуверенность говорящего в том, о чем он говорит. Типичными такими маркерами русской речи являются *типа*, *или там*, *как бы*, *вроде* и их структурные вариации. Наличие таких функциональных единиц делает речь персонажей более естественной, но представляет значительную трудность для переводчиков, вынужденных искать в своем языке аналоги таких маркеров. *Целью* настоящего исследования является анализ приемов перевода прагматических маркеров-аппроксиматоров в русских художественных текстах на китайский язык. *Материалом* для анализа стал 21 контекст из 10 русских художественных произведений из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка и их китайские переводы. В работе использованы такие *методы*, как контекстный, сопоставительный и дискурсивный виды анализа. *Результаты.* Проведенное исследование показало, что прагматические маркеры-аппроксиматоры, выявленные в речи героев избранных произведений, соответствуют реальной русской разговорной речи, т. е. выступают в своей основной функции аппроксимации, совмещенной зачастую с функциями хезитации, ксенопоказателя (введения в повествование чужой речи) и разграничения (маркирования начала, продвижения или финала фразы). Кроме того, русские маркеры-аппроксиматоры часто употребляются совместно с другими прагматическими маркерами, образуя разнообразные прагматические цепочки, что еще усложняет задачу переводчика. *Выводы.* Анализ материала показал, что наиболее удачным, хотя и очень редким, оказался прием опущения прагматического маркера-аппроксиматора с передачей его содержания другими словами (4,3 %). Достаточно часто (17,4 %) маркер был просто проигнорирован и опущен, что, конечно, существенно меняет речевой портрет говорящего (персонажа произведения). И чаще

всего (78,3 %) маркер переводился значимыми словами, из которых ближе всего к исследуемым прагматическим маркерам-аппроксиматорам стоят вводные слова со значением приблизительности (47,8 %), а дальше всего — буквальный перевод с полной потерей смысла (4,3 %). Совсем не обнаружилось наиболее удачного перевода <русский прагматический маркер-аппроксиматор → китайский прагматический маркер-аппроксиматор>. Полученные данные ставят проблему выявления прагматических маркеров-аппроксиматоров в китайском языке и установления двуязычных соответствий для единиц данного типа.
Ключевые слова: прагматический маркер, маркер-аппроксиматор, хедж, речь персонажа, разговорная речь, художественный перевод, сопоставительный анализ, дискурсивный анализ
Благодарность. Работа выполнена при поддержке Санкт-Петербургского государственного университета (номер госрегистрации: 124032900006-1).
Для цитирования: Сян Янань, Богданова-Бегларян Н. В. О китайских переводах прагматических маркеров-аппроксиматоров русской повседневной речи (на материале речи персонажей в художественных текстах) // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 2. С. 426–439. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-426-439

On Chinese Translations of Colloquial Russian Pragmatic Approximator Markers: Analyzing Speech Patterns from Literary Fiction

Xiang Yanan[1], *Natalia V. Bogdanova-Beglarian*[2]

[1] St Petersburg State University (11, Universitetskaya Emb., 199034 St Petersburg, Russian Federation)
Postgraduate Student
0009-0005-2279-6868. E-mail: st112867[at]student.spbu.ru

[2] St Petersburg State University (11, Universitetskaya Emb., 199034 St Petersburg, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Professor
0000-0002-7652-0358. E-mail: n.bogdanova[at]spbu.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Xiang Yanan, Bogdanova-Beglarian N. V., 2024

Abstract. *Introduction.* Character speech in literary fiction is quasi-spontaneous, and is supposed to resemble mere conversational narratives. To facilitate this, the authors turn to the use of — along with other colloquialisms and tools — pragmatic approximator markers that are to show the speaker's uncertainty in what he/she is talking about. Such typical markers in Russian are as follows: *типа, или там, как бы, вроде* (and their structural variations). Presence of the functional units makes character speech more natural but may pose significant difficulties for translators who are forced to look for adequate analogues in the target language. *Goals.* The study seeks to analyze the identified methods of translating pragmatic approximator markers contained in Russian literary texts — into Chinese. *Materials and methods.* The paper focuses on 21 contexts from 10 Russian narratives included in the main section of Russian National Corpus and their Chinese translations. The employed methodology comprises targeted sampling, contextual, comparative, and discursive analyses. *Results.* It has been revealed that the markers traced across examined character speech patterns do correspond to authentic colloquial Russian units, i. e. they perform the main function of approximation, often combined with those of hesitation, xeno-narration (to introduce someone else's speech into narrative), and delimitation (to mark a beginning, continuation or final part of phrase). Moreover, Russian approximator markers are often used together with other pragmatic units to form various pragmatic chains, which essentially complicates the translator's tasks. *Conclusions.* Our analysis shows the most successful method — although a very rare one — is omission of an approximator marker and articulation of its message with other words (4.3 %). The marker is quite often (17.4 %) simply ignored, which by all means significantly changes a character's speech portrait. And in most cases (78.3%), the marker is translated with meaningful words, closest to the examined markers being some introductory words denoting approximation (47.8 %), and remotest — literal translations characterized by complete loss of meaning (4.3 %). All in all, no completely successful Russian-to-Chinese translation of pragmatic approximator markers has been found. The obtained data pose a problem of identifying pragmatic

approximator markers in the Chinese language and establishing bilingual correspondences for such units.

Keywords: pragmatic marker, approximator marker, hedge, character speech, colloquial speech, literary translation, comparative analysis, discourse analysis

Acknowledgements. The reported study was funded by St. Petersburg State University, project no. 124032900006-1.

For citation: Xiang Yanan, Bogdanova-Beglarian N. V. On Chinese Translations of Colloquial Russian Pragmatic Approximator Markers: Analyzing Speech Patterns from Literary Fiction. *Oriental Studies*. 2024; 17 (2): 426–439. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-426-439

1. Введение

Перевод — это творческая лингвистическая деятельность, которая преобразует текст на одном языке в текст на другом. Художественные тексты — это произведения искусства, созданные с помощью языка. Художественным называется перевод произведений художественной литературы [Комиссаров 1990: 93], его важной частью является адекватный перевод разговорной речи (далее — РР) персонажей. Такая речь обладает своими особенностями: несмотря на письменное представление, ее сутью является реальная устная речь, которая явно и во многих отношениях отличается от письменной. Фактически здесь можно говорить о *квазиспонтанной речи*, которая характеризуется, с одной стороны, определенной долей подготовленности, с другой — и некоторой долей спонтанности [Дергачева 2014].

Основными формами речи персонажей в художественных текстах являются диалоги и внутренние монологи, которые в совокупности создают речевой портрет того или иного персонажа. По мнению В. В. Виноградова, в художественных произведениях разговорная речь «олитературивается», в ней в первую очередь используются те явления РР, которые связаны с ее стилистической экспрессией, выразительностью. В речи персонажей могут быть использованы, в зависимости от социального положения героя, все элементы РР: как литературные, так и нелитературные [Виноградов 2001: 356]. Речь персонажа помогает читателю почувствовать внутренний мир героя; соответственно, перевод этой речи должен выполнять такую же функцию.

В русской разговорной речи существует множество специальных единиц, которые соотносятся с обычными лексемами, как полнозначными, так и служебными, но при этом во многих своих употреблениях в повседневной коммуникации подвергаются прагматикализации и в результате утрачивают (полностью или частично) свое исходное лексическое и / или грамматическое значение, взамен приобретают прагматическое значение, или функцию в тексте, и переходят в категорию условно-речевых функциональных единиц русской речи. С учетом такой *прагматикализации* они называются *прагматическими маркерами* (далее — ПМ) [Богданова-Бегларян 2021: 16].

В русской разговорной речи ПМ довольно разнообразны. Например, хезитативы служат для заполнения пауз хезитации, чаще всего при поиске нужной единицы или продолжения речи, в ходе преодоления возникшего коммуникативного затруднения или в иных ситуациях (*это самое*, *это*, *как его*). Разграничительные маркеры — стартовые, направляющие (навигационные) или финальные — помогают говорящему структурировать устный текст (*значит*, *ну вот*, *заметь*). Маркеры-ксенопоказатели вводят в повествование чужую речь — в широком понимании этого термина, т. е. и свою собственную, сказанную ранее или планируемую на будущее, а также собственные или чужие мысли и даже «интерпретацию поведения другого человека», «говорящее молчание» [Левонтина 2010: 284; Bogdanova-Beglarian, Ryko 2022] (*такой / такая / такие*, *типа того что*, *грит*) (подробнее о типологии русских ПМ см.: [Богданова-Бегларян 2021: 28–33]). Маркеры-аппроксиматоры показывают неуверенность говорящего в том, о чем он говорит, или употребляются, когда прямое называние предмета, явления или положения дел является излишним, неуместным или невозможным [Подлесская

2013: 631]. Эти маркеры «синтаксически обычно несамостоятельны, рекрутируются из неизменяемых слов или эволюционируют в неизменяемое слово» [Подлесская 2013: 635]. Они «обычно формируют единую составляющую вместе с выражением, которое ими „семантически обслуживается“. Типичными аппроксиматорами являются, например, маркеры, восходящие к словам и конструкциям со значением подобия» [Подлесская 2013: 635]. Типичные прагматические маркеры-аппроксиматоры (ПМА) русской РР — *как бы*, *вроде*, *типа*, *или там* [Богданова-Бегларян 2021: 25], которые и стали объектом настоящего исследования.

Близким к ПМА является понятие *хедж* (от англ. *Hedge* — ‘уклонение от прямого ответа, страховка’). В класс хеджей входят единицы «осторожной» модальности, т. е. неопределенные местоимения или наречия, а также вводные слова, указывающие на неуверенность говорящего (*какой-то*, *что-то*, *наверное*, *кажется*, *как-нибудь*). Значение хеджей «имплицитно подразумевает неясность, их функция заключается в том, чтобы представить вещи более или менее неясными» [Lakoff 1973: 471], они помогают говорящему снизить категоричность своих высказываний. В устной коммуникации ПМА и хеджи совместно реализуют стратегию хеджирования, взаимно повышают неуверенность говорящего в сказанном и снижают категоричность его суждений [Сян Янань, Богданова-Бегларян 2023: 61].

Квазиспонтанная речь персонажей в литературных произведениях, художественно обработанная автором, является ее имитацией и отражением повседневной разговорной речи. В ней неизбежно присутствует реализация стратегии хеджирования, т. е. прагматические маркеры-аппроксиматоры и хеджи. В связи с этим необходимо провести сопоставительный анализ русских текстов, содержащих подобные элементы, и их китайских переводов. Этому и посвящено настоящее исследование.

2. Цель, материал и методы

Целью данной работы является анализ приемов перевода русских ПМА в разговорной речи персонажей художественных произведений на китайский язык.

Материалом для анализа послужил 21 контекст из 10 русских художественных произведений из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и их китайские переводы [Юй Хун 1982; Су Чжоусюн 1983; Гэн Цзичжи 1985; Цзин Лимин 2000; Чжэн Тиву 2004; Ся Янь 2006; Ли Ган 2015; Цзинь Жэнь 2015; Чжан Пинхэн 2016; Гао Хуэйцюнь 2019]. Все отобранные русские тексты являются оригинальными и содержат исследуемые ПМА: *или там* (13,0 %), *как бы* (13,0 %), *вроде* (*вроде того*, *вроде того что*) (74 %)[1]. Чаще всего в русских произведениях был выявлен ПМА *вроде* и его варианты (*вроде того*, *вроде того что*). Рассматриваемые ПМА, как и многие другие прагматические маркеры повседневной речи, часто «притягивают» к себе иные ПМ, т. е. имеют высокую синтагматическую активность, обладают своеобразным «магнетизмом» (ср.: [Богданова-Бегларян 2019]). В результате образуются цепочки прагматических маркеров, составляющие для переводчиков дополнительную трудность (см. об этом, например: [Сунь Сяоли, Богданова-Бегларян 2023]).

В работе использовались такие научные методы, как целенаправленная выборка (с помощью которой был собран пользовательский подкорпус), описательный (контекстный), сопоставительный и дискурсивный виды анализа.

3. Результаты анализа

Как уже отмечалось, маркеры-аппроксиматоры в русской РР показывают неуверенность говорящего в том, о чем он говорит [Богданова-Бегларян 2021: 32]. Рассмотрим несколько соответствующих примеров из пользовательского подкорпуса и их переводы на китайский язык.

(1) *Ну? Вы прочли, или что? **Вроде** не читаете. Вот, вы человек взрослый. Грамотный. В тюрьме посидели, понимаете, что это за письмо* [А. И. Солженицын. В круге первом (1968)];

好啦，看完没有？”米辛问。“全看完了

[1] Так получилось, что употреблений маркера *типа* и его структурных вариантов в материале исследования не оказалось: видимо, к моменту написания использованных художественных произведений время «поколения типа» еще не пришло, ср.: «В немногих словарных фиксациях *типа* описывается как частица в функции вводного слова, имеет помету *жарг. крим.* и определяется следующим образом: „Вроде, наподобие, как бы и т. п.“» [ПМ 2021: 396].

吗？听着，你是个成年人，有文化的人，在监狱里蹲过的，应该懂得这是一封什么信！[Цзин Лимин 2000: 284].

В контексте (1) говорящий не уверен, что собеседник прочел то, о чем идет речь, и с помощью ПМА *вроде* выразил эту неуверенность. Китайский переводчик, по-видимому, не нашел в своем языке аналога данного маркера-аппроксиматора, в результате все предложение *Вроде не читаете* осталось полностью непереведенным, что можно расценить как первый, неудачный, «прием перевода» рассматриваемых единиц — **прием опущения**.

(2) *При этом левая часть его лица выразила то, что и положено выражать лицу Арнольда Шварценеггера при улыбке — что-то неуловимо-лукавое и* ***как бы*** *мальчишеское, такое, что сразу становилось понятно* [В. О. Пелевин. Чапаев и пустота (1996)];

这时，他的左脸上表现出阿诺德·施瓦辛格在微笑时应该表现出的一种神情——几分难以捉摸的狡黠和几分孩子似的顽皮，见到这种表情，你马上就会明白……[Чжэн Тиву 2004: 74].

В контексте (2) маркер *как бы* переведен как сравнительный союз 似的 (shi de), который «используется после существительного, местоимения или глагола, чтобы выразить сходство с определенной вещью или ситуацией» [Словарь 2005: 1245]. Очевидно, что переводчик знает русское *как бы* именно как предположительно-сравнительный союз [МАС 1986: 17] и ограничивается таким переводом, сохраняя семантику аппроксимации, общую для союза и ПМА[1], но не видя того факта, что маркер в данном случае не выполняет грамматической функции союза (произошла прагматикализация). Такой — безусловно, неудачный — перевод ПМА можно расценить как второй прием перевода: **как служебного слова с близкой семантикой**.

(3) ***Что-то вроде того, что*** *работа ваша при всей своей талантливости противоречит установкам, данным на том знаменитом совещании* [В. С. Гроссман. Жизнь и судьба (1960)];

似乎是这样，您的论文尽管有不少独到的见解，但是和那次有名的会议上所定的方针是抵触的。[Ли Ган 2015: 1093];

(4) *Чего-то мне* ***вроде*** *не хватает, какая-то чесотка на меня нападет, не усну — и шабаш!* [М. А. Шолохов. Тихий Дон (1932–1940)];

就像是缺点儿什么似的，浑身痒痒起来，——怎么也睡不着！ [Цзинь Жэнь, 2015: 3562];

(5) *Три, говорит, мерки, а сколько в них — мне не счесть! Не жалели денег-то,* ***вроде*** *бар* [А. М. Пешков (М. Горький). Жизнь Матвея Кожемякина (1910)];

他说：这是三升，至于里面有多少，我也数不清！他们挥金如土，好像贵族一样。[Гэн Цзичжи 1985: 33];

(6) *Казарма нашей пожарной роты — полное название было* ***что-то вроде*** *«Комсомольско-молодежная рота противопожарной охраны Ленинского района»* [Ю. В. Трифонов. Дом на набережной (1976)];

我们消防连的营地位于亚基曼卡，在桥后面，我们连的全称大概是“列宁区共青团和青年消防连。[Су Чжоусюн 1983: 166].

В контекстах (3)–(6) маркеры-аппроксиматоры переведены на китайский язык также как значимые слова, но на этот раз не служебные, а вводные:

- *вроде того что* (3) — как 似乎 (si hu) ‘кажется’ [Словарь 2005: 1295];
- *вроде* (4) — как 就像 (jiu xiang) ‘кажется’ [Словарь 2005: 1491];
- *вроде* (5) — как 好像 (hao xiang) ‘кажется’ [Словарь 2005: 544];
- *вроде* (6) — как 大概 (da gai), которое ‘указывает на высокую вероятность’ [Словарь 2005: 251].

Видно, что в переводах используются разные вводные единицы, которые чаще имеют ту же семантику неопределенности, приблизительности (3)–(5), что и ПМА *вроде*, но могут иметь и противоположное значение высокой вероятности (= уверенности) (6). Кроме того, видно, что в этих контекстах ПМА часто сопровождают хеджи (*что-что*, *чего-то*, *какая-то*), которые вместе с маркерами, по преимуществу также с близкой семантикой аппроксимации, смягчают иллокутивную силу высказываний. **Перевод ПМА вводными словами** можно считать еще одним приемом перевода русских аппроксиматоров на китайский язык. Семантика этого вводного слова может быть как

[1] По выражению В. И. Подлесской, «значения уподобления и аппроксимации неслучайным образом соседствуют на семантической карте» [Подлесская 2013: 637].

близкой к аппроксимации (‘кажется’), так и иной (‘высокая вероятность’ (6) и ‘например’ — см. ниже).

(7) *Из синода новое прошение прислали, вставить в ектинью,* ***или там какое-то*** *моление заздравное, не хочу врать* [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)];

主教公会也写了新的呈文，要增加一次祷告，为他的健康祈祷，我可不哄你。– [Чжан Пинхэн 2016: 100].

В контексте (7) говорящий не убежден в том, что *новое прошение* необходимо *вставить* именно *в ектинью*, но предполагает, что это должно быть какое-то *моление заздравное*, и сопровождает свое предположение комбинацией ПМА и хеджа: *или там какое-то*. Стоит, впрочем, отметить, что в данном случае возможна и другая интерпретация контекста: *прошение* нужно вставить ***или*** *в ектинью*, ***или*** в другое *заздравное моление*, т. е. элемент *или* можно рассматривать именно как разделительный союз, а не как часть маркера (прагматическим маркером остается в этом случае лишь одиночный хезитатив *там*). Такая неоднозначность трактовки диффузного и, как правило, плохо структурированного устного дискурса и интерпретации его функциональных единиц — вещь совершенно обычная: многие формы не только в русской речи, но и в русском языке характеризуются «отсутствием статусной константности» [Сулимова 2020: 57], в случае с такими единицами невозможно «закрепить» за ними тот или иной окончательный грамматический статус и необходимо иметь в виду наличие переходности, когда «нельзя квалифицировать по принципу „или-или“, а надо отмечать „как то, так и другое“» [Бабайцева 1983: 37]. По мнению Л. В. Щербы, именно такие, синкретичные (переходные), образования должны находиться в центре внимания лингвистов, ср.: «Здесь, как и везде в языке (в фонетике, в „грамматике“ и в словаре), надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике — в сознании говорящих — оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвистов» [Щерба 1958: 35–36][1]. С учетом сказанного данный пример (7) (равно как и следующий) все же рассматривается в настоящей работе в ряду других, где статус ПМА более однозначен. Однако в любом случае переводчик оставил этот фрагмент без перевода (снова использован **прием опущения**).

(8) *Может, ту, где медведи задом, значит, трутся об земную ось* ***или там*** *обо что-то еще?* [В. Г. Распутин. Последний срок (1970)];

也许是那首吧？里面唱的是一群熊用后蹄站起，踩着地球的轴，或者踩着什么别的来着？ [Юй Хун 1982: 440].

В контексте (8) говорящий не может припомнить точно, обо что в известной песне *трутся медведи*, поэтому использует ПМА *или там* и хедж *обо что-то*). Здесь маркер *или там* переведен как 或者 (huo zhe ‘может быть’ [Словарь 2005: 623], 来着 (lai zhe ‘*разг.* указывает на произошедшие события’ [Словарь 2005: 623]), ‘служебное слово, которое употребляется в конце вопросительного предложения для выражения недостоверности’ [Чжан Ишэн 2000: 66]. Повторяется **прием перевода ПМА значимыми словами** — в данном случае служебными. Хотя и здесь остается возможность другой интерпретации, когда союз *или* просто разделяет два объекта: *об земную ось* ***или*** <...> *обо что-то еще*[2]. *Там* и в этом случае мож-

[1] Ср. также: «устное повествование <...> примитивно с точки зрения грамматического строя, полно избыточных выражений и неоправданных отклонений; в нем много субъективного, эмоционального и гипотетического, часто используются одни и те же слова и образные выражения» [Томпсон 2003: 277]; однако подобная «непричесанность» такого повествования может служить дополнительным источником информации для историка повседневности, поскольку позволяет выявить «часто полуосознанные, скрытые значения, которые выдает сама речь» [Томпсон 2003: 277].

[2] Такая двойственность интерпретации маркера *или там* легко объясняется его «происхождением»: он «развивается из сочетания союза *или* (здесь и далее в цитате курсив авторов. — *Я. С., Н. Б.-Б.*) с разговорной частицей *там**, имеющей значение ‘например’ (не зафиксированное ни в одном словаре) и превращающейся в маркер-*аппроксиматор* со значением приблизительности. В МАС для слова *там**, рассматриваемого как ПМ, самой близкой разновидностью употребления является использование для обозначения приблизительности в некоторых ограниченных контекстах: „В сочетании с местоимениями и наречиями (чаще неопределенными) употребляется для усиления оттенка пренебрежения или сомнения, неопределенности. — *Может быть, по научным* ***там***

но трактовать как одиночный вербальный хезитатив (см. о нем подробнее: [ПМ 2021: 391–395]).

В ходе преодоления возникшего коммуникативного затруднения (речевой заминки) говорящий (персонаж произведения) порой вынужден (волею автора) искать подходящие единицы для продолжения речи, используя при этом те же маркеры-аппроксиматоры, но с дополнительной функцией *хезитации*, ср.:

(9) *А ежели мужики за дровами приедут* ***или там****... вообще, — как же я?* [А. М. Пешков (М. Горький). Мать (1906)];

如果农民来砍柴，或者那儿……有点什么事那我怎么办？把他们捆起来？这种事我可不会干！… [Ся Янь 2006: 294].

«Данные живой речи позволяют убедиться, что в тех случаях, когда говорящий испытывает трудности при подборе адекватной точной номинации или просто избегает точной номинации в силу тех или иных прагматических причин, он обычно использует целый комплекс сигналов разного уровня, которые предупреждают слушающего об этой ситуации» [Подлесская 2013: 642]. В контексте (9) говорящий в данный момент не может придумать подходящее завершение начатой фразы. Используя ПМА *или там* и физическую паузу хезитации (на письме выражена многоточием), он пытается «выиграть» время для поиска нужной единицы. ПМ *вообще*, следующий после хезитационного поиска, означает, что говорящий так и не смог найти адекватного выражения (о ПМ *вообще* см. подробнее: [ПМ 2021: 86–90]). Здесь в китайском тексте ПМА *или там* переведен как 或者那儿 (huo zhe na er) — буквально *или* и *там*. Очевидно, что это ошибочный перевод, который становится (в рамках нашего пользовательского подкорпуса) очередным использованным приемом перевода: **буквальный перевод с потерей смысла**. Отметим, впрочем, что многоточие, передающее в письменном тексте заминку говорящего, в переводе сохранено, т. е. этот прагматический момент оригинала переводчиком все же замечен.

Маркеры-аппроксиматоры, в рамках своей полифункциональности, свойственной большинству русских ПМ, часто не только выражают неуверенность или хезитацию, но и сопровождают передачу чужой речи, т. е. выступают в функции ксенопоказателя (от греч. xenos ‘чужой’). В таких контекстах они маркируют неточную передачу чужих (или своих) слов или мыслей, зачастую только предполагаемых говорящим, ср.:

(10) *Я сказал* ***что-то вроде того, что*** *боюсь воров и прошу ее поберечь деньги до моего отъезда* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)];

我说恐怕失窃，所以在我动身前请她代为保管。 [Гао Хуэйцюнь 2019: 309];

(11) *Я только сейчас понял, – он все бубнил* ***что-то вроде****: би... би... би... би, а это он просил: «Пить, пить», кружка рядом, хоть бы выполнил его последнюю волю* [В. С. Гроссман. Жизнь и судьба (1960)];

先前他一个劲儿嘟哝，好像是‘霍……霍……霉……’，现在我才明白，他这是要喝水。茶杯就在旁边，真应该满足他最后的要求。 [Ли Ган 2015: 390];

(12) *Он должен был произнесть* ***что-нибудь такое вроде****: я, мой меч и мой народ, как Вильгельм, или что-нибудь в этом духе* [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)];

他本应当讲些这类的话，比如说：‘我，我的剑和我的人民……’就像威廉皇帝那样，总之是这方面的话。 [Чжан Пинхэн 2016: 277];

(13) ***Что-нибудь вроде*** *«признаю свою*

всяким законам мы [рабочие] *людьми станем через сотню лет.* Вересаев, К жизни“ [МАС 1988: 337]. Именно аппроксимативная функция маркера *там** трансформируется в функцию „неточного“ поиска у ПМ *или там*: функцию заполнения *хезитативной* паузы при поиске, содержащем предположение говорящего. Таким образом, ПМ *или там* сохраняет в своей основе значение приблизительности номинации, однако в качестве маркера сочетается не только с местоимениями и наречиями, а употребляется и при поиске любой языковой единицы» [ПМ 2021: 206]. Ср. также статью на слово *там* в словаре В. В. Химика: «*Част.* Подр.-молод. Словоупотребление с ослабленным значением, заполнитель пауз; используется при затруднении при поиске нужного слова. ● Обычно в затрудненной, неразвитой речи» [Химик 2017: 329] (см. также: [Химик 2004: 601]). Автор говорит здесь снова о частице, но фактически дает определение маркера-хезитатива, только ошибочно приписывает его подростково-молодежной и неразвитой речи. Наши наблюдения показывают, что рамки таких употреблений сегодня значительно расширились, и вербальные хезитативы, в частности слово *там*, свойственны речи любого, в том числе очень образованного, носителя русского языка.

вину, исказил, обещаю исправить, осознал», вот в таком роде, вы ведь знаете, уже есть стандарт [В. С. Гроссман. Жизнь и судьба (1960)];

比如，就写：‘我承认错误，我错了，现在认识到了，保证改正。’就写诸如此类的话，您是知道的，这都是老一套了。[Ли Ган 2015: 1279];

(14) *Отец уклонялся объяснять или же выставлял что-нибудь смехотворное,* ***вроде****: «Видишь ли, в принципе я не против твоего Левки, или Шулепки, как ты его называешь* [Ю. В. Трифонов. Дом на набережной (1976)];

遇到这样的问题，父亲向来回避解释，或者用一句逗笑的话一带而过，比如，你瞧，原则上我不反对你的廖夫卡或舒列帕，你是这样叫他吧？ [Су Чжоусюн 1983: 29];

(15) *От Люси бывали и длинные, подробные письма, особенно если она перед тем долго не давала о себе знать, в которых матери отводилось больше места и в которых она писала* ***что-нибудь вроде****: «Скажите маме, что лекарства помогают в любом возрасте»* [В. Г. Распутин. Последний срок (1970)];

有时也会接到柳夏寄来的写得比较详细的长信，特别是在她久无音讯之后，在这种情况下，写到妈妈的地方也就稍微多些，在这样的信里她总是写一些诸如“请你们跟妈妈说，吃药对任何年龄的人都有好处一类的话”。[Юй Хун 1982: 445];

(16) *Жербунов пробормотал* ***что-то вроде*** *«мал ты мне указывать», но все же закинул винтовку за плечо* [В. О. Пелевин. Чапаев и пустота (1996)];

热尔布诺夫咕哝了一句“还轮不到你来指挥我”之类的话，但还是把步枪背到了肩上。[Чжэн Тиву 2004: 35].

Чаще всего из маркеров-аппроксиматоров в функции ксенопоказателя выступает ПМА *вроде* (*вроде того*, *вроде того что*)[1], и перевод таких употреблений также составляет значительную трудность.

В контексте (10) говорящий использует комбинацию из хеджа *что-то* и ПМА *вроде того что* для введения своей собственной речи, которую он передает весьма приблизительно. Здесь в переводе использован **прием опущения**: переводчик перевел только саму речь, без маркера *вроде*.

В контексте (11) в похожей ситуации ПМА *вроде* переведен как вводное слово 好像 (hao xiang) ‘кажется’.

В контексте (12) чужая речь снова вводится комбинацией маркера и хеджа. Здесь ПМА *вроде* переведен как 比如说 (bi ru ‘маркер приведения примеров’, shuo ‘говорить’) [Словарь 2005: 70, 1285]. Можно, по-видимому, говорить о новом приеме перевода, который обнаруживается на материале пользовательского подкорпуса: **использование значимых слов (не служебных и не вводных) с функцией ПМА**, или **опущение ПМА, но передача его функции другими словами.**

В контекстах (13) и (14) ПМА *вроде* переведен как вводное слово 比如 (bi ru) ‘например’. В китайском языке 比如 (bi ru) в определенных контекстах может быть синонимичен 好像 (hao xiang) ‘кажется’. Это уже знакомый нам **прием перевода ПМА как вводного слова**, только круг этих вводных слов расширяется, и не все они имеют семантику приблизительности или неуверенности.

В контексте (15) ПМА *вроде* переведен как вводное слово 诸如……一 类 (zhu ru … yi lei) ‘как например’ [Словарь 2005: 1776]; в контексте (16) — как 之类 (zhi lei) ‘такие, как ..., например’ [Словарь 2005: 827]. Никаких новых приемов перевода эти примеры не дают.

Русские ПМА способны выполнять также функцию разграничительного маркера, из которых в пользовательском подкорпусе обнаружились только финальные, ср.:

(17) *Писем от вас не было* ***вроде****...* [М. А. Шолохов. Тихий Дон (1932–1940)];

好像没有接到过您的什么书信… [Цзинь Жэнь 2015: 1977];

(18) *Вы против богатых, за бедных* ***вроде*** [М. А. Шолохов. Тихий Дон (1932–1940)];

你们反对的是财主，似乎是为穷人谋福利的。[Цзинь Жэнь 2015: 2233].

В контексте (17) ПМА *вроде* переведен как вводное слово 好像 (hao xiang) ‘кажется’. В контексте (18) — как вводное слово 似乎 (si hu), что также означает ‘кажется’.

Встретились в пользовательском подкорпусе и частотные в русской разговорной

[1] Столь же частотен в этой роли и маркер-аппроксиматор *типа* (*типа того*, *типа того что*) (см. о нем подробнее: [ПМ 2021: 396–404]), однако такие примеры, как уже отмечалось выше, в фокус настоящего исследования не попали.

речи цепочки ПМ и многократные употребления ПМА в одном предложении, ср.:

(19) ***Ну как бы*** *да. Можно и так сказать. И не только они, кстати. У нас внутри — весь кайф в мире. Когда ты что-нибудь глотаешь или колешь, ты просто высвобождаешь какую-то его часть* [В. О. Пелевин. Чапаев и пустота (1996)];

好像是的。也可以这么说。不光它们，顺便说一句。世界上的所有快感都在我们的体内。当你吞吃或是注射什么时，你释放的不过是所有快感的一部分。[Чжэн Тиву 2004: 297];

(20) *Он прибежал туда* ***вроде как бы*** *прощаться* [Ю. В. Трифонов. Дом на набережной (1976)];

他似乎是跑到那里去辞行的。[Су Чжоусюн 1983: 166];

(21) ***Вроде*** *зря я их вызвал,* ***вроде*** *обманул. Я понима-а-ю* [В. Г. Распутин. Последний срок (1970)];

好象我平白无故地把她们叫了来，好象我欺骗了她们，我明-明白。[Юй Хун 1982: 336].

В контексте (19) ПМА *как бы* в составе стартовой цепочки переведен как вводное слово 好像 (hao xiang) ‘кажется’.

В контексте (20) из двух ПМА (*вроде* и *как бы*) переведен только один маркер (似乎 (si hu) ‘кажется’), для второго переводчик использовал **прием опущения**.

В контексте (21) дважды используется ПМА *вроде*, который оба раза снова переведен как вводное слово 好象 (hao xiang) ‘кажется’.

Результаты проведенного исследования представлены в таблице 1.

Из таблицы 1 видно, что анализ пользовательского подкорпуса выявил три разных приема перевода русских ПМА на китайский язык. Чаще всего (78,3 %), переводя русские маркеры-аппроксиматоры, переводчики использовали обычные значимые слова. Причин этому может быть несколько. Либо переводчики не видят в этих единицах никакой прагматической специфики или даже вообще не знают о существовании ПМА в русской разговорной речи, либо видят эту специфику и знают о маркерах, но не могут найти соответствующих аналогов в своем языке, либо, что вполне вероятно, таких аналогов в китайском попросту не существует или они пока не выявлены и не описаны специалистами по китайской разговорной речи. В любом случае полученные в настоящей работе выводы становятся в этой ситуации особенно значимыми, поскольку такой прием перевода никак нельзя признать удачным. Особенно неудачен буквальный перевод ПМА значимыми словами (4,3 %), с полной потерей и смысла, и прагматической специфики.

Заметим, что такой же высокий (хотя и несколько более низкий на фоне наших данных) процент перевода значимыми словами выявлен и на материале переводов на китайский язык русского маркера-хезитатива *это самое* — 52,5 % [Сунь Сяоли 2021: 190], что свидетельствует, с одной стороны, об универсальности затронутой проблемы перевода русских ПМ на другие языки (в том числе на китайский), а с другой, о том, что трудности перевода разных маркеров оказываются не совсем одинаковы.

На втором месте по распространенности в пользовательском подкорпусе, как и в случае с ПМ-хезитативом *это самое*, оказался прием опущения маркера: 17,4 и 25,0 % соответственно. Такой прием также нельзя признать удачным переводом: отсутствие ПМ явно меняет речевой портрет персонажа.

Наконец, в настоящем исследовании выявлен и наиболее удачный на фоне прочих прием перевода: опущение ПМА с передачей его функции другими словами (4,3 %) (ср. 2,5 % таких переводов маркера *это самое* в упомянутой выше работе Сунь Сяоли). Здесь переводчик явно «узнал» русский маркер, но не смог подобрать ему достойного аналога в китайском языке.

Надо отметить, что в настоящем исследовании совсем не обнаружилось случаев перевода ПМА соответствующим китайским маркером (ПМА → ПМА), что было бы самым удачным приемом перевода и что было установлено для ПМ *это самое*: 20,0 % таких переводов [Сунь Сяоли 2021: 190][1].

[1] Сходным образом обстоит дело и в других языках: см., например, опыт анализа переводов того же русского маркера-хезитатива *это самое* на сербский [Тимотийевич 2022] и финский [Осьмак 2023] языки, где авторам удалось найти целый ряд соответствий данному русскому ПМ. Исследований по переводам прагматических русских маркеров-аппроксиматоров пока, по-видимому, не существует ни для какого языка.

Таблица 1. Приемы перевода русских прагматических маркеров-аппроксиматоров на китайский язык [*Table 1.* Russian-to-Chinese translation tools for pragmatic approximator markers]

Прием перевода		Кол-во контекстов (%)
(1) Опущение ПМА		17,4
(2) Опущение ПМА, передача его функции другими словами		4,3
(3) ПМА → значимое слово	ПМА → служебное слово	11,1*[1]
	ПМА → вводное слово с семантикой приблизительности	61,1*
	ПМА → вводное слово с другой семантикой	22,2*
	Буквальный перевод ПМА с потерей смысла	5,6*
	Всего	78,3

* Проценты, помеченные знаком (*), посчитаны от общего количества приемов перевода рассматриваемых ПМА значимыми словами.

4. Заключение

Перевод способствует коммуникации между разными странами и национальностями в разных областях. Заниматься художественным переводом нелегко, особенно большие трудности для переводчиков создает разговорная речь персонажей, которая в литературных произведениях является основным средством формирования образов этих персонажей. Литературный перевод должен передавать художественную концепцию оригинального произведения, чтобы читатели целевого текста могли получить такое же эстетическое восприятие, как и читатели оригинального текста. Таким образом, нельзя игнорировать при переводе специфику речи персонажей, что требует от переводчиков использования метода дискурсивного анализа, учета контекстных факторов и правильного понимания функций ПМА. Только так можно сохранить индивидуальность персонажей оригинального литературного произведения.

Что же касается предмета настоящего исследования, то результаты проведенного анализа позволяют наметить некоторые его перспективы. Так, можно взять набор наиболее близких аналогов ПМА, использованных переводчиками в проанализированных произведениях (似乎 (si hu), 就像 (jiu xiang), 好像（象）(hao xiang) — для «чистых» аппроксиматоров, 比如 (bi ru), 诸如 (zhu ru), 来着 (lai zhe) — для аппроксиматоров-ксенопоказателей), найти их в китайских художественных текстах и посмотреть, как их перевели теперь уже русские переводчики. Гипотетически у этих единиц есть «шанс» совпасть не только с вводными словами *кажется* или *например*, но и с русскими ПМА *типа*, *как бы*, *вроде* — и тогда можно будет говорить об аналогах этих единиц в русском и китайском языках.

Источники материала

Гао Хуэйцюнь 2019 — 高慧群译. 米•阿•布尔加科夫 (作者). 大师和玛格丽特. 上海: 上海文艺出版社, 2019. 800 页 [= Гао Хуэйцюнь (пер.). *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита. Шанхай: Шанхайское изд-во литературы и искусства, 2019. 800 с.].

Гэн Цзичжи 1985 — 耿济之 (译者). 马•高尔基 (作者). 马特维•卡热米亚金的一生. 北京: 人民文学出版社, 1985. 652 页 [= Гэн Цзичжи (пер.). *А. М. Пешков (М. Горький).* Жизнь Матвея Кожемякина. Пекин: Народная литература, 1985. 652 с.].

Ли Ган 2015 — 力冈 (译者). 瓦•谢•格罗斯曼 (作者). 生活与命运. 桂林: 广西师范大学出版社, 2015. 1661 页 [= Ли Ган (пер.). *Гроссман В. С.* Жизнь и судьба. Гуйлинь: Изд-во Гуансиского педагогического университета, 2015. 1661 с.].

Су Чжоусюн 1983 — 粟周熊（译者）. 尤•瓦•特里丰诺夫（作者）. 滨河街公寓. 北京: 外国文学出版社, 1983. 193 页 [= Су Чжоусюн (пер.). *Трифонов Ю. В.* Дом на набережной. Пекин: Изд-во иностранной литературы, 1983. 193 с.].

Ся Янь 2006 — 夏衍 （译者）. 马•高尔基 （作者）. 母亲. 北京: 人民文学出版社, 2006. 350 页 [= Ся Янь (пер.). *А. М. Пешков (М. Горький).* Мать. Пекин: Народная литература, 2006. 350 с.].

Цзин Лимин 2000 — 景黎明 （译者）. 亚•伊•索尔仁尼琴 （作者）. 第一圈. 北京: 群众出版社, 2000. 上部: 485 页, 下部: 453 页 [= Цзин Лимин (пер.). *Солженицын А. И.*

В круге первом. Пекин: Народное изд-во, 2000. Ч. 1. 485 с.; Ч. 2. 453 с.].

Цзинь Жэнь 2015 — 金人 （译者）. 米•亚•肖洛霍夫 （作者）. 静静的顿河. 北京: 人民文学出版社, 2015. 3841 页 [= Цзинь Жэнь (пер.). *Шолохов М. А.* Тихий Дон. Пекин: Народная литература, 2015. 3841 с.].

Чжан Пинхэн 2016 — 张秉衡 （译者）. 鲍•列•帕斯捷尔纳克（作者）. 日瓦戈医生. 北京: 人民文学出版社, 2016. 1230 页 [= Чжан Пинхэн (пер.). *Пастернак Б. Л.* Доктор Живаго. Пекин: Народная литература, 2016. 1230 с.].

Чжэн Тиву 2004 — 郑体武（译者）. 维•奥•佩列文（作者）. 夏伯阳与虚空. 上海: 上海译文出版社, 2004. 405 页 [= Чжэн Тиву (пер.). *Пелевин В. О.* Чапаев и пустота. Шанхай: Шанхайское изд-во переводов, 2004. 405 с.].

Юй Хун 1982 — 俞虹 （译者）. 格•叶•拉斯普京（作者）. 最后的期限. 北京: 外国文学出版社, 1982. 665 页 [= Юй Хун (пер.). *Распутин Г. Е.* Последний срок. Пекин: Изд-во иностранной литературы, 1982. 665 с.].

Sources

Bulgakov M. A. The Master and Margarita. Gao Huiqun (transl.). Shanghai: Shanghai Literature and Art Publishing House, 2019. 800 p. (In Chin.)

Gorky M. Mother. Xia Yan (transl.). Beijing: People's Literature Publishing House, 2006. 350 p. (In Chin.)

Gorky M. The Life of Matvei Kozhemyakin. Geng Jizhi (transl.). Beijing: People's Literature Publishing House, 1985. 652 p. (In Chin.)

Grossman V. S. Life and Fate. Li Gang (transl.). Guilin: Guangxi Normal University Press, 2015. 1661 p. (In Chin.)

Pasternak B. L. Doctor Zhivago. Zhang Bingheng (transl.). Beijing: People's Literature Publishing House, 2016. 1230 p. (In Chin.)

Pelevin V. O. Buddha's Little Finger. Zheng Tiwu (transl.). Shanghai: Shanghai Translation Publishing House, 2004. 405 p. (In Chin.)

Rasputin V. G. The Last Term. Yu Hong (transl.). Beijing: Foreign Literature Publishing House, 1982. 665 p. (In Chin.)

Sholokhov M. A. And Quiet Flows the Don. Jin Ren (transl.). Beijing: People's Literature Publishing House, 2015. 3841p. (In Chin.)

Solzhenitsyn A. I. In the First Circle. Jing Liming (transl.). Beijing: Masses Publishing House, 2000. Pt. 1, 485 p. Pt. 2, 453 p. (In Chin.)

Trifonov Yu. V. The House on the Embankment. Su Zhouxiong (transl.). Beijing: Foreign Literature Publishing House, 1983. 193 p. (In Chin.)

Литература, словари и иные ресурсы

Бабайцева 1983 — *Бабайцева В. В.* Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Филологические науки. 1983. № 5. С. 35–42.

Богданова-Бегларян 2014 — *Богданова-Бегларян Н. В.* Дискурсивная единица типа (того что): функционирование в устной спонтанной речи и возможности лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры. Journal of Historical, Philological and Cultural Studies. 2014. № 3(45). Июль – Август – Сентябрь. С. 252–255.

Богданова-Бегларян 2019 — *Богданова-Бегларян Н. В. Один в поле не воин*: о «магнетизме» прагматических маркеров в русской устной речи // Социо- и психолингвистические исследования. 2019. Вып. 7. С. 14–19.

Богданова-Бегларян 2021 — *Богданова-Бегларян Н. В.* Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5–52.

Виноградов 2001 — *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове; 4-е изд. М.: Высшая Школа, 2001. 720 с.

Дергачева 2014 — *Дергачёва Л. А.* Стилистическое и звуковое своеобразие квазиспонтанной речи // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2014. № 2. С. 201–208.

Комиссаров 1990 — *Комиссаров В.Н.* Теория перевода: Лингвистические аспекты. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

Левонтина 2010 — *Левонтина И. Б.* Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 16 / гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2010. С. 284–289.

МАС 1986 — Словарь русского языка в четырех томах. Том II. К–О. Изд. третье, стер. / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1986. 736 с.

МАС 1988 — Словарь русского языка в четырех томах. Том IV. С–Я. Изд. третье, испр. и доп. / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1988. 796 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] // URL: http://www.ruscorpora.ru/ (дата обращения: 11.02.2024).

Осьмак 2023 — *Осьмак Н. А.* О способах перевода прагматического маркера это самое на финский язык (на материале параллельных финско-русских корпусов художественных текстов) // Сб. тезисов LI Междунар. науч. филол. конф. им. Людмилы Алексеевны Вербицкой. (г. Санкт-Петербург, 14–21 марта 2023 г.). СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2023. С. 1003–1004.

ПМ 2021 — Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., ред. и автор предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

Подлесская 2013 — *Подлесская В. И.* Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 12(19). В 2-х тт. Т. 1. Основная программа конференции / гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 631–643.

Словарь… 2005 — Словарь современного китайского языка (中国社会科学院语言研究所词典编辑室) / Редакция словаря Института лингвистики Китайской академии общественных наук (现代汉语词典). Пекин (北京): Коммерческое изд-во (商务印书馆), 2005. 1871 с.

Сулимова 2020 — *Сулимова Т. С. Определить нельзя помиловать!* — Функционирование единицы *в смысле* в русской устной речи (в зеркале теории переходности) // Русская речь. 2020. № 5. С. 55–69.

Сунь Сяоли 2021 — *Сунь Сяоли.* Факторы, влияющие на перевод прагматического маркера *это самое* в русских художественных текстах на китайский язык // Семантический потенциал языковых единиц и его реализация. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Минск, 20–21 октября 2021 г.). Минск: МГЛУ, 2021. С. 189–191.

Сунь Сяоли, Богданова-Бегларян 2023 — *Сунь Сяоли, Богданова-Бегларян Н. В.* Специфика построения цепочек прагматических маркеров при переводе русских художественных текстов на китайский язык // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 211–221. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-211-221

Сян Янань, Богданова-Бегларян 2023 — *Сян Янань, Богданова-Бегларян Н. В.* Аппроксимация и хеджирование в языке и речи // Анализ разговорной русской речи (АР^3-2023). Труды десятого междисциплинарного семинара / науч. ред. П. А. Скрелин, У. Е. Кочеткова. СПб.: Политехника-принт, 2023. С. 60–65.

Тимотийевич 2022 — *Тимотийевич М.* Русский прагматический маркер хезитационного поиска ЭТО САМОЕ и способы его перевода на сербский язык // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2022» / отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, Е. И. Зимакова [электронный ресурс] // URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2022. М.: МАКС Пресс, 2022 (дата обращения: 06.04.2024).

Томпсон 2003 — *Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история / пер. с англ. М.: Весь мир, 2003. 368 с.

Химик 2004 — *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.

Химик 2017 — *Химик В. В.* Толковый словарь русской обиходно-разговорной речи. В 2-х тт. Т. 2. О–Я. СПб.: Златоуст, 2017. 532 с.

Чжан Ишэн 2000 — *Чжан Ишэн* (张谊生). Краткое обсуждение о временном вспомогательном слове «来着» — также о «来着^1» и «的^2» и разнице между «来着^1» и «来着^2» (略论时制助词“来着”-兼论“来着^1”与“的^2”以及“来着^2”的区别) // Журнал педагогического колледжа Дали (大理师专学报). 2000. С. 61–67.

Щерба 1958 — *Щерба Л. В.* Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений. Приложение к книге «Восточно-лужицкое наречие». Т. 1 // *Л. В. Щерба.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1 / отв. ред. М. И. Матусевич. Л.: Ленингр. ун-т, 1958. С. 35–39.

Bogdanova-Beglarian, Ryko 2022 — *Bogdanova-Beglarian N. V., Ryko A. I.* Xeno-Marker as an Interpreter of Silence or Speech Behavior in Oral Communication (Difficulties in Translation and Teaching RFL // Синергия языков и культур 2021: междисциплинарные исследования. сб. ст. / под ред. С. Ю. Рубцовой. СПб.: СПбГУ, 2022. С. 80–89.

Lakoff 1973 — *Lakoff G.* Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. Journal of Philosophical Logic. № 2. Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company, 1973. Pp. 458–508.

References

Babaitseva V. V. Modern Russian and its parts-of-speech system: One syncretic zone reviewed. *Philological Sciences*. 1983. No. 5. Pp. 35–42. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V., Ryko A. I. Xeno-marker as an interpreter of silence or speech behavior in oral communication (Difficulties in translation and teaching RFL). In: Rubtsova S. Yu. (ed.) Synergy of Languages and Cultures — 2021: Interdisciplinary Studies. Collected articles. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2022. Pp. 80–89. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V. (comp., ed.) Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech. Reference monograph. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. 520 p. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V. Discursive item *tipa* (*togo chto*), its functioning in oral token and alternatives of lexicographical description. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2014. No. 3 (45). Pp. 252–255. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V. Editorial. In: Bogdanova-Beglarian N. V. (comp., ed.) Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech. Reference monograph. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. Pp. 5–52. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V. *One in the field is not a warrior*: On the "magnetizm' of pragmatic markers in the Russian speech. *Socio- and Psycholinguistic Studies*. 2019. Vol. 7. Pp. 14–19. (In Russ.)

Dergacheva L. A. Linguostylistic features of quasi-spontaneous speech. *Herald of Tver State University. Series: Philology*. 2014. No. 2. Pp. 201–208. (In Russ.)

Khimik V. V. Explanatory Dictionary of Everyday Colloquial Russian. In 2 vols. Vol. 2: О–Я. St. Petersburg: Zlatoust, 2017. 532 p. (In Russ.)

Khimik V. V. Unabridged Dictionary of Expressive Colloquial Russian. St. Petersburg: Norint, 2004. 768 p. (In Russ.)

Komissarov V. N. Theory of Translation: Linguistic Aspects. Moscow: Vysshaya Shkola, 1990. 253 p. (In Russ.)

Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*. 1973. No. 2. Pp. 458–508. (In Eng.)

Levontina I. B. Evidentiality in Russian discourse. In: Selegey V. P. (ed.) Computer Linguistics and IT [Systems]. Conference proceedings. Vol. 16. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2010. Pp. 284–289. (In Russ.)

Modern Chinese Dictionary. Beijing: The Commercial Press, 2005. 1871 p. (In Chin.)

Osmak N. A. Translating Russian pragmatic markers into Finnish: The *eto samoe* case. In: Fifty First Lyudmila Verbitskaya Philological Conference (St. Petersburg, 14–21 March 2023). Collected abstracts. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2023. Pp. 1003–1004. (In Russ.)

Podlesskaya V. I. Unclear nomination in colloquial Russia: A corpus study. In: Selegey V. P. (ed.) Computer Linguistics and IT [Systems]. Conference proceedings. Vol. 12 (19). In 2 pts. Pt. 1: Main Conference Program. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2013. Pp. 631–643. (In Russ.)

Russian National Corpus. On: Russian National Corpus. Available at: http://www. ruscorpora. ru/ (accessed: 11 February 2024). (In Russ.)

Shcherba L. V. Sorbian dialectal observations: Some conclusions. In: Shcherba L. V. Selected Works on Linguistics and Phonetics. Vol. 1. M. Matusevich (ed.). Leningrad: Leningrad State University, 1958. Pp. 35–39. (In Russ.)

Sulimova T. S. A definition is impossible, pardon! / A pardon is impossible, define! The functioning of the unit *v smysle* in Russian oral speech (In terms of transitivity theory). *Russian Speech*. 2020. No. 5. Pp. 55–69. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013161170012130-2

Sun Xiaoli, Bogdanova-Beglarian N. V. Translating Russian fiction into Chinese: The specifics in building chains of pragmatic markers. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 1. Pp. 211–221. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-211-221

Sun Xiaoli. Factors influencing the translation of the pragmatic marker *eto samoe* in Russian artistic texts into Chinese. In: Semantic Potential of Language Units and Its Realization. Conference proceedings (Minsk, 20–21 October 2021). Minsk: Minsk State Linguistic University, 2021. Pp. 189–191. (In Russ.)

Thompson P. The Voice of the Past: Oral History. Moscow: Ves Mir, 2003. 368 p. (In Russ.)

Timotijevic M. Russian pragmatic marker of hesitation search ETO SAMOE and ways to translate it into Serbian. In: Aleshkovsky I. A. et al. (eds.) LOMONOSOV-2022. Forum proceedings. Moscow: MAKS Press, 2022. Available at: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2022 (accessed: 6 April 2024). (In Russ.)

Vinogradov V. V. Russian Language: Grammatical Theory of Word. Fourth edition. Moscow: Vysshaya Shkola, 2001. 720 p. (In Russ.)

Xiang Yanan, Bogdanova-Beglarian N. V. Approximation and hedging in language and speech. In: Skrelin P. A., Kochetkova U. E. (eds.) Analysis of the Russian Colloquial

Speech 2023 (AP[3]-2023). Seminar proceedings. St. Petersburg: Politekhnika-Print, 2023. Pp. 60–65. (In Russ.)
Yevgenyeva A. P. (ed.) A Dictionary of the Russian Language. Vol. 1: A–Й. Third edition. Moscow: Russkiy Yazyk, 1985. 699 p. (In Russ.)
Yevgenyeva A. P. (ed.) A Dictionary of the Russian Language. Vol. 2: K–O. Third edition. Moscow: Russkiy Yazyk, 1986. 736 p. (In Russ.)
Yevgenyeva A. P. (ed.) A Dictionary of the Russian Language. Vol. 4: C–Я. Third edition. Moscow: Russkiy Yazyk, 1988. 796 p. (In Russ.)
Zhang Yisheng. A brief discussion on the tense particle “lai zhe” – also on “lai zhe[1]” and “de[2]”, and the differences between “lai zhe[1]” and “lai zhe[2]”. *Journal of Dali Normal University*. 2000. No. 4. Pp. 61–67. (In Chin.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 2, Pp. 440–455, 2024
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 398.2
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-440-455

К вопросу об отождествлении Гэсэра и Чингис-хана. Часть 1. Контаминация образов в фольклоре и исторической памяти народов Сибири и Внутренней Азии

Наталья Никитична Николаева[1], *Евгений Владимирович Нолев*[2]

[1]Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
0000-0002-4903-7387. E-mail: natanika80[at]mail.ru

[2]Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
0000-0001-7756-7791. E-mail: nolev[at]inbox.ru

© КалмНЦ РАН, 2024
© Николаева Н. Н., Нолев Е. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Эпический герой Гэсэр (Кезер, Гесар) и основатель монгольской империи Чингис-хан относятся к одним из наиболее знаковых персонажей фольклора Внутренней Азии. Включенность народов Сибири в общемонгольские исторические события обусловила популярность, широкое распространение в фольклоре и в некоторых аспектах сходный сакральный статус этих двух персонажей. Рассмотрение в одном семантическом поле Чингис-хана и Гэсэра интересно и актуально с точки зрения исследования в рамках существовавшего заблуждения об их идентичности / тождественности, а также вопросов исторической памяти и мифологизации личности в народном сознании. *Цель* статьи — выявить, классифицировать и исследовать сюжеты отождествления, родства и типологической близости Гэсэра и Чингис-хана в фольклоре и исторической памяти народов Внутренней Азии. В статье рассмотрена концепция Г. Н. Потанина, одним из первых в отечественной историографии указавшего на данную контаминацию и предпринявшего попытку анализа ее мифологической основы. *Материалы и методы* исследования. Применение методов историзма и объективности позволило реконструировать концепцию отождествления Гэсэра и Чингис-хана в трудах Г. Н. Потанина. Методы сравнительного анализа позволили выявить общие образы и сюжеты фольклорных произведений монгольских и тюркских народов и рассмотреть их как в рамках родственного происхождения, так и в аспекте типологической обусловленности историческими условиями. Контекстуальный анализ позволил выявить значения повествовательных ситуаций и семантику образов, реализуемых в контексте этих ситуаций. Исследование основано на фольклорных источниках народов Сибири и Внутренней Азии, архивных материалах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. *Результаты.* Выделены основные группы сюжетов отождествления Гэсэра и Чингис-хана: мифическое родство; слияние двух образов в один или генеалогическая преемственность; бли-

зость семантических функций культурных героев. *Выводы.* Образ демиурга Гэсэра-Чингиса характерен для южносибирской тюркской мифологии. В устной традиции монгольских народов образы Гэсэра и Чингис-хана не сливаются друг с другом, но имеют выраженные связи и близки как сакральные обожествленные персонажи. В мифо-эпическом пространстве бурят Чингис-хан и Гэсэр связываются родственными узами, выступают в роли родоначальников / прародителей не в целом монголов, а именно бурятских племен, и создателей некоторых элементов национального культурного кода.
Ключевые слова: героический эпос, мифология, Гэсэр, Чингис-хан, фольклор, коллективная память, историческая память, Г. Н. Потанин.
Благодарность. Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках проекта «Наследие Великой Монгольской империи и средневековых монголов в исторической памяти народов Внутренней Азии» (№ 23-78-10139, https://rscf.ru/project/23-78-10139/).
Для цитирования: Николаева Н. Н., Нолев Е. В. К вопросу об отождествлении Гэсэра и Чингис-хана. Часть 1. Контаминация образов в фольклоре и исторической памяти народов Сибири и Внутренней Азии // Oriental Studies. Т. 17. № 2. С. 440–455. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-440-455

Identifying [between] Geser and Genghis Khan. Part 1: Contamination of Images in Folklore and Historical Memories of Central and Inner Asia

Natalia N. Nikolaeva[1], *Evgenii V. Nolev*[2]

[1] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate
0000-0002-4903-7387/ E-mail: natanika80[at]mail.ru

2 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
0000-0001-7756-7791. E-mail: nolev[at]inbox.ru

© KalmSC RAS, 2024
© Nikolaeva N. N., Nolev E. V., 2024

Abstract. *Introduction*. The epic hero Geser (Abai Geser Bogdo Khan, Geser, Gesar) and the founder of the Mongol Empire Genghis Khan are most remarkable and iconic characters in folklore traditions of Inner Asia. The involvedness of Siberia's peoples — including Buryat clans and tribes (despite their largely peripheral locations) — in general Mongolian historical events led to the two characters became equally popular, widespread, and somewhat sacral folklore images. It is interesting and topical enough to consider Genghis Khan and Geser in one semantic field from the perspectives of their misidentification (or even suggested sameness), historical memory, and mythologization of personality in ethnic consciousness. *Goals*. The article aims to identify, classify and explore plots that tend to identify, articulate kinship and typological proximity of Geser and Genghis Khan in folklore and historical memories of Inner Asian peoples. The concept of G. Potanin — an earliest Russian historiographer to have pointed out the contamination and attempted to analyze its mythological basis — shall be examined in detail. *Materials and methods*. The addressed principles of historicism and objectivity make it possible to reconstruct the concept of [mis]identifying Geser and Genghis Khan examined in G. Potanin's works. Methods of comparative analysis — the comparative/genetic and historical/typological ones — have proven instrumental in tracing common images and plots of Turko-Mongolian folklore narratives, and considering the latter both within related origins and typological proximities arising from actual historical conditions. Contextual analysis tools have revealed certain meanings of narrative situations and semantics of images articulated in those situations. The study focuses on folklore patterns of Siberia and Inner Asia's groups, archival materials housed by the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs (IMBT SB RAS). *Results.* The paper delineates key

clusters of folklore plots that identify Geser and Genghis Khan, namely: merger of the two images into one, genealogical succession, mythical kinship, identical semantic functions of the culture heroes. *Conclusions*. The image of demiurge Geser-Genghis is characteristic of South Siberian Turkic mythologies, while the Mongolic oral traditions distinguish between the images but tend to view them as ones with pronounced ties, and basically deify the characters. In Buryat mythical/epic space, Genghis Khan and Geser act as relatives — heavenly divine brother-progenitors of not Mongols at large but specifically Buryat tribes. In addition, both of the heroes are represented as creators of some certain elements included in the ethnic cultural code.

Keywords: heroic epic, mythology, Geser, Genghis Khan, folklore, collective memory, historical memory, G. Potanin

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-78-10139. Available at: https://rscf.ru/project/23-78-10139.

For citation: Nikolaeva N. N., Nolev E. V. Identifying [between] Geser and Genghis Khan. Part 1: Contamination of Images in Folklore and Historical Memories of Central and Inner Asia. *Oriental Studies*. 2024; 17 (2): 440–455. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-440-455

1. Введение

12 марта 1941 г. в ходе заседания Бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) было принято решение просить ЦК ВКП(б) разрешить провести декаду бурят-монгольской литературы в Москве и юбилей «Гэсэра» в конце 1942 г. [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Оп. 1. Д. 1911. Л. 1]. Таким образом, великий герой центральноазиатского эпоса, имеющего глубокие самобытные традиции в фольклоре бурятского народа, должен был быть представлен советскому обществу в качестве культурного достояния Бурят-Монгольской АССР (далее — БМАССР). Внезапно начавшаяся Великая Отечественная война, перечеркнув планы проведения декады бурят-монгольской литературы, придала новое актуальное звучание и осмысление древнему эпосу. В главном политико-идеологическом сборнике 1943 г. «XX лет Бурят-Монгольской АССР» известный ученый и общественный деятель М. И. Шулукшин, сравнивая известных Героев Ж. Е. Тулаева, Ц. Р. Доржиева и других с легендарными баторами, писал: «И подобно Гэсэру и его тридцати трем богатырям, наш народ жаждет учинить жестокую расправу над немецким людоедом, оскалившим пасть на человечество» [XX лет 1943: 135]. Ученый секретарь Бурят-Монгольского государственного института языка, литературы и истории Е. М. Залкинд в своей статье также охарактеризовал публикацию на бурятском языке патриотических глав «Гэсэра» как издание старинного героического эпоса, зовущего к воскрешению боевых традиций предков [XX лет 1943: 166]. Противоположной идеологической оценки в тяжелейшем противостоянии был удостоен другой представитель монгольского средневековья, реальный исторический деятель Чингис-хан, чьи «татаро-монгольские орды» сравнивались с гитлеровскими войсками. Так, в 1944 г. И. В. Сталин отмечал, что методы фашистских захватчиков «превзошли в своем варварстве методы Чингисхана» [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 354. Л. 104–106].

Между тем всего три года спустя после окончания войны в газете «Бурят-Монгольская Правда» вышла статья «Против идеализации феодально-ханского эпоса», авторами которой выступили председатель Президиума Верховного Совета БМАССР Д. Ц. Цыремпилон, ведущие деятели культуры и гуманитарной науки республики [Галсанов и др. 1948]. Подвергнув резкой критике на страницах главного регионального периодического издания монографию академика С. А. Козина «Эпос монгольских народов» [Козин 1948], авторы статьи подчеркивали отождествление мифического Гэсэра и реального Чингис-хана: «Популяризация „Гесериады“ понадобилась С. А. Козину все для той же цели — для пропаганды, возвеличивания, безудержного восхваления Чингис-хана и его империи, как „золотого века“ в жизни монгольских народов» [Галсанов и др. 1948: 3]. Вместе с тем было особо отмечено, что «попытка пропаганды „чингисхановщины“, используя феодаль-

но-ханский эпос „Гэсэр", замаскированный под народное творение, предпринималась бурят-монгольскими буржуазно-националистическими элементами и раньше, но встретила должный отпор со стороны общественности» [Галсанов и др. 1948: 4]. Это «отождествление» Гэсэра и Чингис-хана положило начало многолетней дискуссии, развернувшейся в академической и политической среде [Ratcliffe 2019]. Исследователи, рассматривая преимущественно сам факт, но не природу «отождествления», подвергнут критике ошибочные положения в трудах Г. Н. Потанина и С. А. Козина, подчас объединяя взгляды ученых единой линией преемственности. Так, председатель заседания филологической секции Ученого Совета Института востоковедения АН СССР совместно с сектором Монголии и Кореи и сектором Советского Востока проф. И. С. Брагинский следующим образом сформулировал одну из главных задач научного собрания 6 апреля 1951 г.: «Необходимо окончательно решить, является ли Чингис-хан прототипом, послужившим для создания образа Гэсэр-хана. Это положение, точнее предположение, некогда высказанное Потаниным на основании внешнего сходства имени брата Чингис-хана Хасара с именем Гэсэра, было использовано в наше время академиком С. А. Козиным» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Оп. 1. Д. 1704. Л. 69]. Однако, принимая во внимание наличие общих сюжетов, все же при внимательном рассмотрении взгляды названных ученых сложно объединить в единую концепцию, равно как невозможно свести к редуцированной формуле внешнего сходства имен Гэсэр и Хасар. Последнее обстоятельство хоть и имеет место в суждениях исследователей, не только не обладает первостепенным значением, но и трактуется по-разному. В основе взглядов Г. Н. Потанина по вопросу сопоставления Гэсэра и Чингис-хана лежат данные фольклора тюрко-монгольских народов и интерпретация мифа как проявления общих мировых сюжетов. Идея же С. А. Козина о сравнении «Гэсэриады», «Джангариады» и «Сокровенного сказания» исходит из теории об отражении в эпосе эволюции социально-политического сознания народа. Подобное разграничение задает фольклорный и историографический векторы в исследовании проблемы соединения мифологического образа Гэсэра и исторической личности Чингис-хана. В данной статье мы сосредоточимся на изучении данных фольклора народов Сибири и Внутренней Азии. Цель статьи — выявить, классифицировать и исследовать сюжеты отождествления, родства и типологической близости Гэсэра и Чингис-хана в фольклоре и исторической памяти народов Внутренней Азии. Будет рассмотрена концепция Г. Н. Потанина, одним из первых в отечественной историографии указавшего на данную контаминацию и предпринявшего попытку анализа ее мифологической основы.

2. Гэсэр и Чингис-хан в исследованиях Г. Н. Потанина

Неутомимый исследователь географии, этнографии и культуры народов Сибири и Центральной Азии Г. Н. Потанин, чей научный подвиг был отмечен Золотой Константиновской медалью, собрал богатейшую фольклорную коллекцию, значимое место в которой занимали предания о Гэсэре и Чингис-хане. В одной из экспедиций конца XIX в. ученый обратил внимание на божество «Чингисъ-Кэзэрь-Кайракан», почитавшееся у урянхайцев, которому приписывалось сотворение всей природы после всеобщего потопа [Потанин 1882: 160]. При этом упоминание указанных имен по отдельности в легендах с идентичным сюжетом, например, об изобретении водки Кэзэр-ханом и изобретении вина Чингис-ханом, навели Г. Н. Потанина на мысль, что «Кэзэръ-хан есть лицо тожественное с Чингисъ-ханомъ», что подтвердили и опрошенные им урянхайцы [Потанин 1882: 161]. Слово *кэзэрь*, ставшее нарицательным и обозначавшее богатыря, было также отмечено и у теленгитов. Именно с мифическим «Кэзэром» и сбором более подробных сведений о нем у урянхайцев и теленгитов ученый связывал надежды дополнить темные страницы предания о Чингис-хане, особенно в контексте раскрытия исторической роли брата правителя Монгольской империи — Хасара, по-видимому, отождествляя эпического Гэсэра и легендарного полководца.

Основываясь на упоминании Д. Банзаровым известного монгольского шамана «Чингис-Хаджира-Тэнгрин-ху, то есть сына неба», Г. Н. Потанин приходит к заключению, что Чингис-хан в книжном сказании

представлен в двух ипостасях: исторического завоевателя и баснословной мифической личности Громовника, известной под именами «Чингисъ-ханъ, Кэзэръ-кайраканъ, Чингис-Кэзэръ-Кайраканъ, Чингисъ-Хаджиръ-бо, Тэнгріинъ-ху, Газыръ-гамъ» [Потанин 1882: 161–162]. Исследование культа сына неба окажет большое влияние на дальнейшую эволюцию взглядов ученого о тождественной или родственной природе Гэсэра и Чингис-хана в рамках теории принадлежности любого национального эпоса к мировому, имеющей подчас довольно зыбкие основания. Сопоставив известные сказания Северной Азии о сыне неба, Г. Н. Потанин выявил четыре предания с единым героем, носящим разные имена: Цорос, Ирин-Сайн, Гэсэр и Чингис-хан. Гэсэр в сказании, распространенном в Восточной Монголии от русской границы до границ Тибета, является одним из трех сыновей царя неба — «Хормустенъ-хана», посланным им для очищения земли от опасных чудовищ. В сказании о Чингис-хане исследователь отмечает слияние личности «среднеазиатского завоевателя» с героем небесного происхождения, названным в устных преданиях сыном «Хормустенъ-хана» [Потанин 1916: 20–24].

Работа Г. Н. Потанина по исследованию эпоса «Гэсэр» получила неоднозначную оценку в трудах востоковедов. Б. И. Панкратов, признавая особые заслуги ученого в публикации всех бурят-монгольских вариантов «Сказания о Гэсэре», услышанных им в экспедициях, считал, что его попытка литературоведческого анализа «Сказания» никак не может быть признана удачной [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Оп. 1. Д. 1704. Л. 24]. В ошибочном следовании «порочным утверждениям известного ученого Потанина», который отождествлял Гэсэра с так называемым легендарным Чингисом, признавался Г. Ц. Бельгаев [О характере 1953: 186]. В резолюции заседания «О характере эпоса „Гэсэр“», прошедшего в Институте востоковедения АН СССР в 1951 г., отмечалось, что положение о мнимой «трилогии» академика С. А. Козина, представляющей Гэсэра поэтизированным Чингис-ханом, основано на гипотезе Г. Н. Потанина, который неправильно истолковал работы Д. Банзарова, а также отмечал «в подтверждение своей гипотезы существующее якобы некоторое сходство в преданиях о детстве Гэсэра» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Оп. 1. Д. 1704. Л. 114–115]. Таким образом, взгляды Г. Н. Потанина без должного критического осмысления рассматривались исключительно в контексте теории С. А. Козина. Заслуга ученого заключается в выявлении фольклорных сюжетов отождествления Гэсэра и Чингс-хана, которые, вступая в противоречие со свидетельствами известных на сегодня исторических источников, тем не менее, служат ярким подтверждением наличия синкретичных образов в фольклоре и исторической памяти народов Сибири и Внутренней Азии.

3. Контаминация Гэсэра и Чингис-хана

Безусловно, версия единства Чингис-хана и Гэсэра не выдерживает критики в отношении исторической достоверности, поскольку ни в одном монгольском источнике, устном или письменном, нет даже косвенных данных о том, что Чингис-хан именовался Гэсэром или Гэсэра называли Чингисом. Точку в этом вопросе поставила работа Ц. Дамдинсурэна, где автором на обширном устном и летописном монголо-тибетском материале доказана несостоятельность версии отождествления Гэсэра и Чингис-хана [Дамдинсурэн 1957: 31–53], а в качестве прототипа Гэсэра назван туфаньский князь Госыло [Дамдинсурэн 1957: 202]. Вместе с тем данный сюжет в различных вариациях прочно закрепился в исторической памяти народов Сибири и Внутренней Азии, отражаясь в местных легендах и преданиях.

В тувинской мифологии, действительно, имеется персонаж Кезер-Чингис или Кезер, культурный герой, великан, участвующий в сотворении мира. Миф о происхождении живых существ, в котором он сооружает плот и спасает от потопа по паре всех живых существ, сохраняя также горсть земли [Мифы, легенды, предания 2010: 59], имеет очевидные библейские параллели, а также общетюркские, связанные с сотворением мира верховным божеством и его антагонистом. В других мифологических нарративах Кезер-Чингис на заре творения мира участвует в прокладке русел рек, громоздит горы, либо, как вариант, выступает в качестве родственника другого культурного героя, Сартакпая, которому приписываются эти деяния [Мифы, легенды, предания 2010: 97–99]. Примечательно, что одним из назва-

ний сказания о Гэсэре в устной традиции тувинцев является «Сказание о благородном Кезер-Чингис Богда хане, владыке десяти сторон света, искоренителе десяти зол» [Донгак 2019]. Контаминация Чингис-хана и Гэсэра, по свидетельствам исследователей XIX в., также наблюдалась у сойотов. Так, Гэсэр-хан считался сыном Чингис-хана наряду с Амыр-Саной[1] и Ак-каном. Ак-кан стал Белым царем, т. е. русским императором, Амыр-Сана также ушел в Россию, а Гэсэр-хан правил сойотами, и самое большое божество сойотов именовалось Гэсэр-Чингиз [Данилин 1993: 60–61]. У алтайцев Чингис-хан считался дедом Ульгеня, верховного небесного божества-демиурга, который, согласно преданию, когда-то жил на земле, правил всеми алтайцами, был добр и справедлив к своим подданным, а Гэсэр-хан был одним из духов богатырей-защитников, к которым обращались в своих молитвах бурханисты, приверженцы веры Ак Янг, синтезирующей буддийские и шаманистские идеи [Сагалаев 1992: 33, 163–164]. У тюрков Саяно-Алтая образ Чингис-хана предельно мифологизировался вплоть до наделения его статусом демиурга, божества и предка божества, первочеловека.

Контаминированный образ Гэсэра-Чингиса характерен именно для южносибирской тюркской мифологии, что, скорее всего, можно объяснить их слабой вовлеченностью в события, происходившие на монгольской территории Внутренней Азии. У собственно монгольских народов такого «микшированного» образа, как Гэсэр-Чингис, не зафиксировано. Эти герои четко разделены, что и неудивительно, учитывая историю монголов и развитый культ Чингис-хана. При этом одновременное почитание Гэсэра и Чингис-хана в исторической памяти монгольского народа привело к позднейшей контаминации легендарных образов, «воплощенных» в личности исторического деятеля Барона Р. Ф. фон Унгерн-Штернберга. С одной стороны, по свидетельству Б. Ринчена, барона Р. Ф. фон Унгерна, освободившего Ургу от китайской оккупации, ламы дацана Дашсамданлин «провозгласили воплощением Гэсэра Воинственного — тобуу Гэсэр-ун хубилган» [Кузьмин, Митруев 2023: 102]. При этом отождествлению барона . Ф. фон Унгерна с Гэсэром способствовали следующие обстоятельства: освобождение столицы Монголии, чьим покровителем считался Жамсаран (буддийское божество, часто отождествляемое с Гэсэром); миссия, провозглашенная бароном, по восстановлению правления маньчжурской династии, о которой считалось, что она находится под покровительством Гэсэра; а также неуязвимость Р. Ф. фон Унгерна в боях [Кузьмин, Митруев 2023: 108]. С другой стороны, наряду с неоднократно декларируемой бароном Р. Ф. фон Унгерном целью по восстановлению империи Чингис-хана в 1920-х гг. в Харбине ходили слухи, «что жена Унгерна — монголка, даже что она происходит по прямой линии от Чингисхана» [Кузьмин 2011: 95, 390].

4. Божественные братья и мифические родоначальники

В фольклорной традиции бурят и вообще в целом монгольских народов можно отметить два факта: образ Чингис-хана, безусловно, сильно мифологизирован и сакрализован; Чингис-хан и Гэсэр вращаются в одном мифологическом поле и довольно близко друг от друга. Гэсэр в большинстве многочисленных национальных версий и вариантов эпоса представлен сыном Хурмасты / Хормусты / Хан Хурмаса (в бурятских иногда он — сын верховного небожителя Эсэгэ Малана). Довольно подробная генеалогия Чингис-хана, казалось бы, известна и изложена во многих монгольских летописях, но, тем не менее, в некоторых из них он также именуется сыном Хормуста-тэнгрия [Ванчикова 2013: 113]. Небесное происхождение от божества и тем более от верховного божества является обоснованием легитимизации его личной власти и власти его потомков, «Золотого рода», над монголами. Более ранние попытки обосновать высокое и неординарное происхождение рода Чингис-хана отображены в «Сокровенном сказании монголов». Это и мифический предок Буртэ-Чино (‘Сивый Волк’), рожденный «по изволению Вышнего Неба», и зачатие Бодончара, основателя рода борджигин, от солнечного сияния [Монголой нюуса тобшо 1990: 12, 14]. Это же возведение генеалогии Чингис-хана к небесному божеству и конкретно к Хормусте есть и в бурятской

[1] Амурсана (тув. *Амыр-Сана*, монг. *Амарсанаа*, 1722–1757 гг.) — последний правитель Джунгарского ханства.

Гэсэриаде. В версии унгинского сказителя Папы Тушемилова у предводителя пятидесяти пяти правосторонних небожителей Хан-Хюрмаса три сына — старший Зад-Шухэр, средний Мэргэн-Тухултур (будущий Гэсэр) и младший Шэрээтэ Шэнгэс богдо (бур. ‘престольный августейший Чингис’) [Тушемилов 2022: 13]. В сводной прозаической версии балаганских бурят, записанной М. Н. Хангаловым, у Хан Хюрмаса старший сын Хабата-Хасар-мэргэн, средний Бохо-Бэлгэтэ (будущий Гэсэр) и младший Шингис-Шэрэтэ-богдо [Хангалов 2004: 182]. Вариант М. Н. Хангалова интересен тем, что три сына небожителя — это, по сути, Чингис-хан и два его брата Хасар и Бельгутэй, причем точно даны их прозвища-характеристики, известные по монгольским легендам и преданиям: *хабата* ‘сильный, могучий’, *мэргэн* ‘стрелок’, *бухэ* ‘силач, сильный, крепкий’. С. Ю. Неклюдов отмечает позднее проникновение их имен («задним числом») в мифологический пролог эпоса из монгольских летописных легенд [Неклюдов 2019: 401]. В записях Ц. Ж. Жамцарано у Хан Хермос тэнгрия три сына на земле — Гэсэр (или Ойхони-баабай, или Жамсаран, буддийское божество-защитник веры), страж земли; Гэгэн-бурхан, который ранее жил на о. Ольхон, но потом перебрался в Пекин, а его место занял Гэсэр — Ойхони-баабай — Жамсаран, который обязан с еще семью божествами оберегать и поддерживать шаманскую веру; и третий сын — Шингэд богдо [Жамцарано 2011: 48–49].

В бурятском эпосе Чингис-хан (Шэрээтэ Шингис богдо) как небесный божественный брат Гэсэра пассивен и имеет номинальный характер, несмотря на явную сакрализованность. Собиратель Т. М. Маланова отмечала, что сказитель Папа Тушемилов настаивал на этом имени, несмотря на официальные запреты и крайне непростое время записи (1948 г.) [Тушемилов 2022: 13]. Судя по материалам М. Н. Хангалова, имя Чингиса было включено в пантеон высших божеств-тэнгриев. Так, среди правосторонних, т. е. покровительствующих людям, тэнгриев имеется Чингис-тэнгэри с тремя сыновьями. Он посылает сыновей на землю поохотиться, наказав делиться добычей друг с другом, но младший сын нарушает наказ отца, не отдавая братьям добытое. Разгневанный Чингис-тэнгэри стреляет в сына и рассекает ему позвоночник. Сын отвечает, что через полтора часа он должен был стать ханом, но его подстрелили. Поэтому он уйдет и станет Тольто-ханом (бур. ‘ханом, имеющим толи (зеркало, шаманское зеркало)’ и пророчествует, что будет забирать две трети из ста тысяч хороших и умных людей и две трети из ста тысяч хороших скакунов. По этой причине умные и хорошие люди не отличаются долгой жизнью и быстро пропадают хорошие кони [Хангалов 2004: 93, 95]. Под Тольто-ханом подразумевается владыка подземного мира мертвых Эрлик или Эрлэн-хан, которого также называли Толи-Гэрэлтэ-хан (‘Имеющий светлое толи (зеркало) хан’), поскольку считалось, что он обладает золотым толи, в котором видит все грехи человека. Хотя у того же М. Н. Хангалова приводится мнение о том, что Тольто-хан — самостоятельный персонаж, не подчиняющийся Эрлэн-хану. Собственно, в самом нарративе о Чингис-тэнгэри и его сыне угадывается довольно распространенный и стереотипичный сюжет о первом убитом или умершем человеке, ставшем царем подземного мира и судьей мертвых. В сложной многоструктурной иерархии бурятских божеств, разделяющихся как горизонтально (правосторонние (добрые) — левосторонние (злые)), так и вертикально (тэнгрии, обитающие на небе, — хаты, обитающие на земле), Чингис-тэнгэри занимает довольно высокое положение, выступая правосторонним небесным божеством и отцом могущественного владыки мира мертвых.

Общая генеалогия Гэсэра и Чингиса прослеживается и в некоторых сюжетах генеалогических нарративов бурят. Общеизвестные мифы о тотемном предке — сивом быке Буха-нойоне, родоначальниках Булагате и Эхирите, их приемных матерях — шаманках Асуйхан и Хусыхан, родоначальнике хоринцев Хоридой Мэргэне иногда включают в себя и Гэсэра с Чингис-ханом (или его братьев). Так, по Дж. Куртину, Гэсэр является небесным отцом Буха-нойона [Неклюдов 2019: 280]. По другим версиям, Эхирит и Булагат родились либо от жены Хабата Хасара, которая изменила ему с Бухэ Бельгутэем, либо от дочери Табалун хана, которая вступила в любовную связь с Хабату Хасар Мэргэном [Жамцарано 2011: 45, 79], как вариант — с сыном самого Чингиса

[Байкальские народные сказания 2011: 22]. Другими словами, по сути, происхождение двух крупнейших бурятских племен булагат и эхирит возводится к Гэсэру или к Чингис-хану. Они оба выступают мифическими родоначальниками бурят.

Связь Чингис-хана с древней историей бурят четко проявляется в песнях, легендах и преданиях хоринцев, где он называется внуком хоринского рода баруун хуасай (через брак его предка Добу-Мергана с Алан-Гоа, дочерью Хорилартай-Мергана, владетеля земли Баргуджин-Тукум, расположенной на территории современной Республики Бурятия и более локально — в районе Баргузинской долины) или зятем хоринцев. В других нарративах Чингис-хан вместе с первопредком Хоридоем готовится к военным походам, проживая вместе с ним у подножия горы Бархан в Баргузинском районе [Цыбикова 2022: 15]. Имя Чингис-хана также связывается с мифической землей Наян-Нава, якобы прародиной хоринцев, «потерянным раем», откуда они некогда ушли после походов с чингисидами [Дампилова 2023: 88–92]. В сознании носителей традиции прекрасное утраченное прошлое соотносится с Чингис-ханом и, по всей видимости, это можно интерпретировать и как отголоски реальных исторических событий, сохранившиеся в коллективной памяти, так и попытки подчеркнуть общую историю бурят и монголов.

Генеалогия, восходящая к Гэсэру, встречалась также у монголов и тибетцев. Некоторые княжеские династии Тибета и семейные линии буддийских деятелей школы Ньингма возводили свое происхождение к этому герою [Янгутов 2017: 45]. У монголов это было как на достаточно смазанном уровне, как «вроде бы здесь жил потомок Гесера… Считается, что здесь жили потомки Гесера» [Неклюдов 2019: 561], так и с привязкой имен конкретных исторических лиц, например, когда Гэсэра считали предком восьмого хунтайджи Джунгарского ханства Дабачи / Даваци (Джунгарию при этом называли страной Гэсэра) [Дамдинсурэн 1957: 23–24]. Кроме того, у бурят также связывали с Гэсэром происхождение известного ойратского военачальника Лоузанг-Шуну (бур. *Шоно-батор*), чрезвычайно популярного героя песен и исторических преданий калмыков, ойратов, бурят, алтайцев [Мирзаева 2016; и др.]. Считалось, что у Гэсэра от четвертой жены, дочери Гумэн-хана, родился сын Бухэ Улан-батор, который стал дедом Шоно-батора [Небесная дева 1992: 143–144]. В другом варианте Гэсэр, идя на встречу с Северным Белым царем (т. е. русским царем), заезжает к Аюхан[1]-хану и, восхищенный красотой его младшей дочери, берет ее в жены. Однако далее, испугавшись своих трех жен, отказывается от нее. Девушка отвечает, что он поступил неверно, но что она получила от него благословение, которое в будущем прославит его имя. Не возвращаясь к отцу, она выходит замуж за Буйлан-батора, который затем отдает ее Хун тайжи, и она рожает сына Шоно-батора [Атутова 2017: 53–54]. В тексте исторические события и исторические личности буквально срастаются с мифологическими, и нарратив, наверное, можно назвать примером коллективной памяти, органически сочетавшей вымышленное и действительное. Лоузанг-Шуну действительно был внуком Аюка-хана от его дочери Сетерджаб, которая была замужем за джунгарским хунтайджи Цэван-Рабданом. В бурятской традиции этот факт переосмыслен и связан с Гэсэром. Слова девушки о том, что она получила благословение, скорее всего, можно интерпретировать как намек на ее беременность от него и, таким образом, отцом знаменитого полководца становится эпический персонаж, семантически близкий ему в качестве знаменитого и любимого в народе героя.

Таким образом, в мифо-эпическом пространстве бурят Чингис-хан и Гэсэр достаточно тесно взаимодействуют, связываются родственными узами, представая небесными божественными братьями, выступают в роли родоначальников / прародителей не в целом монголов, а именно бурятских племен. При этом заметим, что в бурятском фольклоре (и вообще в монгольском) происхождение Чингис-хана не представляется восходящим к Гэсэру. Этих двух персонажей отличает, очевидно, слишком сильная харизма, не дающая возвести происхождение одного к другому. Максимум, они занимают равноценное положение в качестве божественных братьев.

Хронотоп подобных нарративов отличается размытостью и диффузией временных

[1] Аюка-хан (1642–1724 гг.) — правитель Калмыцкого ханства.

рамок, смешением исторических периодов и персонажей, что в целом характерно для народной памяти, часто объединявшей в одном пространстве наиболее значимые и известные образы. Включение имени мифологического, эпического героя в один ряд с действительно историческими лицами можно объяснить народной верой в реальное существование в прошлом не только эпических богатырей и совершаемые ими подвиги, но и вообще в целом верой в историчность лиц и событий эпоса, мифов, легенд и преданий и т. д. Для носителя фольклорной традиции реальность существования Гэсэр-хана наряду с Чингис-ханом, Лоузанг-Шуну, Амарсаной и др. не вызывала никаких сомнений. Все собиратели и первые исследователи бурятского эпоса отмечали, что буряты искренне верили, что Абай Гэсэр Богдо хан действительно жил некогда на земле. В Монголии в сомоне Мунххаан считалось, что Гэсэр был монгольским богатырем и жил до Чингиса, среди жителей остались его потомки, которые называли себя «очагом Гэсэра», а в храме Гэсэра до его разрушения в 1937 г. хранились его ружье (!), панцирь, сабля, богато украшенное седло, богатырская шапка (шлем), котел с треногой, которые береглись и почитались [Неклюдов 2019: 561, 564]. Здесь опять же налицо смешение исторических реалий и полная уверенность информанта С. Ю. Неклюдова — халха-монгола Дондова — в существовании такой исторической личности, как Гэсэр. Его не смущают излагаемые им и противоречащие друг другу сведения о том, что Гэсэр жил раньше, чем Чингис-хан, и о наличии у него огнестрельного оружия, предмета куда более поздней эпохи. В некоторых монгольских летописях рождение Чингис-хана отсчитывается от периода жизни Гэсэра, и, по мнению Ц. Дамдинсурэна, это доказательство того, что в ранних устных преданиях Тибета и Монголии Гэсэр считался таким же историческим героем, как Чингис, но более ранним по времени: «По соизволению будды, по указанию Хормусты, после Гэсэра, по истечении ста лет родился великий Чингис, чтобы упорядочить мир и владычествовать над всем миром» [Дамдинсурэн 1957: 197].

Интересны также сюжеты нарративов, которые можно назвать историко-генеалогическими преданиями, в которых реконструируются псевдоисторические события, связанные с российской императорской династией Романовых. Согласно различным, но довольно близким вариантам, оставленная в какой-либо местности жена Чингис-хана попадает в Россию, рожает сына, который становится кучером. Сына зовут Ромашкой (аллюзия на Романовых). Далее кучер становится царем, поскольку при выборе или поисках царской особы именно перед ним чудесным образом загорается лампадка. Иногда Чингис-хан помогает сыну утвердиться на троне [Цыбикова 2022: 153; Небесная дева 1991: 167–168]. Другой текст изобилует именами исторических персонажей и эпохами, «спрессованными» в одном хронотопе: «Перед тем, как пойти к границам Германии, попросил [руки] Катерины, женился на ней, и жили [они вместе] около двух лет. Хатан / царица Катерина от Чингиса родила сына. Когда Чингис вернулся, сын Катерины хан Бата занял престол. Николай Романов тоже чингисова крови» [Цыбикова 2022: 153]. Катерина — вероятней всего, императрица Екатерина II, образ которой был представлен в фольклоре бурят, в основном песенном и религиозном; Бата-хан — возможно, внук Чингис-хана Бату, известный в русской истории и летописной традиции как хан Батый. Аналогичные сюжеты, связывающие генеалогию народа либо его правителей с правящей царской династией, были известны не только у бурят, но и у южных тюрков. У упомянутых выше сойотов, например, Чингис-хан имел трех сыновей, в числе которых Гэсэр-хан, правитель сойотов, и Ак-кан, ставший Белым царем, т. е. русским императором [Данилин 1993: 60]. У алтайцев династия Романовых восходит к ойратскому Лоузанг-Шуну, который спасает русскую царицу Бала-каан (здесь Екатерина II) от громадного змея, женится на ней и у них рождается два сына: Константин Павлович и Николай Павлович, император Николай I [Несказочная проза 2011: 335–337]. При этом некоторые сказания о Лоузанг-Шуну Батыре в мифологических представлениях алтайцев переплетаются с подвигами Гэсэр-хана и Чингис-хана [Цыбенова, Ринчинова 2019: 52].

Подобное сближение Романовых и «Золотого рода», безусловно, можно объяснить «отразившимися в народном сознании отголосками нашествия монгольской империи

на Русь и имевшими место этнокультурными контактами» [Цыбикова 2022: 153]. Но это, может быть, в том числе, и попыткой «объяснить» нахождение бурят в Российской империи, выбор ими в свое время российского подданства, а не протектората халхаских или джунгарских ханов, более близких, казалось бы, по этническому происхождению. Устойчивые мотивы нисходящего родства по линии отец – сын и, вследствие этого, в некотором роде иерархически уступающее положение династии Романовых роду Чингис-хана, на наш взгляд, — крайне завуалированная интерпретация «особости» своего положения, как народа, этнически близкого монголам, «Золотому роду» и Чингис-хану, и, по другим легендам, также связанного с ним узами родства по материнской линии.

5. Гэсэр и Чингис — культурные герои

У Гэсэра в бурятском эпосе «цивилизаторская роль» и мироустроительная функция [Скрынникова 1995: 99–100]. В качестве культурного героя, несущего порядок и устраняющего хаос, Гэсэр осваивает пространство, окультуривает его, создает элементы жизнеобеспечения и конструирует образ жизни, который признается основополагающим в народной традиции. Комплекс действий, предпринимаемых им, довольно широк и разнообразен, и в них отчетливо прослеживаются этиологические, астральные, эсхатологические реминисценции:

– строительство дворца, топка печей, от которых идет дым, что можно интерпретировать как заселение первочеловеком дикой, необжитой земли [Абай Гэсэр-хубун 1961: 44];

– появление таких космических объектов, как Млечный Путь, которое объясняется как брызги молока его небесной бабушки, прародительницы тэнгриев Манзан Гурмэ, которым она спасла его от собственного же проклятья [Абай Гэсэр 1960: 279]; созвездие Большой Медведицы (бур. *Долоон Убгэд* ‘Семь Старцев’), семь звезд которой — это черепа-чаши семи кузнецов [Абай Гэсэр 1960: 279]; в сказании, бытовавшем среди калмыков, его деятельность связана с Плеядами и избавлением от холода, который это созвездие напустило на Землю [Хабунова 2021: 1118];

– установление размеров насекомых (комаров, ос), размеров деревьев и гор; замена частей тела некоторых птиц и насекомых (воронов, комаров) для того, чтобы они не угрожали людям; действия, благодаря которым на земле появляются драгоценные металлы, целебные источники и растения [Абай Гэсэр-хубун 1961: 30–32; Абай Гэсэр 1960: 38–39, 262–269, 283–287];

– демоноборчество, которое имеет вселенский масштаб — чудовища, которых победил Гэсэр, продолжают сотрясать мир, и он стережет их, либо Гэсэр должен вернуться, чтобы на исходе мира еще раз сразиться со злом.

Культурная деятельность Гэсэра на этом не исчерпывается. Он — герой-первоустроитель, созидатель того, что самими носителями традиции воспринимается как национальный культурный код, и в этой функции к нему опять же близок Чингис. Они оба предстают, например, как основатели некоторых традиционных обрядов и действ. Так, балаганские буряты считали, что Гэсэр учредил свадьбу, т. е., по всей видимости, институт брака как таковой, в понимании информантов [Хангалов 2004: 54]. В шаманских песнопениях Гэсэр призывается вместе с парой высших божеств Эсэгэ Маланом и Эхэ Юурэн: *Гэгээн ехэ бурхан / Гэсэр ехэ Богдо / Эсэгэ Малаан баабай / Эхэ Юурэн иибии / Түүхэ ехэ табилайт / Түрэ ехэ багтаалайт* ‘Великое светлое божество / Великий Гэсэр Богдо / Эсэгэ Малан отец / Эхэ Юурэн мать / Великую историю [вы] учредили / Великую свадьбу создали’ [Шаракшинова 1969: 129]. Родоначальником свадебных обрядов и ряда культовых практик Гэсэр считается и у монгоров, а к покроям одежд его жен возводят традиционный покрой национальной женской одежды [Неклюдов 2019: 371]. Но также у бурят появление свадебных традиций — предшествующих непосредственно свадьбе ритуалов сватовства, обычая обмена кушаками-поясами, поднесения подарков в виде коня, золота и т. д. — приписывается и Чингис-хану, кроме того, к нему отдельно возводится произнесение свадебных благопожеланий и появление традиции благопожеланий в целом, а еще традиция ношения куска красной материи на верхушке национального головного убора, впоследствии замененной красными кистями [Цыбикова 2022: 151–153; Носырев 1927: 84].

С именем Чингис-хана в бурятском фольклоре связан устойчивый мотив изо-

бретения вина. В большинстве текстов повторяется константный сюжет: Чингис-хан изобретает вино из 5 / 7 / 9 / 11 / 12 компонентов (*эрдэни*), названия которых варьируются. Он испытывает крепость получившегося напитка на камне, затем дает его попробовать слепому, безрукому и безногому, в результате чего те, опьянев, решают, что исцелились и могут видеть, могут побить кого-то несуществующими руками или истоптать несуществующими ногами [Небесная дева 1992: 272; Цыбикова 2022: 152]. В некоторых текстах изобретение вина Чингис-ханом соотносится опять-таки с существующими свадебными обычаями, согласно которым на свадьбах ранее, как считается, употребляли только молочные продукты, а вино (молочную водку тарасун) стали пить только после изобретения ее Чингисом. В одном тексте Чингис назван хубилганом (бур. диал. ‘волшебник, кудесник, искусник, обманщик, хитрец’), которого на дне моря обучают питью вина, курению табака и игре в карты три человека. Вернувшись, он изготавливает вино из пяти элементов, которое получилось очень крепким. Он посылает за Заряа Заргаша, над которым насмехаются его дочери. Обиженный Заряа Заргаша уходит, но по пути бормочет себе под нос о том, что вино должно состоять из трех компонентов. Его подслушивает заяц. Чингис изготавливает вино из трех компонентов и пробует его на слепом, безруком и безногом. Получившийся напиток подносят Буха-нойону и просят дозволения употреблять на торжествах [Атутова 2017: 23–24]. Нарратив примечателен тем, что это контаминация по меньшей мере двух сюжетов: о появлении вина и о Еже, советчике тэнгриев-небожителей. Сюда же включено и имя Буха-Нойона, Быка-Господина, мифического прародителя бурят-булагатов. Заряа Заргаша (бур. ‘Еж Сутяжник’, вар-т: Заряа Азарга, бур. ‘Еж Самец’) — шаманский онгон, по-видимому, в образе ежа, чей внешний вид всегда вызывает смех второстепенных персонажей, в результате чего он обижается. Тем не менее божества-тэнгрии просят его помощи в трудных ситуациях, хотя им обычно приходится узнавать его совет тайно, через подосланного гонца. Мифологические сюжеты о Заряа Заргаша связаны с солярными и лунарными мотивами, восстановлением миропорядка, установлением некоторых традиций и брачных отношений. С именем Ежа обычно упоминаются имена высших божеств Эсэгэ Малана и Хан Хормусты, которые предпринимают действия, требующие его совета (женитьба сына, невозможность отказать в просьбе другому божеству, из-за чего может нарушиться миропорядок, и т. д.). Включение Чингиса в один ряд с ними вновь указывает на довольно глубокую мифологизацию его как фольклорного персонажа. Чингис выступает как первочеловек, медиатор между профанным и потусторонним, принесший людям некие блага (пусть это и блага не совсем позитивного рода — вино, табак и игра в карты).

С именами Гэсэра и Чингиса и их действиями, носящими ландшафтообразующий характер, связан ряд топонимических легенд и преданий, в которых излагается народная этимология той или иной местности. Интересно, что топонимические нарративы о Гэсэре чаще встречаются на территориях, где было распространено устное исполнение эпоса — Присаянье, Иркутская область, тогда как топонимические нарративы о Чингис-хане более частотны в Забайкалье. В случае с Гэсэром считается, что рельеф местности (гора, холм, падь, лавовые останцы) образовался в результате его сражений и служит подтверждением реальности существования героя. Например, когда Гэсэр сражался с Лобсогой-мангадхаем, он выстрелил в него, но попал в гору *Юһэн Төрөөн* (Нукутский район Иркутской области) и рассек ее; еще одни простреленные им горы — *Удагтай* и *Мухар Улаан* (Осинский район Иркутской области); от земли, вытряхнутой им из костяного отверстия стрелы, образовалась гора *Огсогор* (Нукутский район Иркутской области); лавовые останцы в Тункинском районе Республики Бурятия — это остатки разрушившегося дворца еще одного врага, Гал Дулмэ хана [Хангалов 2004: 262–263].

Топонимические нарративы о Чингисе очень условно можно разделить на две группы: о погоне Чингис-хана за лисой и о так называемом «Вале Чингис-хана». Обе группы отличаются сказочным фоном сюжетов, введением в него демонологических персонажей (лисы-оборотня, демонической старухи-колдуньи), при этом первая группа более тесно связана с народной этимо-

логией, так как в них названия местностей соотносятся с действиями героя: место, где прицелился и попал в лису — Онон (река в Монголии и Забайкальском крае РФ), от бур. *оноо* ‘попал’; местность, где убил — Ага (река и местность в Забайкальском крае РФ), которое якобы звучало раньше как *алаа* ‘убил’, и т. д. Вторая группа большей частью связана с завоевательными походами монгольского хана и объяснением появления археологического памятника «Вал Чингис-хана», протянувшегося на территории России, Монголии и Китая. Разделение сюжетов достаточно условно, так как существуют нарративы, в которых объединены мотивы погони за лисицей и появления в результате этого вала. В нарративе, записанном у баргузинских бурят, погоня за лисицей приписывается уже не Чингис-хану, а Гэсэру, и топонимия местности привязывается к его действиям [Гунгаров 1990: 161]. При этом стоит отметить, что реальный археологический памятник «Вал Чингис-хана» был возведен задолго до Чингис-хана во времена киданьской империи Ляо (907–1125) [Крадин и др. 2019: 75].

6. «Возвращение» Гэсэра и Чингис-хана

Гэсэр-хан — демоноборец, уничтожающий зло на Земле, и Чингис-хан, всемонгольский хан, давший монголам Великую Ясу — свод законов и установлений, также близки как образы идеальных правителей прошлого. Идеализируется время их правления, некоего «золотого века», их фигуры обожествляются, и в связи с этим появляются мотивы возвращения «короля былого и грядущего». Обожествление и почитание Чингис-хана было начато уже при его сыне Угэдэй-хане, а при Хубилай-хане был официально утвержден государственный культ почитания основателя монгольского государства [Ванчикова 2013: 114]. Культ Гэсэра также был распространен у тибетцев и монголоязычных народов, к нему обращались как к универсальному охранному и защитному божеству с просьбами о помощи и спасении от злых духов, избавлении от болезней, об удаче и содействии в делах [Ванчикова 2017]. Монголы особо почитали его как охотничье божество, дарующее добычу. Перед тем как уйти в тайгу, охотники приглашали сказителя и слушали «Гэсэр» либо читали «Сутру Гэсэра», его изображения на ткани брали с собой на охоту, так как считалось, что оно приносило удачу [Шаракшинова 1969: 132; Неклюдов 2019: 279–280].

Сюжеты «возвращения» Гэсэра и Чингис-хана имеют похожие компоненты. Например: «Шингэс якобы перед смертью изрек следующее: „Когда наступит время [прихода] Майдари, явлюсь в облике человека на железном коне, разрублю голову шолмоса / дьявола, а моя сабля будет растягиваться на несколько километров“» [Цыбикова 2022: 154]. Мотив приурочения «возвращения» к явлению Будды Майтрейи, конечно же, буддизирован и довольно позднего порядка. Но мотив возвращения великого героя в трудное время (хаоса, войн, разрушенного миропорядка) и борьбы его с врагом в целом универсален для мировой культуры. Собственно, в «возвращении» Гэсэра повторяются те же элементы. Например, у М. Н. Хангалова: «Когда кончится мир и будет галаб, Лобсогой опять встанет и будет воевать с Абай-Гэсэр-Богдо-ханом, на этот раз Лобсогой победит Абай-Гэсэр-Богдо-хана» [Хангалов 2004: 262]. У Куртина: «После победы над врагами Гэсэр лег спать и будет спать до тех пор, пока не появятся в мире зло, злые духи и плохие люди. Он лежит под огромной плоской скалой, а вокруг большая тайга. Изредка он поворачивается с боку на бок, земля вздрагивает, русские называют это землетрясением, а буряты знают, что это Гэсэр Богдо поворачивается с боку на бок» [Шаракшинова 1969: 36–37]. Агинские буряты считали, что, пребывая на Земле, Гэсэр осквернился, и для того, чтобы подняться обратно на небеса и вновь стать тэнгрием, он должен родиться во второй раз, и второе рождение Гэсэра будет во втором его пришествии [Балдаев 2013: 390–391]. У эхирит-булагатских бурят новое рождение Гэсэра властелином мира ожидалось через две тысячи лет [Шаракшинова 1969: 129]. Существуют и представления об окаменевших богатырях Гэсэра, его пребывании на вершинах Саянских горах [Балдаев 1961: 64]. У калмыков есть нарратив об уже произошедшем возвращении Гэсэра в годы Великой Отечественной войны: он пробуждается под землей от грохота орудий, выходит и помогает солдатам уничтожить несколько танков [Неклюдов 2019: 558–559]. Идея возвращения спасителя простого народа, защитника слабых и обездоленных, вероят-

но, бытовала у многих народов, у которых в том или ином виде была распространена Гэсэриада. В представлениях о возвращении героя — защитника, великого правителя встречаются этиологические, эсхатологические и апокалипсические мотивы. И Гэсэр, и Чингис-хан представляются бессмертными героями, либо пребывающими в некоем вневременном пространстве, либо погруженными в состояние анабиотического сна, от которого должны в некоем будущем пробудиться, сохраняя при этом функции воина и защитника.

7. Заключение

Безусловно, в коллективной памяти народа запечатлеваются исключительные события и личности. Образы реальных персонажей, мифологизируясь, связываются с божественным пантеоном и начинают восприниматься в качестве культурных героев, мифических первопредков, демиургов. Хронотоп нарративов о Гэсэре и Чингис-хане часто отличается размытостью и диффузией временных рамок, смешением исторических периодов и персонажей, что в целом характерно для народной памяти, объединявшей в одном сюжете наиболее значимые и известные образы. Образ демиурга Гэсэра-Чингиса характерен для южносибирской тюркской мифологии, тогда как в устной традиции монгольских народов образы Гэсэра и Чингис-хана не сливаются друг с другом, но имеют довольно выраженные связи и близки как сакральные обожествленные персонажи. В мифо-эпическом пространстве бурят Чингис-хан и Гэсэр связываются родственными узами, представая небесными божественными братьями, выступают в роли родоначальников / прародителей не в целом монголов, а именно бурятских племен. Кроме того, оба этих героя представлены созидателями, основателями некоторых элементов, входящих в национальный культурный код. Образ Гэсэр-хана — демоноборца, уничтожающего зло на Земле, и образ Чингис-хана, великого прославленного завоевателя, имеют точки соприкосновения также в аспекте идеализации правителя и времени его правления, обожествления его фигуры и связанных с этим мотивов возвращения «короля былого и грядущего». Выявленные контаминации образов Гэсэра и Чингис-хана в фольклоре не только бурят, но и в целом тюрко-монгольских народов Сибири входят в противоречие с данными известных сегодня исторических источников, но при этом являются безусловным фактом исторической памяти. Именно на таком основании синкретичный образ Гэсэра-Чингис-хана впервые в отечественной науке был обстоятельно проанализирован Г. Н. Потаниным, что в итоге сформировало дискуссию в историографии, продолжавшуюся до середины XX в. Правда, фундаментом этой дискуссии в дальнейшем будут служить совершенно другие концептуальные взгляды, которые мы предметно рассмотрим в следующей части нашего исследования.

Источники

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

ЦВРК ИМБТ СО РАН — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

Sources

Center of Oriental Manuscripts and Xylographs (IMBT SB RAS).

Russian State Archive for Social and Political History.

Литература

XX лет 1943 — XX лет Бурят-Монгольской АССР / отв. ред. Б. Санжиев. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1943. 182 с.

Абай Гэсэр 1960 — Абай Гэсэр / вступ. ст., подготовка текста, перевод и коммент. А. И. Уланова. Улан-Удэ: [б. и.], 1960. 314 с.

Абай Гэсэр-хубун 1961 — Абай Гэсэр-хубун. Эпопея. (Эхирит-булагатский вариант) / подготовка текста, перевод и примечания М. П. Хомонова. Ч. I. Улан-Удэ: [б. и.], 1961. 231 с.

Атутова 2017 — *Атутова Г. И.* Старинные бурятские сказания и предания от Бирху Гаврилова. Иркутск: Время странствий, 2017. 108 с.

Байкальские народные сказания 2011 — Байкальские народные сказания. Фольклор западных бурят XIX–XX в. / сост. и пер. А. Преловский. М.: Новый ключ, 2011. 496 с.

Балдаев 1961 — *Балдаев С. П.* Избранное. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1961. 255 с.

Балдаев 2013 — *Балдаев С. П.* Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2013. 710 с.

Ванчикова 2013 — *Ванчикова Ц. П.* К вопросу о возникновении культа Чингис-хана: по материалам «Белой истории» // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2013. № 2(49). С. 112–119.

Ванчикова 2017 — *Ванчикова Ц. П.* О культе Гэсэра по обрядовым текстам на монгольском языке // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 2. С. 145–151.

Галсанов и др. 1948 — *Галсанов Ц., Намсараев Х., Цыремпилон Д., Лубсанов Д., Тюшев В., Оршанский Я., Цыдынжапов Г., Болдано Н., Очиров Ц., Тумунов Ж.* Против идеализации феодально-ханского эпоса // Бурят-Монгольская Правда. 18 декабря 1948. № 251(9437). С. 2–4.

Гунгаров 1990 — *Гунгаров В. Ш.* Буряад түүхэ домогууд (= Бурятские исторические предания). Улаан-Үдэ: Буряад номой хэблэл, 1990. 176 н.

Дамдинсурэн 1957 — *Дамдинсурэн Ц.* Исторические корни Гэсэриады. М.: АН СССР, 1957. 240 с.

Дампилова 2023 — *Дампилова Л. С.* Сохранность и трансформация фольклорных традиций бурят России, Монголии, Китая. Иркутск: Оттиск, 2023. 216 с.

Данилин 1993 — *Данилин А. Г.* Бурханизм (Из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае). Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1993. 204 с.

Донгак 2019 — *Донгак А. С.* Языковые особенности тувинских вариантов «Сказания о Кезере» // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6(79). С. 653–655.

Жамцарано 2011 — *Жамцарано Ц.* Путевые дневники. 1903–1907 гг. / сост. Ц. П. Ванчикова, В. Ц. Лыксокова, И. В. Кульганек. Улан-Удэ: Респ. тип., 2011. 264 с.

Козин 1948 — *Козин С. А.* Эпос монгольских народов. М.; Л.: 1-я тип. Изд-ва АН СССР, 1948. 248 с.

Крадин и др. 2019 — *Крадин Н. Н., Харинский А. В., Прокопец С. Д., Ивлиев А. Л., Ковычев Е. В., Эрдэнэболд Э.* Великая киданьская стена: Северо-Восточный вал Чингис-Хана. М.: Наука; Вост. лит., 2019. 168 с.

Кузьмин 2011 — *Кузьмин С. Л.* История барона Унгерна: опыт реконструкции. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. 659 с.

Кузьмин, Митруев 2023 — *Кузьмин С. Л., Митруев Б. Л.* Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг как бог войны: исторические и религиозные основания // Восточный Курьер (= Oriental Courier). 2023. № 3. С. 96–111.

Мифы, легенды, предания 2010 — Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. 372 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 28).

Мирзаева 2016 — *Мирзаева С. В.* Лузанг Шуну, Галдама и Амурсана — нойоны Джунгарского ханства // Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 313–343.

Монголой нюуса тобшо 1990 — Монголой нюуса тобшо. Сокровенное сказание монголов. / науч. ред. Л. Д. Шагдаров. Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1990. 318 н.

Небесная дева 1992 — Небесная дева лебедь: Бурятские сказки, предания и легенды / сост. и запись И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова; пер. и предисл. А. И. Тугутова; коммент. И. Е. Тугутова и др. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 368 с.

Неклюдов 2019 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.

Несказочная проза 2011 — Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).

Носырев 1927 — *Носырев В. А.* Предание о Чингисхане // Бурятиеведение. Бюллетень Бурят-монгольского научного общества имени Доржи Банзарова. № 3-4. Верхнеудинск, 1927. С. 84.

Тушемилов 2022 — *Тушемилов П. М.* Абай Гэсэр / науч. зап. Т. М. Болдоновой; пер., вступ. ст. и послесл. С. Ш. Чагдурова. Иркутск: Оттиск, 2022. 256 с.

О характере 1953 — О характере бурятского героического эпоса «Гэсэр». Доклады и материалы из выступлений на объединенной научной сессии Института востоковедения Академии наук ССР и Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры (2–5 февраля 1953 г., г. Улан-Удэ). Улан-Удэ: [б. и.], 1953. 199 с.

Потанин 1882 — *Потанин Г. Н.* Громовник по поверьям и сказаниям племен южной Сибири и северной Монголии // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. Ч. CCXIX. С. 116–331.

Потанин 1916 — *Потанин Г. Н.* Ерке. Культ

сына неба в Северной Азии. Материалы к турко-монгольской мифологии. Томск: Типо-лит. Сибирского Т-ва Печатного Дела, 1916. 131 с.

Сагалаев 1992 — *Сагалаев А. М.* Алтай в зеркале мифа. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ие, 1992. 175 с.

Скрынникова 1995 — *Скрынникова Т. Д.* Сакральные функции Гэсэра // Гэсэриада — духовное наследие народов Центральной Азии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 99–102.

Хабунова 2021 — *Хабунова Е. Э.* «Сказание о Гесере-богдо» в записи от Дорджиева Шарлда Дорджиевича, 1893 г. р.: общая характеристика, текст, комментарий // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 2. С. 382–398. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-382-398

Хангалов 2004 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений: В 3 тт. Т. 2 / под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ: Респ. тип., 2004. 312 с.

Цыбенова, Ринчинова 2019 — *Цыбенова Л. Г., Ринчинова А. Э.* Исторические аспекты эпического сказания «Шоно-Баатор» народов Джунгарии // Глобальный научный потенциал. 2019. № 12(105). С. 51–53.

Цыбикова 2022 — *Цыбикова Б-Х. Б.* Образ Чингисхана в фольклоре бурят // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 3(37). С. 149–159.

Шаракшинова 1969 — *Шаракшинова Н. О.* Героический эпос о Гэсэре: учеб. пособие для студентов филол. фак. Иркутск: [б. и.], 1969. 348 с.

Янгутов 2017 — *Янгутов Л. Е.* Гэсэр в традиции Ньингма // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2017. № 2(26). С. 44–47.

Ratcliffe 2019 — *Ratcliffe J.* Becoming-Geser, BecomingBuryat: Oral Epic and the Politics of Navigating Four Identity Crises. A thesis submitted for the Degree of Doctor of Philosophy of the Australian National University. December 2019. 263 p.

References

Abai Geser. Rec. by I. Madason from taleteller Pyokhon Petrov. A. Ulanov (foreword, text prep., etc.). Ulan-Ude, 1960. 314 p. (In Bur. and Russ.)

Abai Geser. Rec. by T. Boldonova from taleteller Papa Tushemilov. S. Chagdurov (foreword, afterword). Irkutsk: Ottisk, 2022. 256 p. (In Russ.)

Abai Geser-Khubun: The Ekhirit-Bulagat Version. Rec. by Ts. Zhamtsarano from taleteller Manshut Imegenov. M. Khomonov (transl., etc.); A. Ulanov (foreword.). Ulan-Ude: Buryat ASSR Ministry of Culture, 1961. 231 p. (In Bur. and Russ.)

Alekseev N. A., Kuular D. S., Samdan Z. B., Yusha Zh. M. Tuvan Myths, Legends, Tales (Folklore of Siberia and Russian Far East 28). Novosibirsk: Nauka, 2010. 372 p. (In Russ.)

Atutova G. I. (comp.) Old-Time Tales and Legends [Recorded] from Birkhu Gavrilov. Irkutsk: Vremya Stranstviy, 2017. 108 p. (In Bur. and Russ.)

Baldaev S. P. Buryat Genealogical Tales and Legends. Ulan-Ude: Banzarov Buryat State University, 2013. 710 p. (In Russ.)

Baldaev S. P. Selected Writings. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1961. 255 p. (In Russ.)

Buryat Heroic Epic of Geser: More on [Its Nature and] Essentials. Academic session proceedings (Ulan-Ude, 2–5 February 1953). Ulan-Ude: Buryat-Mongol Institute of Culture, 1953. 199 p. (In Russ.)

Damdinsuren Ts. Historical Roots of the Geseriad. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1957. 240 p. (In Russ.)

Dampilova L. S. Buryats of Russia, Mongolia, China: Preservation and Transformation of Folklore Traditions. Irkutsk: Ottisk, 2023. 216 p. (In Russ.)

Danilin A. G. Burkhanism and Ethnic Liberation Movement in the Gornyi Altai: Glimpses of History. Gorno-Altaysk: Ak Chechek, 1993. 204 p. (In Russ.)

Dongak A. S. Language features of Tuvan variants of "Tales about Kezer". *The World of Science, Culture and Education*. 2019. No. 6 (79). Pp. 653–655. (In Russ.) DOI: 10.24411/1991-5497-2019-10283

Galsanov Ts. et al. Against the idealization of feudal/royal epic narratives. *Buryat-Mongol'skaya Pravda*. 1948, December 18. No. 251 (9437). Pp. 2–4. (In Russ.)

Gungarov V. Sh. Buryat Historical Tales. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1990. 176 p. (In Bur.)

Khabunova E. E. The Legend of Gesar Bogdo recorded from Sharlda Dordzhiev (born 1893): General description, text, commentary. *Mongolian Studies*. 2021. Vol. 13. No. 2. Pp. 382–398. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-382-398

Khangalov M. N. Complete Works. In 3 vols. Vol. 2. G. Rumyantsev (ed.). Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2004. 312 p. (In Russ.)

Kozin S. A. The Epic of Mongols. Moscow, Leningrad: USSR academy of Sciences, 1948. 248 p. (In Russ.)

Kradin N. N. et al. The Great Khitan Wall: The Northeastern Rampart of Genghis Khan. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2019. 168 p. (In Russ.)

Kuzmin S. L. The History of Baron Ungern: A Reconstruction. Moscow: KMK, 2011. 659 p. (In Russ.)

Kuzmin S. L., Mitruev B. L. Baron R. F. von Ungern-Sternberg as the God of War: Historical and religious grounds. *Oriental Courier*. 2023. No. 3. Pp. 96–111. (In Russ.) DOI: 10.18254/S268684310028202-0

Mirzaeva S. V. Louzang Shono, Galdama, and Amursana — Noyons of Dzungaria. In: Bakaeva E. P. et al. Cross-Border Culture: Comparative Essays on Western Mongolian and Kalmyk Traditions. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2016. Pp. 313–343. (In Russ.)

Neklyudov S. Yu. Folklore Landscape of Mongolia: Published and Oral Epic Traditions. Moscow: Indrik, 2019. 592 p. (In Russ.)

Nosyrev V. A. The Tale of Genghis Khan. *Buryatievedenie*.1927. No. 3–4. P. 84. (In Russ.)

Oinotkinova N. R., Shinzhin I. B., Yadanova K. V., Yamaeva E. E. (comps.) Altaian Historical Prose Narratives (Folklore of Siberia and Russian Far East 30). Novosibirsk: Nauka, 2011. 576 p. (In Russ.)

Potanin G. N. Erke — The Cult of Son of Heaven in North Asia. Materials in Turko-Mongolian Mythologies. Tomsk: Siberian Printing, 1916. 131 p. (In Russ.)

Potanin G. N. Siberia and Northern Mongolia: Swastika in ethnic beliefs and tales. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1882. No. CCXIX. Pp. 116–331. (In Russ.)

Prelovsky A. (comp.) Folktales of the Baikal: Folklore of Western Buryats, Nineteenth to Twentieth Centuries. Moscow: Novyi Klyuch, 2011. 496 p. (In Russ.)

Ratcliffe J. Becoming-Geser, Becoming Buryat: Oral Epic and the Politics of Navigating Four Identity Crises. PhD thesis. Australian National University. Canberra, 2019. 263 p. (In Eng.)

Sagalaev A. M. The Altai in a Mirror of Myth. Novosibirsk: Nauka, 1992. 175 p. (In Russ.)

Sanzhiev B. (ed.) Buryat-Mongol ASSR: Celebrating the Twentieth Anniversary. Ulan-Ude: Burmongiz, 1943. 182 p. (In Russ.)

Sharakshinova N. O. Heroic Epic of Geser. Textbook. Irkutsk, 1969. 348 p. (In Russ.)

Skrynnikova T. D. Sacral functions of Geser. In: Geseriad — Spiritual Heritage of Central Asia. Ulan-Ude, 1995. Pp. 99–102. (In Russ.)

The Secret History of the Mongols. L. Shagdarov (ed.). Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1990. 318 p. (In Bur. and Russ.)

Tsybenova L.G., Rinchinova A. E. Historical aspects of the epic legend "Shono-Baator" of Dzungarian people. *Global Scientific Potential*. 2019. No. 12 (105). Pp. 51–53. (In Russ.)

Tsybikova B-Kh. B. The image of Genghis Khan in the folklore of the Buryats. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2022. No. 3(37). Pp. 149–159. (In Russ.) DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-149-159

Tugutov I. E., Tugutov A. I. (comps.) The Heavenly Swan Maiden: Buryat Folktales and Legends. A. Tugutov (foreword), I. Tugutov et al. (comment.). Irkutsk: East Siberia Book Publ., 1992. 368 p. (In Russ.)

Vanchikova Ts. P. The cult of Geser in Mongolian ritual texts. *Humanitarian Vector*. 2017. Vol. 12. No. 2. Pp. 145–151. (In Russ.) DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-2-145-151

Vanchikova Ts. P. To the question of Genghis Khan veneration: Based on The White History. *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo*. 2013. No. 2 (49). Pp. 112–119. (In Russ.)

Yangutov L. E. Geser in Nyingma tradition. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of SB RAS*. 2017. No. 2 (26). Pp. 44–47. (In Russ.)

Zhamtsarano Ts. Travel Diaries: 1903–1907. Ts. Vanchikova, V. Lyksokova, I. Kulganek (comps.). Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2011. 264 p. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ORIENTAL STUDIES

2024. Т. 17. № 2

Главный редактор – Куканова В. В.

Дата выхода: 02.09.2024.
Формат бумаги 60x84⅛. Усл. печ. л. 25,46.
Тираж 100 экз. Заказ 09-2024.
Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: https://kigiran.elpub.ru/jour

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8